

БИБЛИОТЕЧКА ПРОГРАММИСТА

В. А. УСПЕНСКИЙ, А. Л. СЕМЕНОВ

ТЕОРИЯ АЛГОРИТМОВ: ОСНОВНЫЕ ОТКРЫТИЯ И ПРИЛОЖЕНИЯ

Dear
colleage
Алеш

С. П. Ягольчик
у себя
07.02.02
Всем
З. М. М.

МОСКВА «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1987

ББК 22.18

У77

УДК 519.6

Успенский В. А., Семенов А. Л. Теория алгоритмов: основные открытия и приложения.— М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987.— (Б-чка программиста).— 288 с.

Понятие алгоритма является одним из наиболее фундаментальных понятий информатики и математики. Систематическое изучение алгоритмов привело к созданию особой дисциплины, пограничной между математикой и информатикой — теория алгоритмов.

В книге дается обзор важнейших достижений теории алгоритмов за последние полвека, т. е. с момента зарождения этой теории. Излагаются в систематизированном виде основные открытия, связанные с понятием алгоритма, приложения теории алгоритмов к математической логике, теории вероятностей, теории информации и др. Рассматривается влияние теории алгоритмов на алгоритмическую практику.

Для специалистов по математике, информатике, кибернетике, а также для студентов вузов.

Библиогр. 465 назв.

Рецензент

член-корреспондент АН СССР Ю. Л. Ершов

*Владимир Андреевич Успенский,
Алексей Львович Семенов*

ТЕОРИЯ АЛГОРИТМОВ: ОСНОВНЫЕ ОТКРЫТИЯ И ПРИЛОЖЕНИЯ

Серия: «Библиотечка программиста», № 49

Редактор Л. Г. Полякова

Художественный редактор Р. М. Короеина

Технический редактор Е. В. Морозова

Корректоры Е. Ю. Рычагова, Н. Б. Румянцева

ИБ № 82406

Сдано в набор 19.05.86. Подписано к печати 20.01.87. Т-05219. Формат 84×108/32. Бумага типографском № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,33. Уч.-изд. л. 18,22. Тираж 25000 экз. Заказ № 2548. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция физико-математической литературы
117071 Москва В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО
«Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. 113054 Москва М-54, Валовая, 28

Отпечатано в типографии № 2 издательства «Наука». 121099 Москва Г-99,
Шубинский пер., 6. Заказ 238.

У 1702070000—028
053 (02)-87 31-87

© Издательство «Наука»
Главная редакция
физико-математической
литературы, 1987

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
Обозначения и терминология	
Введение	
Часть I. Основные открытия общей теории алгоритмов . . .	
1.0. Предварительные понятия теории алгоритмов: конструктивные объекты и их ансамбли, локальные свойства и локальные действия	
1.0.1. Первые примеры конструктивных объектов: слова и деревья (18). 1.0.2. Конструктивные объекты: попытка общего описания (19). 1.0.3. Локальные свойства и локальные действия: неформальное изложение (21). 1.0.4. Колмогоровские комплексы (22). 1.0.5. (B, k) -комплексы (24). 1.0.6. Ансамбли (25). 1.0.7. Локальные свойства и локальные действия: формальное определение (27).	
§ 1.1. Общее понятие алгоритма как самостоятельное (отдельное) понятие	
1.1.1. $X - Y$ -алгоритмы (34).	
§ 1.2. Представительные вычислительные модели	
1.2.1. Машины Колмогорова (35). 1.2.2. Формальные задания (37). 1.2.3. Представительные модели (39). 1.2.4. Тезис Чёрча (41). 1.2.5. Языки программирования (41).	
Добавление к § 1.2. Машины Шёнхаге	
§ 1.3. Общее понятие исчисления как самостоятельное (отдельное) понятие	
1.3.1. Исчисления со входом (52).	
Добавление к § 1.3. Алгебраические примеры	
§ 1.4. Представительные порождающие модели	
§ 1.5. Выяснение связей между алгоритмами и исчислениями	
§ 1.6. Время и емкость как сложности вычисления и порождения	
1.6.1. Машины Тьюринга (66). 1.6.2. Время (69). 1.6.3. Емкость (71). 1.6.4. Норма (74). 1.6.5. Примеры нормированных ансамблей (75). 1.6.6. Ограниченно-искажающие отображения и изоморфизмы (75). 1.6.7. Дополнительные требования к нормам (75). 1.6.8. Сложности порождения (76). 1.6.9. Эффективные алгоритмы (76).	
Добавление к § 1.6. Моделирование в реальное время	
§ 1.7. Вычислимые функции и породимые множества; перечислимые множества; разрешимые множества	
§ 1.8. Понятие μ -рекурсивной функции	
§ 1.9. Возможность арифметического и даже диофантова представления любого перечислимого числового множества	

- § 1.10. Построение неразрешимого породимого множества
- § 1.11. Проблема сводимости Поста
- § 1.12. Понятие относительного алгоритма, или алгоритма в оракулом
- § 1.13. Понятие вычислимой операции
- § 1.14. Понятие программы: программы как объекты вычисления и порождения
 - 1.14.1. Способы программирования (106). 1.14.2. Универсальные алгоритмы и универсальные функции (110). 1.14.3. Главные, или гёделевы, универсальные функции (112). 1.14.4. Вычислительные структуры (114). 1.14.5. Экономные по норме, или оптимальные функции (117). 1.14.6. Программирование исчислений (119). 1.14.7. Преобразования программ (120).
- § 1.15. Понятие нумерации и теория нумераций
 - 1.15.1. Вычислимые нумерации (126). 1.15.2. Нумерованные множества (132). 1.15.3. Операции над нумерованными множествами (133).
- § 1.16. Начало создания инвариантной, или машино-независимой, теории сложности вычисления
- § 1.17. Теория сложности и энтропии конструктивных объектов
- § 1.18. Удобные вычислительные модели

Часть II. Основные математические приложения теории алгоритмов

- § 2.1. Исследование массовых проблем
 - 2.1.0. Основные понятия (146). 2.1.1. Семь нерешимых проблем (151). 2.1.2. Массовые проблемы в математике (154). 2.1.3. Массовые проблемы в смысле Медведева (163). 2.1.4. О пользе правильной терминологии (165).
- § 2.2. Приложения к основаниям математики: конструктивная семантика
- § 2.3. Приложения к математической логике: анализ формализованных языков логики и арифметики
- § 2.4. Вычислимый анализ
 - 2.4.0. Ранняя история: Борель и Тьюринг (173). 2.4.1. Конструктивный анализ (175). 2.4.2. Начальные понятия (176). 2.4.3. Главные результаты (178). 2.4.4. Эффективно метрические пространства (179). 2.4.5. Эффективно топологические пространства (180). 2.4.6. Отчасти вычислимый анализ (181). 2.4.7. Эффективно пренебрежимые множества (182).
- § 2.5. Нумерованные структуры
 - 2.5.1. Нумерации программного типа (185). 2.5.2. Квази-стандартные нумерации (186). 2.5.3. Конструктивизации (186). 2.5.4. Расширения конструктивных структур (188). 2.5.5. Алгебраически корректные массовые проблемы (189). 2.5.6. Алгоритмические размеры (190). 2.5.7. Конструктивные и конструктивизируемые модели (195). 2.5.8. Модели арифметики (197).
- § 2.6. Приложения к теории вероятностей: определения случайной последовательности
 - 2.6.1. Частотный подход (200). 2.6.2. Каким должен быть класс всех допустимых правил выбора? (206). 2.6.3. Сложностный подход (208). 2.6.4. Количественный, или теорети-

ко-мерный, подход (209). 2.6.5. Соотношения между различными определениями (210). 2.6.6. Конечные последовательности в точки зрения случайности (212).

§ 2.7. Приложения к теории информации: алгоритмический подход к понятию количества информации

§ 2.8. Оценки сложности решения отдельных задач
 2.8.1. Верхние оценки (220). 2.8.2. Нижние оценки (223).

§ 2.9. Влияние теории алгоритмов на алгоритмическую практику
 2.9.1. Общее понятие алгоритма и возможность его формализации (225). 2.9.2. Существование нерешимых алгоритмических проблем в математике и нерешаемость многих естественно возникающих проблем (225). 2.9.3. Появление различных понятий сложности вычисления и порождения (225). 2.9.4. Неалгоритмическое описание вычислимых функций (226). 2.9.5. Вычислительные и порождающие модели (226). 2.9.6. Трактовка программ как объектов вычисления (227). 2.9.7. Рассмотрение программ как объектов порождения (227). 2.9.8. Смешанные вычисления (227). 2.9.9. Методы программирования (229). 2.9.10. Программирование как вторая грамотность (229). 2.9.11. Математическая логика и вычислительная техника (230).

Д о п о л н е н и е. О вероятностных алгоритмах (как использование случайности позволяет укорачивать вычисления)

§ Д.1. Предварительные замечания

§ Д.2. Основные результаты

§ Д.3. Формальные определения

Список сокращений

Список литературы

Именной указатель

Предметный указатель

ПРЕДИСЛОВИЕ

Понятие «алгоритм» давно уже стало привычным не только для математиков: оно является концептуальной основой разнообразных процессов обработки информации; именно наличие соответствующих алгоритмов и обеспечивает возможность автоматизации таких процессов. Вместе с математической логикой теория алгоритмов образует теоретический фундамент современных вычислительных наук (см. [Семенов, Успенский, 1986] ¹)).

Не всегда достаточно отчетливо осознается, однако, что само слово *алгоритм* содержит в своем составе преобразованное географическое название, а именно слово *Хорезм*. Термин «алгоритм» обязан своим происхождением великому ученому средневекового Востока, чье имя — Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (причем «ал-Хорезми» означает «Хорезмиец»). Он жил приблизительно с 783 по 850 гг., и 1983 г. был выбран, чтобы отметить 1200-летие со дня его рождения. Его краткая биография, составленная в X в., начинается так (цитируем по [Булгаков, Розенфельд, Ахмедов, 1983, с. 8]): «Ал-Хорезми. Имя его — Мухаммад ибн Муса, а происхождение из Хорезма». (Ранее писали аль-Хорезми.)

По латинским переложениям написанного на арабском языке арифметического трактата ал-Хорезми ²) средневековая Европа знакомилась с индийской позиционной системой счисления и с искусством счета в этой системе ³). В латинских названиях составленных в XII в. из-

¹) В названии этой статьи математическая логика трактуется в широком смысле, включающем в себя и собственно математическую логику (понимаемую как теория формализованных языков), и теорию алгоритмов.

²) Русский перевод этого трактата (с латинской рукописи, арабская не сохранилась) помещен в [Хорезми, 1964, с. 9—24] и в [Хорезми, 1983, с. 5—18].

³) Например, с алгоритмом сложения «столбиком» — см. формулировку этого алгоритма в [Хорезми, 1964, с. 13] или в [Хорезми, 1983, с. 9—10] (соответствующий текст воспроизведен также в [Юшкевич, 1976, с. 51]).

ложений трудов ал-Хорезми его имя транскрибировалось как *alchorismi* или *algorismi*, а относящийся к тому же веку латинский перевод его арифметического трактата начинался словами «Dixit algorizmi», т. е. «Сказал ал-Хорезми». Отсюда и пошло слово «алгоритм» — сначала для обозначения десятичной позиционной арифметики и алгоритмов цифровых вычислений (т. е. первых алгоритмических процедур, имеющих дело с символами: ведь до того считали на счетной доске — абаке), а затем для обозначения произвольных алгоритмов.

Крупнейший американский специалист по программированию Д. Э. Кнут так начинает первую главу своей много-томной монографии «The art of computer programming» (цитируем по русскому изданию [Кнут, 1968, с. 25]): «Понятие алгоритма является основным при составлении любого вида программ для ЭВМ, и поэтому мы начнем с тщательного анализа этого понятия. Само по себе слово «алгоритм» (algorithm) очень интересно: на первый взгляд может показаться, будто кто-то намеревался написать слово «логарифм» (logarithm), но перепутал порядок первых четырех букв. [...] Оно произошло от имени автора известного арабского учебника по математике — Abu Ja'far Mohammed ibn Mûsâ al-Khowârizmî (около 825 г.), означающего «Отец Джафара ¹⁾ Магомет, сын Моисея, уроженец Ховаризма». В настоящее время Ховаризм — это небольшой советский город Хива». К приведенной цитате уместно сделать два замечания: 1) принятое русское название «Ховаризма» — Хорезм, 2) Хива—это не Хорезм (Ховаризм), а город, расположенный в Хорезмском оазисе; в 1920 по 1923 гг.— столица Хорезмской Народной Советской Республики, в 1923 по 1924 гг.— столица Хорезмской Советской Социалистической Республики, ныне — районный центр Хорезмской области Узбекской ССР.

Современная Хорезмская область Узбекистана (областной центр — город Ургенч) является естественной наследницей древнего Хорезма, осознаваемого как колыбель понятия алгоритма. Казалось естественным, что именно на этой земле должно произойти обсуждение основных проблем, связанных с алгоритмами. Разумеется, чтобы идея об организации такого обсуждения стала реальностью, была необходима соответствующая инициатива. Такую инициа-

¹⁾ Другие источники именуют ал-Хорезми отцом Абдаллаха, а наиболее ранние источники вовсе не содержат указания, чей он отец (см. [Булгаков, Розенфельд, Ахмедов, 1983, с. 9]) — В. У., А. С.

тивую взяли на себя уже упомянутый Доналд Эрвин Кнут и Андрей Петрович Ершов. Осенью 1978 г. они послали сорока своим коллегам из одиннадцати стран мира письмо, в котором писали:

«Не так давно среди некоторых математиков и программистов (к ним относятся и авторы этого письма) возникла идея осуществления своего рода научного паломничества к местам рождения и юности Аль-Хорезми, выдающегося математика средних веков, давшего свое имя слову «алгоритм». Как подсказывает его имя, Аль-Хорезми произошел из Хорезмского оазиса, знаменитого очага цивилизации, обогатившего человечество целой плеядой замечательных философов, ученых и поэтов. Если же мы вспомним, что наиболее известные работы Аль-Хорезми не только привели к нашему слову «алгоритм», но и что слово «алгебра» также обязано своим происхождением названию его главной работы [...], то станет ясно, что перспектива посещения этих мест будет источником особых чувств любого математика [...] Хотелось бы углубиться во взаимную дискуссию по поводу фундаментальных проблем математики и вычислительного дела. Нам представляется, что природа пустыни и дыхание истории, свойственные месту проведения конференции, представят нам особый шанс отвлечься от повседневной работы, окружающей нас дома, помогут сосредоточиться и придадут нашим размышлениям большую философскую глубину и дальнорichtigkeit».

Инициатива А. П. Ершова и Д. Э. Кнута была поддержана Академией наук СССР (и прежде всего ее Сибирским отделением) и Академией наук Узбекской ССР. В результате с 16 по 22 октября 1979 г. в городе Ургенче состоялся симпозиум «Алгоритмы в современной математике и ее приложениях» при 26 советских и 13 зарубежных участниках. В день открытия симпозиума состоялась церемония закладки памятника ал-Хорезми. Рабочие заседания происходили 17, 18, 21 и 22 сентября. Симпозиум завершился «алгоритмическим вечером» с личными воспоминаниями одного из основоположников теории вычислимых функций С. К. Клини на тему «К истории формирования понятия вычислимости». Дальнейшие подробности о симпозиуме см. в [Ершов А., Успенский, 1980], [Семенов, Успенский, 1980], [Ершов А., 1980], [Ершов А., Кнут, 1981, с. III—V и с. 466—487], [Ершов А., Кнут, 1982, ч. 1, с. 4—7 и ч. 2, с. 309—315].

В процессе подготовки к симпозиуму один из его организаторов А. П. Ершов предложил, чтобы на симпозиуме был

сделан, как он писал одному из авторов в мае 1979 г., «заглавный доклад на тему что-нибудь вроде „Выдающиеся математические открытия, связанные с понятием алгоритма“». Цель доклада, по замыслу А. П. Ершова, состояла в том, чтобы «дать начальный заряд участникам, как эмоциональный, так и познавательный»; следовало, отобрав несколько выдающихся результатов, «рассказать их сущность на пальцах, т. е. объяснить, а не доказать, и сделать к ним технический, методологический и философский комментарий». Такой доклад и был поручен авторам этой книги. Он состоялся 17 сентября 1979 г. под названием «Что дает теория алгоритмов (Основные открытия в области теории алгоритмов за последние полвека)».

В своем докладе авторы попытались выделить те моменты в развитии теории алгоритмов, которые можно было бы квалифицировать как основные открытия. При этом в качестве открытия могло выступать и формирование понятия, и доказательство теоремы, и создание теории, и даже постановка проблемы. Таких открытий было обнаружено 18 (что дало повод Д. Э. Кнуту, председательствовавшему на докладе, заметить в шутку, что сам перечень 18 открытий образует самостоятельное, 19-е открытие). Одновременно была предпринята попытка очертить основные приложения теории алгоритмов внутри теоретической и прикладной математики. Фактически за отведенные докладчикам полтора часа они успели рассказать только первую часть доклада, посвященную открытиям; вторая часть, посвященная приложениям, осталась представленной лишь в виде кратких тезисов на стенде.

Расширенный текст обеих частей доклада был затем опубликован на английском языке в виде статьи [Успенский, Семенов, 1981] в томе [Ершов А., Кнут, 1981], содержащем материалы симпозиума. Переработанный и дополненный русский перевод [Успенский, Семенов, 1982] этого текста был, далее, опубликован в ротапринтном издании [Ершов А., Кнут, 1982].

Когда встал вопрос об издании ургенчского доклада в виде отдельной книги, авторы оказались перед нелегким выбором. С одной стороны, высшая правда, вероятно, состояла бы в том, чтобы написать весь текст заново. С другой стороны, эта задача потребовала бы столько времени, что, скорее всего, стала бы неосуществимой, к тому же за это время сама теория алгоритмов, надо думать, шагнула бы далеко вперед. Прагматические соображения победили, и

если не учитывать Дополнение, книга была написана путем сравнительно незначительного изменения статьи [Успенский, Семенов, 1982]. Доводом в пользу такого решения послужило и то, что текст названной статьи оказался довольно «устойчивым» и у авторов не появилось ощущения, что в нем надо менять что-либо существенное — не говоря уже об изменении самого перечня основных открытий и основных приложений. Поэтому поправки имели главной целью учесть некоторые последние достижения. Кроме того, в книге появилась новая тема, вынесенная в Дополнение.

Авторы — математики и писали свою книгу для математиков (хотя старались не упустить и философские аспекты темы). Поэтому, возможно, несколько «за кадром» осталось следующее обстоятельство, которое они хотели бы сформулировать здесь в явном виде: понятие алгоритма является не только центральным понятием теории алгоритмов, не только одним из главных понятий математики вообще, но одним из главных понятий современной науки. Более того, сегодня, с наступлением эры информатики, алгоритмы становятся одним из важнейших факторов цивилизации.

Многие достижения теории алгоритмов имеют общематематический и, возможно, общечеловеческий интерес. Авторы стремились поэтому к тому, чтобы данный текст был понятен любому математику, а не только специалисту в области теории алгоритмов.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

\mathbb{N} — натуральный ряд, т. е. множество всех натуральных чисел $\{0, 1, 2, \dots\}$;

\mathbb{N}^+ — множество всех положительных натуральных чисел $\{1, 2, 3, \dots\}$;

\mathbb{Q} — множество всех рациональных чисел;

\mathbb{Q}^+ — множество всех положительных рациональных чисел;

B^* — множество всех слов в алфавите B ;

\mathbb{E} — множество всех двоичных слов, т. е. $\mathbb{E} = \{0, 1\}^*$;

Ω — множество всех бесконечных двоичных последовательностей;

$A \simeq B$ означает, что при любых значениях переменных выражения A и B одновременно определены или не определены и, если определены, то имеют равные значения (пример: $x \rightarrow x \simeq y \rightarrow y$ истинно, а $\frac{x}{x} \simeq \frac{y}{y}$ ложно);

$A \stackrel{\leq}{+} B$ означает, что существует такое натуральное число c , что неравенство $A \leq B + c$ выполнено для всех значений переменных, для которых выражения A и B определены;

$A \stackrel{\leq}{\cdot} B$ означает, что существует такое натуральное число c , что неравенство $A \leq B \cdot c$ выполнено для всех значений переменных, для которых выражения A и B определены;

$A \stackrel{=}{+} B$ означает, что $A \stackrel{\leq}{+} B$ и $B \stackrel{\leq}{+} A$;

$A \stackrel{=}{\cdot} B$ означает, что $A \stackrel{\leq}{\cdot} B$ и $B \stackrel{\leq}{\cdot} A$;

$f: A \rightarrow B$ или f есть отображение (функция) из A и B } означает, что область определения f есть подмножество множества A , а множество значений f есть подмножество множества B ;

f есть отображение множества X } означает, что область определения f есть X ;

f есть отображение на множество Y } означает, что множество значений f есть Y ;

- $\mathcal{F}(X, Y)$ — множество всех функций из X в Y ;
 $\text{Com}(X, Y)$ — множество всех вычислимых функций из X в Y (см. § 1.7);
 2^W — множество всех подмножеств множества W ;
 $\text{Gen}(W)$ — множество всех породимых подмножеств множества W (см. § 1.7);
 числовая функция — функция из \mathbb{N}^s в \mathbb{N} ;
 числовое множество — подмножество множества \mathbb{N}^s ;
 словарная функция — функция из множества всех слов в некотором алфавите B_1 в множество всех слов в некотором алфавите B_2 ;
 словарное множество — некоторое множество слов в некотором алфавите B ;
 решимая проблема — проблема, имеющая решение;
 \mathcal{P} — класс всех функций (в том числе всех предикатов), вычислимых за полиномиальное время, а также класс всех множеств, задаваемых предикатами из \mathcal{P} (см. § 1.7);
 $\mathcal{N}^{\mathcal{P}}$ — класс всех множеств, порождаемых за полиномиальное время (см. § 1.7);
 0 — наименьшая степень неразрешимости, или тьюрингова степень разрешимых множеств (см. § 1.11).

ВВЕДЕНИЕ

Поразительно, как много дает теория алгоритмов. С ее помощью проясняются такие фундаментальные понятия, как доказуемость, сложность, случайность. Вообще в теории алгоритмов (как, возможно, и во многих других случаях) открытия состоят не столько в получении новых результатов, сколько в обнаружении новых понятий и в уточнении старых. А. И. Мальцев пишет в этой связи: «Система понятий и язык не являются чем-то внешним для математических теорий, а составляют одну из определяющих частей их» [Мальцев, 1966, с. 72].

Развитие теории алгоритмов сталкивается с трудностью, вызванной тем, что алгоритмы сами по себе суть объекты весьма специфического типа и обладают свойством, нетипичным для математических объектов, а именно семантическим свойством «иметь смысл». В этом отношении теория алгоритмов подобна математической логике, чьи теоремы и формулы также имеют смысл. Смысл термина или формулы «указателен»: терм указывает на (т. е. обозначает) вещь, а формула — на факт. Смысл алгоритма «повелителен»: алгоритм должен быть исполнен. Таким образом, теория, изучающая алгоритмы, может трактоваться как своего рода лингвистика повелительных предложений. Математики еще не привыкли обращаться надлежащим образом с лингвистическими объектами, несущими на себе смысл. Поэтому при создании адекватной теории алгоритмов направляющую роль должна играть семантика, чисто математический подход для этой цели недостаточен (если считать, что чисто математический подход не должен использовать — в качестве технического понятия — понятие смысла). В теорию алгоритмов входит, на равных правах с понятием алгоритма, еще и понятие исчисления. Подобно терминам, формулам и алгоритмам, исчисления также являются носителями смысла: однако смысл их не «указателен» и не «повелителен», а «разрешителен».

Поэтому самую теорию алгоритмов — в том виде, как дисциплина с таким названием сложилась к настоящему времени — было бы правильнее именовать теорией алгоритмов и исчислений (сочетание терминов «алгоритмы и исчисления», хотя и понимаемых в ином смысле, впервые появилось в сочинении Э. Шрёдера «Об алгоритмах и исчислениях» (см. [Шрёдер, 1880])).

В соответствии с установившейся математической традицией теория алгоритмов не охватывает алгоритмы, взаимодействующие со средой (в частности, с человеком в диалоговом режиме), алгоритмы, играющие друг с другом, и т. д. Авторы сознают, что уже пришло время расширить сферу рассмотрения теории алгоритмов, включив в нее алгоритмы указанных типов, но осуществить это расширение пока не в состоянии. В книге рассматриваются только алгоритмы, предназначенные для получения некоего результата по исходному данному, т. е. алгоритмы, вычисляющие ту или иную функцию.

Теория алгоритмов и исчислений может быть разделена на две части. Первая часть есть общая теория, имеющая дело со строением алгоритмов и исчислений самих по себе. Вторая часть представляет собой прикладную теорию, которая имеет дело с проблемами, связанными с понятиями алгоритма и исчисления и возникающими в различных областях математики. В соответствии с этим книга состоит из двух частей: «Основные открытия общей теории алгоритмов» и «Основные математические приложения теории алгоритмов».

Хотя авторы и старались проследить историю возникновения того или иного понятия, термина или результата, им это не всегда удавалось. Поэтому библиографические ссылки могут и не иметь приоритетного характера, а указывать лишь на использованные источники информации.

При ссылках на различные книги и статьи в квадратные скобки заключаются фамилия автора (в необходимых случаях также и инициал) и год публикации; при ссылке с более точным адресом — на определенную страницу или теорему — соответствующая страница или теорема указывается внутри тех же квадратных скобок.

Определяемые термины (а также термины, обозначающие первичные, неопределяемые понятия) выделены курсивом (окружающий текст, следовательно, можно воспринимать как определение); выделены курсивом также имеющие терминологический характер «собственные имена» теорем.

ЧАСТЬ I

ОСНОВНЫЕ ОТКРЫТИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ АЛГОРИТМОВ

В общей теории алгоритмов мы выделяем *дескриптивную* сторону, занимающуюся лишь вопросами о наличии или отсутствии алгоритмов и исчислений, приводящих к заданной цели (но без оценки затрат на достижение этой цели), и о способах задания этих алгоритмов и исчислений, и *метрическую* сторону, занимающуюся оцениванием сложности процессов вычисления и порождения. Понятия метрической теории алгоритмов еще не сложились в единую и стройную систему.

Основные открытия, связанные с общими понятиями алгоритма и исчисления, таковы.

1. Общее понятие алгоритма как самостоятельное (отдельное) понятие.
2. Представительные вычислительные модели.
3. Общее понятие исчисления как самостоятельное (отдельное) понятие.
4. Представительные порождающие модели.
5. Выяснение связей между алгоритмами и исчислениями.
6. Время и емкость как сложности вычисления и порождения.
7. Вычислимые функции и породимые множества; разрешимые множества; перечислимые множества.
8. Понятие μ -рекурсивной функции.
9. Возможность арифметического и даже диофантова представления любого перечислимого числового множества.
10. Построение неразрешимого породимого множества.
11. Проблема сводимости Поста.
12. Понятие относительного алгоритма, или алгоритма с оракулом.

13. Понятие вычислимой операции.

14. Понятие программы: программы как объекты вычисления и порождения.

15. Понятие нумерации и теория нумераций.

16. Начало создания инвариантной, или машинно-независимой, теории сложности вычислений.

17. Теория сложности и энтропии конструктивных объектов.

18. Удобные, или экономные, вычислительные модели.

Часть I содержит § 1.1—1.18, каждый из которых посвящен соответствующему открытию и связанным с ним вопросам, а также § 1.0, посвященный изложению некоторых предварительных понятий. Для большинства терминов место, где они вводятся, легко усмотреть из названий параграфов; вот наиболее существенные исключения: понятия нормы, нормированного ансамбля и ограниченно-искажающего отображения вводятся в § 1.6, понятия вычислительной, результативной, универсальной, главной (иначе гёделевой) и оптимальной функций — в § 1.14.

Ради экономии места, однако, в книге не приводятся (за некоторыми исключениями, о которых сказано ниже) определения конкретных вычислительных и порождающих моделей — нормальных алгорифмов¹⁾ Маркова, канонических систем Поста и нормальных систем Поста и т. п.; эти определения, так же как и определение μ -рекурсивных (иначе — частичнорекурсивных) функций, могут быть найдены в учебной и популярной литературе²⁾ или в тех оригинальных работах, на которые мы ссылаемся; специальные комментарии по поводу термина «машина Тьюринга» см. ниже, в § 1.6.

Упомянутые исключения — машины Колмогорова и машины Шёнхаге, определения которых приводятся в § 1.2, а также определенные разновидности машин Тьюринга, описываемые в Дополнении. Используемый нами термин

¹⁾ Написания «алгоритм» и «алгорифм» являются одинаково правильными. В прошлом было принято писать «алгорифм», сейчас все чаще пишут «алгоритм». А. А. Маркову написание через «тэ» не нравилось, и поскольку именно он изобрел нормальные алгорифмы, мы сохраняем для них его, авторское написание через «эф». К тому же написание «нормальный алгоритм» могло бы вызвать представление о противопоставлении нормальных алгоритмов ненормальным, чего мы хотели бы избежать.

²⁾ Например, популярное изложение машин Тьюринга (а также ряда других вопросов, затрагиваемых в нашей книге) можно найти в статье [Хопкрофт, 1984].

«вычислительная модель» можно понимать интуитивно, однако он может рассматриваться и в несколько более точном значении — как собирательное существительное для обозначения любого известного семейства однотипных вычислительных устройств. Например, все машины Колмогорова составляют одно такое семейство, другое семейство составляют все многоленточные машины Тьюринга, третье — все одноленточные машины Тьюринга; мы имеем здесь, следовательно, три вычислительные модели. Все одноленточные машины Тьюринга с фиксированным ленточным алфавитом также образуют вычислительную модель. Совокупность всех машин Колмогорова над колмогоровскими комплексами, размеченными буквами из фиксированного алфавита, также может рассматриваться как вычислительная модель.

Аналогично обстоит дело и с термином «порождающая модель». В § 1.18 термином «*вычислительная модель*» обозначается не любая модель, а лишь выбранная из некоторого ограниченного (впрочем, достаточно широкого), но зато более формально описанного класса. Здесь же оговоримся, что понятие вычислительной модели, употребляемое нами в том же смысле, что и, например, в [Слисенко, 1981], не имеет ничего общего с понятием вычислительной модели в том смысле, как это используется в [Бахвалов, 1977].

§ 1.0. Предварительные понятия теории алгоритмов: конструктивные объекты и их ансамбли, локальные свойства и локальные действия

1.0.0. «Во всем современном математическом мышлении большое место занимает различие между „конструктивным“ и „неконструктивным“», — пишет А. Н. Колмогоров в предисловии [Колмогоров, 1954]. Далее он отмечает: «Любое натуральное число может быть в принципе задано конструктивно в виде

$$1 + 1 + 1 + \dots + 1».$$

Здесь наглядно проявляется различие между натуральным числом как количественной сущностью (неконструктивным объектом) и его заданием в виде цепочки единиц и плюсов (конструктивным объектом). Для теории алгоритмов это различие имеет не столько философский, сколько

практический характер: алгоритмы могут иметь дело только с комбинациями знаков, т. е. только с конструктивными объектами. Можно усмотреть некую тонкую разницу между теорией алгоритмов и теорией вычислимых функций: последняя имеет дело не только с объектами, конструктивными в прямом смысле, но и с объектами, имеющими всего лишь конструктивные задания, — например, с натуральными или рациональными числами (для рациональных чисел конструктивными заданиями служат дроби, и вычислимость функции от рационального аргумента обеспечивается наличием алгоритма, дающего равные результаты при обработке, скажем, дробей $3/7$ и $12/28$).

А. П. Ершов справедливо включает понятие конструктивного объекта в основы теоретического программирования — см. [Ершов А., 1977, § 2.1]. Это понятие следует признать не только основным, но и первичным. Строго говоря, оно принадлежит не столько теории алгоритмов, сколько введению в эту теорию. Как написано в одном старом учебнике: «Предметом для введения в науку обыкновенно назначают *предварительные о ней понятия*, т. е. такие понятия, которые не могут войти в состав самой науки, однакож существенно к ней относятся и необходимо ею предполагаются».

Все попытки определить понятие конструктивного объекта — и наше изложение не является исключением — неизбежно уклоняются либо в сторону расплывчатого описания, либо в сторону определения частных видов конструктивных объектов. Как все неопределяемые понятия, оно усваивается на примерах. К таким примерам мы сейчас и перейдем.

1.0.1. Первые примеры конструктивных объектов: слова и деревья. Наиболее изученными конструктивными объектами являются слова, составленные из букв какого-либо конечного алфавита B , короче — *слова в B* , еще короче — *B -слова*. Слова часто служат основными объектами при построении теории алгоритмов; наиболее последовательный пример такого построения — теория нормальных алгорифмов Маркова (см. монографию [Марков, 1954], где словам посвящена гл. I). Понятие слова встречается, и притом в алгоритмическом контексте, уже у А. Туэ в [Туэ, 1914] — см. ниже добавление к § 1.3. Однако Туэ осознавал существование конструктивных объектов более общего вида, чем слова, а именно некоторых древовидных образований (см. [Туэ, 1910]).

Другой традиционный пример — матрицы с целочисленными коэффициентами, записанными в какой-либо системе счисления.

Наконец, третий важный пример образуют (B, k) -деревья. Пусть B — алфавит, k — натуральное число. Тогда (B, k) -деревом называется дерево со следующими дополнительными свойствами. Одна из вершин выделена и названа *корнем* (такое дерево называется *корневым*); на всех ребрах задана ориентация, так что в каждую вершину из корня ведет ориентированный путь. Предполагается, что каждая вершина дерева помечена одной из букв алфавита B и для каждой вершины все исходящие из нее ребра помечены различными числами из множества $\{1, \dots, k\}$ (так что исходящих ребер при данной вершине не более k).

Очевидно, каждое B -слово можно считать $(B, 1)$ -деревом с корнем в первой букве слова.

Алгебраический пример. Пусть задано конечное множество B функциональных и предметных имен (*сигнатура*), причем *валентность* (число аргументов) функциональных имен не превосходит k . Тогда всякому замкнутому терму сигнатуры B можно следующим образом поставить в соответствие (B, k) -дерево. Если a — предметное имя из B , ему ставится в соответствие дерево из одной вершины, помеченной a . Если f есть n -местное функциональное имя, t_1, \dots, t_n суть термы, то терму $f(t_1, \dots, t_n)$ ставится в соответствие дерево с корнем, помеченным f , из которого ведут n ребер в корни деревьев, поставленных в соответствие термам t_1, \dots, t_n ; ребра эти занумерованы числами от 1 до n .

На множестве замкнутых термов можно задать структуру алгебры (свободной алгебры, порожденной сигнатурой B ; подробнее об этом будет говориться в добавлении к § 1.3). Например, свободный группоид с образующими a и b и операцией \circ вкладывается в множество $(\{a, b, \circ\}, 3)$ -деревьев.

Наконец заметим, что алгебру, свободную в многообразии всех ассоциативных группоидов с единицей, т. е. свободную полугруппу; также можно представлять состоящей из конструктивных объектов; ее можно рассматривать как множество всех слов в алфавите образующих.

1.0.2. Конструктивные объекты: попытка общего описания. В попытках разъяснить наше понимание того, что такое конструктивный объект, мы начнем с более широкого

и также неопределяемого понятия — понятия конечного объекта.

Конечный объект — это объект, о котором можно мыслить, не привлекая абстракции актуальной бесконечности (см. [Нагорный, 1977 г.]), т. е. объект, который может быть как бы предъявлен целиком (разумеется, все сказанное никак не претендует на роль определения, а скорее представляет собой повторение одного и того же). Важно отметить, что конечное множество конечных объектов является конечным объектом. Классический пример конечного объекта — конечный граф.

Некоторые из конечных объектов являются *конструктивными объектами*. Мы считаем, что каждый конструктивный объект состоит из конечного множества элементов, принадлежащих каждый к одному из конечного числа типов (так, слово «слово» состоит из 5 букв, относящихся к 4 типам) и связанных некоторыми отношениями также из конечного числа типов (так, буквы слова связаны отношением упорядоченного соседства). Таким образом, конструктивный объект имеет расчлененное (дискретное) строение и составлен из отдельных элементов, как молекула из атомов. Мы предполагаем далее, что для конструктивного объекта задана (не может быть задана, а уже задана) некоторая «внутренняя система координат», позволяющая однозначно локализовать любой его элемент.

Такой внутренней системой координат обладает слово (можно говорить о второй букве слева), матрица (можно говорить о пересечении восьмой строки и третьего столбца), (B, k) -дерево (можно задать путь от корня к данной вершине). Такой системой координат не обладает ни конечное множество, взятое само по себе (разумеется, на него можно наложить внутреннюю систему координат, упорядочив его), ни конечный граф (и на него можно наложить некую систему, указав порядок обхода вершин). В двух последних примерах в рассматриваемый объект можно ввести внутреннюю систему координат, но ввести неоднозначно, так что до введения такой системы мы не в состоянии указать «адрес» интересующего нас элемента.

Говоря о системе координат, естественно требовать наличия «начала координат»; таким образом, в каждом конструктивном объекте некоторый его элемент выделен как начальный — это тот элемент, с которого начинается «чтение» объекта (первая буква слова, первый элемент первой строки матрицы, корень дерева и т. д.). Именно наличие у

конструктивного объекта внутренней системы координат обеспечивает возможность его ввода в вычислительное устройство.

За исключением [Криницкий, 1977а, § 2] и [Криницкий, 1983, § 2.2], где предлагается определение так называемого конструктивного элемента, в литературе встречаются лишь краткие пояснения к понятию конструктивного объекта — см. [Шанин, 1962], [Марков, Нагорный, 1984, § 1], [Манин, 1980, гл. I, § 6]; в последней работе термином «конструктивный объект» обозначается то, что мы обозначили термином «конечный объект». Мы убеждены, что алгоритмы требуют именно конструктивных объектов и не могут оперировать непосредственно конечными объектами, не являющимися конструктивными. Тот факт, что конечные объекты могут быть заданы конструктивно, показывает лишь, что для них существуют конструктивные задания (единообразные для каждого класса «однородных между собой» конечных объектов) и эти конструктивные задания являются конструктивными объектами. Каждый такой конструктивный объект есть исходный конечный объект, дополненный тем или иным способом внутренней системой координат; ввиду многообразия этих способов у одного и того же объекта может быть много различных заданий. Именно с такими заданиями и работают алгоритмы.

Предположим, что алгоритм работает согласованным образом, т. е. в применении к заданиям одного и того же выдает в качестве результата снова задания одного и того же. Тогда можно принять терминологическое соглашение и говорить о вычислимых функциях над объектами, имеющими задания (см. начало настоящего параграфа). Говорить же — при отсутствии такого соглашения — о вычислимых функциях, а тем более об алгоритмах над конечными объектами как о чем-то само собой разумеющемся, как это сделано в [Шёнфилд, 1971, § 1], нам представляется неправомерным.

1.0.3. Локальные свойства и локальные действия: неформальное изложение. Предположим, что в каждом из рассматриваемых конструктивных объектов выделен некоторый ограниченный участок («активная часть» согласно [Колмогоров, 1953]), состоящий из начального элемента и всех «достаточно близких к нему элементов». Такое выделение может быть осуществлено, например, если на объекте каким-то образом задана метрика, так что можно говорить о расстоянии от одного элемента до другого; тогда активная часть

состоит из всех элементов (и, разумеется, имеющихся связей между ними), которые удалены от начального не более чем на фиксированное число, называемое *показателем локальности* или *радиусом активной части*. Так, для слова его активная часть — это начало слова; длина этого начала зависит от выбранного показателя локальности — радиуса активной части. В общем случае активную часть можно интерпретировать как ту область конструктивного объекта, которая обзревается наблюдателем или устройством, находящимся в начальном элементе. Очевидно, что представляют специальный интерес свойства конструктивного объекта, зависящие только от активной части объекта. Поскольку при данном радиусе возможно лишь конечное число активных частей (на интуитивном уровне это ясно, для конкретных видов конструктивного объекта, рассматриваемых ниже, это легко проверяется), каждое *локальное свойство* можно задать конечным перечнем удовлетворяющих ему активных частей.

Локальное действие состоит в замене активной части рассматриваемого объекта на некоторый другой «кусочек». Как происходит эта замена и, в частности, как новый кусочек подклеивается к остающейся неизменной «неактивной» части обрабатываемого объекта, разумеется, требует разъяснений. Для достаточно широких классов конструктивных объектов эти разъяснения будут сделаны ниже.

1.0.4. Колмогоровские комплексы. Подход, согласно которому конструктивный объект представляет собой конечное множество элементов, связанных какими-то отношениями, причем и элементы, и отношения могут быть одного из заранее указанного конечного числа типов, принадлежит Колмогорову (см. [Колмогоров, 1953], [Колмогоров, Успенский, 1958]); вместо термина «конструктивный объект» Колмогоров употреблял термин «состояние» (алгоритмического процесса).

Реализация этого подхода приводит к понятию колмогоровского Б-комплекса. Точное определение этого понятия будет приведено ниже. Сейчас мы поясним, каким образом осуществляется переход от конструктивных объектов как «конечных множеств элементов, связанных какими-то отношениями», к колмогоровским Б-комплексам. Если и элементы, и отношения изображать в виде вершин некоторого графа, соединяя ребрами вершины-отношения с вершинами-элементами и помечая каждую вершину символом соответствующего типа, получится размеченный граф, т. е. граф,

вершины которого помечены буквами некоторого конечного алфавита.

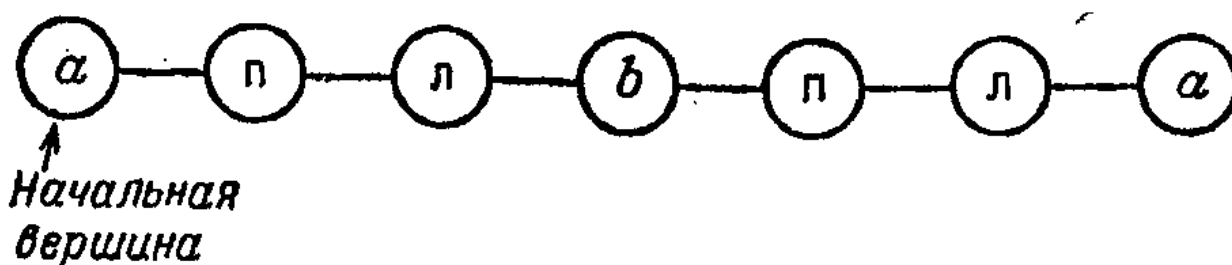
Мы сознательно упростили картину, на самом деле переход от объекта к изображающему его графу чуть сложнее: ребро не идет непосредственно от отношения к элементу. Между отношением и элементом, участвующим в этом отношении, располагаются еще две промежуточные вершины, помеченные натуральными числами. Эти числа указывают соответственно порядковый номер элемента среди всех элементов, связанных данным отношением, и порядковый номер отношения среди всех отношений, в которых участвует данный элемент. Оба эти числа считаются ограниченными сверху некоторыми заранее выбранными числами, поэтому добавление соответствующих символов оставляет алфавит разметки конечным.

При этом оказывается, что полученный размеченный граф обладает особым «колмогоровским» свойством: для произвольной вершины все соседние с нею вершины имеют разные пометки. Вершина, соответствующая начальному элементу, объявляется начальной вершиной и, таким образом, граф оказывается инициальным. В случае связного графа (а только такие графы мы будем рассматривать) инициальность и свойство «колмогоровости» обеспечивает возможность введения внутренней системы координат: каждую вершину можно однозначно задать, указав цепочку пометок вершин, встречающихся на пути из начальной вершины в задаваемую. Так мы приходим к понятию колмогоровского комплекса: *колмогоровский комплекс над алфавитом B* , или *колмогоровский B -комплекс* (короче, *B -комплекс*), есть связный инициальный неориентированный граф, вершины которого помечены буквами конечного алфавита B и который обладает колмогоровским свойством.

Требование связности комплекса является основным отличием сформулированного только что определения от определения из работы [Колмогоров, Успенский, 1958]. Отметим также, что в отличие от [Колмогоров, Успенский, 1958] мы не требуем, чтобы пометка начальной вершины отличалась от пометок других вершин комплекса, а считаем, что начальная вершина должна быть выделена каким-то другим способом.

Как вытекает из самой конструкции Колмогорова, всякий конструктивный объект (если понимать его так, как понимает Колмогоров) естественно изображается в виде не-

которого колмогоровского комплекса. Например, вот как изображается в виде комплекса слово aba :

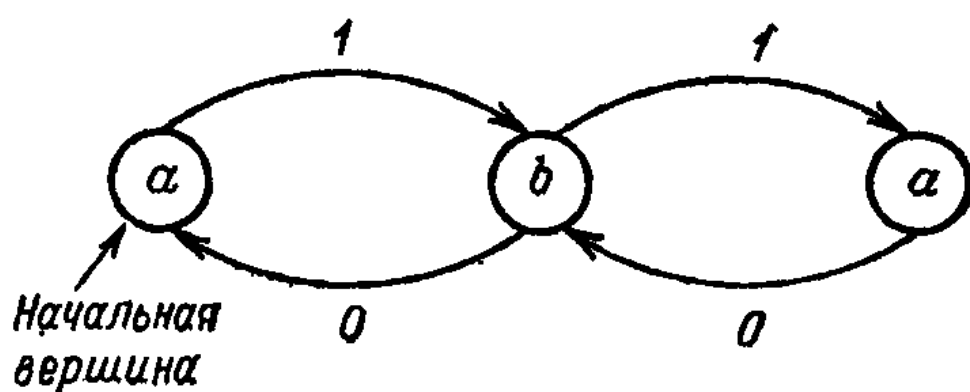

Здесь буквы п и л означают соответственно «вправо» и «влево». Таким образом, B -слово изображается в виде колмогоровского B' -комплекса, где $B' = B \cup \{л, п\}$.

1.0.5. (B, k) -комплексы. Пусть заданы алфавит B и натуральное число k . Следующий конструктивный объект называется (B, k) -комплексом: инициальный (т. е. с выделенной начальной вершиной) конечный ориентированный граф, являющийся связным (для ориентированного графа связность означает, что всякая вершина достижима из начальной по некоторому ориентированному пути) и имеющий следующую разметку на своих вершинах и ребрах: все вершины помечены буквами из B , и для всякой вершины все исходящие из нее ребра помечены различными натуральными числами из множества $\{0, \dots, k-1\}$ (отсюда вытекает, что исходящая степень любой вершины не превосходит k).

Множество вершин (B, k) -комплекса U будем обозначать через $v(U)$.

Каждое слово в алфавите B легко изображается в виде $(B, 2)$ -комплекса, как показывает пример:

Здесь изображено слово aba .

Каждый колмогоровский B -комплекс следующей процедурой превращается в (B, k) -комплекс, где k — число букв алфавита B . Буквы алфавита нумеруются числами от 0 до $k-1$, каждое (неориентированное) ребро B -комплекса заменяется на два ориентированных с противоположными ориентациями, каждому возникшему ориентированному ребру присваивается в качестве его числовой пометки но-

мер буквы, стоящей при той вершине, в которую ведет рассматриваемое ребро.

Частным случаем (B, k) -комплексов являются структуры Шёнхаге из [Шёнхаге, 1980] (см. ниже добавление к § 1.2). Структура Шёнхаге есть (B, k) -комплекс, в котором из каждой вершины исходит ровно k ребер, а алфавит B — однобуквенный.

1.0.6. Ансамбли. Из предыдущего изложения можно было заметить, что конструктивные объекты ведут себя как «стадные» образования. Действительно, они естественным образом группируются в скопления, состоящие из всех «сходных (или однородных) между собой» объектов. Одно такое скопление образуют при фиксированном B всевозможные B -слова, другое, при фиксированных B и k , — всевозможные (B, k) -комплексы. Эти скопления естественно было бы называть «стадами», «роями», «косяками», «стаями» и даже «выводками». Мы, однако, предпочитаем называть их ансамблями (в [Успенский, Семенов, 1981] — «aggregates»); этот термин более нейтрален и менее зоологичен. Мы не будем пользоваться термином «пространство конструктивных объектов», так как его легко спутать с термином «пространство» из [Шёнфилд, 1971, § 1], обозначающим совокупность конечных (не обязательно конструктивных) объектов.

Отметим, что далеко не всякое разрешимое (см. § 1.7) подмножество ансамбля следует считать ансамблем, поскольку ансамбль должен включать в себя все объекты данного (достаточно просто определяемого) типа. Например, множество всех B -слов, длина которых есть полный квадрат, не образует ансамбля. В этом заключается еще одно отличие излагаемого здесь подхода от изложенного в [Шёнфилд, 1971, § 1], где, по-видимому, всякое разрешимое подмножество пространства само есть пространство.

Похоже, что понятие ансамбля является более первичным, чем понятие конструктивного объекта, — объект может восприниматься как конструктивный только в рамках некоторого ансамбля.

Для каждого конечного алфавита B и каждого натурального числа k можно указать следующие основные ансамбли.

1. *Ансамбль B -слов.* Если B содержит более одной буквы, ансамбль B -слов называется *словарным ансамблем* (над B); в случае если алфавит B является однобуквенным, ансамбль B -слов естественно отождествляется с натуральным рядом \mathbb{N} .

2. Для произвольных конечного B и натурального k ансамбль (B, k) -деревьев.

3. Ансамбль колмогоровских B -комплексов, или колмогоровский B -ансамбль.

4. Ансамбль всех таких колмогоровских B -комплексов, у которых степень каждой вершины не превосходит k .

5. Ансамбль (B, k) -комплексов, или, короче, (B, k) -ансамбль.

6. *Расширенный ансамбль B -слов.* Он состоит из всех изображений B -слов в виде $(B, 2)$ -комплексов (см. пример выше), но с исключением требования, чтобы начальной вершиной становилась первая буква слова! разрешается, чтобы любая вершина была начальной.

Для дальнейшего можно считать, что понятие ансамбля (а вместе с ним и понятие конструктивного объекта) полностью задается сделанным только что перечислением и, таким образом, является точно определенным. Мы бы не хотели, однако, полностью уничтожать хотя и расплывчатое, но интуитивно ясное и глубокое содержание этих понятий.

Между любыми двумя ансамблями существует взаимно однозначное соответствие, которое задается (в обоих направлениях) алгоритмами; такое соответствие называется *изоморфизмом ансамблей*. В этом смысле все ансамбли изоморфны.

Мы уже видели, что между ансамблями имеются некоторые естественные вложения, например ансамбль B -слов естественно вкладывается в ансамбль $(B, 1)$ -деревьев. Легко видеть, что любой из рассмотренных ансамблей вкладывается при подходящих B и k в (B, k) -ансамбль. Поэтому при построении теории алгоритмов можно было бы ограничиться лишь (B, k) -ансамблями. Так мы и поступим в следующем разделе при строгом определении понятия локального действия (неформально это понятие было уже разъяснено).

Декартово произведение ансамблей легко вкладывается в некоторый новый ансамбль. Множество *кортежей* (т. е. конечных последовательностей) элементов данного ансамбля также легко вкладывается в подходящий ансамбль. Как мы уже отмечали, конечное подмножество ансамбля не является конструктивным объектом. Чтобы алгоритмы могли работать с такими подмножествами, последние сперва надо конструктивно как-то задать — например, посредством кортежей; тогда надо ограничиться только такими алгоритмами над кортежами, результаты которых не зависят от порядка членов кортежей. В дальнейшем, говоря об алгоритмах и

исчислениях, работающих с конечными подмножествами ансамблей, мы будем считать, что все соответствующие соглашения уже приняты.

1.0.7. Локальные свойства и локальные действия: формальное определение. Пусть фиксированы алфавит B и натуральное число k . Мы сейчас определим понятия локального свойства и локального действия в ансамбле (B, k) -комплексов, следуя данным выше неформальным разъяснениям этих понятий. Более точно, мы определим понятия r -локального свойства и r -локального действия, где r есть некоторое натуральное число (показатель локальности; чем он меньше, тем свойство или действие «локальнее»).

Локальные свойства. Данное нами выше неформальное разъяснение понятия локального свойства (как свойства, зависящего только от активной части комплекса) становится точным, если дать точное определение активной части. Именно, назовем r -окрестностью данного (B, k) -комплекса (B, k) -комплекс, состоящий из всех вершин исходного комплекса, достижимых из начальной по ориентированным путям длины не более r , и всех соединяющих эти вершины ребер. Теперь r -локальным свойством (B, k) -комплексов назовем любое свойство (B, k) -комплексов, зависящее только от их r -окрестностей. В дальнейшем упоминания параметров B, k и r будут опускаться, если значения этих параметров ясны из контекста (так что, например, мы будем говорить просто «локальные свойства», не указывая ни B , ни k , ни r).

Локальные действия в (B, k) -ансамбле будут преобразовывать некоторые (B, k) -комплексы в (B, k) -комплексы. Дадим точное определение, отражающее данное выше неформальное описание этого понятия. Любое r -локальное (B, k) -действие задается указанием числа r и строчки

$$U \rightarrow \langle W, \gamma, \delta \rangle,$$

где U и W суть некоторые (B, k) -комплексы, γ есть отображение из $v(U)$ в $v(W)$, δ есть инъективное отображение из $v(U)$ в $v(W)$ (напомним, что $v(G)$ есть множество вершин комплекса G).

Применение r -локального (B, k) -действия к (B, k) -комплексу S состоит в следующем переходе от комплекса S к комплексу S^* (при этом сначала формируется вспомогательный комплекс S'):

1) r -окрестность комплекса S отождествляется с U (если это возможно; если нет — действие неприменимо). Это

отождествление происходит однозначно в силу определения комплекса;

2) вершинами комплекса S' объявляются все вершины комплексов $S \setminus U$ и W ;

3) если $b \in U$, $a \in S \setminus U$, в S было ребро $\langle a, b \rangle$ и $\gamma(b)$ определено, то $\langle a, \gamma(b) \rangle$ становится ребром в S' с тем же номером, который имело в S ребро $\langle a, b \rangle$ (как ребро, выходящее из a);

4) если $a \in U$, $b \in S \setminus U$, в S было ребро $\langle a, b \rangle$ и $\delta(a)$ определено, то $\langle \delta(a), b \rangle$ становится ребром с таким же номером, какой имело ребро $\langle a, b \rangle$ (инъективность δ гарантирует различие номеров у всех ребер, выходящих из одной вершины S');

5) начальная вершина W объявляется начальной вершиной S' , и из S' выкидываются все вершины, не достижимые из начальной, вместе с ведущими из этих вершин ребрами. То, что получилось, и есть S^* .

Определение результата применения r -локального (B, k) -действия к (B, k) -комплексу завершено. Как и в случае свойств, упоминания B , r и k мы будем опускать, если значения соответствующих параметров ясны из контекста.

Можно рассматривать локальные действия, не выводящие за пределы заданного подансамбля (т. е. подмножества, являющегося ансамблем) (B, k) -ансамбля. В силу сделанных выше замечаний о вложении одних ансамблей в другие любой из явно перечисленных нами ансамблей есть подансамбль подходящего (B, k) -ансамбля. Например, можно требовать, чтобы локальное действие не выводило за пределы ансамбля B -слов, т. е. было действием в этом ансамбле. Тогда это будет действие, состоящее в замене начала слова на другое начало. Можно требовать, чтобы действие не выводило за пределы расширенного ансамбля B -слов. Тогда это будет действие, состоящее в замене заданного вхождения подслова на некоторое слово. Наконец, можно требовать, чтобы действие не выводило за пределы колмогоровского B -ансамбля. Тогда мы приходим к понятию колмогоровского B -действия.

Колмогоровское r -локальное B -действие задается указанием числа r и строчки

$$U \rightarrow \langle W, \gamma \rangle,$$

где U, W суть B -комплексы, а γ есть взаимно однозначное отображение из $v(U)$ в $v(W)$, обладающее следующими свойствами: 1) γ сохраняет пометки, 2) для всякой вершины

a , для которой $\gamma(a)$ определено, множество пометок при вершинах, соединенных в W ребром $e \in \gamma(a)$, содержится в множестве пометок при вершинах, соединенных в U ребром $c \in a$. Применение локального действия к Б-комплексу определяется так же, как в случае произвольных (B, k) -комплексов; при этом в качестве δ мы берем отображение, совпадающее с γ .

§ 1.1. Общее понятие алгоритма как самостоятельное (отдельное) понятие

1.1.0. Самым главным открытием в науке об алгоритмах, безусловно, было открытие самого понятия алгоритма в качестве новой и отдельной сущности. Мы хотим подчеркнуть, что это открытие следует рассматривать как отдельное, не смешивая его с открытием представительных вычислительных моделей (Тьюринга, Поста, Маркова, Колмогорова), о которых пойдет речь в § 1.2. Иногда ошибочно полагают, что понятие алгоритма не может быть удовлетворительно воспринято в отрыве от тех или иных формальных конструкций, имея в виду при этом прежде всего вышеназванные модели. Однако эти конструкции были предложены как раз для уточнения, или адекватной формализации, общего интуитивного понятия алгоритма (а вернее сказать, понятия вычислимой функции); само же это понятие, таким образом, признавалось существующим независимо от (а в историческом плане — существующим до) указанных формализаций.

Как указывал Гёдель в [Гёдель, 1958], вопрос о том, правильно ли определение вычислимости функции по Тьюрингу, не имеет смысла, если понятие вычислимой функции не является интуитивно понятным априори. Подобная ситуация достаточно типична: общее интуитивное понятие, скажем поверхности, имеет смысл независимо от дефиниций, предлагаемых топологией или дифференциальной геометрией; разница лишь в том, что понятие поверхности известно с античных времен (оно встречается в первых строках евклидовых «Начал»), а понятие алгоритма появилось, по-видимому, лишь в XX веке.

Для историков математики было бы поучительной задачей проследить возникновение и формирование (которое, возможно, еще не завершилось) понятия алгоритма. Евклид и ал-Хорезми предложили первые примеры алгоритмов, применяемых сегодня. Что касается общего понятия алго-

ритма — эффективной вычислительной процедуры, то едва ли не самые ранние примеры использования такого понятия встречаются в первой четверти XX века, в работах Бореля (1912 г.) и Вейля (1921 г.). Борель [Борель, 1912, с. 161] выделяет «вычисления, которые могут быть реально осуществлены» и подчеркивает: «Я намеренно оставляю в стороне большую или меньшую практическую длительность; суть здесь та, что каждая из этих операций осуществима в конечное время при помощи достоверного и недвусмысленного метода» (с. 162; перевод заимствуем из [Медведев Ф., 1976, с. 100]). Вейль (см. [Вейль, 1921]) при обсуждении понятия «*functio discreta*» явно выделяет среди произвольных соответствий алгоритмические. Оба они, по существу, приходят к понятию вычислимой функции (а Борель — даже к термину «*fonction calculable*», правда, обозначающему несколько иное алгоритмическое понятие; см. ниже § 2.4).

В докладе [Чёрч, 1936], представленном в 1935 г., Чёрч уверенно пользуется термином «эффективно вычислимая (*effectively calculable*) функция», считая его общепонятным и предшествующим какой бы то ни было формализации. Отметим, что в ранних англоязычных сочинениях по теории алгоритмов (см., например, [Тьюринг, 1936], [Тьюринг, 1937a] и особенно [Тьюринг, 1939, § 2]) термин «*effectively calculable*» относится к интуитивному понятию, а термин «*computable*» — к функциям, вычисление которых осуществляется некоторой вычислительной моделью. В современных публикациях термин «*computable*» относится к каждому из этих понятий, тогда как термин «*calculable*» не имеет широкого распространения.

Понятие алгоритма, подобно понятиям множества и натурального числа, принадлежит к числу понятий столь фундаментальных, что оно не может быть выражено через другие (в частности, теоретико-множественные), а должно рассматриваться как неопределяемое. Лишь как пояснения, а не как определения следует расценивать формулировки типа «Алгоритм — это точное предписание, которое задает вычислительный процесс, начинающийся с произвольного (но выбранного из фиксированной для данного алгоритма совокупности) исходного данного и направленный на получение полностью определяемого этим исходным данным результата» (ср., например, [Марков, 1957]). Однако и подобных пояснений достаточно для установления некоторых содержательных фактов, например того факта, что не каждая

функция с натуральными аргументами и значениями может быть вычислена каким-либо алгоритмом (поскольку не существует несчетное количество предписаний). Более глубокое изучение требует дальнейших уточнений (см. такие уточнения в [Колмогоров, 1953], [Колмогоров, Успенский, 1958], [Роджерс, 1967, § 1.1], [Кнут, 1968, § 1.1], [Успенский, 1970], [Успенский, 1977]). Колмогоров пишет:

«Мы отправляемся от следующих наглядных представлений об алгоритмах:

1) Алгоритм Γ , примененный ко всякому «условию» («начальному состоянию») A из некоторого множества \mathcal{S} («области применимости» алгоритма Γ), дает «решение» («заключительное состояние») B .

2) Алгоритмический процесс расчленяется на отдельные шаги заранее ограниченной сложности; каждый шаг состоит в «непосредственной переработке» возникшего к этому шагу состояния S в состояние $S^* = \Omega_{\Gamma}(S)$.

3) Процесс переработки $A^0 = A$ в $A^1 = \Omega_{\Gamma}(A^0)$, A^1 в $A^2 = \Omega_{\Gamma}(A^1)$, A^2 в $A^3 = \Omega_{\Gamma}(A^2)$ и т. д. продолжается до тех пор, пока либо не произойдет безрезультатная остановка (если оператор Ω_{Γ} не определен для получившегося состояния), либо не появится сигнал о получении «решения». При этом не исключается возможность неограниченного продолжения процесса (если никогда не появится сигнал о решении).

4) Непосредственная переработка S в $S^* = \Omega_{\Gamma}(S)$ производится лишь на основании информации о виде заранее ограниченной «активной части» состояния S и затрагивает лишь эту активную часть» ([Колмогоров, 1953]).

Формулировка Колмогорова содержит две существенные идеи. Первая из этих идей — идея *итеративности* алгоритмического процесса. Формулировка предлагает общую схему детерминированного преобразования одних объектов в другие — схему, согласно которой всякое такое преобразование представляет собой результат многократного применения одной и той же, фиксированной для данного преобразования, сравнительно простой операции (называемой у Колмогорова «оператором») непосредственной переработки. В нормальном алгоритме Маркова, например, операция непосредственной переработки задается списком пар слов $\langle A_1, B_1 \rangle, \dots, \langle A_n, B_n \rangle$; применение операции к слову P заключается в обнаружении того наименьшего i , для которого A_i имеет вхождение в P , и в замене самого левого из таких вхождений на B_i .

Другая существенная идея формулировки Колмогорова выражена в ее последнем пункте; это идея *локальности* каждого отдельного шага. В [Колмогоров, 1953] (см. также [Колмогоров, Успенский, 1958]) предложено, по существу, общее понятие локальной операции (сам термин «локальная операция», впрочем, отсутствует в указанных публикациях: Колмогоров говорит о «непосредственной переработке»). Локальная операция состоит в удалении заранее ограниченного «куска» обрабатываемого объекта (состояния) и замене этого удаляемого «куска» на другой «кусочек», определяемый в зависимости от первого (точнее об этом будет сказано в § 1.2 при определении оператора непосредственной переработки для машин Колмогорова).

Все вычислительные модели с локальным преобразованием информации легко могут быть описаны в колмогоровских терминах. Мы будем называть их *моделями колмогоровского типа*. Модели Поста и Тьюринга — примеры таких моделей. С другой стороны, модели с нелокальными шагами, такие как нормальные алгорифмы Маркова (см. [Марков, 1951], [Марков, 1954]) или машины с произвольным доступом к памяти (см. [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974], [Слисенко, 1981]), требуют предварительного расщепления каждого своего шага на локальные шаги (осуществляемые локальными операциями) и, следовательно, не являются моделями колмогоровского типа.

Для того чтобы задать вычислительную модель с локальным преобразованием информации, нужно конкретизировать встречающиеся в формулировке Колмогорова понятия «состояние», «непосредственная переработка», «активная часть», «сигнал о решении». Заметим, между прочим, что следуя Колмогорову, состоянием машины Тьюринга мы должны считать не то, что нередко называют ее (внутренним) *состоянием* (см. [Марков, 1970, § 5]), или *конфигурацией* (см. [Клини, 1952, § 67]), а то, что в [Клини, 1952, § 67] названо *ситуацией* (situation), или *полной конфигурацией*. Эти ситуации, или полные конфигурации, машины Тьюринга естественно было бы называть также *полными состояниями*. (Отметим, что в [Мальцев, 1966, § 12] термином «состояние» или синонимичным термином «конфигурация» обозначается, в колмогоровском духе, именно полное состояние, или полная конфигурация.) Итак, каждая модель предполагает свою конкретизацию колмогоровских понятий.

В [Колмогоров, 1953] предложена наиболее общая схема такой конкретизации. Эта схема может рассматриваться

как адекватная формализация точного понятия алгоритма (при работе с моделями с нелокальным преобразованием информации нужно разбить нелокальные шаги на локальные, как было замечено выше).

Вычислительную модель, определяемую этой наиболее общей схемой, мы называем *машинами Колмогорова* (точное определение будет дано в § 1.2).

Мы видим, что общее понятие алгоритма опирается на некоторые предварительные понятия — прежде всего на понятие состояния алгоритмического процесса и понятие непосредственной переработки; оба этих понятия уточняются на основе материала § 1.0: состояния суть конструктивные объекты, а непосредственная переработка (в случае локального преобразования информации) задается набором локальных действий (см. § 1.2).

Состояние вычисления (в смысле Колмогорова) для произвольной вычислительной модели может не быть непосредственно конструктивным объектом. Для машины Тьюринга, например, ее полное состояние в каждый отдельный момент времени включает в себя информацию о записи на ленте, о положении головки и о внутреннем состоянии; для машины Поста надо знать запись на ленте, положение головки и адрес, или номер, подлежащей выполнению команды. Путем подходящих соглашений о способе кодирования можно, однако, оформить каждое такое состояние в виде конструктивного объекта и, более того, в виде объекта из некоторого единого (для рассматриваемой вычислительной модели) ансамбля.

Рассмотрим, например, машины Тьюринга с данным рабочим алфавитом A . Тогда, закодирав каждое внутреннее состояние в виде некоторого слова подходящего алфавита B , не пересекающегося с A , введя специальный символ для обозначения положения головки и т. д., можно оформить каждое состояние машины в виде слова в некотором фиксированном алфавите (включающем алфавиты A , B и, если нужно, еще некоторые знаки) или в виде комплекса некоторого фиксированного колмогоровского ансамбля. Если мы рассматриваем в качестве вычислительной модели машины Тьюринга с не фиксированным заранее рабочим алфавитом, то должны договориться о способе кодирования букв произвольного алфавита словами некоторого фиксированного алфавита и т. п. Во всех случаях такое «погружение» множества полных состояний машины в некоторый ансамбль легко

осуществить, и в дальнейшем мы будем предполагать его выполненным.

1.1.1. X — Y -алгоритмы. Полное описание всякого алгоритма начинается с того, что фиксируются два ансамбля — «ансамбль X допустимых исходных данных (или допустимых входов)» и «ансамбль Y допустимых результатов (или допустимых выходов)». Ансамбль X называется *ансамблем входов*, а ансамбль Y называется *ансамблем выходов*. Произвольный алгоритм с ансамблем входов X и ансамблем выходов Y кратко называется *X — Y -алгоритмом*. Имеется в виду, что мы пытаемся применить X — Y -алгоритм к каждому элементу X и что, если результат существует, он принадлежит Y . *Областью определения*, или *областью применимости*, алгоритма является подмножество ансамбля входов; это подмножество состоит из всех тех входов, для которых алгоритм выдает результат. Каждый алгоритм задает функцию, определенную на его области применимости: значение функции на аргументе x равно результату алгоритма при входе x . Про такую функцию говорят, что она *вычисляется* рассматриваемым алгоритмом. Два алгоритма называются *эквивалентными*, если их области определения совпадают и для каждого входа из этой общей области совпадают соответствующие результаты; эквивалентные алгоритмы, таким образом, вычисляют одну и ту же функцию. Пусть A и B суть некоторые множества. Если область определения алгоритма \mathcal{A} является подмножеством множества A и каждый результат \mathcal{A} принадлежит B , то алгоритм \mathcal{A} называется *алгоритмом из A в B* (пишем: « $\mathcal{A}; A \rightarrow B$ »).

Результат применения алгоритма \mathcal{A} к исходному данному x обозначается $\mathcal{A}(x)$. Таким образом, эквивалентность алгоритмов \mathcal{A} и \mathcal{B} может быть записана как $\mathcal{A}(x) \simeq \mathcal{B}(x)$.

§ 1.2. Представительные вычислительные модели

1.2.0. Открытие, обсуждаемое в этом параграфе, заключается в указании точно очерченного и представительного класса алгоритмов. *Представительность* означает существование таких ансамблей X, Y , что рассматриваемый класс содержит алгоритм, эквивалентный (т. е. определяющий ту же функцию) любому заранее заданному X — Y алгоритму.

Проблема существования таких классов глубоко нетривиальна. Априори не очевидно, что представительный класс

алгоритмов может быть описан в точных терминах и трактоваться как предмет изучения традиционной теоретико-множественной математики. Исторически первыми примерами таких классов служат классы алгоритмов, осуществляемых на вычислительных моделях Тьюринга (см. [Тьюринг, 1936], а также уточняющую критику в [Пост, 1947]) и Поста (см. [Пост, 1936]). Более поздние примеры — нормальные алгорифмы Маркова и алгоритмы, осуществляемые на машинах Колмогорова (алгоритмы Колмогорова).

1.2.1. Машины Колмогорова. Обратимся к цитате из [Колмогоров, 1953], приведенной нами в § 1.1. Определение машин Колмогорова (как и вообще всякой вычислительной модели, в том числе с нелокальным преобразованием информации) заключается в конкретизации входящих в эту цитату понятий.

Состояниями объявляются комплексы из некоторого ансамбля колмогоровских B -комплексов. Фиксируется некоторый показатель локальности r ; тем самым возникает понятие r -локального действия. Для машины Γ указывается оператор непосредственной переработки Ω_Γ . Оператор непосредственной переработки задается конечным набором колмогоровских r -локальных действий в попарно различными левыми частями в задающих эти действия строчках.

Применение оператора к комплексу S состоит в применении того (ровно одного) действия из этого набора, которое оказывается применимым; если ни одно из действий неприменимо, то и оператор неприменим. Задаваемые таким образом преобразования комплексов мы и будем называть *локальными операциями* (в интуитивном смысле этот термин уже появлялся в § 1.1). Теперь можно сказать, что в машинах Колмогорова непосредственная переработка является локальной операцией. Работа машины заключается в последовательном переходе от начального состояния A^0 к состоянию $A^1 = \Omega_\Gamma(A^0)$, от состояния A^1 к состоянию $A^2 = \Omega_\Gamma(A^1)$ и т. д., пока не возникнет сигнал окончания. Требуется, чтобы появление сигнала окончания задавалось локальным свойством. Если сигнал окончания возникает на состоянии A^n , оператор Ω_Γ применяется еще ровно один раз, алгоритмический процесс прекращается и состояние $A^{n+1} = \Omega_\Gamma(A^n)$ объявляется результатом работы машины при исходном данном A^0 .

Колмогоровский подход приводит (при несущественных изменениях в технических деталях) к алгоритмам из

[Колмогоров, Успенский, 1958]; изложению этих алгоритмов был посвящен § 3 гл. 1 монографии [Глушков, 1964].

Определение Колмогорова естественно применимо и к алгоритмам, обрабатывающим (B, k) -комплексы. Для этого нужно заменить в определении оператора непосредственной переработки колмогоровские действия на действия в ансамбле (B, k) -комплексов. С неформальной точки зрения основное отличие получаемых так алгоритмов от алгоритмов, задаваемых описанными выше машинами Колмогорова, состоит в использовании ориентированных графов (с произвольным числом ребер, входящих в вершины графов одного ансамбля). Имея в виду это соображение, мы закрепляем за получаемыми вычислительными устройствами название «*ориентированные машины Колмогорова*».

В 1970 г. Шёнхаге (см. [Шёнхаге, 1970]) предложил вычислительную модель в виде «*машин с модифицируемой памятью*» (это предложенный в [Слисенко, 1981, гл. 3, § 1, п. 1] перевод термина Шёнхаге «storage modification machines», сокращенно SMM). Во введении к статье [Шёнхаге, 1980] Шёнхаге пишет: «Как нам было указано многими коллегами, Колмогоров и Успенский ввели в рассмотрение машинную модель, весьма близкую к машинам с модифицируемой памятью, значительно ранее». *Машины Шёнхаге* можно рассматривать как специальный вид ориентированных машин Колмогорова (несколько подробнее об этом будет сказано ниже), и поэтому для обозначения этих машин в обзоре [Слисенко, 1981] использовался термин «*алгоритмы Колмогорова — Шёнхаге*» (тогда как для обозначения машин Колмогорова в [Слисенко, 1981] использовался термин «*алгоритмы Колмогорова — Успенского*»). Возможно, было бы правильнее называть ориентированные машины Колмогорова (а тем самым и алгоритмы Шёнхаге) *алгоритмами о полулокальном преобразовании информации*: действительно, при осуществлении одного шага работы алгоритма вновь появившаяся вершина может оказаться концом сколь угодно большого числа ребер.

Определение машин с модифицируемой памятью, или машин Шёнхаге, приводится нами в добавлении к настоящему параграфу. Вкратце, основные отличия этой вычислительной модели от ориентированных машин Колмогорова состоят в следующем: 1) помечены ребра, а не вершины; 2) команды являются специальным видом команд ориентированных машин Колмогорова; 3) на командах задана управляющая структура с помощью линейного упорядоче-

ния команд и операторов перехода; 4) имеются входная и выходная ленты (на которых записываются слова в алфавите $\{0, 1\}$) и соответствующие команды.

Выше уже отмечалось, что определение алгоритмов, предложенное Колмогоровым, было призвано охватывать все другие виды алгоритмов. И действительно, машины Колмогорова непосредственно моделируют работу других известных видов алгоритмов с локальным преобразованием информации. Для алгоритмов с нелокальным преобразованием информации, таких, как нормальные алгорифмы или машины с произвольным доступом к памяти (см. [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974]), требуется предварительное разбиение их шагов на локальные шаги.

Тезис о возможности прямого моделирования алгоритмов с локальным преобразованием информации машинами Колмогорова может на первый взгляд вызвать возражения. Действительно, существование машины Колмогорова, непосредственно моделирующей машину Тьюринга с плоскостной памятью («плоской лентой»), не является самоочевидным; доказательство такого существования требует весьма тонких построений. Так обстоит дело, например, при конструировании машины Колмогорова, решающей задачу «о распознавании самопересечения плоской траектории», см. [Кубинец, 1972]; существование же машины Тьюринга с плоской лентой, решающей эту задачу, очевидно.

Дело здесь, однако, в том, что в действительности на вход рассматриваемой машины Тьюринга с плоской лентой подается не только аргумент, но и необходимая часть рабочей памяти, т. е. плоскости, стандартным образом разбитой на клетки. Это разбиение и возникающее в силу него отношение соседства клеток машина может использовать в своей работе. Если на вход машины Колмогорова подавать вместе с аргументом соответствующую часть плоскости, разбитой на клетки, то моделирование машины Тьюринга машиной Колмогорова становится очевидным. Тем не менее даже и без подачи на вход машины Колмогорова участка плоскости моделирование оказывается в некотором, уточняемом ниже, смысле возможным — машина Колмогорова оказывается в состоянии «достраивать» нужные участки памяти по ходу вычисления; как это делается, показано в [Шёнхаге, 1980].

1.2.2. Формальные задания. Каждая вычислительная модель влечет за собой существование, определенного, спе-

цифичного для этой модели класса *формальных заданий* алгоритмов, которые могут быть реализованы в этой модели. Например, говоря для начала несколько грубо, для нормальных алгоритмов Маркова роль формального задания играет схема нормального алгоритма, для машин Тьюринга — система команд, для машин Колмогорова — множество команд вида $U \rightarrow \langle W, \gamma \rangle$. Дальнейшее уточнение понятия формального задания предполагает, что указанные схемы, системы и множества изображены в виде конструктивных объектов.

Наше понятие формального задания совпадает, по существу, с понятием изображения алгоритма, объясненным в [Нагорный, 1977б] следующим образом: «Алгоритма изображение — конструктивный объект определенного вида... содержащий в себе закодированную по фиксированным для алгоритмов данного типа правилам полную информацию об этом алгоритме. Обычно определение изображения алгоритма формулируется таким образом, чтобы процедуры получения изображения алгоритма по исходному алгоритму и восстановления исходного алгоритма по изображению алгоритма осуществлялись по возможности более просто». В действительности для того чтобы объяснить какую-либо вычислительную модель, достаточно предъявить определенный *Универсальный Рецепт*, который по каждому формальному заданию и по каждому входу позволяет получить соответствующий выход. (Ср. формулировку из [Криницкий, 1977а, § 0], толкующую понятность алгоритма «как знание того, что должно быть сделано для его исполнения, т. е. как наличие алгоритма выполнения алгоритма».)

Если формальные описания и исходные данные разумным образом закодированы, пара (формальное описание, исходное данное) превращается в элемент подходящего ансамбля, а *Универсальный Рецепт* превращается в интерпретатор или даже — в случае представительной модели — в универсальный алгоритм (см. § 1.14).

В соответствии с только что сказанным, вся дескриптивная теория алгоритмов может рассматриваться как теория единственного универсального алгоритма, построенного на основе определенной представительной модели. Казалось бы, различные универсальные алгоритмы могут приводить к различным теориям алгоритмов. Оказывается, однако, что это не так: теория алгоритмов единственна. Подтверждением этой единственности служат *теорема Роджерса* об изоморфизме гёделевых нумераций и *теорема Мучника*

об изоморфизме вычислительных структур. Подробнее об этих теоремах будет сказано в § 1.14.

Отметим те особенности, которые отличают формальное задание алгоритма вычисления на данной модели от интуитивного понятия алгоритма как предписания. Прежде всего, как уже упоминалось, формальное задание должно быть конструктивным объектом; предписание же может трактоваться как смысл повелительного текста (тем не менее, как показывают приведенные выше примеры, формальные задания, даже для одной и той же модели, не принадлежат, вообще говоря, никакому единому ансамблю). Далее, формальное задание касается только оператора непосредственной переработки, в частности входная и выходная процедуры (см. ниже) не входят в формальное задание.

Наконец, все предписания (даже если их понимать как тексты, а не как смыслы текстов), описывающие вычисления на данной модели, могут содержать некоторую общую информацию. Например, для нормального алгоритма Маркова к такой информации относится указание о том, что формула подстановки применяется к самому вхождению. Для машин Тьюринга предписание содержит объяснение понятий «лента», «головка», «сдвиг влево» и т. д. Естественно, эта общая информация может не входить в формальное задание конкретного алгоритма.

1.2.3. Представительные модели. Пусть X, X', Y, Y' — ансамбли. В силу изоморфизма ансамблей каждый представительный класс алгоритмов из X в Y автоматически порождает представительный класс алгоритмов из X' в Y' . Поэтому для дескриптивной теории алгоритмов (но не для теории сложности и не для конструкций специальных алгоритмов) достаточно изучать только X — Y -алгоритмы для произвольных, но фиксированных X и Y . В частности, можно предполагать, что $X=Y$. В качестве X , далее, можно взять множество всех слов в каком-либо алфавите (в случае однобуквенного алфавита это множество может интерпретироваться как множество \mathbb{N} всех натуральных чисел (ср. [Роджерс, 1967, § 1.10])).

Пусть задана вычислительная модель и пусть X и Y суть ансамбли. Договоримся о какой-либо *входной процедуре* (или *правиле начала*), с помощью которой любой элемент $x \in X$ вводится в модель в виде начального состояния (например, о том, как число $n \in \mathbb{N}$ преобразуется в начальное состояние машины Тьюринга — о термине «состояние» см. выше § 1.1), и о какой-либо *выходной процедуре* (или

правиле извлечения результата), с помощью которой из заключительного состояния извлекается элемент $y \in Y$. Мы предполагаем, что эти процедуры преобразуют объект локальным образом — в колмогоровских терминах они представляют собой однократное применение подходящих локальных операций. Тогда любое допустимое для данной модели формальное задание алгоритма задает следующий алгоритм из X в Y : берется элемент x и вводится в виде начального состояния, к получившемуся начальному состоянию применяется формальное задание, процесс применения продолжается до тех пор, пока не возникает заключительное состояние, из него извлекается y . Тем самым с вычислительной моделью в целом оказывается сопряженным некоторый класс алгоритмов из X в Y (который в силу предложенного описания является точно очерченным). В дальнейшем, рассматривая вычислительные модели, мы будем, для упрощения изложения, фиксировать соответствующие ансамбли X и Y , при этом мы не будем упоминать о входной и выходной процедурах, считая, что они определены вычислительной моделью и ансамблями входов и выходов.

Итак, пусть дана вычислительная модель с ансамблем входов X и ансамблем выходов Y . Если класс алгоритмов из X в Y , связанный с этой моделью (и, следовательно, точно очерченный), является представительным (в том смысле, что для каждого X — Y -алгоритма найдется эквивалентный ему алгоритм из этого класса), данная модель называется *X — Y -представительной*. Модель называется *представительной*, если она является X — Y -представительной для некоторых X, Y . Вычислительные модели Тьюринга и Поста служат исторически первыми примерами представительных моделей. (Машины Поста являются \mathbb{N} — \mathbb{N} -представительными, а машины Тьюринга — X — Y -представительными, если X и Y — словарные ансамбли.)

Машины Тьюринга с фиксированным ленточным алфавитом и произвольным числом внутренних состояний также образуют представительную модель. Пример непредставительной вычислительной модели — машины Тьюринга с фиксированным ленточным алфавитом и фиксированным числом внутренних состояний. Разумеется, всевозможные (ориентированные или неориентированные) машины Колмогорова также составляют представительную модель. Более того, все колмогоровские машины, работающие в подходящем ансамбле B -комплексов, образуют представительную модель, если алфавит B содержит не менее четырех букв.

Важно понимать, что представительные вычислительные модели не являются формализациями понятия алгоритма: они только обеспечивают подъездные пути для формализации понятия вычислимой (посредством какого-либо алгоритма) функции. В самом деле, если бы мы объявили, что алгоритмами являются только те, которые реализуются машинами Тьюринга, то нормальные алгорифмы Маркова нельзя было бы рассматривать как алгоритмы, и для них мы не смогли бы измерять, скажем, сложность вычисления.

Машины Колмогорова могут рассматриваться, таким образом, в двух аспектах:

1) как одна из представительных вычислительных моделей;

2) как математическое определение общего понятия алгоритма — в том смысле, что любой алгоритм с локальными шагами непосредственно подпадает под это определение (этот второй аспект выделяет машины Колмогорова среди всех прочих представительных моделей).

1.2.4. Тезис Чёрча. Утверждение о представительности точно очерченного класса алгоритмов (т. е. о представительности соответствующей вычислительной модели) составляет содержание *тезиса Чёрча* для этого класса или для этой модели. Таким образом, мы понимаем этот тезис в широком смысле (как в [Роджерс, 1967, § 1.7]). Тезис Чёрча в узком смысле утверждает, что всякая вычислимая функция с натуральными аргументами и значениями частично рекурсивна (см. [Клини, 1952, § 63]). Эту формулировку, строго говоря, следовало бы назвать тезисом Чёрча — Клини, поскольку первоначальная формулировка Чёрча говорит лишь о всюду определенных вычислимых функциях и утверждает их общерекурсивность (см. [Клини, 1952, § 60]). Тьюринг в [Тьюринг, 1936] и Пост в [Пост, 1936] утверждают, что класс всех всюду определенных функций, вычислимых в определенной модели, совпадает с классом всех всюду определенных вычислимых функций (для фиксированных ансамблей). Поэтому тезис Чёрча может быть назван тезисом Тьюринга, или тезисом Поста, или тезисом Чёрча — Тьюринга — Поста. Вспоминая роль Клини в формулировании этого тезиса — переход к частично рекурсивным функциям, — можно также называть его тезисом Чёрча — Тьюринга — Поста — Клини.

1.2.5. Языки программирования. Роль адекватных формализаций понятия алгоритма могут играть и так называемые языки программирования: действительно, эти языки

могут быть использованы для задания точно очерченного и представительного класса алгоритмов. При этом не каждый осмысленный текст на языке программирования нужно обязательно понимать как алгоритм; существенно лишь, чтобы каждый алгоритм мог быть записан на языке.

Для математика, занимающегося теорией алгоритмов, среди языков программирования наибольший интерес представляют лисп Маккарти и алгол-68 ван Вейнгаардена. Можно строить и так называемые абстрактные языки программирования, выступающие в качестве математических моделей реальных языков программирования; эти абстрактные языки, в свою очередь, также можно рассматривать как формальные описания понятия алгоритма. Среди абстрактных языков программирования выделяем язык операторных алгоритмов А. П. Ершова (см. [Ершов А., 1960], [Ершов А., 1962]); эти алгоритмы под названием «вычислительные алгоритмы» были изложены впервые в феврале — марте 1958 г. в докладе А. П. Ершова на семинаре П. С. Новикова и С. А. Яновской в Московском университете.

Добавление к § 1.2. Машины Шёнхаге

Здесь мы приводим подробное описание этих машин, следуя [Шёнхаге, 1980]. Состояния каждой машины являются конструктивными объектами определенного рода. Начнем с описания этих объектов. Как мы уже замечали, это (B, k) -комплексы, у которых алфавит B состоит из одной буквы (тем самым можно считать, что вершины комплекса не помечены вовсе) и из каждой вершины выходит ровно k ребер. Шёнхаге называет их Δ -структурами. Приведем определение Δ -структуры из [Шёнхаге, 1980]. Пусть задан конечный алфавит Δ . Его элементы называются направлениями (имеется в виду аналогия с направлениями перемещения головки машины Тьюринга) и играют роль, аналогичную роли чисел $1, \dots, k-1$ в определении (B, k) -комплексов. Δ -структура — это конечный ориентированный граф, из каждой вершины которого выходит одно и то же количество ребер, помеченных взаимно однозначным образом элементами Δ ; одна из вершин выделена и называется начальной вершиной, или центром, Δ -структуры, и все вершины достижимы по ориентированным путям из этого центра.

Говоря несколько более формально, Δ -структура — это тройка $\langle X, a, \rho \rangle$, где X — конечное множество вершин,

$a \in X$ — центр, $p = \{p_\alpha | \alpha \in \Delta\}$ — семейство отображений X в X , причем $p_\alpha(x)$ — это вершина, в которую из вершины x идет ребро, помеченное направлением α . Обозначим через Δ^* множество всех слов в алфавите Δ , через \square — пустое слово. Для всякой Δ -структуры $S = \langle X, a, p \rangle$ отображение $A_S: \Delta^* \rightarrow X$ определено следующим образом:

$$\begin{aligned} A_S(\square) &= a, \\ A_S(W\alpha) &= p_\alpha(A_S(W)), \quad \alpha \in \Delta, \quad W \in \Delta^*. \end{aligned}$$

Если $A_S(W) = x$, то W называется адресом вершины x (в Δ -структуре S). Определение Δ -структуры требует, чтобы все вершины имели адреса.

Машина Шёнхаге имеет входную и выходную ленты с головками на них, на лентах записываются слова в алфавите $\{0, 1\}$. Кроме того, имеются рабочая память, которая в каждый момент работы машины является некоторой Δ -структурой, и, наконец, программа — конечная последовательность команд описываемых ниже типов. Каждая команда может быть либо операцией, либо проверкой, либо остановом. Смысл команды *останов* очевиден. *Операции* подразделяются на операции над входной лентой, выходной лентой и рабочей памятью. Операция над входной лентой одна — сдвиг головки на один символ вправо. Операций над входной лентой две — печать символа 0 или 1 в конце уже напечатанного на выходной ленте слова.

Операции над рабочей памятью бывают одного из трех типов. Мы опишем, как команды каждого из типов преобразуют Δ -структуру $S = \langle X, a, p \rangle$ в новую Δ -структуру $\bar{S} = \langle \bar{X}, \bar{a}, \bar{p} \rangle$.

1. Команда добавления новой вершины пев W , где $W \in \Delta^*$. Новое множество вершин состоит из элементов X и еще одной — новой — вершины, обозначим ее y . Для всех $\delta \in \Delta$ полагаем $p_\delta(y) = a$. Если $W = \square$, то $\bar{a} = y$ и при всех $\delta \in \Delta$, $x \in X$ значение $\bar{p}_\delta(x)$ задается как совпадающее с $p_\delta(x)$. В терминах теории графов: к имеющемуся графу добавляется новая вершина, она объявляется начальной, и все ребра, которые должны выходить из этой вершины, ведут в старую начальную вершину. Пусть теперь W имеет вид $U\alpha$, где $U \in \Delta^*$, $\alpha \in \Delta$. Тогда $\bar{a} = a$, $\bar{p}_\alpha(A_S(U)) = y$; для всех $z \in X$, $\delta \in \Delta$, если $z \neq A_S(U)$ или $\delta \neq \alpha$, полагаем $\bar{p}_\delta(z) = p_\delta(z)$. В терминах теории графов: добавляется новая вершина, все ребра из нее идут в начальную вершину, одну и ту же и в старом, и в новом графе, а в новую вершину ведет

ровно одно ребро, это ребро помечено направлением α и исходит из вершины с адресом U .

2. Перенос начальной вершины $\text{set } \square \text{ to } V$. Полагаем $\bar{a} = A_S(V)$, к \bar{X} относим вершины, достижимые из вершины \bar{a} по путям, определяемым семейством p . После этого определяем \bar{p} как семейство $\{\bar{p}_\alpha | \alpha \in \Delta\}$, где \bar{p}_α получается сужением p_α на \bar{X} .

3. Поворот ребра $\text{set } U\alpha \text{ to } V$, где $U, V \in \Delta^*$, $\alpha \in \Delta$. Полагаем $\bar{a} = a$, $\bar{p}_\alpha(A_S(U)) = A_S(V)$, не меняя $p_\delta(z)$ при других δ, z . В терминах теории графов: единственное возможное отличие получающейся Δ -структуры от S состоит в том, что ребро, помеченное направлением α , ведет из вершины с адресом U в вершину с адресом V , а не в ту вершину, куда оно шло в структуре S . После этого, как и в команде второго типа, оставляем лишь достижимые вершины и соответственно сужаем отображения p_δ .

После выполнения операции происходит переход к выполнению следующей в программе команды; если такой нет, то машина останавливается.

Всякая проверка имеет вид $\text{if } P \text{ then } \mu \text{ else } \nu$, где μ, ν — натуральные числа, не превосходящие числа команд в программе, а P — предикат одного из следующих двух видов:

1) $A_S(U) = A_S(V)$, что означает совпадение вершин с адресами U и V Δ -структуры S ;

2) $\text{input} = \beta$, что означает совпадение считываемого символа с β , где β есть 0 или 1 или символ конца входной ленты. В результате выполнения проверки память не меняется и происходит переход к команде, имеющей в программе номер μ , если P истинен, и к команде, имеющей номер ν , если P ложен.

Работа машины начинается с выполнения первой команды программы, головка на входной ленте ставится на первый символ, память представляет собой Δ -структуру с единственной вершиной — центром.

§ 1.3. Общее понятие исчисления как самостоятельное (отдельное) понятие

1.3.0. Общее понятие *исчисления*, или *дедуктивной системы* ¹⁾, столь же фундаментально, как и понятие алгоритма, и должно рассматриваться отдельно от каких бы то ни было

¹⁾ См. [Маслов, 1986].

формальных уточнений. Понятие исчисления отражает и обобщает интуитивное представление об индуктивном порождении множества ([см. Маслов, 1967], [Эббинхауз, 1970], [Маслов, 1979]). Математические истоки понятия исчисления восходят к древности (см. [Яновская, 1962]). Игры с четкими правилами: шахматы, домино, маджонг, различные карточные игры были, вероятно, первыми реальными примерами исчислений. (Разумеется, рассматривая игру как исчисление, мы полностью отвлекаемся от ее «игровых» аспектов — состязательности и прочего, — а интересуемся исключительно ее, так сказать, «юридической стороной» — возможностью совершать действия, выполняемые по определенным правилам.)

Дифференциальное исчисление и интегральное исчисление могут считаться примерами исчислений, если трактовать их как процедуры, позволяющие порождать верные равенства вида

$$dF(x) = f(x) dx \quad \text{и} \quad \int f(x) dx = F(x),$$

отправляясь от исходных, или «табличных», равенств и применяя такие правила, как правило дифференцирования сложной функции, правило интегрирования по частям и т. п. Значительную роль в развитии общего понятия исчисления сыграли исчисления математической логики, или *логистические системы*. Первые логистические системы появились в конце XIX века в работе Фреге (см. [Фреге, 1879]).

Общее понятие исчисления менее популярно, чем общее понятие алгоритма; в частности, совсем не изучено общее понятие исчисления с локальным преобразованием информации. Возможно, причина такой дискриминации — в давлении вычислительной практики. Терминология, относящаяся к исчислениям (за исключением относящейся к специальным видам исчислений), не устоялась, и авторы должны были лавировать между Сциллой терминологического новаторства и Харибдой терминологической путаницы.

Грубо говоря, исчисление есть конечный список «разрешительных» правил, называемых также *порождающими правилами* (см. [Шанин, 1955, § 1]) или *правилами вывода*. Эти правила разрешают переходить от одних конструктивных объектов к другим (в то время как правила алгоритма повелевают совершать такие переходы).

Типичным примером «разрешительных» правил служат правила шахматной игры, причем в роли конструктивных

объектов, которыми правила оперируют, выступают шахматные позиции, снабженные указанием об очередности хода и еще некоторой дополнительной информацией⁴⁾.

Позицию, дополненную всей необходимой для применения правил игры информацией, естественно называть *состоянием игры*. Именно состояния игры следует рассматривать как те конструктивные объекты, над которыми совершаются операции шахматного исчисления.

Другой пример — игра домино. Состояние пары здесь складывается из расположения костей на столе, информации о наличии костей у игроков и в куче и информации об очередности хода. Как и в шахматах, правила дают возможность переходить от рассматриваемого состояния к одному из нескольких непосредственно следующих.

Подобно тому как алгоритм задает *алгоритмический*, или *вычислительный*, процесс (т. е. процесс работы алгоритма), каждое исчисление задает *исчислительный*, или *порождающий*, процесс, т. е. процесс работы исчисления. Этот процесс разбивается на отдельные *шаги* (*этапы* согласно [Шанин, 1955, § 1]). Каждый шаг состоит в получении нового объекта из уже полученных к началу этого шага объектов; получение нового объекта осуществляется путем применения произвольного «разрешительного» правила, входящего в данное исчисление. Объекты, к которым применяется правило, называются его *посылками*. Заметим, что применение одного и того же правила к одним и тем же посылкам может давать разные результаты; правило может применяться различным образом. (Например, имеется правило хода пешки — но оно может применяться к разным пешкам.) Однако, если фиксировать правило и посылки, число различных результатов оказывается всегда конечным. Для каждого правила число посылок фиксировано. Если все такие числа ограничены числом k , исчисление называется *k-посылочным*. Все приведенные примеры игр являются *однопосылочными* исчислениями.

Отражением интуитивного представления об объектах, получающихся в процессе работы исчисления, является по-

⁴⁾ [Шахматный Кодекс СССР, 1969, ст. 15] именует эту дополнительную информацию «внутренними возможностями позиции», а [Шахматный Кодекс, 1981, ст. 12] — «возможностями игры». Дело в том, что знания одной только позиции, т. е. расположения фигур на доске, и даже очередности хода недостаточно для применения правил игры: необходимо, например, знать еще, ходил ли ранее король и кое-что другое.

нятие *допустимого* (для данного исчисления) объекта. Определение этого понятия индуктивное.

Если объект b получается из a_1, \dots, a_n применением одного из «разрешительных» правил исчисления и если a_1, \dots, a_n являются допустимыми объектами, то и b объявляется допустимым; это есть шаг индуктивного определения. Начало индукции обеспечивается *нульпосылочными* правилами: если b удовлетворяет такому правилу (т. е. получается применением этого правила «из ничего»), то b объявляется допустимым. Если нульпосылочных правил нет, множество допустимых объектов оказывается пустым. В шахматной игре нульпосылочным является правило, задающее начальное состояние, т. е. начальную позицию с соответствующими начальными «внутренними возможностями» (очередной ход за белыми, король не ходил и т. д.). В логистических исчислениях в силу нульпосылочных правил объявляются доказуемыми аксиомы.

Всякое исчисление работает с объектами некоторого ансамбля W , называемого *рабочей средой* исчисления. Все состояния исчислительного процесса лежат в W . Совокупность всех возможных состояний игры (шахмат, домино) легко погружается в подходящий ансамбль. Работа исчисления заключается в образовании все новых и новых допустимых элементов рабочей среды, или допустимых состояний. Принципиальная разница между алгоритмическим и исчислительным процессами лежит в следующем. В алгоритмическом процессе каждое возникающее состояние однозначно предопределено предшествующим ходом процесса, в исчислительном же процессе возникающее состояние является всего лишь одним из многих возможных допускаемых предшествующим ходом процесса. Если понятие времени связывать с чередованием событий (а событие здесь — появление нового состояния), то можно сказать, что в алгоритмическом процессе время течет линейно, а в исчислительном процессе — разветвленно.

Историю появления данного допустимого состояния в исчислительном процессе можно запечатлеть в виде особого объекта, называемого выводом. Этот объект можно представлять себе расположенным в пространстве. *Вывод* данного допустимого состояния x — это дерево, во всех вершинах которого находятся какие-то допустимые состояния и всем вершинам поставлены в соответствие правила исчисления так, что:

- 1) в корне находится x и

2) для всякой вершины v дерева, если y — состояние, находящееся в этой вершине, а y_1, \dots, y_k — все состояния, находящиеся в тех вершинах, куда идут ребра из v , то y получается из y_1, \dots, y_k по правилу, сопоставленному с вершиной v .

(Таким образом, пометки на листьях дерева получены в силу нульпосылочных правил.) Для однопосылочных исчислений получаемые так выводы оказываются цепями.

Продолжая уточнять наши представления об исчислениях, мы обнаруживаем, что конечный список «разрешительных» правил образует хотя и важнейшую, но лишь одну из составных частей исчисления (он составляет, так сказать, «ядро» исчисления — подобно тому, как оператор непосредственной переработки составляет «ядро» алгоритма).

Второй составной частью служит инструкция о разделении элементов на *основные* и *вспомогательные*. Наличие этих двух составных частей во всяком исчислении явно отмечено в [Цейтин, 1964]. Мы будем называть эту инструкцию *правилом выделения основных состояний*. Необходимость в таком правиле вызвана тем, что нас могут интересовать не все допустимые состояния, а лишь состояния специального вида (они-то и называются основными), тогда как другие состояния рассматриваются лишь как вспомогательное средство для получения основных состояний. Роль правила выделения основных состояний для исчислений аналогична роли сигнала о получении решения для алгоритмов.

Наконец, третьей составной частью исчисления является *правило извлечения результата*, или *выходная процедура*. Эта процедура аналогична выходной процедуре из § 1.2. Выходная процедура преобразует каждое основное состояние в некоторый объект. Результат применения выходной процедуры к произвольному допустимому основному объекту называется *результатом*, или *выходом* исчисления. Про всякий такой объект будем также говорить, что он *порождается исчислением*. Про множество всех объектов, порождаемых исчислением, также будем говорить, что оно *порождается исчислением*. Два исчисления *эквивалентны*, если они порождают одно и то же множество. Предполагается, что множество, порождаемое исчислением, расположено в некотором ансамбле — *ансамбле выходов* рассматриваемого исчисления. Поясним все сказанное на двух примерах.

Шахматный пример. Цель — построение исчисления, порождающего всевозможные патовые позиции на шахматной доске. В качестве «разрешительных» правил

берем правила игры в шахматы. Основными объявляем патовые состояния (здесь важно вспомнить, что в состоянии игры включена и очередность хода). Выходная процедура — переход от состояния к позиции (т. е. отбрасывание всей дополнительной информации).

Логистический пример. Цель — построение исчисления, порождающего всевозможные доказуемые формулы какой-либо фиксированной логистической системы (иначе — формальной аксиоматической теории). Пусть B — алфавит этой системы. Мы предполагаем известными обычные правила образования (они же правила построения) и правила преобразования (они же правила вывода), согласно которым переменные (p), термы (t), формулы (f) и доказуемые формулы (d) выделяются среди всех слов в алфавите B (поскольку B конечен, а количество переменных бесконечно, переменные суть некоторые слова, а не просто буквы). Теперь строим наше исчисление. Состояния в нем имеют вид $\langle a, b \rangle$, где a есть одна из букв « p », « t », « f » или « d », а b есть слово в B ; все такие состояния вкладываются в подходящую рабочую среду. Основными объявляются состояния вида $\langle d, b \rangle$. Правило извлечения результата — переход от $\langle d, b \rangle$ к b . Разрешительные правила получаются очевидной модификацией упомянутых выше правил образования и преобразования. Так, правилу, гласящему, что всякая переменная есть терм, соответствует однопосылочное правило, разрешающее переход от любого состояния вида $\langle p, b \rangle$ к состоянию $\langle t, b \rangle$ с тем же b ; правилу заключения соответствует двупосылочное правило, разрешающее переход от $\langle d, b_1 \rangle$ и $\langle d, (b_1 \rightarrow b_2) \rangle$ к $\langle d, b_2 \rangle$. Аксиомам соответствуют нульпосылочные правила: для всякой аксиомы b разрешается «из ничего» сконструировать порожденный объект $\langle d, b \rangle$. Правило суперпозиции термов, дающее по термам t_1 и t_2 новый терм u , приводит к двупосылочному правилу, разрешающему переход от $\langle t, t_1 \rangle$ и $\langle t, t_2 \rangle$ к $\langle t, u \rangle$. Если среди правил преобразования было, скажем, правило подстановки, которое по доказуемой формуле f , переменной x и терму t дает новую доказуемую формулу g (представляющую собою результат подстановки t в f вместо всех свободных вхождений переменной x), то в наше исчисление должно быть включено трехпосылочное правило, обеспечивающее возможность перехода от состояний $\langle d, f \rangle$, $\langle p, x \rangle$, $\langle t, t \rangle$ к состоянию $\langle d, g \rangle$.

Последний пример показывает, что нет необходимости в принудительном отнесении порождаемых объектов к тому

или иному типу (согласно [Шанин, 1955, § 1]) или к той или иной ступени (согласно [Маслов, 1979]): информацию о типе объекта можно «упрятать» внутрь подходящим образом выбранного состояния. Так, вместо того чтобы порождать отдельно термы и отдельно (но с помощью термов) формулы, мы совместно порождали объекты вида $\langle t, b \rangle$ и $\langle f, b \rangle$.

Одни из правил, образующих исчисление, задают те или иные преобразования (или, короче, являются преобразованиями); таковы правила вывода, правило извлечения результата. Другие правила задают свойства (или, короче, являются свойствами); таковы правила выделения основных состояний.

Что можно сказать о природе всех этих правил? В общем случае, по-видимому, ничего, кроме того, что они должны быть достаточно просты. Аналогично обстоит дело и в случае алгоритмов — в общем случае мы ничего не можем сказать о природе правила непосредственной переработки или правила окончания. Однако для алгоритмов колмогоровского типа, т. е. алгоритмов с локальным преобразованием информации, мы можем сказать, что первое из этих правил представляет собою локальную операцию, а второе — локальное свойство.

Сходным образом мы подойдем и к исчислениям с локальным преобразованием информации. Типичный пример таких исчислений — *ассоциативные исчисления и грамматики* математической лингвистики (см. добавление к настоящему параграфу, а также [Клини, 1952, § 71], [Гладкий, 1973], [Гладкий, 1977], [Стоцкий, 1980]). Большинство логистических исчислений не являются исчислениями с локальным преобразованием информации: правила вывода в них, как правило, нелокальны (см. выше логистический пример). Однако, как и в случае алгоритмов, нелокальные шаги можно расщепить на локальные, т. е., по существу, заменить одно исчисление (нелокальное) на другое (локальное), эквивалентное исходному. Общий вид исчисления с локальным преобразованием информации (или исчисления колмогоровского типа) легко получается конструкцией порождающей модели, аналогичной машинам Колмогорова. Сейчас мы к этому и перейдем.

Итак, даем определение понятия *исчисления с локальным преобразованием информации* или, другими словами, *исчисления колмогоровского типа*. Рабочей средой будем считать некоторый ансамбль (B, k) -комплексов или колмогоровских B -комплексов. От выходной процедуры мы требуем,

чтобы она представляла собой локальную операцию (см. § 1.2), от правила выделения основных состояний — чтобы оно было локальным свойством. Каждое из «разрешительных» правил должно быть локальным действием в том смысле, как это было определено в § 1.0.

Отдельного рассмотрения требует случай нульпосылочных разрешительных правил — правил «вывода из ничего». Дело в том, что локальные действия могут применяться к комплексам, а то «ничто», к которому применяется нульпосылочное правило, не есть комплекс. Мы будем считать, что каждое нульпосылочное правило объявляет допустимым (т. е. «разрешает вывести из ничего») некоторый фиксированный комплекс. Таким образом, допустимыми в силу нульпосылочных правил будет лишь конечное число комплексов (не больше, чем имеется нульпосылочных правил).

В случае k -посылочного правила при $k \geq 1$ «разрешительное» правило, как уже отмечалось, должно представлять собой локальное действие (в смысле § 1.1); надо только (при $k > 1$) кортеж комплексов a_1, \dots, a_k , к которому применяется правило, сперва представить в виде одного комплекса (нового, «более богатого» ансамбля — как это указано в § 1.0).

Простое, но существенное замечание: каждый ансамбль порождается некоторым исчислением (а значит, и исчислением колмогоровского типа).

С помощью общего понятия исчисления можно глубже осмыслить многие фундаментальные понятия и результаты математической логики. В частности, знаменитая *теорема Гёделя о полноте* утверждает, что все истинные формулы логики предикатов первого порядка, т. е. все законы элементарной логики предикатов, могут быть порождены некоторым исчислением; именно в этом — суть теоремы. С чисто математической точки зрения конкретное построение такого обладающего «свойством полноты» исчисления имеет уже второстепенное значение (удовлетворяющих условию теоремы полных исчислений — бесконечное количество). (С точки зрения истории науки представляет интерес тот факт, что полное исчисление предикатов было угадано логиками за несколько десятилетий до теоремы Гёделя.)

Другая знаменитая теорема Гёделя — *теорема о неполноте* — утверждает, что множество всех истинных формул арифметики (а значит, и множество всех общезначимых фор-

мул логики предикатов второго порядка) не может быть порождено никаким исчислением.

На базе понятия исчисления, по существу, можно изложить всю (по крайней мере, дескриптивную) теорию алгоритмов (см. [Цейтин, 1964]).

1.3.1. Исчисления со входом. В заключение параграфа — об исчислениях со входом. Каждое исчисление можно рассматривать не только как инструмент для образования некоторого множества, а именно порождаемого множества, но и как инструмент для преобразования одних множеств в другие. Пусть, в самом деле, дано исчисление \mathfrak{C} с рабочей средой W , множеством основных объектов $T \subset W$ и порождаемым множеством P , лежащим в некотором ансамбле Y . Фиксируем некоторый ансамбль X — ансамбль входов — и некоторую входную процедуру α , преобразующую элементы X в элементы W (в случае исчислений с локальным преобразованием информации от процедуры α требуется, чтобы она была локальной операцией).

Рассмотрим теперь произвольное множество $A \subset X$ и соответствующее $\alpha(A) \subset W$. Объявим все элементы из $\alpha(A)$ допустимыми — с тем, чтобы эти новые допустимые элементы включились в индуктивный процесс образования допустимых элементов. Шаг индукции, таким образом, не меняется, но меняется начало индукции: допустимыми объявляются не только результаты применения нульпосылочных правил, но и все элементы из $\alpha(A)$. Новое расширенное множество допустимых объектов обозначим через Q_A . К элементам пересечения $Q_A \cap T$ применяем правило извлечения результата и получаем множество $P_A \supset P$. Подобная ситуация имеет место, в частности, когда к формальной аксиоматической теории добавляются аксиомы (A) , которые преобразуются этой теорией в расширенное множество теорем P_A ; способ ввода α здесь — тождественное преобразование.

Описанная только что процедура задает некоторую операцию, приводящую от A к P_A ; это P_A естественно обозначить символом $\mathfrak{C}(A)$. В последнем обозначении в значении символа \mathfrak{C} включена информация о процедуре ввода α ; так понимаемое \mathfrak{C} называется *исчислением с входом*.

Каждое исчисление со входом \mathfrak{C} задает, таким образом, свою *исчислительную операцию*: $A \rightarrow \mathfrak{C}(A)$. Оказывается, что класс исчислительных операций совпадает с классом вычислимых операций (см. § 1.13).

Посредством исчислений со входом можно также задавать бинарные отношения. Именно, исчисление \mathfrak{C} задает отношение

$$R_{\mathfrak{C}} \iff \{ \langle x, y \rangle \mid \mathfrak{C}(\{x\}) \ni y \}.$$

Всякое заданное таким образом множество пар может быть порождено некоторым исчислением.

Добавление к § 1.3. Алгебраические примеры

Понятие исчисления имеет глубокие связи с алгеброй. Мы обозначим сейчас три линии таких связей.

Во-первых, аксиомы, задающие тот или иной вид алгебраических систем (полугрупп, колец, упорядоченных групп и т. д.), записаны, как правило, на узком (иначе — элементарном, первого порядка) языке логики предикатов. Этим аксиомы алгебры отличаются от аксиом топологии, формулируемые в языке теории множеств или в предикатной логике высших типов. Поэтому, в силу теоремы Гёделя о полноте, множество всех элементарных (т. е. записанных на том же элементарном языке) следствий тех или иных алгебраических аксиом (скажем, аксиом теории групп) может быть получено как множество, порожденное исчислением предикатов. Последнее надо при этом понимать как исчисление со входом и на вход подавать как раз рассматриваемые аксиомы (здесь следствие аксиом теории групп понимается как утверждение, верное во всех группах).

Во-вторых, некоторые исчисления, исторически возникающие вне связи с алгеброй, а именно формулируемые ниже ассоциативные исчисления Туэ, имеют ясное алгебраическое содержание. (Как мы увидим, всякое ассоциативное исчисление в алфавите B задает на множестве слов алфавита B , рассматриваемом как полугруппа, некоторую конгруэнцию.)

Наконец, в-третьих, для некоторых конечнопорожденных алгебраических систем (а именно для всех систем, задаваемых квазитождествами, см. ниже) удастся непосредственно построить очень простое исчисление, позволяющее получать все следствия из квазитождеств (в частных случаях из тождеств, из равенств), задающих рассматриваемую систему. (Здесь следствие понимается как утверждение, верное во всех алгебраических системах данного вида, имеющих данное множество образующих, и поэтому теорему Гёделя автоматическим образом применить не удастся.)

Далее мы не будем касаться намеченной выше первой линии, развитием которой является большая область математической логики — теория моделей, а сосредоточимся на второй и третьей. Начнем мы с исчислений Туэ, приведших их открывателя к постановке алгоритмических проблем алгебры, о которых пойдет речь в § 2.1. Туэ рассматривает конечные ряды знаков (*Zeichenreihen*), молчаливо предполагая, что они непусты; в дальнейшем это ограничительное предположение было отброшено. Мотивировки рассмотрений Туэ были философские — он интересовался способами формальных записей понятий (*Begriffen*) и возможностью комбинаторных преобразований одних понятий в другие, эквивалентные (см. [Туэ, 1910]).

Мы изложим построения Туэ, пользуясь вместо термина «ряд знаков» современным термином «слово в алфавите B ». Туэ начинает с того, что выписывает два кортежа непустых слов A и B , состоящие соответственно из слов A_1, \dots, A_n и B_1, \dots, B_n . Два слова U и V в алфавите B называются *эквивалентными* (относительно пары A, B), если для некоторого $m \geq 1$ существует такая последовательность слов C_1, \dots, C_m , что $C_1 = U$, $C_m = V$ и для каждого $i = 1, \dots, m-1$ найдется такое $j \in \{1, \dots, n\}$, что C_{i+1} получается из C_i заменой некоторого вхождения A_j на B_j или заменой некоторого вхождения B_j на A_j . Проницательный читатель уже сообразил, что Туэ изобрел исчисления некоторого специального вида со входом. Правило исчисления гласит:

если U — допустимое слово и при некотором $j \in \{1, \dots, n\}$ слово V получается из U заменой какого-то вхождения A_j на B_j или B_j на A_j , то V допустимо.

Итак, в исчислении присутствует одно однопосылочное правило, хотя это правило можно было бы разбить на несколько, введя свое правило замены для каждого отдельного j . Остается разобраться, что здесь будет рабочей средой, основными состояниями и выходной процедурой. Рабочая среда проста — это ансамбль B -слов, все состояния основные, выходная процедура, как и во всех алгебраических примерах, которые мы будем рассматривать, тривиальна, она не меняет объекта.

Так задаваемые исчисления называются теперь *ассоциативными исчислениями* (сам Туэ не употреблял этого термина), а определенная выше эквивалентность называется эквивалентностью в заданном ассоциативном исчислении (см. [Нагорный, 1977а]). Это отношение эквивалентности является конгруэнцией на полугруппе B -слов, т. е.

выдерживает умножение справа и слева на элементы этой полугруппы. Фактор-полугруппа по этому отношению называется полугруппой, заданной системой образующих B и системой определяющих соотношений $A_j = B_j$, $j = 1, \dots, m$. Замечательный и простой факт состоит в следующем.

Два произведения образующих равны в этой подгруппе тогда и только тогда, когда они равны во всех полугруппах, в которых выполнены соотношения $A_j = B_j$, $j = 1, \dots, m$. Более того, получившаяся конгруэнция на полугруппе B -слов может быть порождена весьма простым исчислением. Выпишем исчисление, стремясь породить множество, состоящее из всех тех равенств $U = V$, для которых U и V конгруэнтны. Правила исчисления гласят:

- 1) $U = U$ допустимо для любого $U \in B^*$;
- 2) если $U = V$ допустимо и $U' = V'$ при некотором $j \in \{1, \dots, m\}$ получается из $U = V$ заменой некоторого вхождения A_j на B_j или B_j на A_j , то $U' = V'$ допустимо.

Остальные компоненты исчисления восстанавливаются без труда.

В дальнейшем конструкция Туэ обобщалась в двух направлениях. Первое направление начинается с отказа от симметричности исчисления, т. е. в переходе к исчислению со входом со следующим правилом:

если U — допустимое слово и при некотором $j \in \{1, \dots, m\}$ слово V получается из U заменой какого-то вхождения A_j на B_j , то V — допустимо.

Все остальное, как в системах Туэ. Получаются так называемые *полусистемы Туэ*, введенные в [Пост, 1947], частным случаем которых являются системы Туэ. Затем было введено разделение алфавита B на множество основных и вспомогательных символов, и основными считались только состояния, являющиеся словами в алфавите основных символов. Если к тому же перейти к рассмотрению исчислений без входа, но зато, дополнительно, с одним нульпосылочным правилом, то получится определение грамматик (см. [Гладкий, 1973], [Стоцкий, 1980]).

Второе направление — это обобщение ситуации на более широкий класс алгебраических систем, чем полугруппы, и на более широкий класс соотношений, чем равенства произведений образующих. Но тут нам придется сперва позаботиться о терминологии.

Алгебраические системы; алгебры. Естественным источником задач и полем приложений теории алгоритмов оказывается алгебра. Подробнее об этих задачах и приложе-

ниях мы скажем в § 2.1, сейчас же, говоря об исчислениях, мы объясним, откуда исчисления берутся в алгебре. Начнем с чисто алгебраических определений. *Сигнатурой* называется множество символов, разбитое на два подмножества:

1) множество *функциональных имен*, для каждого из которых указано натуральное число — *валентность* (число аргументов);

2) множество *предикатных имен*, для каждого из которых также указана его *валентность*.

Имена валентности n называются также *n -местными* (функциональными, предикатными) *именами*. Функциональные имена валентности нуль называются также *предметными именами*. Сигнатуры, если не оговорено противное, будем предполагать конечными.

Алгебраической системой сигнатуры σ называется произвольное непустое множество M — носитель алгебраической системы — вместе с отображением (называемым интерпретацией), сопоставляющим с элементами сигнатуры их значения (в определяемой алгебраической системе): значением n -местного функционального имени служит n -местная операция на M (значение предметного имени — элемент M), значением n -местного предикатного имени служит n -местное отношение на M . Если в сигнатуре присутствуют только предикатные и предметные имена, алгебраическая система называется *реляционной*, если только функциональные (в том числе предметные) имена, алгебраическая система называется *операционной*. Операционные системы называются также *алгебрами*.

Замкнутый терм данной сигнатуры σ определяется так: пусть f есть n -местное функциональное имя из σ , тогда:

при $n=0$ f — замкнутый терм,

при $n > 0$, если t_1, \dots, t_n — замкнутые термы, то и $f(t_1, \dots, t_n)$ — замкнутый терм.

Таким образом, замкнутые термы — это некоторые конструктивные объекты, а именно специального вида слова в алфавите функциональных имен, двух скобок и запятой. Более естественно представлять замкнутые термы в виде (B, k) -деревьев, где B — алфавит функциональных имен, k — максимальная валентность функционального имени (см. § 1.0).

В дальнейшем мы предполагаем, что в сигнатуре непременно присутствуют предметные имена и потому множество всех замкнутых термов рассматриваемой сигнатуры непусто.

сто. В таком случае множество всех замкнутых термов данной сигнатуры σ легко превратить в алгебраическую систему этой сигнатуры. Для этого нужно значением всякого n -местного функционального имени f из σ объявить:

при $n=0$ — само f ;

при $n > 0$ — отображение, перерабатывающее всякий набор t_1, \dots, t_n в $f(t_1, \dots, t_n)$.

Значениями всех предикатных имен объявим тождественно ложные отношения. Полученную алгебраическую систему назовем *свободной алгебраической системой, порожденной сигнатурой σ* . Таким образом, то, что обычно называется свободной алгеброй сигнатуры ρ с образующими a_1, \dots, a_l , мы называем свободной алгеброй, порожденной сигнатурой $\sigma = \rho \cup \{a_1, \dots, a_l\}$.

Понятным образом (индуктивно) для всякой сигнатуры σ , всякого замкнутого терма t этой сигнатуры и всякой алгебраической системы B этой сигнатуры определено значение t в B . Пусть система B такова, что всякий элемент ее носителя является значением некоторого замкнутого терма сигнатуры σ . Тогда B называется *алгебраической системой, порожденной сигнатурой σ* . Таким образом, произвольная группа с образующими a_1, \dots, a_l является в нашей терминологии алгебраической системой, порожденной сигнатурой $\{a_1, \dots, a_l, \circ, {}^{-1}\}$, а также сигнатурой $\{e, a_1, \dots, a_l, \circ, {}^{-1}\}$. Всякая алгебраическая система, порожденная сигнатурой σ , является гомоморфным образом свободной алгебраической системы, порожденной сигнатурой σ .

Равенства. Фиксируем некоторую сигнатуру σ . *Равенствами сигнатуры σ* будем называть выражения вида

$$t = s,$$

где t, s — замкнутые термы сигнатуры σ . *Замкнутыми атомными формулами* сигнатуры σ будем называть равенства этой сигнатуры, а также все выражения вида $p(t_1, \dots, t_n)$, где p есть n -местное предикатное имя, t_1, \dots, t_n суть замкнутые термы сигнатуры σ . Пусть задана совокупность равенств S и замкнутая атомная формула F . Будем говорить, что F является (*семантическим*) *следствием* совокупности S , если во всякой алгебраической системе, порожденной сигнатурой σ , в которой выполнены все элементы S , выполнены также и F . Заметим, что здесь, как и дальше, наше понятие следствия расходится со стандартным.

При стандартном понимании следствие определяется при помощи класса всех алгебраических систем данной

сигнатуры. Для нас же в данном контексте важны именно системы, порожденные этой сигнатурой, только они и принимаются в расчет при определении следствия. (Впрочем, именно в случае равенств наше понятие следствия равнообъемно стандартному, в аналогичной ситуации с квази-тождествами дело будет обстоять не так.)

Обозначим через $C(\sigma, S)$ класс всех алгебраических систем, порожденных сигнатурой σ , в которых выполнены все равенства из S . По определению, в любой алгебраической системе, принадлежащей $C(\sigma, S)$, выполнены также и все следствия из S . Оказывается, в $C(\sigma, S)$ существует и единственна такая система $\mathcal{A}(\sigma, S)$, в которой среди замкнутых атомных формул выполнены только следствия из S ; все же остальные системы из $C(\sigma, S)$ являются гомоморфными образами $\mathcal{A}(\sigma, S)$. Система $\mathcal{A}(\sigma, S)$ называется *алгебраической системой, порожденной сигнатурой σ и заданной совокупностью равенств S* . Эта система, в свою очередь, является фактор-системой свободной алгебраической системы, порожденной сигнатурой σ по следующему отношению конгруэнции: два элемента свободной системы конгруэнтны тогда и только тогда, когда равенство между ними является следствием совокупности S .

То, что обычно называют *алгеброй сигнатуры ρ с образующими a_1, \dots, a_l и совокупностью определяющих соотношений S* , мы, в силу данных определений, называем *алгеброй, порожденной сигнатурой $\rho \cup \{a_1, \dots, a_l\}$ и заданной совокупностью S* .

Пусть теперь совокупность S конечна. Тогда алгебраическая система, заданная совокупностью S , часто называется *конечноопределенной*. Мы также будем использовать этот термин. В этой ситуации множество всех семантических следствий из S (а значит, и соответствующая конгруэнция) может быть порождено исчислением, очень просто получающимся из совокупности S . Правила этого исчисления таковы:

- 1) допустимо всякое равенство $t=t$;
- 2) если равенство $t=s$ допустимо, а равенство $u=v$ или $v=u$ принадлежит S , то равенство, получающееся из $t=s$ заменой некоторого вхождения u на v , допустимо.

Для полного задания исчисления нужно указать рабочую среду, правило выделения основных состояний, выходную процедуру. В нашем случае все они очевидны: рабочая среда — подходящий ансамбль, содержащий все

равенства данной сигнатуры, все состояния основные, выходная процедура оставляет любой объект неизменным.

В описанной ситуации часто используется и другое исчисление (на этот раз исчисление со входом), связанное с совокупностью S . Его рабочей средой является какой-либо ансамбль, содержащий множество всех термов сигнатуры σ . Разрешительное правило его таково: если равенство $u=v$ или $v=u$ принадлежит S , то в допустимом элементе можно заменить вхождение u на v . Легко проверить, что термы t_1 и t_2 лежат в одном классе упомянутой в предыдущем абзаце конгруэнции тогда и только тогда, когда t_2 принадлежит множеству, получаемому применением рассмотренного исчисления к $\{t_1\}$.

Установленные зависимости между понятиями семантического следствия и выводимости в некотором исчислении являются иллюстрациями как к формулировке, так и к методу доказательства теоремы Гёделя о полноте.

Тождества и квазитождества. Итак, мы описали, что такое задание алгебраической системы конечной совокупностью равенств и в чем состоит исчислительный смысл такого задания. Однако встречаются ситуации, когда алгебраические системы задаются иначе, скажем совокупностью *тождеств*. Например, свободная группа с двумя образующими, т. е. некоторая алгебра, порожденная сигнатурой $\{e, a, b, \circ, {}^{-1}\}$, задается совокупностью тождеств

$$(x \circ y) \circ z = x \circ (y \circ z),$$

$$x \circ e = x,$$

$$e \circ x = x,$$

$$x \circ (x^{-1}) = e,$$

$$(x^{-1}) \circ x = e.$$

Тождества являются более общим видом соотношений, чем равенства; в них наряду с предметными именами (в частности, символами образующих, если эти символы включены в сигнатуру) допускаются и предметные переменные, пробегающие носитель алгебраической системы.

Еще более общий, чем тождества, вид соотношений возникает, когда выполнение некоторого свойства требуется не от всех элементов алгебраической системы, а только от удовлетворяющих каким-то условиям. Например, некоторая упорядоченная группа сигнатуры $\{e, a, \circ, {}^{-1}, \geq\}$ может быть задана так:

1) тождества группы, выписанные выше,

2) $x \geq x$,

3) $x \geq y \ \& \ y \geq z \Rightarrow x \geq z$,

- 4) $x \geq y \& y \geq x \Rightarrow x = y,$
 5) $x \geq y \Rightarrow x \circ z \geq y \circ z,$
 6) $x \geq y \Rightarrow z \circ x \geq z \circ y,$
 7) $a \geq e.$

Мальцеву принадлежит описание широкого класса алгебраических систем, для которых конструктивное задание посредством формул некоторого языка тесно связано со структурой алгебраической системы. Более точно, мальцевские соотношения (квазитождества), как мы увидим, представляют собой просто иначе записанные правила исчисления, позволяющего порождать конгруэнцию, определяющую нужную алгебру.

Сейчас мы, следуя [Мальцев, 1961], [Мальцев, 1970], дадим соответствующие определения. Пусть фиксирована конечная сигнатура σ . Выше, говоря о равенствах, мы определили замкнутые (т. е. не содержащие переменных) термы и замкнутые атомные формулы. Теперь мы введем более широкие классы объектов.

Термы отличаются от замкнутых термов только тем, что в их состав могут входить таким же образом, как предметные имена, еще и переменные (специально подобранные комбинации символов) из некоторого бесконечного списка. *Атомные формулы* отличаются от замкнутых атомных формул тем, что в их определении роль замкнутых термов играют термы. *Квазитождеством* (в заданной сигнатуре σ) назовем всякое выражение вида $\bigwedge_{C \in \Phi} C \Rightarrow D$, где Φ — конечное множество атомных формул, а D — это атомная формула. *Конкретизацией квазитождества* назовем всякий результат подстановки каких-нибудь замкнутых термов вместо всех переменных в квазитождество. Заметим сразу же, что тождество, т. е. просто атомная формула D (в частности, равенство), во всякой алгебраической системе эквивалентно квазитождеству $x = x \Rightarrow D$.

Говорят, что квазитождество выполнено в алгебраической системе, если в этой системе выполнена каждая его конкретизация. Замкнутая атомная формула F называется (*семантическим*) *следствием* совокупности квазитождеств S , если во всякой алгебраической системе, порожденной сигнатурой σ , в которой выполнены все квазитождества из S , формула F также выполнена. Будем говорить, что *алгебраическая система B задается совокупностью квазитождеств S* , если для всякой замкнутой атомной формулы истинность ее в B эквивалентна тому, что эта формула является следст-

вием совокупности S . В случае, когда S состоит из равенств (или эквивалентных им квазитождеств), это определение совпадает с данным выше определением алгебраической системы, заданной совокупностью равенств. Если совокупность S конечна, то задаваемая ею алгебраическая система называется *конечнозаданной*.

Оказывается, для всякой совокупности квазитождеств S существует и единственна порожденная сигнатурой σ алгебраическая система $\mathfrak{A}(\sigma, S)$, задаваемая этой совокупностью; причем всякая система, порожденная σ , в которой выполнены все квазитождества из S , является гомоморфным образом системы $\mathfrak{A}(\sigma, S)$.

Рассмотрим пример. Пусть совокупность S содержит тождества группы и еще некоторые дополнительные равенства в сигнатуре группы с какими-нибудь образующими. Тогда в обычной терминологии $\mathfrak{A}(\sigma, S)$ есть группа, заданная (или определенная) этими образующими и равенствами. Если число равенств конечно, мы, в соответствии с обычной терминологией, будем называть группу конечноопределенной. Аналогичная терминология используется для полугрупп, колец и т. п.

Пусть теперь совокупность S конечна, а сигнатура не содержит предикатных имен, т. е. алгебраические системы являются алгебрами. Мы опишем некоторое исчисление, позволяющее получать все следствия из S , и одновременно получим описание алгебры, задаваемой совокупностью S . Почти та же конструкция годится и в случае любых конечных сигнатур, но мы ее не приводим из-за ее громоздкости.

Приведем правила исчисления; в них мы пишем посылки над чертой, заключение под чертой и подразумеваем, что всякое правило начинается словами «для любых термов p, q, r, s, \dots »

Правила, отвечающие определению конгруэнции:

$$1) \frac{}{t=t},$$

$$2) \frac{t=s}{s=t},$$

$$3) \frac{t=s, s=r}{t=r},$$

$$4) \frac{t=s, u=v}{\text{результат замены в } t=s \text{ любого вхождения } u \text{ на } v}.$$

Правило, обеспечивающее выполнение квазитождеств из S : для всякой конкретизации $u_1=v_1 \& \dots \& u_k=v_k \rightarrow$

$\rightarrow u_{k+1} = v_{k+1}$ квазитождества из S

$$\frac{u_1 = v_1, \dots, u_k = v_k}{u_{k+1} = v_{k+1}}$$

Обозначим через \mathfrak{A} свободную алгебру, порожденную сигнатурой σ . Выписанное выше исчисление задает бинарное отношение на \mathfrak{A} : термы u и v находятся в этом отношении, если равенство $u = v$ допустимо. Это отношение, как легко видеть, является конгруэнцией, т. е. эквивалентностью, сохраняющейся при операциях из σ . Фактор-алгебра алгебры \mathfrak{A} по этой конгруэнции и оказывается алгеброй, заданной совокупностью S .

§ 1.4. Представительные порождающие модели

Открытие здесь состоит в самой возможности предъявить класс исчислений, одновременно точно очерченный и *представительный*, т. е. содержащий исчисление, эквивалентное любому наперед заданному исчислению. (Чтобы быть более точными, мы должны были бы говорить не о представительной, а об Y -представительных порождающих моделях. Пусть Y — некоторый ансамбль; порождающая модель называется *Y -представительной*, если для любого исчисления, порождающего подмножество ансамбля Y , существует исчисление данной модели, порождающее то же подмножество.) Понятие порождающей модели возникает таким же образом, как и понятие вычислительной модели.

Канонические системы Поста представляют собой самый ранний пример представительной модели. Однако *канонические системы*¹⁾ (см. [Пост, 1943], [Маслов, 1964], [Минский, 1967, § 12.5 и § 13.2]) являются исчислениями с нелокальным преобразованием информации — в противоположность *нормальным системам*²⁾ Поста (см. [Пост, 1943], [Марков, 1954, гл. VI, § 4], [Маслов, 1964], [Минский, 1967, гл. 13]), которые также образуют представительную порождающую модель, но с локальным преобразованием информации.

Еще один пример представительной модели — грамматики (см. [Гладкий, 1973], [Стоцкий, 1980]). Данное в § 1.3 описание исчислений колмогоровского типа может также рассматриваться как некоторая представительная порож-

¹⁾ *Канонические исчисления* по терминологии [Маслов, 1986, гл. 2, § 1].

²⁾ *Нормальным исчислениям* по терминологии [Маслов, 1986, гл. 2, § 2].

дающая модель (ср. сказанное в § 1.2 о двух аспектах, в которых могут рассматриваться машины Колмогорова). Утверждение о представительности точно очерченного класса исчислений (т. е. о представительности соответствующей порождающей модели) составляет содержание *тезиса Поста* для этого класса или для этой модели. Названный тезис был впервые сформулирован для нормальных систем в [Пост, 1943]. Тезис Поста играет ту же роль для исчислений, что и тезис Чёрча для алгоритмов. Он так же, как и тезис Чёрча, может служить основой для включения дескриптивной теории алгоритмов и исчислений в обычную теоретико-множественную математику (см. [Цейтлин, 1964]).

Для исчислений, как и для алгоритмов, можно определить понятие *формального задания* и указать для каждой порождающей модели свой *Универсальный Рецепт*. Для фиксированной порождающей модели Универсальный Рецепт позволяет породить все пары, образованные формальным заданием некоторого исчисления рассматриваемой модели и произвольным выходом этого исчисления. После соответствующей кодировки Универсальный Рецепт превращается в универсальное исчисление (см. § 1.14).

§ 1.5. Выяснение связей между алгоритмами и исчислениями

1) Для каждого алгоритма существует исчисление, порождающее область определения этого алгоритма. Более того, 2) для каждого алгоритма \mathcal{A} можно указать исчисление, порождающее те и только те пары $\langle x, y \rangle$, для которых $\mathcal{A}(x) = y$. С другой стороны, 3) для каждого исчисления существует алгоритм, область определения которого совпадает с множеством, порождаемым исходным исчислением, и 4) каждое исчисление, порождающее равномерное (т. е. функциональное) множество пар $\langle x, y \rangle$, может быть преобразовано в алгоритм, переводящий каждый x в тот y , для которого пара $\langle x, y \rangle$ порождается исчислением.

Далее, 5) для каждого алгоритма, распознающего принадлежность к какому-либо множеству, расположенному в некотором ансамбле, существует исчисление, порождающее это множество. Наконец, 6) каждое исчисление может быть заменено алгоритмом, результатами которого служат в точности те объекты, которые порождаются исходным исчислением. Более того, 7) при условии, что такие объекты вообще существуют (т. е. что порождаемое множество не-

пусто), всегда можно добиться, чтобы областью определения получающегося алгоритма служил натуральный ряд.

Нам хотелось бы еще раз подчеркнуть, что понятия алгоритма и исчисления понимаются авторами в самом общем неформальном смысле. Многие теоремы теории алгоритмов, в частности все теоремы этого параграфа, можно сформулировать и доказать, используя только интуитивное понимание, без ссылок на вычислительные или порождающие модели, хотя, конечно, они могут быть доказаны и для подходящих вычислительных моделей. Эта ситуация в некоторой степени типична: многие теоремы о множествах или натуральных числах можно сформулировать и доказать без обращения к каким-либо формальным (в частности, аксиоматическим) понятиям.

Попытаемся теперь выяснить глубинные причины, приводящие к наличию столь жестких связей между алгоритмами и исчислениями.

Начнем с того, что понятие алгоритма сводится к понятию исчисления. Подчеркнем, что здесь мы имеем в виду не сведение понятия вычислимости к понятиям породимости или перечислимости, а сведение понятия произвольного алгоритмического процесса к понятию порождающего процесса. Сведение это имеет место в силу следующих соображений. В § 1.3 объяснялось, каким образом исчисление со входом применялось к множеству объектов подходящего ансамбля. Чтобы описать алгоритм в терминах исчислений со входом, нужно применить это исчисление к одному входному элементу (а точнее, к одноэлементному входному множеству), обеспечить детерминированность такого процесса, т. е. однозначность каждого следующего шага, обеспечить однозначность момента остановки процесса.

Для исчисления со входом, сопоставляемого таким образом с произвольным алгоритмом, оказывается верным следующее: все правила этого исчисления однопосылочные, к основному состоянию никакое правило неприменимо, к вспомогательному состоянию применимо не более одного правила, и применение правила дает однозначно определенный результат.

Итак, все алгоритмы могут трактоваться как специального вида исчисления со входом. Заметим здесь же, что так называемые *недетерминированные алгоритмы* также получают естественную трактовку в терминах исчислений со входом. Именно, недетерминированный алгоритм — это исчисление со входом \mathcal{C} , для которого все перечисленные

выше условия на исчисление, ставящееся в соответствие алгоритму, выполнены со следующим исключением: к вспомогательному состоянию может быть применимо любое число правил. Фиксируем некоторое основное состояние e и рассмотрим множество $\{x | e \in \mathcal{C}(\{x\})\}$. Это множество называется множеством, *распознаваемым* недетерминированным алгоритмом \mathcal{C} .

Таким образом, само понятие алгоритма возможно свести к понятию исчисления. Обратное сведение имеет место лишь в смысле сведения понятия породимого множества к понятию вычислимой функции. Процесс порождения объектов заданным исчислением разворачивается как бы в ветвящемся времени; проблема состоит в том, чтобы перейти от ветвящегося времени к последовательному, в ходе которого некоторый бесконечный алгоритмический процесс последовательно воспроизведет все объекты, порождаемые данным исчислением, и только их.

Этот процесс можно представлять как последовательное добавление к (первоначально пустому) списку элементов, относительно которых уже установлена их породимость, некоторых новых элементов. Процесс оказывается возможным в силу конечности числа правил всякого исчисления и возможности алгоритмически построить по данному правилу и списку посылок список всех (а их обязательно конечное число) результатов применения рассматриваемого правила к этим посылкам. Располагая описанием процесса, нетрудно сконструировать, например, алгоритм, который перерабатывает всякое натуральное число n в n -й элемент списка элементов, порождаемых рассматриваемым исчислением (ср. теорему 7) из перечня в начале настоящего параграфа).

В силу сказанного тезисы Чёрча и Поста не независимы: из тезиса Чёрча для произвольной вычислительной модели вытекает тезис Поста для некоторой порождающей модели и обратно — из тезиса Поста для любой порождающей модели вытекает тезис Чёрча для некоторой вычислительной модели.

§ 1.6. Время и емкость как сложности вычисления и порождения

1.6.0. Каждое реальное вычисление осуществляется:
а) в физическом Времени, имея определенную длительность;

б) в физическом Пространстве, занимая определенное место.

Чтобы формализовать наши интуитивные представления о длительности и месте, мы должны прежде всего фиксировать некоторую вычислительную модель. Затем мы должны указать способ измерения длительности вычисления на этой модели и способ измерения занимаемого им места. Эти меры длительности и места суть функции от входа (т. е. исходного данного) вычисления. Они называются *временем* и *емкостью*. Следуя традиции, мы предполагаем, что значения времени и емкости являются натуральными числами.

При определении понятий вычислимой функции и порожденного множества (см. § 1.7), как и для всей основывающейся на этих понятиях дескриптивной теории, выбор вычислительной модели не играет существенной роли. Иначе обстоит дело в метрической теории при определении сложности вычисления и порождения. Различные модели могут отражать существенно различные аспекты реальных вычислительных и порождающих процессов и потому приводить к различным временным и емкостным функциям. В частности, в (абстрактных) машинах той или иной вычислительной модели могут выделяться входное устройство, служащее для считывания входа (исходного данного), и выходное устройство, служащее для постепенного выписывания выхода (результата). Если такие устройства выделены, место, занимаемое входом и выходом, обычно не учитывается при определении емкости. Таким образом, вычисление, скажем, тождественной функции $x \mapsto x$ может (при разумной организации вычислений) иметь нулевую или близкую к нулю емкость. Если же входное и выходное устройства не выделены или, даже при их выделении, размеры входа и выхода учитываются при подсчете емкости, вычисление тождественной функции не может иметь емкость, меньшую, чем эти размеры.

1.6.1. Машины Тьюринга. Бóльшая часть всех полученных к настоящему времени результатов о времени и емкости относится к многоленточным машинам Тьюринга.

В понимании того, что такое даже обычная одноленточная машина Тьюринга, в литературе наблюдается разнობой. Сам Тьюринг в своей знаменитой статье [Тьюринг, 1936] не дал достаточно точного описания своей машины. На это обратил внимание Пост в [Пост, 1947], предложивший свою, уже совершенно строгую, формулировку машины Тьюринга (не смешивать с машиной Поста, см. [Успенский, 1980]).

Пост признал, что его формулировка отличалась в деталях от (не сформулированного явно) понимания Тьюринга; в частности, у машины Тьюринга в формулировке Поста лента бесконечна в обе стороны. В [Пост, 1947, приложение] Пост пишет: «Принимая во внимание частые упоминания Тьюрингом начала ленты, а также то, каким способом его универсальная машина совершает движение влево, мы догадываемся, что лента у Тьюринга — в отличие от нашей ленты — представляет собой односторонне бесконечную штуку (affaire), простирающуюся вправо от начальной клетки».

Имеются и другие, менее существенные расхождения, присущие различным формулировкам. Так, в указанной формулировке Поста (она же принята и в монографии [Мальцев, 1965]) за один шаг головка может либо напечатать один символ, либо сдвинуться на одну клетку, но не может совершить оба действия сразу; в формулировке Клини из [Клини, 1952, § 67], следующей в этом пункте первоначальной формулировке Тьюринга, оба действия (движение и печать) совмещаются в одном шаге. В дальнейшем, говоря об *одноленточной машине Тьюринга*, мы будем иметь в виду машину из [Клини, 1952, § 67], т. е. машину с одной потенциально бесконечной в обе стороны лентой и не имеющую входных и выходных устройств; исходное данное записывается на этой единственной ленте, и на ней же образуется результат.

Во времена Тьюринга и Поста абстрактные машины были только одноленточными. Как уже отмечалось, теперь при исследовании сложности вычислений основным объектом являются многоленточные машины Тьюринга (см. [Успенский, 1960, § 14, п. 3], [Хопкрофт, Ульман, 1969, § 6.5 и § 10.2], [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974, § 1.6]). В каждой из таких машин имеется одна или несколько рабочих лент и по одной головке для каждой ленты; эти головки могут двигаться в обе стороны, читать и писать. Сами же ленты могут быть либо двусторонне бесконечными, как в [Успенский, 1960] и в [Хопкрофт, Ульман, 1969, § 6.5], или же бесконечными только вправо, как в [Хопкрофт, Ульман, 1969, § 10.2] и в [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974].

Кроме того, может иметься, а может и не иметься входное устройство в виде входной ленты с читающей (только) головкой. Так, в [Хопкрофт, Ульман, 1969, § 10.2] при обсуждении емкостной сложности рассматривается машина с входной лентой (названная в указанной книге «машиной рисунка 10.1»), а при обсуждении временной сложности —

машина без входной ленты (названная «машиной рисунка 10.2»). Головка на входной ленте может иметь разрешенным как двустороннее движение (как в [Хопкрофт, Ульман, 1969] и в [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974]), так и одностороннее (только вправо) движение (как в [Шёнхаге, 1980]). В последнем случае говорят о безвозвратной входной ленте. Наконец, можно требовать наличия выходной ленты, головка на которой — только пишущая и движущаяся только вправо. (Попытка упорядочения терминологии, относящейся к машинам Тьюринга, предпринята в § Д.3.)

Ввиду сказанного следует договориться, что понимается в дальнейшем под многоленточной машиной Тьюринга. За исключением особо оговоренных случаев, мы принимаем, что *многоленточная машина Тьюринга* имеет бесконечные только вправо рабочие и выходную ленты и входную ленту с двусторонне движущейся головкой. (Таким образом, многоленточная машина Тьюринга с одной рабочей лентой — это не то же самое, что одноленточная машина Тьюринга!)

Перейдем теперь к изложению некоторых понятий и результатов, относящихся к определенным только что многоленточным машинам Тьюринга. Затем мы обсудим возможность распространения этих определений и результатов на другие вычислительные модели.

Итак, пусть задана некоторая многоленточная машина Тьюринга. *Временем* ее работы (на данном входе) называется число шагов, выполняемых машиной до получения результата. *Емкостью* работы машины (на данном входе) называется максимальная длина использованного участка на рабочих лентах (максимум берется по всем рабочим лентам и по всем моментам вычисления). Если вычисление не заканчивается, время и емкость считаются бесконечными.

Первый же вопрос, возникающий в связи с этими определениями, таков: существуют ли какие-нибудь связи между временем и емкостью? Эти связи легко найти: ясно, что никакое короткое вычисление не может использовать слишком большую внутреннюю память и что никакое закончившееся вычисление с небольшой емкостью и небольшим входом не может быть продолжительным. Именно, для любой многоленточной машины Тьюринга существует такое число k , что емкость S и время T (при работе на любом входе) удовлетворяют неравенствам $S \leq k \cdot T$ и (если l есть длина входа и $T < \infty$) $T \leq k^{S+l}$.

Нетривиальная теорема, связывающая время и емкость, такова: для любой функции T каждый предикат (т. е. функ-

ция с двумя значениями), вычисляемый на какой-нибудь многоленточной машине Тьюринга за время, не превосходящее $T(x) \log T(x)$ при исходном данном x , может быть вычислен на некоторой (возможно, другой!) машине с емкостью, не превосходящей $T(x)$ (см. [Хопкрофт, Пауль, Вэлиант, 1977]). Отметим важную разницу между этой теоремой и двумя предыдущими оценками: оценки связывают время и емкость вычисления на одной и той же машине, а теорема говорит лишь, что если время работы некоторой машины не больше $T(x) \log T(x)$, то существует другая машина, вычисляющая тот же предикат с емкостью $T(x)$ (хотя, быть может, и с большим временем).

Интересен также вопрос о том, каким образом изменение числа лент влияет на быстродействие машин. Очевидно, что любая функция, вычисляемая на k -ленточной машине за время $T(x)$, вычислима и на m -ленточной машине при $m > k$ за то же время (нужно просто не использовать лишние ленты). То же самое можно сказать, конечно, и про емкость. Таким образом, можно сказать, что вычислительная сила машин не убывает с увеличением числа лент.

Оказывается также, что различия во времени вычисления на машинах с разным числом лент не так уж велики: любая функция, вычисляемая на какой-либо многоленточной машине за время, не превосходящее $T(x)$, может быть вычислена на машине с одной рабочей лентой за время, не превосходящее $c \cdot T(x)^2$, где c — некоторая константа. С емкостью дело обстоит еще проще: всякая функция, вычисляемая на многоленточной машине с емкостью, не превосходящей $S(x)$, может быть вычислена на машине с одной рабочей лентой с емкостью, не превосходящей $c \cdot S(x)$, где c — некоторая константа.

1.6.2. Время. Обсудим теперь возможность определения понятий времени и емкости вычислений для других вычислительных моделей. Начнем с понятия времени как более простого. Процесс вычисления во всех известных вычислительных моделях состоит из отдельных шагов. Самый простой ответ на вопрос о том, что такое время, заключается в следующем: время есть число шагов в процессе вычисления. Такая характеристика вычисления была впервые исследована Цейтиным (см. [Яновская, 1959, с. 44—45]). Именно, он рассматривал число (нелокальных) шагов работы нормального алгоритма. Исследования Цейтина, доложенные им в ноябре 1956 г. на семинаре П. С. Новикова

и С. А. Яновской в Московском университете, были едва ли не самыми первыми исследованиями по метрической теории алгоритмов вообще.

Соответствует ли число шагов интуитивному понятию длительности вычисления? С определенной точки зрения — нет. Действительно, в практических вычислениях различные шаги имеют разную длительность. Кроме того, при теоретических рассматриваниях такой способ измерения времени (как числа шагов) приводит к следующему нежелательному эффекту: мы можем перестроить вычисление, объединяя некоторые последовательные шаги в один макрошаг, и получить «новое» вычисление, которое на самом деле является старым, но имеет меньшее число шагов. Этот эффект используется в так называемой теореме о линейном ускорении (см. следующий параграф). Более точно было бы определять время как сумму длительностей шагов. Такая точка зрения используется, например, при изучении вычислительных моделей с нелокальным преобразованием информации, в частности машин с произвольным доступом к памяти (см. [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974, гл. 1]).

В случае моделей с локальным преобразованием информации разница между обоими определениями времени — как числа шагов и как суммы их длительностей — не так уж велика; для фиксированного алгоритма они, очевидно, совпадают с точностью до ограниченного отдаленного от нуля множителя. Именно с этой точностью и формулируется большинство теорем о времени вычисления (среди упоминающихся в этом обзоре теорем лишь теорема о линейном ускорении, см. § 1.7, представляет собой исключение). Определив время вычисления для различных вычислительных моделей, естественно попытаться сравнить вычисления одной и той же функции на разных вычислительных моделях. (Для машин Тьюринга с разным числом лент такое сравнение проводилось выше в этом параграфе.) Приведем еще несколько результатов подобного рода.

(1) Всякая функция, вычислимая на многоленточной машине Тьюринга за время, не большее чем $T(x)$, может быть вычислена машиной Колмогорова за время, не большее чем $c \cdot T(x)$, где c — некоторая константа.

(2) Более того, всякая функция, вычислимая на машине Тьюринга с произвольным числом рабочих лент произвольной размерности за время, не превосходящее $T(x)$, может быть вычислена машиной Колмогорова за время, не превосходящее $c \cdot T(x)$, где c — некоторая константа.

(3) Всякая словарная функция, вычислимая на машине Колмогорова за время, не превосходящее $T(x)$, причем $T(x)$ не меньше длины входа x , может быть вычислена на многоленточной машине Тьюринга с одной (одномерной) рабочей лентой за время, не превосходящее $c \cdot T(x)^{2,5}$, где c — некоторая константа.

Результат (3) вытекает, в частности, из более тонкой оценки $T(x)^2 \log^8 T(x)$, имеющейся в [Слисенко, 1981, гл. 3, § 1, п. 3].

Результат (2) является усилением (почти тривиального) результата (1). Другой результат, близкий к результату (2), связывающий машины Тьюринга с алгоритмами колмогоровского типа, — теорема Шёнхаге о возможности моделирования в реальное время (определение см. в добавлении к настоящему параграфу) всякой машины Тьюринга с безвозвратной входной лентой и многомерной памятью подходящей машиной Шёнхаге — доказан в [Шёнхаге, 1980]. Как отмечено в [Слисенко, 1981, гл. 3, § 1, п. 1], аналогичный результат может быть получен и для моделирования машин Тьюринга с безвозвратной входной лентой и многомерной памятью машинами Колмогорова — Успенского. Из результатов работы [Григорьев, 1976] вытекает невозможность обратных моделирований.

1.6.3. Емкость. Перейдем теперь к обсуждению различных способов определения емкости вычисления. Ситуация здесь, пожалуй, еще более сложная, чем с понятием времени. Но первое решение при определении емкости принимается однозначно: емкость (данного вычисления) — это максимальный размер памяти, используемой при вычислении. Это содержательное представление порождает два вопроса.

1. Что нужно считать памятью, используемой в данный момент вычисления?

2. Как измерить эту память? Что есть ее размер?

В работах по сложности вычислений встречаются два различных ответа на первый (более простой) вопрос. Простейший ответ состоит в том, что памятью считается все состояние вычисления. Для таких вычислительных моделей, как одноленточные машины Тьюринга (без входных и выходных лент) или алгоритм Колмогорова (опять-таки без входных и выходных лент), этот ответ — единственно возможный. Однако для реальных вычислений часто представляет интерес оценка размера только рабочей памяти. Этому соображению соответствует выделение рабочей памяти,

входных и выходных лент, как это сделано в приведенном выше определении емкости для многоленточных машин Тьюринга. Если вычислительная модель предусматривает такие ленты (или, гипотетически, какие-либо другие устройства ввода и вывода), то при вычислении емкости естественно учитывать только рабочую память, считая, что только она представляет собой память, используемую при вычислении.

Перейдем теперь ко второму, более сложному вопросу — о способах измерения памяти. Мы обнаруживаем, что даже в простейших случаях возникает много разных способов определения размера памяти, и трудно решить, какие лучше, какие хуже. Эта множественность возможных решений отражает существо дела. Проиллюстрируем нашу мысль следующим примером. Предположим, что мы хотим определить, что такое размер автоцистерны, и колеблемся, на каком из параметров — длине, ширине, высоте или вместимости — нам остановиться. Скоро мы обнаруживаем, что каждая из этих характеристик существенна в надлежащем контексте: высота определяет возможность проезда под мостами, длина — возможность развернуться в тупике и т. д. Кажется более правильным вообще считать размер не числом, а вектором (из нескольких компонент) и признать, что любая подгонка его под число искусственна.

Аналогично нашему «автомобильному» примеру обстоит дело и с вычислительными моделями. Например, для машин Тьюринга с одной рабочей лентой неясно, должны ли мы учитывать только длину записи на ленте или еще и увеличение объема за счет фиксации положения рабочей головки. Явное указание положения головки можно осуществить, задав двоичное слово с длиной, равной примерно логарифму длины слова на ленте, но по-прежнему неясно, нужно ли прибавлять это число к длине записи на ленте.

Другая неясность связана с тем, должен ли объем зависеть от алфавита: одинаков ли, например, размер десятибуквенного слова в двух- и трехбуквенных алфавитах. Ведь очевидно, что можно «дешевым способом» сократить длину каждого слова в миллионы раз, объявив новыми буквами длинные комбинации прежних букв.

При переходе к случаю многих лент возникнут дополнительные проблемы: нужно ли складывать длины записей на лентах, или следует умножать максимум длины этих записей на их количество, или, может быть, нужно учитывать еще разницу в направлениях сдвига головок на лентах от

начального положения и т. д. При переходе к многомерной памяти возникают еще большие неясности, связанные, в частности, с отсутствием естественной реализации такой памяти в трехмерном пространстве.

В случае неориентированных колмогоровских комплексов вопрос об объеме физической реализации комплексов изучался в работе [Колмогоров, Барздинь, 1965]. За счет несущественного ослабления формулировки, результаты из [Колмогоров, Барздинь, 1965] могут быть изложены в следующей наглядной форме. Фиксируем некоторый ансамбль колмогоровских комплексов. Предположим теперь, что вершины комплекса реализуются шарами единичного диаметра, а ребра — гибкими трубками тоже фиксированного и притом достаточно малого диаметра. Тогда можно так выбрать диаметр труб, что для некоторых положительных действительных чисел c и d выполнены следующие условия: 1) всякий комплекс с n вершинами может быть реализован внутри сферы радиуса $c\sqrt{n}$; 2) объем любой реализации почти всякого комплекса с n вершинами не меньше $dn\sqrt{n}$ («почти всякого» означает, что отношение количества комплексов с этим свойством к количеству всех комплексов с n вершинами стремится к единице при стремлении n к бесконечности).

Из сказанного видно, что разумный выбор способа подсчета размера используемой памяти в большинстве случаев — задача, не имеющая однозначного решения (а порой, быть может, и вовсе неразрешимая). Некоторым утешением может служить тот факт, что различные способы определения понятия размера для одного класса объектов дают близкие по значениям емкостные функции. (Например, для многоленточных машин с фиксированным числом лент все упоминавшиеся способы подсчета размера дают функции, связанные отношением $\overline{\sim}$.)

Практически приходится выбирать какую-нибудь одну числовую характеристику — например, длину слова (без учета мощности алфавита), или число вершин комплекса (без учета числа ребер и алфавита разметки), или максимальную длину записей на рабочих лентах машины (без учета записей на других лентах и положения головок) — в качестве суррогата «истинного размера». Первой из таких «суррогатных» характеристик, встречающихся в литературе (хотя и не для какой-либо вычислительной модели, а в несколько иной ситуации), была введенная в [Трахтен-

брот, 1956] длина отрезка вычислимости функции, заданной рекурсивной схемой. Под отрезком вычислимости понимался отрезок натурального ряда, содержащий все числа, которые могут встретиться в процессе вычисления функции по заданной схеме при фиксированных значениях аргументов.

Существует ли вообще «истинный размер», или же его поиски подобны поискам философского камня? Быть может, имеется большая совокупность «истинных размеров» — но тогда какова она? Ответы на эти вопросы неясны. Быть может, полезно было бы начать с попыток ввести понятие абстрактного размера на различных ансамблях (а возможно, и на их подмножествах).

1.6.4. Норма. Мы попытаемся сейчас высказать некоторые — далеко не исчерпывающие — соображения по этому поводу. Чтобы подчеркнуть, что мы пытаемся отразить лишь некоторые аспекты интуитивного понятия размера, вместо слова «размер» будем говорить «норма». В проводимом ниже построении предполагается, что норма определена на всем ансамбле. Это предположение вносит довольно существенное ограничение.

В самом деле, рассмотрим, например, трехленточные машины Тьюринга с фиксированными алфавитами (рабочим и внутренних состояний). Всевозможные полные состояния рабочей памяти таких машин легко вкладываются в подходящий колмогоровский ансамбль W и образуют некоторое подмножество E этого ансамбля. Если понимать размер (полного) состояния рабочей памяти как максимальную из длин записанных на ленте слов, то, очевидно, такая норма естественным образом определена лишь на E и всякое ее распространение на все W носит довольно искусственный характер. Однако авторы еще не чувствуют себя готовыми рассматривать нормы, определенные не на всем ансамбле (хотя понимают, что это было бы разумно).

Итак, что же такое ансамбль с нормой, или нормированный ансамбль?

Пусть X — некоторый ансамбль, а n — некоторая всюду определенная функция из X в N . Функция n будет называться *нормой* на X , если она обладает следующими свойствами.

(Н1) Число элементов x , для которых $n(x) \leq m$, равно 2^m с точностью до ограниченного отделенного от нуля множителя.

(Н2) Существует алгоритм, дающий по любому числу m список всех элементов ансамбля X , для которых $n(x) \leq m$.

Нормированный ансамбль есть пара $\langle X, n \rangle$, где X — ансамбль, а n — норма на X .

1.6.5. Примеры нормированных ансамблей. Пусть дан словарный ансамбль (напомним, что в алфавите словарного ансамбля должны быть по крайней мере две разные буквы). В качестве одной из норм на этом ансамбле можно рассматривать функцию, пропорциональную длине слова; при этом коэффициент пропорциональности следует выбрать с таким расчетом, чтобы выполнялось требование (Н1). Более точно, пусть алфавит B состоит из k букв, $k \geq 2$. Определим функцию n , положив

$$n(x) = \text{целая часть числа } [(\text{длина слова } x) \times \log_2 k].$$

Легко проверить, что определенная таким образом на ансамбле слов алфавита B функция действительно будет нормой.

В § 1.17 мы будем рассматривать \mathbb{N} как нормированный ансамбль. Наделаем его такой нормой: норма числа x равна целой части величины $\log_2(x+1)$. (Нетрудно проверить, что свойства (Н1) и (Н2) действительно выполнены.)

1.6.6. Ограниченно-искажающие отображения и изоморфизмы. Пусть даны два нормированных ансамбля $\langle X_1, n_1 \rangle$ и $\langle X_2, n_2 \rangle$. Мы будем говорить, что отображение $f: X_1 \rightarrow X_2$ является *ограниченно-искажающим*, если выполнено условие $n_2(f(x_1)) \leq n_1(x_1)$. Взаимно однозначное соответствие между ансамблями $\langle X_1, n_1 \rangle$ и $\langle X_2, n_2 \rangle$, осуществляемое (в обе стороны) вычислимыми ограниченно-искажающими отображениями, мы будем называть *изоморфизмом нормированных ансамблей*. Нетрудно доказать, что все нормированные ансамбли изоморфны в этом смысле.

1.6.7. Дополнительные требования к нормам. Ясно, что функции, удовлетворяющие определению нормы, образуют весьма широкий класс и что среди норм имеются функции, мало отражающие наше интуитивное представление о размере. Поэтому имеет смысл рассматривать не все нормы, а лишь те, которые обладают некоторыми дополнительными свойствами. Мы сейчас приведем несколько примеров дополнительных свойств, которые, быть может, имеет смысл требовать от нормы на ансамбле (B, k) -комплексов или колмогоровских комплексов.

(Д1) Непрерывность: применение одного локального действия должно увеличивать норму комплекса не более чем на фиксированное число, зависящее от операции, но не от комплекса.

(Д2) Связь с числом вершин: число вершин комплекса не должно превосходить нормы, умноженной на некоторую константу, не зависящую от комплекса.

Существуют нормы, удовлетворяющие требованиям (Д1) и (Д2). Для построения такой нормы достаточно выбрать подходящее инициальное (однопосылочное) исчисление, расположить все комплексы в порядке возрастания минимального числа шагов, необходимого для их порождения (ср. со сложностью порождения, см. п. 1.6.8), и считать нормой комплекса логарифм его порядкового номера.

Нетрудно доказать, что если норма на колмогоровских комплексах удовлетворяет требованиям (Д1) и (Д2), то норма слов (рассматриваемых как частный случай комплексов) отличается от их длины не более чем на мультипликативную константу и норма колмогоровского комплекса (с точностью до ограниченного отделенного от нуля множителя) находится между числом вершин и квадратом числа вершин. (Более тонкий анализ, использующий результаты [Колмогоров, Барздинь, 1965], позволяет заменить квадрат числа вершин на число вершин в степени $3/2$.)

1.6.8. Сложности порождения. Подобно соответствующим понятиям для алгоритмов, понятия времени и емкости (порождения) можно пытаться определять и для исчислений, считая (для однопосылочных исчислений), что время порождения (при фиксированном выводе) есть число шагов вывода, а емкость — максимальный размер встречающихся в этом выводе объектов (см. [Гладкий, 1973, гл. 2, 7]). Можно считать, что числовые значения времени и емкости сами порождаются в ходе вывода. Дополнительные эффекты возникают из-за того, что может существовать несколько способов порождения одного и того же объекта. За сложность естественно принять минимум по всем способам порождения.

1.6.9. Эффективные алгоритмы. Наконец, важную область теории сложности составляют построение конкретных эффективных алгоритмов для решения частных задач и доказательства того, что эти алгоритмы имеют заданную оценку сложности (т. е. действительно эффективны). Эта область относится к прикладной теории алгоритмов (см. § 2.8).

Добавление к § 1.6. Моделирование в реальное время

Приведем определение моделирования в реальное время — в той форме, как это определение приведено в [Шёнхаге, 1980]. Наряду с машинами Шёнхаге, описанными в § 1.2, будем рассматривать машины Тьюринга с многомерной памятью. Предполагается, что каждая такая машина имеет входную и выходную (одномерные) ленты, движение головок по этим лентам одностороннее, с входной ленты возможно только чтение, на выходную — только запись.

Рабочая память может содержать произвольное фиксированное число массивов фиксированной размерности (лент, плоскостей и т. д.), головки по этим массивам способны передвигаться за один шаг на одну клетку в любом направлении. Во всяком вычислении такой машины Тьюринга, так же как и во всяком вычислении машины Шёнхаге, выделяются моменты сдвига входной ленты и моменты печати (очередного символа на выходную ленту). Пусть теперь \mathcal{M} и \mathcal{B} — две машины с входным и выходным алфавитом $\{0,1\}$, каждая из которых может быть машиной Тьюринга с многомерной памятью и безвозвратной входной лентой или машиной Шёнхаге (напомним, что и ее входная лента безвозвратна).

Будем, в соответствии с [Шёнхаге, 1980], говорить, что *машина \mathcal{M} в реальное время моделирует машину \mathcal{B}* , если выполнено следующее условие. Пусть для всякого исходного данного x , на котором \mathcal{B} кончает работу, $t_0 < \dots < t_p$ — такая последовательность моментов времени, что $t_0 = 0$, t_p — момент окончания работы машины, а t_1, \dots, t_{p-1} — все моменты времени, в которые машина \mathcal{B} производила сдвиг входной ленты или запись на выходную. Тогда должны существовать такие моменты времени $\tau_0 < \tau_1 < \dots < \tau_p$, что $\tau_0 = 0$, τ_p — момент окончания работы машины \mathcal{M} с аргументом x и при всяком $i = 1, 2, \dots, p$ выполняются условия:

1) при вычислении с исходным данным x часть этого x , прочитанная машиной \mathcal{M} к моменту τ_i , совпадает с частью x , прочитанной машиной \mathcal{B} к моменту t_i ;

2) при вычислении с исходным данным x часть результата, напечатанная машиной \mathcal{M} к моменту τ_i , совпадает с частью результата, напечатанного машиной \mathcal{B} к моменту t_i ;

3) для некоторого c , зависящего от \mathcal{M} и \mathcal{B} , но не от x , имеет место

$$\tau_i - \tau_{i-1} \leq c(t_i - t_{i-1}).$$

Из этих условий, очевидно, следует, что машина \mathcal{M} вычисляет ту же функцию, что и машина \mathcal{B} , или некоторое продолжение этой функции; при этом время вычисления для машины \mathcal{M} не превосходит времени вычисления \mathcal{B} , умноженного на константу c .

§ 1.7. Вычислимые функции и породимые множества; перечислимые множества; разрешимые множества

Вычислимая функция — это функция, которая вычисляется каким-либо алгоритмом. Слово «вычисляется» понимается, согласно § 1.1, следующим образом: при применении к какому-нибудь входу вычисляющий алгоритм должен не только давать результат, совпадающий со значением функции на этом входе, коль скоро такое значение существует, но и не давать никакого результата вообще, коль скоро функция не определена на данном входе. Пусть A и B — подмножества соответствующих ансамблей; посредством $\text{Com}(A, B)$ будет обозначаться класс всех вычислимых функций из A в B . Таким образом, $\text{Com}(A, B) \subseteq \mathcal{F}(A, B)$. Для произвольных ансамблей X, Y и $X - Y$ -представительной модели можно, конечно, формально определить $\text{Com}(X, Y)$ как класс всех функций из $\mathcal{F}(X, Y)$, вычислимых на этой модели.

Породимое множество — это множество, которое порождается каким-либо исчислением (опять-таки в том смысле, что порождаются все элементы множества и не порождается ничего лишнего). Каждый ансамбль породим. Понятие породимого множества (generable set) ввел и изучал в качестве фундаментального понятия логики и математики Пост (см. [Пост, 1944]); он, впрочем, пользовался термином «порожденное множество» (generated set). Пусть A — подмножество некоторого ансамбля. Класс всех породимых подмножеств множества A обозначается $\text{Gen}(A)$. Таким образом, $\text{Gen}(A) \subseteq 2^A$. Для каждой Y -представительной порождающей модели класс $\text{Gen}(Y)$ можно определить формально как класс всех множеств из 2^Y , которые могут быть порождены на этой модели.

Множество называется *разрешимым*, или *распознаваемым*, если оно содержится в некотором ансамбле и для него существует разрешающий алгоритм. Алгоритм \mathcal{M} называется *разрешающим алгоритмом* для подмножества A ансамбля X , если множество допустимых входов для \mathcal{M} совпадает с X и \mathcal{M} отвечает на все вопросы типа «Принадлежит ли $x \in X$ множеству A ?» Проблема отыскания такого

алгоритма называется проблемой разрешения для A (см. § 2.1). Таким образом, множество разрешимо тогда и только тогда, когда его проблема разрешения решима (т. е. может быть решена, имеет решение).

Рассмотрение понятий породимого и разрешимого множества способствует значительному прояснению центральных понятий и результатов математической логики. Так, важнейшее требование, предъявляемое к любой разумной формализации понятия доказательства, состоит в том, чтобы множество всех доказательств данной логической системы было разрешимым множеством. Теоремы Гёделя о полноте и неполноте утверждают, по существу, породимость одного множества формул и непородимость другого.

Понятия вычислимой функции, породимого и разрешимого множества тесно связаны друг с другом. Одну из главных таких связей выражает критерий разрешимости множества: множество A , расположенное в ансамбле W , разрешимо тогда и только тогда, когда $A \in \text{Gen}(W)$ и $W \setminus A \in \text{Gen}(W)$. Очевидно, что разрешимость множества эквивалентна также вычислимости его характеристической функции. Другие связи являются простыми следствиями указанных в § 1.5 соотношений между алгоритмами и исчислениями.

Так, функция вычислима тогда и только тогда, когда она, рассматриваемая как множество пар, породима. Поэтому породимость может быть использована для определения понятия вычислимой функции. Замечательно, что так и обстояло дело с первоначальными определениями этого понятия. Первые (хронологически) два варианта формального определения понятия вычислимой функции как раз и заключались в отождествлении (предложенном Чёрчем, см. [Чёрч, 1936]) вычислимых функций с функциями, порождаемыми (как множество пар) исчислением специального вида. В первом варианте использовалось исчисление λ -конверсии Чёрча — Клини, во втором варианте — исчисление Эрбрана — Гёделя. В свою очередь, породимые множества могут быть определены:

- 1) как области определения вычислимых функций;
- 2) как области значений вычислимых функций;
- 3) как множества, являющиеся пустыми или областями значений всюду определенных вычислимых функций.

Это позволяет при изложении теории алгоритмов вообще обходиться без понятия исчисления (так делает, например, Роджерс в [Роджерс, 1967]).

Два любых бесконечных породимых множества W и W' изоморфны: существует одно-однозначное вычислимое отображение из W на W' ; вычислимость этого отображения влечет вычислимость обратного отображения. При таком изоморфизме каждое породимое (соответственно разрешимое) подмножество W соответствует породимому (соответственно разрешимому) подмножеству W' . Это соответствие индуцирует очевидное взаимно однозначное соответствие между $\text{Gen}(W)$ и $\text{Gen}(W')$.

Пусть теперь X изоморфно X' , а Y изоморфно Y' ; согласно этим изоморфизмам, каждая вычислимая функция из X в Y соответствует вычислимой функции из X' в Y' , так, что между $\text{Com}(X, Y)$ и $\text{Com}(X', Y')$ также возникает естественное взаимно однозначное соответствие. Следовательно, при изучении породимых множеств и вычислимых функций можно фиксировать специальные породимые множества W, X, Y и рассматривать только подмножества W и функции из X в Y . Часто \mathbb{N}^s берется в качестве X и W , а \mathbb{N} — в качестве Y . При таком подходе предметом теории вычислимых функций оказывается семейство вычислимых функций типа $\mathbb{N}^s \rightarrow \mathbb{N}$ (для всех s).

Каждая функция, принадлежащая $\bigcup_{s=0}^{\infty} \mathcal{F}(\mathbb{N}^s, \mathbb{N})$, называется *числовой*. Изучение вычислимости числовых функций играет центральную роль в общей теории алгоритмов. Аналогичным образом при рассмотрении породимых множеств можно ограничиться множествами из $\bigcup_{s=0}^{\infty} 2^{\mathbb{N}^s}$; эти множества также называются *числовыми*.

Поразительно, что класс всех вычислимых (в интуитивном смысле) числовых функций допускает точное математическое определение, и даже много таких определений. А. П. Ершов в [Ершов А., 1982а] разделяет эти определения на алгоритмические, логические, функциональные и арифметические и пишет: «Сталкиваясь с разнообразными определениями вычислимости, мы обнаруживаем, что эти определения не объясняют нам, почему они оказываются эквивалентными».

В § 1.1 мы, по существу, занимались алгоритмическими определениями, в § 1.8 займемся функциональным. Каждое, вообще, формальное определение выделяет среди всех функций данного вида некоторый подкласс — например, среди всех числовых функций выделяются частичнорекур-

сивные. Утверждение, что выделенный посредством рассматриваемого определения подкласс совпадает с подклассом всех вычислимых функций данного вида, образует тезис Чёрча (или тезис Чёрча — Тьюринга — Поста — Клини, см. § 1.2) для данного определения.

В [Пост, 1936] Пост назвал утверждение о совпадении двух классов функций (рекурсивных и вычислимых) «рабочей гипотезой» и добавил: «В действительности работа, проделанная Чёрчем и другими, привела к тому, что это совпадение уже переросло стадию рабочей гипотезы. Однако замаскировать это совпадение, включив его в определение, значило бы скрыть факт фундаментального открытия, касающегося ограниченности способности Homo Sapiens к математизации, и заслонить от нас необходимость постоянной проверки этого совпадения».

Перечислимое множество — это либо множество значений всюду определенной вычислимой функции натурального аргумента, либо пустое множество. В силу утверждения 7) из § 1.5, каждое породимое множество перечислимо. Таким образом, обе теоремы Гёделя, отмеченные выше, можно сформулировать в терминах перечислимости и неперечислимости соответствующих множеств. По причинам, отмеченным выше, изучение перечислимых чисел и множеств представляет специальный интерес.

Рассмотрим теперь метрические аспекты введенных в данном параграфе понятий. Все вычислимые функции можно классифицировать по «трудности» их вычисления (а все породимые множества — по «трудности» их порождения). Стремление к такой классификации было одним из основных мотивов введения понятий временной и емкостной сложности. Для заданной вычислительной модели и заданной «верхней оценки сложности» один класс такой классификации образуют все функции или предикаты, для которых существует алгоритм их вычисления со сложностью, не превосходящей данной оценки.

В качестве оценок, как правило, рассматриваются функции, зависящие только от длины слова-аргумента; в частности, цитируемые далее теоремы были доказаны именно для таких функций (тем не менее многие из них справедливы и без этого предположения). Мы не видим смысла в том, чтобы заранее суживать таким образом класс оценок (см. также § 1.17). Длину слова x в настоящем параграфе мы обозначаем $l(x)$.

Все определения и теоремы этого параграфа относятся к времени и емкости вычислений на многоленточных машинах Тьюринга, определение которых давалось в § 1.6. Лишь в самом конце, обсуждая классы \mathcal{P} и \mathcal{NP} , мы упомянем некоторые другие вычислительные и порождающие модели.

Прежде чем сформулировать теоремы о времени и емкости вычислений, дадим некоторые определения. В качестве верхних оценок мы будем по большей части рассматривать конструируемые (по емкости или времени) функции. Всюду определенная функция f , аргументы которой — слова данного алфавита, а значения — натуральные числа, называется *конструируемой по времени*, если существует многоленточная машина Тьюринга, время вычисления которой на входе x совпадает с $f(x)$. Разумеется, аналогичное определение можно дать и для любой другой вычислительной модели, заменив многоленточные машины Тьюринга на машины этой модели. Мы определили конструируемость по времени так, как это сделано в [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974, упр. 11.1].

Другое определение конструируемости (приводящее к другому, хотя и близкому понятию) сформулировано в [Слисенко, 1981, гл. 1, § 1, п. 1]: функция называется *конструируемой по времени*, если время ее вычисления на любом аргументе не превосходит ее значения на этом аргументе. В [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974, § 10.1] определяется также конструируемость по емкости: всюду определенная функция, аргументы которой — слова данного алфавита, а значения — натуральные числа, называется *конструируемой по емкости*, если существует машина, емкость вычисления которой на входе x совпадает с $f(x)$. Заметим, что понятие конструируемости по емкости использует в своем определении понятие емкости вычисления, а это последнее имело у нас точное определение только для многоленточных машин Тьюринга.

В формулируемых далее теоремах будет идти речь о конструируемости функций с натуральными аргументами. Мы предполагаем при этом, что натуральный аргумент n подается на вход машины в виде n -буквенного слова в однобуквенном алфавите. Таким образом, например, конструируемость функции $T: \mathbb{N} \rightarrow \mathbb{N}$ по емкости для вычислительной модели «многоленточные машины Тьюринга» означает, что существует (детерминированная) машина Тьюринга, входной алфавит которой однобуквенный, и работа этой

машины на входном слове любой длины n заканчивается, причем $T(n)$ равно максимальной из длин использованных участков на рабочих лентах.

Как и следовало ожидать, диагональная конструкция позволяет строить сколь угодно сложные вычислимые функции (и даже предикаты). Более точно, для любой всюду определенной вычислимой функции φ из словарного ансамбля X в \mathbb{N} найдется такое разрешимое множество слов A , что всякая многоленточная машина Тьюринга, распознающая множество A , для всех $x \in X$, кроме конечного числа, будет при работе над исходным данным x затрачивать время и емкость, превосходящие $\varphi(x)$ [Трахтенброт, 1967, гл. II, § 5, теорема 14].

Принципиальная возможность классификации обеспечивается так называемыми *теоремами об иерархии*. Теорема об иерархии для заданной сложности (времени или емкости) указывает, какое уменьшение верхней оценки сложности приводит к уменьшению класса функций (или предикатов), вычислимых с такой сложностью. Первая теорема об иерархии принадлежит Цейтину и касается времени работы (числа шагов) нормальных алгоритмов (см. [Яновская, 1959, с. 45]).

Все приводимые ниже теоремы об иерархии относятся к сложности вычислений на многоленточных машинах Тьюринга (в частности, под конструируемостью по времени или емкости понимается конструируемость на этой модели), хотя, разумеется, аналогичные вопросы могут быть сформулированы и для любой другой вычислительной модели, как только будут определены понятия времени и емкости вычислений на этой модели.

Теорема об иерархии по емкости состоит в следующем (см. [Сейферас, 1977]). Пусть S — некоторая конструируемая по емкости функция $\mathbb{N} \rightarrow \mathbb{N}$ и пусть S_1 — произвольная функция, удовлетворяющая условию $\lim_{n \rightarrow \infty} \frac{S_1(n)}{S(n)} = 0$; тогда

существует множество слов, распознаваемое с емкостью $S(l(x))$ и не распознаваемое с емкостью, ограниченной функцией $S_1(l(x))$. Таким образом, характеристическая функция этого множества принадлежит классу, определенному верхней оценкой $S(l(x))$. Отметим, что любое множество, распознаваемое с емкостью $o(\log \log l(x))$, распознаваемо с нулевой емкостью (см. [Хопкрофт, Ульман, 1969, теорема 10.8]). Это обстоятельство не противоречит сформулированной только что теореме об иерархии, так как не су-

существует неограниченных конструируемых по емкости функций S , для которых $S(x) = o(\log \log l(x))$.

Теорема о временной иерархии выглядит следующим образом. Пусть T — некоторая конструируемая по времени функция $\mathbb{N} \rightarrow \mathbb{N}$ и $T(n) \geq n$. Пусть, далее, T_i — некоторая функция $\mathbb{N} \rightarrow \mathbb{N}$, удовлетворяющая условию

$$\lim_{n \rightarrow \infty} \frac{T_i(n) \log T_i(n)}{T(n)} = 0.$$

Тогда существует множество слов, распознаваемое с временем $T(l(x))$ и не распознаваемое с временем, ограниченным $T_i(l(x))$ (см. [Сейферас, Фишер, Мейер, 1978]). Для многих функций, представляющих практический интерес, например полиномов и экспонент, в предыдущей теореме можно заменить \log на \log^α , где α — произвольное положительное число (см. там же). Неизвестно, можно ли это сделать в общем случае.

«Предел точности» классификации вычислимых функций по времени вычислений дает теорема о линейном ускорении (ср. [Хопкрофт, Ульман, 1969, § 10.3]), которую для рассматриваемых нами многоленточных машин Тьюринга с входным и выходным устройствами можно изложить следующим образом. Пусть c — произвольное положительное число. Если функция f может быть вычислена за время, ограниченное функцией T , то она может быть вычислена и за время, ограниченное функцией $\max \{cT, (1+c)(l(x) + l(f(x)))\}$; здесь l — длина слова. Первая теорема о линейном ускорении (для нормальных алгорифмов) была получена Цейтиным (см. [Яновская, 1959, с. 44], [Цейтин, 1971, теорема 2]).

Потребности практики стимулировали изучение классов функций, имеющих относительно небольшую сложность вычисления. Можно, скажем, рассматривать все функции, вычислимые на многоленточных машинах Тьюринга за линейно зависящее от длины входа время. (Обычно их называют просто функциями, вычислимыми за линейное время; в аналогичных ситуациях в дальнейшем мы также будем опускать слова «от длины входа».) С другой стороны, время вычисления большинства практически интересных функций с помощью известных алгоритмов ограничено не линейной функцией, а полиномом. Время вычисления суперпозиции двух таких функций, конечно, также ограничено некоторым полиномом; степени таких полиномов могут быть произвольными. Таким образом, мы приходим к определению одного

из самых важных классов вычислимых функций, а именно класса \mathcal{P} . Класс \mathcal{P} содержит те и только те (словарные) функции, которые вычислимы за полиномиально ограниченное (от длины входа) время на многоленточных машинах Тьюринга.

То же обозначение используется для соответствующего класса предикатов (и множеств), см. [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974]. Как мы видели в § 1.6, любая словарная функция из класса \mathcal{P} может быть вычислена на многоленточной машине Тьюринга с одной рабочей лентой за время, не превосходящее некоторого полинома; поэтому при определении класса \mathcal{P} можно было бы ограничиться только такими машинами.

Мы определили, как это обычно и делается, класс \mathcal{P} для словарных функций. Однако столь же естественно можно ввести класс \mathcal{P} для функций из X в Y , если X и Y — ансамбли колмогоровских комплексов (оба — ориентированных или оба — неориентированных). Именно, класс $X — Y — \mathcal{P}$ (для фиксированных X и Y) образован всеми функциями, вычислимыми $X — Y$ -алгоритмами Колмогорова за время, не превосходящее полинома от числа вершин входного комплекса. Возникающий класс не изменится, если заменить в приведенном определении число вершин комплекса на норму комплекса — при том условии, что рассматриваемая норма обладает свойствами (Д1) и (Д2) из § 1.6. Дело в том, что все такие нормы полиномиально связаны с числом вершин (они — с точностью до мультипликативной константы — не меньше этого числа и не больше его квадрата).

Таким образом, мы приходим к определению класса \mathcal{P} для функций, аргументами и значениями которых служат колмогоровские комплексы. Так как словарные ансамбли естественно вкладываются в подходящие ансамбли колмогоровских комплексов, мы получаем для словарных функций два определения — исходное, в терминах многоленточных машин Тьюринга, и новое, возникающее при отождествлении словарных функций и соответствующими функциями на комплексах. Как и следовало ожидать, они оказываются эквивалентными. В итоге обозначение \mathcal{P} мы закрепляем за объединением классов $X — Y — \mathcal{P}$, возникающих при всевозможных ансамблях X и Y .

Важную роль играет также класс множеств, порождаемых однопосылочными исчислениями колмогоровского типа за полиномиально (от числа вершин порождаемого элемен-

та) ограниченное число шагов. (Без изменения возникающего класса множеств можно заменить число вершин на какую-либо норму на ансамбле колмогоровских комплексов, удовлетворяющую условиям (Д1) и (Д2) из § 1.6, ср. сказанное выше.) Этот класс обозначается $\mathcal{N}\mathcal{P}$. Традиционно класс $\mathcal{N}\mathcal{P}$ определяется для словарных множеств как класс множеств, распознаваемых за полиномиальное время на так называемых недетерминированных машинах Тьюринга (отсюда первая буква обозначения $\mathcal{N}\mathcal{P}$); см. [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974, § 10.2].

Для словарных множеств может быть дано и другое определение класса $\mathcal{N}\mathcal{P}$, равнообъемное традиционному. Именно, фиксируем стандартное вложение данного словарного ансамбля в ансамбль неориентированных колмогоровских комплексов и отнесем к классу $\mathcal{N}\mathcal{P}$ те словарные множества, которые при этом вложении переходят в подмножества ансамбля колмогоровских комплексов, принадлежащие классу $\mathcal{N}\mathcal{P}$. Наконец, можно определить класс словарных множеств из $\mathcal{N}\mathcal{P}$ как состоящий из всех множеств, порождаемых грамматиками Хомского типа 0 за полиномиальное число шагов.

Описывая ситуацию более детально, можно, разумеется, как и в случае класса \mathcal{P} , определить сначала класс $\mathcal{N}\mathcal{P}$ для каждого отдельного ансамбля, а потом взять в качестве $\mathcal{N}\mathcal{P}$ объединение полученных классов.

С точки зрения «практической», «полиномиальной» теории алгоритмов и исчислений классы \mathcal{P} и $\mathcal{N}\mathcal{P}$ подобны классам разрешимых и породимых множеств. Примеры множеств из класса \mathcal{P} :

1) произвольный контекстно-свободный язык (см. [Янгер, 1967], [Вэлиант, 1975]);

2) (для всякого d) множество пар изоморфных графов со степенями вершин, не превосходящими d (см. [Земляченко, Корнеенко, Тышкевич, 1982]);

3) множество всех систем линейных неравенств с целыми коэффициентами, разрешимых в действительных (а следовательно, и в рациональных) числах (см. [Хачиян, 1979]).

Примеры множеств из класса $\mathcal{N}\mathcal{P}$:

1) множество всех выполнимых формул логики высказываний (в [Успенский, Семенов, 1981] вместо этого примера был указан другой, ошибочный);

2) множество всех пар изоморфных графов;

3) множество всех линейных неравенств с целыми коэффициентами, разрешимых в целых числах.

Мы хотели бы заметить, что многие практически важные проблемы принадлежат $\mathcal{N}^{\mathcal{P}}$ (в том смысле, что множество объектов, удовлетворяющих условиям проблемы, является множеством из класса $\mathcal{N}^{\mathcal{P}}$). Ясно, что $\mathcal{P} \subset \mathcal{N}^{\mathcal{P}}$. Проблема, верно ли, что $\mathcal{P} = \mathcal{N}^{\mathcal{P}}$, является важнейшей нерешенной проблемой. Вопрос о совпадении этих классов весьма важен, он имеет следующее содержательное истолкование: «Относятся ли практически возникающие задачи (задачи класса $\mathcal{N}^{\mathcal{P}}$) к классу реально решаемых (к классу \mathcal{P})?»

Вопрос о совпадении классов \mathcal{P} и $\mathcal{N}^{\mathcal{P}}$ может ставиться отдельно для каждого словарного ансамбля и для каждого ансамбля колмогоровских комплексов. Но, как нетрудно видеть, утвердительное или отрицательное решение этого вопроса для любого из словарных ансамблей (алфавит каждого из них, напомним, содержит не менее двух букв) или для любого из таких колмогоровских ансамблей, алфавит которых содержит не менее трех букв, а число, ограничивающее исходящую степень вершин, также не меньше трех, влечет за собой его решение (в ту же сторону) и для всех упомянутых ансамблей.

§ 1.8. Понятие μ -рекурсивной функции

Как сказано в § 1.7, изучение класса $\bigcup_s \text{Com}(\mathbb{N}^s, \mathbb{N})$ является важной задачей. Этот класс определяется как класс всех вычислимых числовых функций. Вычислимость здесь понимается в интуитивном смысле на основе неформального математического понятия алгоритма. Можно считать (см. § 1.7), что к изучению только числовых вычислимых функций сводится вся дескриптивная теория вычислимых функций.

Замечательным и неожиданным фактом является то, что класс $\bigcup_s \text{Com}(\mathbb{N}^s, \mathbb{N})$ может быть описан в чисто функциональных терминах без использования вычислительных или порождающих моделей. Это открытие принадлежит Клини. Именно, Клини обнаружил, что понятие вычислимой теоретико-числовой функции совпадает по объему с введенным им понятием *μ -рекурсивной функции* (см. [Клини, 1943]). Употребляя термин « μ -рекурсивный», мы следуем, например, монографиям [Хермес, 1965, гл. 3], [Мартин-Лёф, 1970, § 6].

μ -рекурсивная функция определяется как числовая функция, получаемая из некоторого фиксированного набора

простейших исходных функций с помощью применения (в произвольном числе) простейших операций, также выбранных из некоторого фиксированного набора (см. [Хермес, 1965, гл. 3], [Мальцев, 1965, § 2], [Успенский, 1960, п. 2.3, п. 2.7 и п. 3.5]). Этими исходными функциями служат константа нуль и функция следования $x \mapsto x+1$; этими операциями являются подстановка (в широком смысле, как в [Успенский, 1960, п. 2.3]), примитивная рекурсия и минимизация (называемая также μ -оператором). Тот факт, что возникающее понятие (μ -рекурсивность функции) оказывается эквивалентным понятию вычислимости, делает возможным изучение принципиально новой с логической точки зрения концепции вычислимости стандартными теоретико-множественными и алгебраическими методами.

Конечно, система функций и операций, входящая в определение μ -рекурсивной функции, не является единственно возможной. Например, с точки зрения практического программирования естественно в качестве набора операций взять все операции, задаваемые операторными схемами. Наборы простейших функций, позволяющие в этой ситуации получить все вычислимые функции, построены в [Ершов А., 1960]. Естественно возникает задача нахождения условий, при которых заданная система функций и операций позволяет породить весь класс вычислимых функций (и не породить ничего лишнего). Для случая, когда система операций состоит из всех операторных схем (другими словами, из всех стандартных схем программ), эта задача поставлена в [Ершов А., Ляпунов, 1967]. О решении ее частного случая см. в [Непомнящий, 1972], [Непомнящий, 1972a].

В дальнейшем метод, используемый при определении μ -рекурсивных функций, послужил основой для построения ряда *иерархий* вычислимых функций. Эти иерархии не используют понятия сложности вычисления; в них большие классы определяются через меньшие классы, фиксированные функции и какие-либо операции, так что каждый следующий класс получается путем добавления к предыдущему некоторой функции и применения — в том или ином числе — некоторых операций. Замечательно, однако, что естественно получаемые при этом классы оказываются тесно связанными с классами, возникающими в теории сложности вычислений (см. [Мучник А., 1970]).

Если в определении перечислимого множества из § 1.7 слово «вычислимая» заменить на « μ -рекурсивная», получится

определение рекурсивно-перечислимого подмножества натурального ряда \mathbb{N} . С помощью простейшего изоморфизма между \mathbb{N} и \mathbb{N}^s определение рекурсивной перечислимости распространяется и на подмножества \mathbb{N}^s при $s \geq 2$.

§ 1.9. Возможность арифметического и даже диофантова представления любого перечислимого числового множества

Арифметический, или полиномиальный, терм — это выражение, полученное при помощи операций сложения и умножения из натуральных чисел и натуральных переменных, т. е. полином с натуральными коэффициентами. Полиномиальное равенство — это равенство двух полиномиальных термов. Полиномиальное равенство с n переменными определяет некоторое n -местное отношение и тем самым некоторое множество точек в \mathbb{N}^n . Это отношение и это множество называются *полиномиальными*. Отношения, получающиеся из полиномиальных отношений применением любого числа логических связок и кванторов (соответственно множества, получающиеся из полиномиальных множеств операциями объединения, пересечения, дополнения и проектирования), называются *арифметическими*.

Всякое рекурсивно-перечислимое, а следовательно, и всякое перечислимое множество натуральных чисел или кортежей натуральных чисел фиксированной длины является арифметическим. Этот факт является следствием одного предложения Гёделя из его статьи [Гёдель, 1931], а именно предложения V, утверждающего арифметичность примитивно-рекурсивных отношений (см. также [Клини, 1952, § 49]). Сейчас ясно, что арифметичность перечислимых множеств сразу ведет к неполноте арифметики (ввиду наличия перечислимого множества натуральных чисел с неперечислимым дополнением, см. ниже § 1.10).

Если при получении описанным способом отношения или множества из полиномиального отношения или множества используются только кванторы существования или соответственно только операции проектирования, такое арифметическое отношение или множество называется *диофантовым* (см. [Матиясевич, 1979], [Матиясевич, 1979a]). В 1953 г. Дейвис в [Дейвис, 1953] высказал гипотезу, что всякое перечислимое числовое отношение (соответственно числовое множество) является диофантовым. Эта гипотеза подтвердилась.

Об истории ее доказательства Матиясевич в [Матиясевич, 1979в] пишет: «В 1961 г. было доказано (см. [Дейвис, Путнам, Робинсон, 1961]) более слабое утверждение: каждое перечислимое множество является показательно-диофантовым множеством, т. е. для каждого перечислимого множества \mathbb{M} существуют такие выражения K и L , построенные из натуральных чисел и переменных a, z_1, \dots, z_n с помощью сложения, умножения и возведения в степень, что $a \in \mathbb{M}$ тогда и только тогда, когда показательно-диофантово уравнение $K=L$ разрешимо относительно z_1, \dots, z_n . После этого для доказательства гипотезы Дейвиса осталось указать способ, позволяющий преобразовать произвольное показательно-диофантово уравнение в некоторое диофантово уравнение, имеющее или не имеющее решения одновременно с ним. Было доказано ([Робинсон, 1952]), что такое преобразование возможно, если существует диофантово уравнение

$$G(u, v, z_1, \dots, z_k) = 0,$$

обладающее следующими двумя свойствами: 1) в любом решении этого уравнения $v \leq u^u$; 2) для любого c существует решение, в котором $v > u^c$ (про такое уравнение говорят, что оно имеет экспоненциальный рост).

Пример диофантова уравнения, имеющего экспоненциальный рост, который впервые был построен в [Матиясевич, 1970], завершил доказательство гипотезы о диофантовости перечислимых множеств (полностью доказательство гипотезы Дейвиса изложено в [Матиясевич, 1972], [Манин, 1973]). Обратное утверждение о перечислимости диофантовых множеств доказывается легко. Таким образом, класс перечислимых множеств совпадает с классом диофантовых множеств».

Теорема о диофантовости перечислимых множеств служит не только усилением результата об их арифметичности, но одновременно и следующего результата: любое перечислимое множество, расположенное в \mathbb{N}^s , можно представить как проекцию разрешимого (это разрешимое множество можно брать размерностью на единицу больше, т. е. из числа подмножеств \mathbb{N}^{s+1} ; в случае полиномиального множества, подлежащего проектированию, достаточно повышения размерности на 9, см. [Матиясевич, 1977], [Матиясевич, 1977а]).

Из теоремы о диофантовости перечислимых множеств легко получается еще одно замечательное представление

для множеств этого класса (см. [Дейвис, Матияевич, Робинсон, 1976]); всякое перечислимое множество натуральных чисел можно представить как множество всех неотрицательных значений подходящего многочлена с целыми коэффициентами, переменные которого пробегают натуральный ряд.

Арифметичность, а тем более диофантовость любого породимого множества натуральных чисел демонстрирует особую роль операций сложения и умножения в математике (ср. с теоремой Тенненбаума в § 2.5).

§ 1.10. Построение неразрешимого породимого множества

Такое множество может быть построено в произвольном ансамбле X . Философская значимость результата состоит в выяснении соотношения между породимостью и разрешимостью, а именно в установлении существования исчисления, для которого никаким алгоритмом нельзя определить, будет ли произвольный элемент из X когда-либо порожден. Практическая значимость вытекает из того феномена, что все естественно возникающие в математической практике проблемы разрешения (т. е. проблемы построения разрешающих алгоритмов) суть проблемы разрешения для породимых множеств (разумеется, в самой теории алгоритмов и исчислений, а также в математической логике встречаются проблемы разрешения и иного, высшего рода).

Указанный феномен частично объясняется, если обратить внимание на следующее свойство тех множеств, для которых математическая практика ставит вопрос об их разрешимости: x тогда и только тогда принадлежит множеству, когда существует ω , связанное с этим x заранее заданным вычислимым отношением; ясно, что всякое такое множество породимо. Пусть, например, x — диофантово уравнение, а ω — его решение в натуральных числах; очевидно, ω связано с x вычислимым отношением (по паре $\langle x, \omega \rangle$ можно вычислить, является ω решением для x или нет); поэтому множество всех диофантовых уравнений, разрешимых в натуральных числах, породимо (но, см. § 1.9, неразрешимо).

Другой пример: x — равенство двух термов в сигнатуре группы, а ω — вывод этого равенства в соответствующем исчислении из добавления к § 1.3; поскольку по паре $\langle x, \omega \rangle$ мы можем вычислить, является ли ω выводом для x или

нет, множество всех равенств, верных в рассматриваемой группе, породимо (разрешимо оно или нет — зависит от группы, см. § 2.1).

Существование неразрешимого породимого множества или, что то же самое, породимого (перечислимого) множества с непородимым (неперечислимым) дополнением равносильно существованию вычислимой функции, не продолжаемой до вычислимой всюду (т. е. на X) определенной функции. И такое множество, и такая функция чрезвычайно просто строятся диагональным методом (см., например, [Колмогоров, 1954]).

Итак, процедура порождения множества $P \subseteq X$ может не сопровождаться процедурой разрешения. Если же существует определенная на X вычислимая функция, для всякого элемента x из P ограничивающая сложность его порождения, то с процедурой порождения можно сопоставить процедуру разрешения.

Естественно возникает вопрос о соотношении сложности порождения и сложности разрешения одного и того же множества. Переходя к обсуждению этого вопроса, фиксируем некоторый словарный ансамбль, в котором и будем рассматривать породимые и разрешимые множества. Фиксируем также вычислительную модель — одноленточные машины Тьюринга без выходной и входной лент (так что исходные данные и результаты записываются и читаются на единственной ленте) и исчислительную модель — порождающие грамматики типа 0 (они же просто грамматики по терминологии [Гладкий, 1973]). Определим время вычисления (в данном случае — распознавания) и время порождения как число шагов (вычисления и порождения соответственно). Определим емкость вычисления как максимальную длину ленты в вычислении. Определим емкость вывода в грамматике как максимальную длину слова, встречающегося в этом выводе. Определим емкость порождения элемента x в грамматике или наименьшую емкость вывода x в этой грамматике. Тогда будут верны следующие утверждения, связывающие введенные сложности разрешения и порождения.

(а) Всякое множество, распознаваемое на нашей вычислительной модели со временем, не большим T , и емкостью, не большей S , может быть порождено некоторым исчислением нашей порождающей модели с временем, не большим cT , и емкостью, не большей cS (где c — константа, не зависящая от распознаваемого элемента).

(б) Пусть задано некоторое исчисление Γ нашей порождающей модели. Тогда для задачи: «По словам a , b и числу k узнать, существует ли в Γ вывод b из a , в котором длины всех промежуточных результатов не превосходят k » существует алгоритм нашей вычислительной модели, который решает задачу с емкостью, не превосходящей ck^2 , где c не зависит от a , b , k .

Доказательство утверждения (а) почти тривиально. Утверждение (б) в несколько иной форме было независимо доказано Сэвичем (см. [Сэвич, 1970]) и (в 1970 г.) Цейтиным (см. [Непомнящий, 1974]). Формулировка и доказательство теоремы Сэвича — Цейтина имеются в [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974, теорема 10.1]; приблизительная формулировка этой теоремы такова: множество, порождаемое с емкостью S , можно распознавать с емкостью S^2 .

Имеется класс алгоритмов и соответствующий ему класс исчислений, для которых естественно определяемые классы «породимых» и «разрешимых» множеств совпадают. Этот класс — конечно-автоматные алгоритмы и исчисления. Однако для него оказывается возможным доказать несовпадение понятия *конечно-автоматной разрешимости* с понятием *конечно-автоматной породимости* в другом, количественном смысле. Хотя для всякого конечного автомата, порождающего (на выходе) некоторое множество слов, и существует конечный автомат, разрешающий (распознающий на входе) то же самое множество, но бывают порождающие автоматы, для которых при переходе к разрешающему автомату обязательно происходит экспоненциальный рост объема (т. е. числа состояний) вычислительного устройства (см. [Ершов Ю., 1962], [Корпелевич, 1963], [Лупанов, 1964]).

§ 1.11. Проблема сводимости Поста

Открытие состоит здесь прежде всего в самой постановке проблемы.

Изучая неразрешимые породимые множества, возникающие в математической практике, можно было обнаружить, что их проблемы разрешения (заведомо нерешимые) в некотором смысле сводятся друг к другу. Подчеркнем, что речь идет не о всех мыслимых неразрешимых породимых множествах, а лишь об исторически возникших (включая всевозможные конкретные примеры «диагональных» множеств).

В силу сказанного нерешаемость проблемы разрешения для любого такого множества можно свести к нерешаемости «эталонной» проблемы разрешения для какого-либо из диагональных множеств; именно такое сведение — в прямой или косвенной форме — осуществлялось и продолжает осуществляться в математической литературе. Встает естественная проблема — носит ли данное явление универсальный характер, т. е. действительно ли все проблемы разрешения для всех мыслимых перечислимых неразрешимых множеств сводимы друг к другу; разумеется, слово «сводимы» нуждается при этом в должном уточнении.

Эта проблема, известная теперь под названием *проблемы сводимости*, была вместе с соответствующим уточнением предложена Постом в 1944 г. в докладе [Пост, 1944]. В том же докладе Пост указал неразрешимые породимые множества, для которых естественный способ доказательства их неразрешимости не требует обращения к эталонной проблеме (это были первые примеры подобных необычных доказательств неразрешимости множеств). Разумеется, это не решало проблему сводимости — тем более, что для многих из указанных Постом множеств самому Посту в [Пост, 1944] и его последователям (см. [Роджерс, 1967, § 9.6]) удалось найти традиционные доказательства их неразрешимости, опирающиеся на отсутствие решения у эталонной проблемы.

Проблема сводимости Поста получила отрицательное решение в работах А. А. Мучника (см. [Мучник А., 1956], [Мучник А., 1958]) и Фридберга (см. [Фридберг, 1957]): были построены неразрешимые породимые множества с неэквивалентными проблемами разрешения (и тем самым — породимое множество, неразрешимость которого может быть установлена лишь методами, отличными от диагонального; о диагональном методе см. [Шень, 1979])¹⁾.

Уточнение понятия сводимости для проблем разрешения представляет собой самостоятельную задачу (которая является предпосылкой для формальной постановки проблемы Поста), решенную Постом в [Пост, 1944]. Для произволь-

¹⁾ В решениях Мучника и Фридберга был открыт метод приоритета, сыгравший важную роль в дальнейшем развитии теории алгоритмов. Принципиально новое решение проблемы Поста получено А. Кучерой (см. Kučera A., An alternative (priority-free) solution to Post's problem, см. Mathematical foundations of computer science, 1986.— Springer (LN in computer science. V. 233).— P. 493—500).

ных проблем A и B сводимость B к A означает нечто большее, чем просто импликацию « A имеет решение» \Rightarrow « B имеет решение» (эта импликация тривиально истинна, когда обе проблемы одновременно решимы или нерешимы). Если A и B — проблемы, то сведение B к A образует новую, самостоятельную проблему; на это обстоятельство впервые было указано Колмогоровым в [Колмогоров, 1932] (ср. § 2.2). В случае, когда A и B суть проблемы разрешения, представляется естественным следующее понимание — оно было предложено Постом в [Пост, 1944]. Пусть X и Y — ансамбли, $P \subset X$, $Q \subset Y$, а A и B — проблемы разрешения для соответственно P и Q .

Сводимость проблемы B к проблеме A или, другими словами, сводимость по разрешимости множества Q к множеству P означает, согласно Посту, наличие некоторого единого способа преобразования информации о принадлежности или непринадлежности к P всевозможных элементов X в информацию о принадлежности или непринадлежности к Q заданного произвольным образом элемента Y . Наличие такого способа позволяет эффективно давать ответ на любой вопрос вида « $y \in Q?$ », пользуясь готовыми ответами на все вопросы вида « $x \in P?$ » *Сводимость по разрешимости* Пост конкретизировал в виде так называемой *тьюринговой сводимости*, или *сводимости по Тьюрингу* (см. [Роджерс, 1967, § 9.4]).

Точное определение сводимости по Тьюрингу (и, таким образом, сводимости по разрешимости) будет дано в следующем параграфе. Здесь же мы ограничиваемся неформальным понятием сводимости по разрешимости.

Проблема Поста стимулировала два больших направления исследований. Первое из них пытается ответить на следующий вопрос: «Может ли проблема Поста быть решена методами Поста (изложенными в его докладе [Пост, 1944])?» или, более технично, «можно ли методами Поста построить неполное перечислимое неразрешимое множество?» (Множество называется *полным*, если оно перечислимо и к нему тьюрингово сводится любое перечислимое множество; так, все «диагональные» множества полны.) Поскольку «методы Поста» могут пониматься как в более узком, так и в более широком смысле, в результате уточнения возникают два различных вопроса.

1. Существует ли такое непустое свойство перечислимых неразрешимых множеств типа малости («почти-конечности», см. [Роджерс, 1967, § 12.6]) дополнения, что любое удовлетворяющее этому свойству множество неполно?

2. Можно ли сформулировать, и притом без использования понятия «тьюрингова сводимость», такое непустое свойство перечислимых неразрешимых множеств, что любое удовлетворяющее этому свойству множество неполно?

Сам Пост рассматривал различные понятия типа почти-конечности дополнения (простоту, гиперпростоту, гипергиперпростоту), но ни одно из них (и даже более сильное понятие максимальной, введенное впоследствии Фридбергом) не оказалось пригодным для утвердительного ответа на первый вопрос. (Существование полных максимальных множеств доказано в [Ейтс, 1965].)

Положительный ответ на второй вопрос дал Марченков в [Марченков, 1976], доказав, что перечислимые неразрешимые множества с некоторым свойством (а именно являющиеся одновременно полурекурсивными и α -гипергиперпростыми для некоторой позитивной эквивалентности α) не могут быть полными; существование таких множеств было ранее установлено Дёгтевым в [Дёгтев, 1973].

Первое направление тесно связано с изучением того, как вообще может быть устроено породимое (перечислимое) множество, расположенное в каком-либо фиксированном ансамбле (например, сколь «плотно» оно может заполнять объемлющее пространство и каков запас перечислимых множеств, содержащихся в его дополнении). В соответствии со своим устройством перечислимое множество может быть отнесено к тому или иному классу (см. [Роджерс, 1967, § 8.7]). Перечислимое множество может быть *разрешимым* (если его дополнение перечислимо), или *простым* (если его дополнение хотя и бесконечно, но не содержит бесконечных перечислимых подмножеств), или *креативным* (если любая программа, см. § 1.14, любого перечислимого подмножества его дополнения может быть эффективно преобразована в элемент, принадлежащий дополнению, но не этому подмножеству) и т. д. Одним из центральных результатов является *теорема Майхилла* (см. [Майхилл, 1955]), утверждающая, что любые два креативных множества могут быть получены одно из другого вычислимой перестановкой объемлющего ансамбля.

Второе направление занимается так называемыми *степенями неразрешимости*. На совокупности всех множеств, расположенных в данном ансамбле (или даже в различных таких ансамблях), задается предпорядок, а именно $P \geq Q$, если проблема разрешения для множества Q сводится к проблеме разрешения для множества P (т. е. Q тьюрингово

сводится к P). Классы эквивалентности этого предпорядка называются *тьюринговыми степенями неразрешимости* (кратче — *степенями неразрешимости*, или *тьюринговыми степенями*, или *T -степенями*). Все разрешимые множества образуют одну тьюрингову степень, она обозначается 0 и называется нулевой. Тьюрингова степень называется *перечислимой*, если она содержит хотя бы одно перечислимое множество. Существование неразрешимого перечислимого множества означает, что существует по крайней мере одна ненулевая перечислимая степень; вопрос о том, существуют ли по крайней мере две такие степени, образует проблему сводимости Поста. На самом деле множество всех перечислимых степеней бесконечно, хотя и счетно ([Мучник А., 1956, теорема 2]; см. также [Роджерс, 1967, § 10.2]).

На тьюринговых степенях возникает естественный частичный порядок, относительно которого множество этих степеней образует *верхнюю полурешетку* (континуальной мощности). Устройству этой полурешетки посвящено большое количество исследований. Начало было положено совместной статьей Клини и Поста [Клини, Пост, 1954]. Вторым важным этапом были упоминавшиеся выше работы А. А. Мучника и Фридберга. В качестве третьего этапа можно указать книгу [Сакс, 1963]. Сейчас проблематика, связанная с верхней полурешеткой T -степеней, прочно вошла в монографическую и обзорную литературу: см. [Роджерс, 1967, гл. 13], [Шёнфилд, 1977], [Арсланов, 1986, гл. 3], обзор [Шор, 1981], посвященный элементарным теориям этой полурешетки и ее подструктур, а также обзор [Соар, 1978], специально посвященный перечислимым T -степеням.

Вот два результата из обсуждаемой области, представляющиеся авторам принципиальными: 1) среди ненулевых T -степеней существуют минимальные (см. [Роджерс, 1967, § 13.5] и [Шёнфилд, 1971, § 11]); это есть частный случай теоремы 4 из [Спектор, 1956], которая для любой T -степени a утверждает существование — и притом «не слишком большого» — минимального элемента в частично упорядоченном подмножестве $\{c | c > a\}$; 2) в частично упорядоченном подмножестве ненулевых перечислимых T -степеней нет минимальных элементов (см. [Мучник А., 1956, теорема 3] и [Роджерс, 1967, упр. 10—11]). При изучении верхней полурешетки T -степеней различают глобальную теорию, изучающую общие свойства T -степеней, и локальную теорию, которая изучает T -степени, расположенные ниже $0'$ (так обозначается T -степень креативного множества). Локаль-

ная теория представляет особый интерес потому, что она, охватывая теорию перечислимых T -степеней, по существу включает в себя и всю теорию перечислимых множеств. Методы доказательства в локальной теории довольно сложны. Так, Саксу (см. [Сакс, 1961]) пришлось использовать метод приоритета, чтобы получить минимальную T -степень, расположенную ниже $0'$, а Куперу (см. [Купер, 1972]) — изобрести так называемый метод полной аппроксимации, чтобы для любой ненулевой перечислимой T -степени a построить минимальную ненулевую T -степень, расположенную ниже a . Последние результаты, относящиеся к локальной теории, см. в [Шор, 1981a] и [Арсланов, 1985].

Отметим в заключение, что наряду с T -сводимостью Пост ввел и другие виды сводимости; некоторые связанные с ними результаты можно найти в [Дёгтев, 1979].

§ 1.12. Понятие относительного алгоритма, или алгоритма с оракулом

Чтобы получить определение алгоритма с оракулом A , надо следующим образом изменить формулировку Колмогорова из § 1.1. Оракул A — это некоторое множество в каком-то ансамбле. Алгоритм с оракулом имеет вопросное устройство — некий вспомогательный алгоритм \mathfrak{Z} , определенный (т. е. дающий результат) на множестве всех возможных состояний S . Каждый шаг процесса, задаваемого алгоритмом с оракулом, определяется не только возникшим к этому шагу состоянием S , но и истинностью утверждения $\mathfrak{Z}(S) \in A$. Таким образом, оператор непосредственной переработки Ω_T , дающий следующее состояние S^* , оказывается теперь функцией от двух аргументов — от S и от числа b , принимающего значение 0 или 1 в зависимости от того, верно ли соотношение $\mathfrak{Z}(S) \in A$. Алгоритм с оракулом A называется также *алгоритмом относительно A* (см. [Роджерс, 1967, § 9.2]).

Понятие алгоритма с оракулом оказалось важным с методологической точки зрения. Дело в том, что теория алгоритмов и исчислений, как и математическая логика (понимаемая по Чёрчу как теория формализованных языков), формализует некоторые стороны деятельности человека (в отличие от других математических дисциплин, которые формализуют нечто не предполагающее неперемного присутствия человека). В частности, теория алгоритмов использует понятие *элементарной операции*. Понятие элементарности —

существенно «человеческое» понятие. То, что элементарно для человека, может оказаться неэлементарным для других существ, и наоборот. Можно считать, что человек, осуществляя вычисление, непрерывно обращается к некоторому оракулу, только оракул этот отвечает на столь «элементарные» вопросы (типа «Тождественны или нет эти два символа?»), что даже не замечается. Можно представить себе более мощный, чем у человека, запас вычислительных средств, подразумевающий, в частности, обращение к некоторому нетривиальному (с человеческой точки зрения) оракулу (который в рамках этих средств не осознается скорее всего, как внешний оракул, а признается частью самих этих средств).

Высказанные соображения подтверждаются следующими попытками аксиоматически определить понятие вычислимой функции.

Анализируя доказательства, встречающиеся в теории вычислимых функций, можно заметить, что возможен — и даже иногда используется (например, [Роджерс, 1967]) — следующий способ рассуждений. Сначала устанавливаются некоторые основные и интуитивно очевидные свойства класса вычислимых функций, а затем требуемые утверждения выводятся из них. (Подробнее об этом см. в [Успенский, 1974, § 8], [Успенский, 1982, § 5].) Сформулируем упомянутые выше основные свойства класса K всех вычислимых числовых функций.

(1) *Аксиома функциональных констант.*

Класс K содержит все вычислимые числовые функции.

Это свойство применяется тогда, когда в ходе доказательства нужно установить принадлежность к K какой-либо конкретной функции. Его можно заменить на

(1') Класс K содержит константу 0 и функцию следования.

(2) *Аксиома операторных констант.*

Класс K замкнут относительно операторов подстановки, рекурсии и минимизации.

Это свойство применяется, если из утверждения о принадлежности к K каких-то функций нужно вывести утверждение о принадлежности к K некоторой другой функции, выражающейся через первые. В связи с аксиомами (1') и (2) естественно вспомнить § 1.8.

(3) *Аксиома протокола.*

Для всякой функции f из класса K существуют:

I) множество натуральных чисел E , характеристическая функция которого лежит в K ;

II) функции a и b , определенные на всех элементах E , принадлежащие K и удовлетворяющие условию: значение функции f на числе x равно y тогда и только тогда, когда существует такое q из E , что $a(q) = x$ и $b(q) = y$.

Содержательная интерпретация этой аксиомы такова. Мы предполагаем, что для каждого вычисления существует его протокол (запись), представляющий собой последовательность сменяющих друг друга состояний алгоритмического процесса (см. § 1.1). Множество E есть множество кодов всех таких протоколов. В случае, когда K есть просто класс всех вычислимых числовых функций, множество всех протоколов разрешимо, и, следовательно, характеристическая функция E в этом случае принадлежит K . Функции a и b выделяют из кода протокола исходное данное и результат вычисления.

(4) *Аксиома универсальной функции.*

В классе K существует двуместная функция, универсальная для всех одноместных функций из K («универсальность» $U(x, y)$ означает, что $\forall f \in K \exists x \forall y f(y) \simeq U(x, y)$).

В качестве основания теории вычислимых функций эти аксиомы намного более очевидны, чем тезис Чёрча. В самом деле, они не позволяют утверждать, что некоторые функции невычислимы. В противоположность этому наиболее неочевидная часть тезиса Чёрча утверждает, что функции, невычислимы на модели, невычислимы и каким бы то ни было образом.

Кроме других преимуществ аксиоматического подхода — например, замены сложных прямых конструкций короткими аксиомами — укажем два следующих преимущества. Первое состоит в том, что данные аксиомы не только более очевидны, но также и менее техничны, чем тезис Чёрча. Второе преимущество (и недостаток) состоит в том, что аксиоматическая система может иметь (и имеет) различные модели.

Действительно, четыре перечисленные выше аксиомы выполнены не только для класса всех вычислимых функций, но и для любого класса всех функций, вычислимых с данным оракулом. Таким образом, все теоремы, выводимые из (1)—(4), выполнены для любого такого класса. Это объясняет возможность «релятивизации» многих теорем (см. [Клини, 1952, § 58, теорема X; § 65, теорема XXIV и т. д.]). И наоборот, только те теоремы, которые следуют из аксиом (1)—(4), можно релятивизировать. Действительно, как доказано в [Шень, 1980], любой класс функций, удовлетво-

ряющий этим аксиомам, в действительности есть класс всех функций, вычислимых с некоторым фиксированным оракулом (ср. также п. 1.14.4).

Таким образом, мы видим, что с чисто теоретической стороны понятие алгоритма с оракулом позволяет релятивизировать теорию алгоритмов (см. [Роджерс, 1967, § 9.3]). С более практической стороны оно позволяет дать точное определение общего понятия сводимости по разрешимости и, следовательно, дать точную формулировку фундаментальной проблемы сводимости (см. § 1.11). Действительно, теперь можно ввести следующее определение. Множество Q сводится по Тьюрингу (сводится по разрешимости) к множеству P тогда и только тогда, когда существует относительный алгоритм, вычисляющий характеристическую функцию множества Q относительно множества P , или, в оракульных терминах, существует алгоритм с оракулом P , вычисляющий эту характеристическую функцию. Понятие алгоритма с оракулом и сам термин «оракул» впервые появились в статье Тьюринга [Тьюринг, 1939], по этой причине Пост ввел в [Пост, 1944] термин «сводимость по Тьюрингу» для обозначения сводимости проблемы разрешения самого общего вида.

Важным и естественным частным случаем сводимости по Тьюрингу является *сводимость за полиномиальное время*. (Она определяется заданием полиномиального — от длины входа — ограничения на время работы алгоритма с оракулом.) Естественно поставить проблему полиномиальной по времени сводимости: все ли множества из класса $\mathcal{NP} \setminus \mathcal{P}$ сводятся друг к другу за полиномиальное время? (Конечно, если $\mathcal{NP} = \mathcal{P}$, то проблема тривиальна.) Заведомо сводятся друг к другу за полиномиальное время многие представители класса \mathcal{NP} , возникшие из математической практики; к каждому из таких представителей все множества из \mathcal{NP} сводятся за полиномиальное время (см. [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974, гл. 10]). Неизвестно, сводятся ли за полиномиальное время все множества из \mathcal{NP} к множеству всех пар изоморфных графов (ср. § 1.7, второй пример множества из \mathcal{NP}).

§ 1.13. Понятие вычислимой операции

Под операцией понимается функция, аргументы и значения которой суть множества. В то время как обычная вычислимая функция эффективно дает по одному конструк-

тивному объекту другой, вычисляемая операция должна эффективно давать по одному множеству конструктивных объектов другое; говоря неформально, эффективность естественно усматривать в том, что операция обеспечивает процесс порождения результирующего множества, коль скоро задан процесс порождения исходного множества; как следствие этого обстоятельства, вычисляемая операция переводит породимые множества в породимые. Сказанное естественно воплощается в нижеследующее формальное определение вычисляемой операции (см. [Успенский, 1955], а также [Роджерс, 1967, § 9.7], где вычисляемые операции называются *операторами перечисления*, в оригинале — «enumeration operator»).

Пусть X и Y — два произвольных множества, X_F — множество всех конечных подмножеств множества X . Пусть далее R — произвольное отношение между X_F и Y (т. е. произвольное подмножество произведения $X_F \times Y$). Определим отображение Φ множества 2^X в множество 2^Y формулой

$$\Phi(A) = \{y \mid \exists D (D \subset A \& \langle D, y \rangle \in R)\}.$$

Отображение Φ , получаемое таким образом, будем называть R -отображением 2^X в 2^Y . Всякое R -отображение Φ монотонно: $(A' \supset A) \Rightarrow \Phi(A') \supset \Phi(A)$. Если X состоит из элементов некоторого ансамбля, то элементы множества X_F суть конечные объекты; в силу сделанных в § 1.0 соглашений, имеет смысл говорить о породимости R . Так вот, если X , Y и R породимы, R -отображение 2^X в 2^Y называется *вычисляемой операцией* (из 2^X в 2^Y). Ясно, что если $A \in \text{Gen}(X)$ и Φ — вычисляемая операция, то $\Phi(A) \in \text{Gen}(Y)$). В соответствии с нашим неформальным представлением о вычисляемой операции, процесс преобразования одного множества в другое можно описать следующим образом. Мы одновременно порождаем конечные подмножества исходного множества A и элементы отношения R . Всякий раз, как первая компонента порожденного элемента отношения R совпадает с порожденным конечным подмножеством множества A , мы засылаем соответствующую вторую компоненту в множество $\Phi(A)$.

В действительности выше мы определили только одноместные вычисляемые операции; понятие многоместной вычисляемой операции может быть определено совершенно аналогично (или сведено к) понятию одноместной вычисляемой операции.

В терминах вычислимых операций легко могут быть определены вычислимые операторы. Под оператором мы понимаем функцию, аргументами и значениями которой служат функции. Определение вычислимого оператора см. в [Роджерс, 1967, § 9.8], где эти операторы названы *частичнорекурсивными* («partial recursive»); придумавший эти операторы Клини называл их *частичнорекурсивными функционалами* («functional»), см. [Клини, 1952, § 63, 64]. Для произвольной операции Φ , отображающей $2^{X \times Y}$ в $2^{U \times V}$, определим оператор Ψ , осуществляющий отображение из $\mathcal{F}(X, Y)$ в $\mathcal{F}(U, V)$: оператор Ψ определен на функции $f \in \mathcal{F}(X, Y)$ тогда и только тогда, когда $\Phi(f) \in \mathcal{F}(U, V)$, и в этом случае $\Psi(f) = \Phi(f)$. Оператор Ψ , полученный таким образом для породимых X, Y, U, V и вычислимого Φ , называется *вычислимым*, или *частичнорекурсивным*. Ясно, что если $f \in \text{Com}(X, Y)$, то $\Psi(f) \in \text{Com}(U, V)$. Частичнорекурсивный оператор называется *рекурсивным*, если он определен для каждой функции из $\mathcal{F}(X, Y)$.

Замечательно, что интуитивное понятие вычислимой операции не потребовало для своей формализации никаких новых понятий, кроме понятия алгоритма; этот факт еще раз подтверждает емкость и универсальность понятия алгоритма. Замечательно также, что понятие вычислимой операции совпадает по объему с понятием исчислительной операции (см. п. 1.3.1): этот факт подтверждает емкость и универсальность понятия исчисления. Замечательно, наконец, что вычислимые операции являются непрерывными отображениями — в предположении, что произвольная система множеств \mathcal{F} рассматривается как топологическое пространство с некоторой естественной топологией. Эта топология задается так же как и в [Успенский, 1955] и [Роджерс, 1967, упр. 11—35], а именно: для всякого конечного множества D положим $\mathcal{O}_D = \{A \mid D \subset A \in \mathcal{F}\}$ и совокупность всех таких \mathcal{O}_D объявим базой топологии. Естественность такой топологии заключается в том, что «близкими» (т. е. принадлежащими одной и той же базовой окрестности) объявляются те множества из \mathcal{F} , которые характеризуются одной и той же конечной информацией (т. е. информацией о принадлежности к множеству фиксированного для данной окрестности конечного перечня элементов).

С помощью вычислимых операций легко определяются вычислимость одной функции относительно другой и тьюрингова сводимость множеств: g вычислима относительно f , если существует вычислимая операция, переводящая f

(как множество пар) в g (как множество пар); множество Q сводится по Тьюрингу к множеству P , если характеристическая функция множества Q вычислима относительно характеристической функции множества P (или, непосредственно в терминах операций над множествами, если существуют такие вычисляемые операции Φ_1 и Φ_2 , что $Q = \Phi_1(P, \bar{P})$, $\bar{Q} = \Phi_2(P, \bar{P})$, где \bar{P} и \bar{Q} суть дополнения к P и Q в соответствующих ансамблях).

Один из наиболее принципиальных фактов, относящихся к вычислимым операциям (в частности, к частично рекурсивным операторам), устанавливается в так называемой *теореме о неподвижной точке*, или *первой теореме о рекурсии* Клини (см. [Роджерс, 1967, § 11.6]). Эта теорема утверждает, что уравнение $\Psi(A) = A$, где Ψ — вычисляемая операция, имеет минимальное решение (что верно для всякой монотонной Ψ), и это решение перечислимо (а если Ψ к тому же есть рекурсивный оператор, то это решение еще и равномерно, т. е. является вычисляемой функцией).

Первая теорема о рекурсии позволяет естественным образом задавать породимые множества (в частности, вычисляемые функции) с помощью вычисляемых операций. При этом описание вычисляемой операции рассматривается как финитное задание множества или функции, являющейся неподвижной точкой операции. Последнее обстоятельство послужило одной из отправных точек для работ Маккарти и Скотта по математической теории вычислений (см. [Манна, 1974, гл. 5]).

Весьма плодотворным оказалось изучение специальных способов задания вычисляемых операторов — так называемых *схем программ* (см. [Лакхэм, Парк, Патерсон, 1970]). Важнейшие классы схем программ таковы: рекурсивные схемы Де Беккера — Скотта (см. [Котов, 1978]), стандартные схемы А. П. Ершова (см. [Ершов А., 1973]), структурированные схемы Глушкова (см. [Глушков, 1968], [Семенов, 1978]). Вся теория схем программ началась со *схем Янова* (см. [Янов, 1958], [Ершов А., 1968], [Ершов А., 1977, § 8.5]) — стандартных схем с одной переменной. Работы Глушкова по структурированным схемам программ составляют раздел созданной им теории систем алгоритмических алгебр (см. [Глушков, Цейтлин, Ющенко, 1978]). Эта теория позволила использовать алгебраические и логические методы для изучения схем программ и послужила основой для интенсивно развивающейся дисциплины — *программной логики* (см. [Валиев, 1979]).

Вычислимые операции приводят не только к определению сводимости множеств конструктивных объектов, но также и к некоторым вариантам представления о сводимости совокупностей таких множеств. Пусть \mathcal{A} , \mathcal{B} — совокупности множеств, причем элементами этих множеств являются конструктивные объекты. Тогда, по определению, \mathcal{B} *слабо сводится* к \mathcal{A} , если для каждого $A \in \mathcal{A}$ существует вычислимая операция Φ такая, что $\Phi(A) \in \mathcal{B}$; совокупность \mathcal{B} *сильно сводится* к \mathcal{A} , если существует вычислимая операция Φ такая, что $\Phi(A) \in \mathcal{B}$ для каждого $A \in \mathcal{A}$. В том случае, когда совокупности \mathcal{A} и \mathcal{B} состоят из всюду определенных числовых функций, понятие сильной сводимости и слабой сводимости были предложены соответственно Медведевым (в [Медведев Ю., 1955], [Медведев Ю., 1956]) и А. А. Мучником (в [Мучник А., 1963]), поэтому сильную сводимость можно называть *сводимостью по Медведеву*, а слабую сводимость — *сводимостью по Мучнику*; мы вернемся к этим сводимостям в конце § 2.1. Существуют такие две совокупности всюду определенных функций, что одна из них сводится к другой слабо, но не сильно (см. [Мучник А., 1963]). Класс всех совокупностей всюду определенных числовых функций, слабо (соответственно сильно) сводящихся друг к другу, называется *слабой* (соответственно *сильной*) *степенью трудности* (см. [Медведев Ю., 1955], [Медведев Ю., 1956], [Мучник А., 1963]).

Пусть A , B — (сильные или слабые) степени трудности; по определению $A \leq B$, если некоторый элемент степени A (сильно или соответственно слабо) сводится к некоторому элементу степени B . (Заметим, что в [Мучник А., 1963, с. 1331, 29-я строка сверху] при введении знака « \leq » допущена опечатка: вместо « B слабо сводится к проблеме A » следует читать: « A слабо сводится к проблеме B »). Сильные степени трудности, частично упорядоченные отношением сильной сводимости, образуют решетку, которая называется *решеткой Медведева* (см. [Роджерс, 1987, § 13.7]). Верхняя полурешетка T -степеней вложена в решетку Медведева: для этого каждую T -степень A следует отождествить с сильной степенью трудности одноэлементной совокупности функций $\{\chi\}$, где χ есть характеристическая функция числового множества A , а A есть произвольное множество, имеющее A своей T -степенью.

Слабые степени трудности, частично упорядоченные отношением слабой сводимости, также образуют решетку, которую можно назвать *решеткой Мучника*. Имеется оче-

видное отображение решетки Медведева в решетку Мучника, и это отображение оказывается гомоморфизмом (см. [Мучник А., 1963]). Для каждой из решеток наименьшим элементом 0 является степень трудности, содержащая вычислимую функцию, а наибольшим элементом 1 является степень трудности пустой совокупности. Эти решетки будут использованы в § 2.2.

§ 1.14. Понятие программы: программы как объекты вычисления и порождения

1.14.0. Существенным этапом в развитии теории алгоритмов было осознание того, что алгоритмы и исчисления имеют формальные задания (см. выше § 1.2, 1.4) и что эти формальные задания (точнее, некоторые их записи) сами могут служить объектами алгоритмических и исчислительных преобразований. Это открытие было сделано Тьюрингом в [Тьюринг, 1936]. В этом параграфе мы обсудим возникающие в связи с этим понятия «способ программирования» и «программа».

1.14.1. Способы программирования. Совокупность всевозможных формальных заданий, естественно возникающая при рассмотрении фиксированной вычислительной (или порождающей) модели, не обязательно лежит в каком-нибудь одном ансамбле. Поэтому элементы этой совокупности не могут, вообще говоря, ни подаваться на вход какого-либо одного алгоритма, ни порождаться каким-либо одним исчислением. Чтобы формальные задания во всей их совокупности могли быть входами или выходами алгоритма или порождаться исчислением, эти задания надо предварительно записать (закодировать) так, чтобы полученные записи, или коды, принадлежали какому-нибудь одному ансамблю.

Именно так осуществляется переход от изображений нормальных алгоритмов к записям этих алгоритмов (см. [Нагорный, 1977б]): изображения суть слова, но не принадлежащие никакому единому словарному ансамблю, тогда как записи суть слова в двухбуквенном алфавите. Такая предварительная обработка не нужна для реальных языков программирования, где описание алгоритма представляет собой слово в некотором общем для данной вычислительной модели алфавите языка программирования. Она не нужна и для машин Колмогорова над ориентированными или неориентированными колмогоровскими комплексами с фиксированным алфавитом разметки: формальные зада-

ния всех таких машин можно представить себе лежащими в одном и том же ансамбле.

С другой стороны, переход к записям необходим, например, для машин Тьюринга. Формальное задание алгоритма вычисления на такой машине может содержать символы (в частности, обозначения внутренних состояний), число которых заранее не ограничено. Наиболее естественный выход — считать эти символы комбинациями более простых, принадлежащих уже к ограниченному алфавиту. Так это и делается в математических текстах, где для обозначения состояния машины Тьюринга может использоваться, скажем, символ q_{236} .

Итак, пусть фиксирована некоторая вычислительная модель. Пусть также фиксированы входной ансамбль X и выходной ансамбль Y . Тогда возникает некоторое семейство $X — Y$ -алгоритмов — семейство всех тех алгоритмов, которые реализуются конкретными представителями данной вычислительной модели. Например, если наша вычислительная модель — трехленточные машины Тьюринга, а X и Y — словарные ансамбли в некоторых алфавитах, то каждой конкретной трехленточной машине Тьюринга (характеризуемой своими ленточными алфавитами, совокупностью внутренних состояний и системой команд) соответствует некоторый $X — Y$ -алгоритм. Но ни сами эти представители (в примере — трехленточные машины Тьюринга), ни формальные задания соответствующих алгоритмов еще не представляют собой конструктивных объектов какого-либо единого ансамбля и тем самым не могут служить объектами алгоритмических преобразований. Поэтому нам следует договориться о том, каким образом формальные задания следует погрузить в некоторый ансамбль. Такое погружение мы будем называть *способом программирования* (для данной вычислительной модели).

Подчеркнем, что для одной и той же вычислительной модели и при одних и тех же входных и выходных ансамблях возможны различные способы программирования. Например, для рассмотренного случая машин Тьюринга можно по-разному договориться о способе кодирования внутренних состояний (число которых заранее не ограничено) с помощью конечного набора символов; традиционная запись вроде « q_{236} » (см. выше) отнюдь не является единственной возможной. Введенное понятие «способ программирования» можно обозначать более полным термином «способ программирования алгоритмов» — для отличия от рассмат-

риваемого ниже способа программирования вычислимых функций.

С каждым способом программирования связан некоторый ансамбль — *программный ансамбль* данного способа программирования, элементы которого рассматриваются как коды формальных заданий соответствующих алгоритмов и называются *программами*. Вообще говоря, не все элементы программного ансамбля являются программами, однако при всех разумных способах программирования множество P_0 всех программ является разрешимым подмножеством программного ансамбля P . Можно условиться трактовать всякий элемент из P как программу, рассматривая любое p из $P \setminus P_0$ в качестве программы алгоритма с пустой областью применимости. Так мы и будем поступать в дальнейшем.

Всякий алгоритм вычисления на данной модели имеет программу в P . Эта программа содержит минимально необходимую информацию, которая отличает данный алгоритм от всех других алгоритмов вычисления на рассматриваемой модели (но не включает информации о способе программирования, общей для всех алгоритмов модели) и получается некоторым «простым и естественным» образом из формального задания алгоритма. Этот простой и естественный образ состоит в выявлении в формальных заданиях более «мелкой», «внутриклеточной» структуры, погружающей все формальные задания в один общий ансамбль.

Понятие способа программирования не является точным математическим понятием (как и понятие вычислительной модели). Мы попытаемся сейчас указать некоторые свойства, которыми должен обладать каждый разумный способ программирования. С этой целью попробуем ответить на следующий вопрос: какие математические понятия связаны в нашем представлении с термином «способ программирования»?

Прежде всего — и это уже отмечалось — способ программирования предполагает фиксацию, помимо входного ансамбля X и выходного ансамбля Y , некоторого третьего ансамбля — ансамбля программ. Далее, следует как-то отразить наши представления о способе применения данной программы к данному аргументу. Нам представляется, что достаточно (и, может быть, исчерпывающе) полное представление об этом дает трехместная функция $A(p, x, t)$, аргументами которой являются программа p , исходное данное x и натуральное число (момент времени) t , а значение равно (полному) состоянию вычислительного процесса в момент

времени t при работе машины с программой p на исходном данном x . Рассмотрение этой функции предполагает, разумеется, что все состояния вычислительного процесса сделаны, как это описано в § 1.1, элементами некоторого ансамбля (такое погружение может, конечно, происходить разными способами). Таким образом определенную функцию A естественно назвать *вычислительной функцией* для заданной вычислительной модели (с фиксированным способом погружения ее состояний в некоторый ансамбль) и заданного способа программирования.

В терминах вычислительной функции A могут быть выражены и некоторые другие понятия, связанные с вычислительной моделью. Например, входная процедура есть по существу отображение $x \mapsto A(p, x, 0)$. Напротив, выходная процедура, так же как и правило, определяющее момент окончания работы, должна быть задана помимо вычислительной функции. Именно, правило окончания представляет собой предикат Π , заданный на множестве всех возможных состояний вычислительного процесса (множестве, элементами которого являются значения вычислительной функции A), а выходная процедура — отображение R этого множества в выходной ансамбль Y . Введя эти понятия, мы можем определить теперь, например, время работы данной программы p на данном аргументе x как наименьшее число t , при котором $A(p, x, t)$ обладает свойством Π . Значение $R(A(p, x, t))$ при этом t естественно считать результатом работы программы p на исходном данном x .

Вычислительные функции, естественным образом построенные по известным вычислительным моделям, обладают некоторыми общими свойствами. Отметим свойство «непрерывности по t », утверждающее, что объект $A(p, x, t+1)$ может быть получен из объекта $A(p, x, t)$ некоторой локальной операцией (и, стало быть, — если принять свойство (Д1) из § 1.6, — норма объекта $A(p, x, t+1)$ близка к норме объекта $A(p, x, t)$). Другое подобное свойство — непрерывность входной процедуры — утверждает, что близким парам $\langle x, p \rangle$ и $\langle x', p' \rangle$ должны соответствовать близкие значения $A(p, x, 0)$ и $A(p', x', 0)$. Предикат Π , как правило, является локальным свойством, а функция R — локальной операцией.

Было бы интересно построить «аксиоматическую» теорию способов программирования, т. е. объявить аксиомами какие-то свойства вычислительной функции, правила окончания и выходной процедуры (в том числе, возможно, уже

указанные) и выводить из них различные следствия. Но какие именно свойства следует считать аксиомами, какие следствия выводить, да и вообще можно ли эту программу осуществить — об этом говорить еще рано.

Поэтому мы ограничимся лишь частью информации о способах программирования — именно, не будем интересоваться всем процессом вычисления, а будем интересоваться только результатом. Говоря более точно, свяжем с каждым способом программирования двуместную функцию $U(p, x)$, аргументами которой являются программа p и исходное данное x , а значением — результат применения программы p к исходному данному x . (Выше было сказано, каким образом эта функция может быть выражена через A , Π и R :

$$U(p, x) \simeq R(A(p, x, \mu t \Pi(A(p, x, t))))),$$

где символ μt имеет смысл «наименьшее t , такое что».) Эта функция не определяет однозначно способ программирования (в ее терминах, например, невозможно сформулировать утверждения, касающиеся промежуточных состояний, возникающих при работе машины с данной программой на данном объекте, или времени работы машины с данной программой на данном объекте). Функцию U естественно назвать *результатной* функцией данного способа программирования.

1.14.2. Универсальные алгоритмы и универсальные функции. Что можно сказать о свойствах результатной функции U ?

Первое свойство функции U состоит, конечно, в ее вычислимости. Следуя программистской традиции, вычисляющий ее алгоритм следует назвать *интерпретатором* (интерпретаторов — при одном и том же способе программирования, т. е. для одной и той же U , — может быть много, но все они, конечно, эквивалентны).

До сих пор мы не предполагали представительности рассматриваемой модели. Сделаем теперь такое предположение: ясно, что наиболее интересны и важны именно представительные вычислительные модели. Итак, пусть модель X — Y -представительна. В этом случае интерпретатор называется *универсальным алгоритмом*, а второе свойство результатной функции состоит в том, что всякий X — Y -алгоритм может быть задан некоторой программой. Сформулируем это свойство (*Универсальность для Модели*) более точно:

(УМ) для любого $X — Y$ -алгоритма \mathfrak{A} существует такая программа $p \in P$, что для всех $x \in X$ имеет место условное равенство $\mathfrak{A}(x) \simeq U(p, x)$.

Свойство (УМ) и выражает, конечно, то обстоятельство, что рассматриваемая модель представительна. Это свойство не предполагает, однако, «эффективного» нахождения p по \mathfrak{A} . Слово «эффективного» взято здесь в кавычки, так как нуждается в уточнении — ведь алгоритм \mathfrak{A} не представляет собой конструктивный объект. Это слово можно уточнить следующим образом. Рассмотрим семейство алгоритмов \mathfrak{A}_i , заданное параметрически: $\mathfrak{A}_i(x) = \mathfrak{A}(\langle i, x \rangle)$, $i \in I$, где \mathfrak{A} — некоторый алгоритм, а I — породимое множество. Оказывается, что (при всех разумных способах программирования) программу, соответствующую алгоритму \mathfrak{A}_i , можно эффективно найти по i . Сформулируем теперь это свойство (Гёделевость для Модели) более точно:

(ГМ) для каждого породимого множества I и каждого алгоритма $\mathfrak{A}: I \times X \rightarrow Y$ существует алгоритм $\mathfrak{D}: I \rightarrow P$ с областью определения I , для которого $\mathfrak{A}(\langle i, x \rangle) \simeq U(\mathfrak{D}(i), x)$ при всех $x \in X$, $i \in I$.

Свойство (ГМ) представляется совершенно естественным. В самом деле, достаточно взять в качестве \mathfrak{D} алгоритм, который в применении к i просто выдает программу $X — Y$ -алгоритма: «образуй пару $\langle i, x \rangle$ и примени к ней алгоритм, вычисляющий U ».

Поясним смысл утверждения (ГМ). Говоря неформально, оно утверждает, что имеется способ *трансляции* программ любого другого способа программирования в программы нашего способа программирования. В данной выше формулировке \mathfrak{A} и задает этот «другой» способ программирования, I — его программный ансамбль, \mathfrak{D} — *транслятор*, существование которого утверждается.

Все естественно возникающие способы программирования обладают свойством (ГМ). Это свойство можно рассматривать как уточняющее наши интуитивные представления о способах программирования подобно тому, как тезис Чёрча уточняет наши интуитивные представления о вычислимости. При неформальном понимании способа программирования тезис (ГМ), так же как и тезис Чёрча, нельзя доказать в обычном математическом смысле; но его можно подтвердить, рассматривая различные представительные вычислительные модели и различные точно описанные способы программирования. (Важное различие: тезис Чёрча дает точное описание класса вычислимых функций, в то

Время как здесь мы имеем лишь «верхнюю оценку» для класса всех способов программирования!) Утверждение о том, что свойство (ГМ) выполнено для некоторого конкретного способа программирования (связанного с рекурсивными функциями), составляет содержание клиниевой $s - m - n$ -теоремы (точнее, $s - 1 - 1$ -теоремы), см. [Роджерс, 1967, § 1.8]. О связи $s - m - n$ -теоремы с программистскими понятиями см. [Ершов А., 1981], [Ершов А., 1982, п. 3.2], [Ершов, 1984].

Все указанные свойства результатных функций, соответствующих известным способам программирования, можно обратить в требования, накладываемые на произвольную функцию V . Мы приходим тогда к следующим определениям.

Пусть X, Y, E — некоторые множества конструктивных объектов, V — вычислимая функция из $E \times X$ в Y . Функцию V назовем *универсальной функцией для X, Y с индексным множеством E* , если для нее выполнено такое условие:

(У) для каждого $X - Y$ -алгоритма \mathfrak{A} существует такое $e \in E$, что для всех $x \in X$ выполнено условное равенство

$$\mathfrak{A}(x) \simeq V(e, x).$$

Пусть X и Y — ансамбли. Существование универсальной вычислимой функции для X, Y с индексным множеством X немедленно приводит диагональным методом к такому важному результату, как существование породимых неразрешимых множеств, ср. § 1.10.

1.14.3. Главные, или гёделевы, универсальные функции. Вычислимую функцию V из $E \times X$ в Y назовем *гёделевой, или главной, функцией для X, Y с индексным множеством E* , если для нее выполнено такое условие:

(Г) для каждого породимого множества I и для каждого алгоритма $\mathfrak{A}: I \times X \rightarrow Y$ существует алгоритм $\mathfrak{D}: I \rightarrow E$ с областью определения I , для которого $\mathfrak{A}(\langle i, x \rangle) \simeq V(\mathfrak{D}(i), x)$ при всех $x \in X, i \in I$.

(Очевидно, условие (У) вытекает из условия (Г).) С помощью введенных определений можно переформулировать сказанное ранее — и выраженное в свойствах (УМ), (ГМ) — так: для любого способа программирования результатная функция U является универсальной и даже гёделевой функцией для X, Y с индексным множеством P (здесь X, Y и P — входной, выходной и программный ансамбли). Для произвольных ансамблей X, Y, E существуют функции, обладающие свойством (У), но не свойством (Г). Эти

функции, однако, не соответствуют никаким способам программирования и конструируются с помощью искусственного приема.

Пусть по-прежнему фиксирована вычислительная модель с соответствующими ансамблями X , Y , P и какой-либо способ программирования для этой модели. Рассмотрим какую-либо вычислимую функцию f из X в Y . Любая программа любого X — Y -алгоритма, вычисляющего f , называется *программой функции f* . Мы получаем тем самым некоторое соответствие между элементами P и вычислимыми функциями, при котором каждому $p \in P$ соответствует функция f с программой p .

Говоря формально, это соответствие есть некоторое подмножество произведения $P \times \text{Com}(X, Y)$. Очевидно, оно полностью задается результирующей функцией U . По этой причине саму эту результирующую функцию часто называют *способом программирования* или *методом программирования* — см., например, [Колмогоров, 1965, § 3]; при этом, подчеркнем еще раз, имеют в виду соответствие не между программами и алгоритмами, а между программами и вычисляемыми этими алгоритмами функциями (так что более точным было бы говорить о способе программирования вычисляемых функций). Само указанное соответствие $p \mapsto f$ также называют *способом программирования*. Итак, мы различаем способы (методы, системы) программирования алгоритмов и возникающие на их основе способы (методы, системы) программирования вычисляемых функций. Как уже отмечалось, способы программирования функций выделяются среди всевозможных функций из $P \times X$ в Y тем, что они (среди прочих, не полностью, быть может, нам известных свойств) обладают свойством гёделевости. Поэтому указанное свойство гёделевости — для подходящего ансамбля E в качестве индексного множества — само может быть предложено (и, действительно, было предложено в докладах [Успенский, 1956], [Успенский, 1956а]) в качестве формального определения понятия *способа программирования вычисляемых функций* (и тем самым косвенно — в качестве определения понятия *программы функции*).

Согласно этому определению, способ программирования отождествляется с главной, или гёделево́й, универсальной функцией. Гёделе́вы универсальные функции (точнее, сопряженные с ними гёделе́вы нумерации, см. § 1.15) со временем начали трактоваться в современных журналах

по вычислительной математике в качестве «простых моделей для языков программирования», как в [Хартманис, Бейкер, 1975], или даже просто отождествляться с «системами программирования» («*programming systems*»), как в [Мачти, Винкльман, Янг, 1978].

Совокупность всех способов программирования (отождествляемых с гёделевыми универсальными функциями при фиксированных X, Y, E) оказывается неперечислимой [Душский, 1975] — в том точном смысле, что не обладает вычислимой нумерацией (о них — в § 1.15).

Развитие теории алгоритмов показало, что ни конкретный выбор вычислительной модели, ни конкретный выбор способа программирования (при фиксированной модели) почти не влияет на то, какие теоремы о вычислимых функциях и их программах окажутся справедливыми; мы говорим «почти», имея в виду некоторые исключения, связанные с понятием объема (или нормы) программы (см. об этом далее). Таким образом, можно утверждать, что (в широких пределах) возможна единая теория способов программирования вычислимых функций. Объяснение этому явлению дают *теорема Мучника* об изоморфизме вычислительных структур, которая будет сформулирована несколькими строками ниже и *теорема Роджерса* об изоморфизме гёделевых, или главных, нумераций, которая будет сформулирована в § 1.15. Из теоремы Роджерса вытекает, что если X, Y, E — произвольные ансамбли, а V_1 и V_2 — произвольные гёделевы функции для X, Y с индексными множествами соответственно E_1 и E_2 , то не только существуют алгоритмы «трансляции» в обе стороны, что, очевидно, вытекает из определения гёделевости, но можно выбрать эти алгоритмы так, чтобы они вычисляли взаимно обратные функции: существует такой изоморфизм в ансамблях E_1 и E_2 , что для любых $e \in E_1$, $x \in X$ выполнено условное равенство

$$V_2(\varepsilon(e), x) \simeq V_1(e, x).$$

1.14.4. Вычислительные структуры. Понятие *вычислительной структуры* введено Ан. А. Мучником в статье [Мучник Ан., 1985], где сказано:

«Рядом авторов высказывалась точка зрения, согласно которой теория алгоритмов есть теория одного, универсального, алгоритма (см. [Успенский, Семенов, 1982]). Приводимая ниже теорема является точным математическим подтверждением этого тезиса.» Излагаемые в этом пунк-

те понятия и результаты принадлежат Ан. А. Мучнику и взяты из цитированной статьи.

В теории алгоритмов принципиальным является рассмотрение частичных функций. Поэтому здесь будем рассматривать структуры (алгебраические системы) с частичными операциями, специально этого не оговаривая. Через f_x будем обозначать функцию $\lambda y f(x, y)$, т. е. одноместную функцию, получаемую фиксацией первого аргумента в $f(x, y)$.

Пусть $F(x, y)$ — некоторая главная (гёделева) универсальная функция из \mathbb{N} в \mathbb{N} . Тогда пару $\langle \mathbb{N}; F \rangle$ назовем *вычислительной структурой*.

Теорема Ан. Мучника. Все вычислительные структуры изоморфны.

Конечно, не обязательно требовать, чтобы носителем структуры был натуральный ряд \mathbb{N} . В качестве такового можно взять любой ансамбль конструктивных объектов. Пусть $\langle \mathbb{N}; F \rangle, \langle \mathbb{N}; G \rangle$ — две вычислительные структуры. Утверждение теоремы состоит в существовании такой биекции $h: \mathbb{N} \rightarrow \mathbb{N}$, что $F(x, y) = z \Leftrightarrow G(h(x), h(y)) = h(z)$. Оказывается, всегда существует даже вычислимая h (вычислимый изоморфизм). Иначе говоря, при всяком x из \mathbb{N} должно быть выполнено $F_x = h^{-1} \circ G_{h(x)} \circ h$.

Естественно, возникает вопрос: что будет, если в теореме Ан. Мучника вместо вычислимости рассматривать относительную вычислимость, т. е. вычислимость при помощи алгоритма с оракулом? Оказывается, все структуры, отвечающие одному и тому же оракулу (или эквивалентным оракулам), изоморфны (причем с изоморфизмом, вычислимым относительно того же оракула). Иначе говоря, релятивизуема сама теорема Мучника (см. [Мучник Ан., 1985]).

Назовем *A-вычислительной структурой* структуру, определение которой получается из определения вычислительной структуры заменой вычислимости на вычислимость с оракулом A . Можно показать, что при невычислимом A A -вычислительная структура не изоморфна и даже не элементарно эквивалентна вычислительной структуре (без оракула).

Пусть Φ — некоторое свойство структур рассмотренной сигнатуры (с единственной двуместной частичной функцией; мы рассматриваем лишь свойства, устойчивые относительно изоморфизма структур). Тогда в силу теоремы Ан. Мучника для каждого оракула A либо Φ истинно для всех A -вычислительных структур, либо Φ ложно для них всех. Тем самым возникают три возможности:

1) Φ истинно для A -вычислительных структур при любом A ;

2) Φ ложно для A -вычислительных структур при любом A ;

3) Φ истинно для одних A -вычислительных структур и ложно для других, с другим A .

В случаях 1) и 2) Φ естественно назвать *релятивизуемо истинным* или *релятивизуемо ложным свойством*, а в случае 3) — *нерелятивизуемым*. Оказывается, большинство естественных утверждений теории алгоритмов относится к релятивизуемым свойствам. Мы увидим сейчас, что можно без апелляции к понятию вычислимости отделить релятивизуемо истинные утверждения от релятивизуемо ложных. Для этого нам понадобится игра, которую мы сейчас определим согласно [Мучник Ан., 1985].

Игра. В игре участвуют 2 игрока — Природа (Π) и Математик (M). Каждый из игроков постепенно строит свою структуру вида $\langle \mathbb{N}; F \rangle$, где F — частичная функция $\mathbb{N} \times \mathbb{N}$ в \mathbb{N} . (При этом вместо \mathbb{N} можно взять любое счетное множество. Строение натурального ряда не используется.) В начале игры $F = \emptyset$; на каждом шаге происходит доопределение функций в конечном числе точек. Изменять определенные раньше значения функций нельзя. Игроки делают ходы по очереди. Таким образом, правила хода всегда одни и те же, возможные ходы не зависят от ходов противника. Различие между конкретными играми определяется функцией выигрыша (эта функция, как мы увидим, соответствует тому свойству, истинность которого хочет установить Математик). Пусть фиксировано свойство Φ структур рассматриваемого класса. Тогда в Φ -игре выигрывает Природа, если она построила такую функцию ν , а Математик — такую функцию μ , что

(ВП1) Φ ложна в $\langle \mathbb{N}; \nu \rangle$;

(ВП2) существует такое число e , что ν_e всюду определена и для любого x выполнено $\mu_x \neq \nu_e(x)$.

В противном случае (если Природа не выигрывает) выигрывает Математик.

Как мы видим, от свойства Φ зависит только условие (ВП1), но оно не зависит от μ . Условие (ВП2) означает, что нумерация одноместных функций, построенная Математиком, сводится к нумерации одноместных функций, построенной Природой, причем сама сводящая функция также построена Природой.

Следующее утверждение позволяет отделить релятивизируемо истинные утверждения от релятивизируемо ложных в терминах описанной игры: если Φ релятивизируемо истинно, то существует выигрышная стратегия для M ; если Φ релятивизируемо ложно, то существует выигрышная стратегия для Π .

Это утверждение вытекает из следующей теоремы [Мучник Ан., 1985].

Теорема. Имеют место следующие эквивалентности (B — произвольное множество натуральных чисел; $B \leq_T A$ означает разрешимость B относительно A):

а) (свойство Φ выполнено для всех A -вычислительных структур, для которых $B \leq_T A$) \Leftrightarrow (существует выигрышная стратегия для M в Φ -игре, вычислимая относительно B);

б) (свойство Φ ложно для всех A -вычислительных структур, для которых $B \leq_T A$) \Leftrightarrow (существует выигрышная стратегия для Π в Φ -игре, вычислимая относительно B).

Эта теорема дает схему доказательства релятивизируемой истинности некоторого свойства: нужно построить вычислимую выигрышную стратегию для M в Φ -игре. Анализ обычных доказательств теории алгоритмов показывает, что большинство их легко укладывается в эту схему, причем основную часть доказательства составляет описание стратегии и проверка того, что она выигрышная; вычислимость ее устанавливается легко.

В приведенном ниже следствии слова «...для всех достаточно больших A » означают «существует такое множество $B \subset \mathbb{N}$, что... для всех $A \subset \mathbb{N}$, для которых $B \leq_T A$ ».

Следствие. Имеют место следующие эквивалентности: (свойство Φ выполнено для A -вычислительных структур при достаточно больших A) \Leftrightarrow (существует выигрышная стратегия для M в Φ -игре); (свойство Φ ложно для A -вычислительных структур при достаточно больших A) \Leftrightarrow \Leftrightarrow (существует выигрышная стратегия для Π в Φ -игре).

Отметим, что отсюда и из теоремы о детерминированности борелевских игр вытекает следующий результат Мартина: если Φ — борелевское свойство, то либо Φ , либо отрицание Φ выполнено для всех A -вычислительных структур при достаточно больших A .

1.14.5. Экономные по норме, или оптимальные функции. Требование гёделевости (Γ) не накладывает никаких ограничений на алгоритм \mathcal{D} . В частности, норма объекта $\mathcal{D}(i)$ может значительно превышать норму объекта i . Мы можем стремиться исключить такую возможность и потребовать,

чтобы выполнялось неравенство $n(\mathcal{D}(i)) \leq_+ n(i)$. (Разумеется, все сказанное имеет смысл только в том случае, если I и E являются нормированными ансамблями.) Неравенство $n(\mathcal{D}(i)) \leq_+ n(i)$ означает, что $\mathcal{D}(i)$ не содержит «ничего или почти ничего лишнего» по сравнению с i .

Дадим соответствующие определения. Пусть E — нормированный ансамбль. Будем называть вычислимую функцию $V: X \times E \rightarrow Y$ *оптимальной*, или *экономной по норме*, если выполнено такое свойство:

(О) для всякого нормированного ансамбля I и всякого алгоритма $\mathcal{A}: I \times X \rightarrow Y$ существует ограниченно-искажающий алгоритм $\mathcal{D}: I \rightarrow E$ с областью определения I , для которого $\mathcal{A}(\langle i, x \rangle) \simeq V(\mathcal{D}(i), x)$ при всех $x \in X, i \in I$.

Заметим, что поскольку между любыми двумя нормированными ансамблями существует (ограниченно-искажающий) изоморфизм, то вместо слов «для всякого нормированного ансамбля» в этом определении можно было бы (без изменения класса оптимальных функций) говорить о каком-то фиксированном нормированном ансамбле, например об ансамбле двоичных слов. Заметим также, что свойства (У) и (Г), как нетрудно проверить, являются следствиями свойства (О). (То обстоятельство, что в свойстве (О) множество I является не произвольным породимым множеством, а ансамблем, как легко проверить, несущественно.)

Первый же вопрос, возникающий в связи с этим определением, таков: а существуют ли вообще оптимальные функции? Оказывается, что ответ на этот вопрос положителен: оптимальную функцию нетрудно построить, используя идеи Колмогорова из [Колмогоров, 1965]. Это построение можно найти в [Агафонов, 1975, с. 44] или в [Шнорр, 1975] (в работе Шнорра рассматриваются не оптимальные универсальные функции, а так называемые оптимальные нумерации, но это различие несущественно, см. § 1.15).

Другой интересный вопрос, возникающий в связи с понятием оптимальности, таков: приводят ли известные способы программирования к оптимальным функциям. Как правило, возникающие результатные функции оказываются неоптимальными (см. [Агафонов, 1975, с. 45]).

Мы уже упоминали выше теорему Роджерса об изоморфизме гёделевых нумераций. Оказывается, что аналогичная теорема — об изоморфизме любых двух оптимальных нумераций — также имеет место; она доказана Шнорром (см. § 1.15). Из нее вытекает, что для любых двух оптималь-

ных гёделевых универсальных функций V_1 и V_2 для X и Y с индексными множествами E_1 и E_2 существует такой (ограниченно-искажающий) изоморфизм u нормированных ансамблей E_1 и E_2 , что для любых $e \in E_1$ и $x \in X$ выполнено условное равенство

$$V_2(u(e), x) \simeq V_1(e, x).$$

Представляют интерес и другие требования, которые можно пытаться наложить на гёделевы универсальные функции. Можно хотеть, к примеру, чтобы транслятор \mathcal{D} был достаточно быстро работающим алгоритмом, например требовал бы не более чем полиномиального времени. (См. об этом в § 1.15 в связи с понятием полиномиально главной нумерации.)

1.14.6. Программирование исчислений. Все сказанное выше об алгоритмах и их программах можно повторить и для исчислений. С каждым способом программирования (для данной порождающей модели и данного ансамбля Y) будет связан тогда программный ансамбль P и множество $U \subseteq P \times Y$, состоящее из тех пар $\langle p, y \rangle$, для которых y принадлежит множеству, порожденному исчислением с программой p . Это множество (которое естественно назвать *результатным множеством* данного способа программирования исчислений) оказывается породимым; исчисления, его порождающие, естественно называть *универсальными исчислениями* для данного способа программирования. Нетрудно сформулировать аналоги (Y') , (Γ') , (O') требований (Y) , (Γ) и (O) для произвольного перечислимого подмножества $V \subseteq E \times Y$; как и в случае алгоритмов, множества, соответствующие известным способам программирования, удовлетворяют требованиям (Y') и (Γ') .

Понятие универсального исчисления можно понимать и в более широком смысле, введя некоторую кодировку пар. Именно, пусть задан некоторый способ кодирования пар φ , сопоставляющий с каждой парой $\langle e, y \rangle$ некоторый элемент ансамбля кодов Z . Тогда с каждым исчислением, порождающим объекты ансамбля Z , будет связано множество $V \subseteq E \times Y$, состоящее из тех пар $\langle e, y \rangle$, код $\varphi(\langle e, y \rangle)$ которых порождается этим исчислением. Если это множество обладает свойством (Y') (т. е. для всякого породимого множества S объектов ансамбля Y существует такой объект $e \in E$, что свойства $y \in S$ и $\langle e, y \rangle \in V$ равносильны), то исходное исчисление можно назвать *универсальным в широком смысле*.

Многие логистические системы (исчисление предикатов, формальная арифметика, аксиоматическая теория множеств) оказываются универсальными исчислениями в таком широком понимании. Эти универсальные исчисления появились в математике до формирования общего понятия исчисления. Поскольку всю (дескриптивную) теорию исчислений допустимо трактовать как теорию какого-нибудь одного универсального исчисления (ср. с трактовкой в § 1.4 теории алгоритмов как теории одного универсального алгоритма), можно считать, что уточнения понятия исчисления и общая теория исчислений возникли раньше, чем общее понятие исчисления. В этом — своеобразии развития понятия исчисления, отличающее это развитие от развития понятия алгоритма (ведь все алгоритмы, возникшие в математике до создания общей теории алгоритмов, ни в каком смысле не могут рассматриваться как универсальные!).

Отметим теперь связь между способами программирования алгоритмов и способами программирования исчислений. Пусть задан способ программирования алгоритмов с входным ансамблем X и выходным ансамблем Y , а также способ программирования исчислений с ансамблем $X \times Y$. Тогда каждая вычислимая функция из X и Y имеет как вычислительные программы, так и (рассматриваемая как породимое подмножество множества $X \times Y$) порождающие программы. Возникает вопрос: можно ли эффективно переходить от программ одного типа к программам другого типа (для той же функции)? Ответ, как и следовало ожидать, оказывается положительным — такая возможность обеспечивается свойством (Γ) , справедливым для способа программирования алгоритмов, и его аналогом (Γ') , справедливым для способа программирования исчислений.

1.14.7. Преобразования программ. Введение понятия способа программирования (а на абстрактном уровне — понятия гёделевой универсальной функции и соответствующего понятия для множеств) позволяет сформулировать ряд важных результатов теории алгоритмов. Приведем сейчас некоторые из них.

Вторая теорема о рекурсии, принадлежащая Клини (см. [Роджерс, 1967, гл. 11]), утверждает, что невозможен алгоритм, преобразующий всякую программу вычислимой функции в программу совершенно другой (т. е. отличной от исходной) вычислимой функции; аналогичное утверждение справедливо для программ перечислимых множеств. (На самом деле справедливо даже несколько более сильное ут-

верждение, позволяющее «эффективно» находить для всякого преобразующего программы алгоритма ту программу, которая переводится им в программу той же самой функции. Однако возможен алгоритм с оракулом, обладающий только что описанным свойством. Более того, в [Арсланов, 1981] найден следующий критерий: перечислимое множество A тогда и только тогда полно, когда существует алгоритм с оракулом A , преобразующий программу любой вычислимой функции в программу другой функции, отличной от заданной. Дальнейшие обобщения этого результата позволяют сформулировать аналогичные критерии для широкого класса множеств арифметической иерархии (см. [Арсланов, 1985а], [Арсланов, 1986]).

Естественно задаться вопросом, какие свойства вычислимых функций (или породимых множеств) можно алгоритмически распознать по их программам; оказалось, что никакие, кроме тривиальных (см. [Райс, 1953], [Успенский, 1955а], [Успенский, 1960]). Замечательно, что этот факт оказался следствием топологической связности системы всех породимых множеств и системы всех вычислимых функций при той естественной топологии, которая упоминалась в § 1.13. В самом деле, множество всех программ множеств (или функций), удовлетворяющих (а также не удовлетворяющих) какому-либо свойству, алгоритмически распознаваемому по программам, перечислимо; с другой стороны, любая совокупность множеств или функций, для которой все программы членов этой совокупности образуют перечислимое множество (такая совокупность называется *вполне перечислимой*), оказывается открытой в указанной топологии (см. [Успенский, 1955а]).

Пусть фиксирован некоторый способ программирования исчислений. Тогда каждая вычислимая операция Φ очевидным образом приводит к алгоритму, переводящему каждую программу порождения какого-либо множества A в некоторую программу порождения результирующего множества $\Phi(A)$. Теорема о том, что любая вполне перечислимая совокупность множеств открыта в топологии из § 1.13, служит также для установления следующего принципиального результата (обратного к упомянутому в начале этого абзаца очевидному факту): любой алгоритм, переводящий всякую программу в программу же, причем так, что программы одного и того же переводятся в программы одного и того же, соответствует некоторой вычислимой операции (см. [Успенский, 1955а], [Майхилл, Шепердсон, 1955]).

Более точно, пусть X и Y — перечислимые множества, $F \rightarrow$ (частичное) отображение из $\text{Gen}(X)$ в $\text{Gen}(Y)$, задаваемое (в разъясняемом ниже смысле) вычислимой функцией φ на программах: если p — программа для $A \in \text{Gen}(X)$ и $F(A)$ не определено, то $\varphi(p)$ не определено; если $F(A)$ определено, то $\varphi(p)$ определено и представляет собой программу для $F(A)$. В том случае отображение F может быть продолжено до вычислимой операции, отображающей 2^X в 2^Y .

То же самое верно и для частичных отображений из $\text{Com}(X, Y)$ в $\text{Com}(U, V)$, для программ вычислимых функций и вычислимых операторов. Сходная теорема верна и для алгоритмов, которые применимы к любой программе всюду определенной функции и дают в качестве результата программу другой всюду определенной функции, зависящей только от первой (но не от того, какая из ее программ взята): любому такому алгоритму соответствует вычислимый оператор (см. [Цейтин, 1962, теорема 2]).

§ 1.15. Понятие нумерации и теория нумераций

1.15.0. *Нумерацией* (или, более точно, *числовой нумерацией*) множества M называется произвольное отображение α произвольного множества $E \subset \mathbb{N}$ на M ; если при этом $\alpha(e) = m$, то e называется α -номером, или номером, элемента m (см. [Успенский, 1955а], [Успенский, 1960, § 11], [Мальцев, 1961, п. 2.1], [Мальцев, 1965, гл. IV]).

Множество E называется *основанием* нумерации α (как в [Успенский, 1960]) или *номерным множеством* (как в [Мальцев, 1961], [Мальцев, 1965]) нумерации α . Если $E = \mathbb{N}$, нумерация называется *натуральной*, как в [Успенский, 1960], или *простой*, как в [Мальцев, 1961], [Мальцев, 1965, п. 9.1]. Иногда (например, в [Лавров И., 1982]) термин «нумерация» употребляется как синоним термина «натуральная нумерация». Если каждый элемент имеет только один номер (т. е. α является взаимно однозначным соответствием), нумерация называется нумерацией *без повторений* или *однозначной* нумерацией (см. [Мальцев, 1961], [Мальцев, 1965, п. 9.1]). Нумерация называется *разрешимой*, если существует алгоритм, который применим к любой паре элементов из E и дает ответ на вопрос, являются ли они или нет номерами одного и того же элемента из M (см. [Мальцев, 1961]).

При естественном более широком понимании понятия *нумерации* основанием нумерации может служить любое подмножество любого ансамбля. Определения однозначности и разрешимости нумераций переносятся на общий случай без изменений. В роли натуральных нумераций выступают в этом случае нумерации, у которых основанием служит весь ансамбль. Такие нумерации называются *тотальными*.

Пусть нумерации α и β одного и того же множества имеют соответственные основания E и F ; они называются *изоморфными* (см. [Мальцев, 1961, п. 2.1], [Ершов Ю., 1977, гл. 2, § 1]), если для них существует изоморфизм, т. е. такое вычислимое взаимно однозначное соответствие f между E и F , что для всякого $e \in E$ выполнено $\alpha(e) = \beta(f(e))$. Говоря о *вычислимости соответствия* f , мы имеем в виду, что отображения f и f^{-1} являются сужениями некоторых вычислимых функций на множества E и F соответственно. Очевидно, всякая нумерация изоморфна некоторой числовой, а всякая тотальная нумерация изоморфна некоторой натуральной; поэтому, если пренебречь изоморфизмами, можно ограничиться числовыми нумерациями; в частности, изучение тотальных нумераций можно заменить изучением натуральных нумераций.

Примеры нумераций.

1. Отображение, относящее каждому имени из некоторой совокупности имен его денотат (т. е. предмет, носящий это имя; см. [Чёрч, 1956, § 01]); это главная философская мотивировка теории нумераций.

2. Для фиксированного способа программирования отображение, относящее каждой программе задаваемую ею вычислимую функцию или задаваемое ею породимое множество (см. [Успенский, 1956], [Успенский, 1956а]); это главная математическая мотивировка теории нумераций.

3. Система обозначений для ординалов (см. [Роджерс, 1967, § 11.7]); это главная историческая мотивировка теории нумераций.

Все перечисленные примеры представляют собой, вообще говоря, не тотальные нумерации. Нумерация из второго примера может быть превращена в тотальную с помощью приема, указанного в начале § 1.14 и позволяющего каждый элемент программного ансамбля рассматривать как программу.

А л г е б р а и ч е с к и й п р и м е р. Каждый из вышеприведенных трех примеров дает, конечно, не какую-то

одну нумерацию, а целую серию нумераций. Среди «философских» нумераций первой серии имеются нумерации, имеющие ясный алгебраический смысл. Речь идет о нумерациях конечно порожденных алгебр. Пусть некоторая алгебраическая система конечно порождена, т. е. имеет конечное число образующих и конечную сигнатуру. Пусть алфавит B содержит все имена a_1, a_2, \dots образующих, все имена f, g, \dots сигнатурных операций, левую и правую скобки и запятую. В ансамбле B -слов возникает подмножество всевозможных замкнутых (т. е. не содержащих переменных) термов вида $g(a_5, f(a_2, a_1), a_5)$ и т. п. (ср. добавление к § 1.3). Каждый из таких термов обозначает некоторый (и притом только один) элемент нашей алгебры, причем разные термы могут обозначать один и тот же элемент. Тем не менее обычно говорят «элемент $f(a_2, a_1)$ », а не «элемент, обозначенный через $f(a_2, a_1)$ »; такое словопотребление показывает, что мы используем выражение « $f(a_2, a_1)$ » так, как используют имя объекта. Итак, терм « $f(a_2, a_1)$ » следует рассматривать как имя некоторого элемента алгебры (являющегося, в свою очередь, денотатом этого терма); один и тот же элемент может иметь много имен. Поскольку a_1, a_2, \dots суть образующие, отображение, сопоставляющее с каждым термом его денотат, представляет собой сюръекцию, т. е. отображение на весь носитель рассматриваемой алгебраической системы. Таким образом, указанное отображение есть нумерация носителя; допуская вольность речи, об этой нумерации говорят как о нумерации самой алгебраической системы. Следуя Мальцеву (см. [Мальцев, 1961, п. 4.1]), эту нумерацию будем называть *стандартной*. (Строго говоря, в [Мальцев, 1961] стандартной называется не сама только что построенная нумерация, а некоторая изоморфная ей числовая нумерация.) Очевидно, что основание стандартной нумерации породимо (перечислимо) и даже разрешимо.

Нумерация α называется *позитивной*, если породимо (=перечислимо) как ее основание E , так и подмножество $R \subset E^2$ всех таких пар $\langle e_1, e_2 \rangle$, для которых $\alpha(e_1) = \alpha(e_2)$ (см. [Мальцев, 1961, п. 2.1]).

А л г е б р а и ч е с к и й п р и м е р (продолжение). Пусть алгебраическая система не только конечно порождена, но и конечно задана, т. е. задана конечным числом квазитожеств. Как мы видели в добавлении к § 1.3, породимо множество всех таких пар $\langle t_1, t_2 \rangle$, что термы t_1 и t_2 равны в рассматриваемой системе, т. е. обозначают один и тот

же элемент. Поэтому стандартная нумерация всякой конечно заданной алгебраической системы позитивна.

Пусть α и β — две нумерации множества M . Про функцию, которая по любому α -номеру любого элемента из M дает какой-то β -номер того же элемента, говорят, что она *сводит* α к β (см. [Успенский, 1960, § 11], [Мальцев, 1961, п. 2.2]). Говорят, что α *сводится по Колмогорову* к β , если существует вычислимая функция, сводящая α к β . Наконец, две нумерации называются *эквивалентными относительно колмогоровской сводимости* или, короче, *эквивалентными по Колмогорову*, если они сводятся друг к другу по Колмогорову.

В ситуации, когда не рассматриваются иных видов сводимости и эквивалентности, слова «по Колмогорову» опускаются. Именно такая ситуация имеет место в настоящем параграфе, и потому мы будем говорить просто о *сводимости* и *эквивалентности* нумераций. (В § 2.5 нам предстоит рассмотреть и другие виды сводимости и эквивалентности.)

Отношение сводимости задает на совокупности всех (числовых) нумераций фиксированного множества M предпорядок. Тем самым на совокупности всех классов эквивалентности возникает частичный порядок. Частично упорядоченное множество классов эквивалентности оказывается при этом *верхней полурешеткой*. То же построение можно сделать только для натуральных нумераций. В этом случае мы также получим верхнюю полурешетку, которая, очевидно, изоморфно вложена в первую.

Идея абстрактного изучения нумераций была впервые высказана (в связи с изучением систем обозначений для ординалов) Колмогоровым в феврале 1954 г. на руководимом им семинаре по рекурсивной арифметике в Московском университете (именно, Колмогоров сформулировал общее понятие числовой нумерации и понятие сводимости нумераций). Эта идея получила развитие в исследованиях Мальцева (собранных впоследствии в [Мальцев, 1976]) и его ученика Ю. Л. Ершова. Монографии [Мальцев, 1965] и [Ершов Ю., 1977] подытоживают эти исследования.

Теорию нумераций можно считать новой самостоятельной областью математики, рожденной теорией алгоритмов. Самостоятельность этой новой области оправдывается наличием в ней глубоких математических результатов, как почти очевидных, так и совершенно неожиданных и нетривиальных. Вот пример результата первого типа: тотальная нумерация бесконечного множества является разрешимой

тогда и только тогда, когда она эквивалентна некоторой однозначной тотальной нумерации того же множества (см. [Ершов Ю., 1977, гл. 1, § 3]; мы сошлемся на этот результат ниже, в § 2.5). А вот пример результата второго типа: для любых двух неоднородных конечных множеств верхняя полурешетка классов эквивалентных натуральных нумераций одного множества изоморфна верхней полурешетке классов эквивалентных натуральных нумераций другого множества (см. [Ершов Ю., 1977, приложение II]).

Наиболее разработана теория тотальных нумераций (ср. [Ершов Ю., 1977, с. 12]). При переходе к нетотальным нумерациям возникают новые эффекты: существует, например, разрешимая нумерация бесконечного множества, не эквивалентная никакой однозначной нумерации (см. [Шень, 1981]). Как указано выше, для тотальных нумераций этого не бывает, поэтому нумерация с таким свойством не эквивалентна никакой тотальной. Другим примером нумераций, не эквивалентных тотальным, служат нумерации конструктивного континуума, рассматриваемые в § 2.4. Основания этих нумераций перечислимы: действительно, как легко видеть, всякая нумерация с перечислимым основанием эквивалентна тотальной.

1.15.1. Вычислимые нумерации. Большое количество понятий и результатов теории нумераций возникло из изучения нумераций, связанных со способами программирования (см. второй из приведенных примеров). Некоторые из этих понятий, по существу, уже обсуждались в предыдущем параграфе. Дело в том, что имеется естественное взаимно однозначное соответствие между тотальными нумерациями семейств функций из X в Y с основанием E и функциями из $E \times X$ в Y . Именно, каждой функции F из $E \times X$ в Y соответствует нумерация, при которой объект $e \in E$ является номером функции $F_e: x \rightarrow \langle e, x \rangle$. В обратную сторону: каждой тотальной нумерации соответствует функция, относящая паре $\langle e, x \rangle$ значение функции с номером e на элементе x . Если данная функция и данная нумерация соответствуют друг другу при описанном только что взаимно однозначном соответствии, то мы будем называть их *сопряженными*. Теперь мы можем перевести некоторые введенные в § 1.14 понятия на язык теории нумераций. Пусть X , Y и E — некоторые ансамбли.

1. Тотальная нумерация α семейства функций из X в Y с основанием нумерации E называется *вычислимой* (см. [Успенский, 1955а], [Лавров И., 1977]), если сопряженная

с ней функция, т. е. функция, сопоставляющая паре $\langle e, x \rangle$ значение функции с номером e на элементе x , является вычислимой.

2. Тотальная вычислимая нумерация семейства $\text{Com}(X, Y)$ с основанием нумерации E называется *главной* (см. [Успенский, 1955а], [Успенский, 1960, § 11]), или *гёделевой*, если сопряженная с ней функция является гёделевой универсальной функцией; как легко видеть, это эквивалентно тому, что всякая вычислимая нумерация семейства $\text{Com}(X, Y)$ сводится к ней.

3. Пусть ансамбль E нормирован. Тогда имеет смысл говорить об оптимальных нумерациях. Именно, тотальная вычислимая нумерация семейства $\text{Com}(X, Y)$ с основанием нумерации E называется *оптимальной*, или *шнорровой*, или *экономной по объему номеров*, если сопряженная с ней функция является оптимальной гёделевой универсальной функцией; как легко видеть, это эквивалентно тому, что всякая вычислимая нумерация семейства $\text{Com}(X, Y)$, основание которой является нормированным ансамблем, сводится к ней с помощью ограниченно-искажающего алгоритма.

Как видно из этих определений, всякая главная нумерация вычислима, а всякая шноррова нумерация — главная. Как отмечалось в § 1.14, оптимальные гёделевы универсальные функции существуют; тем самым существуют и шнорровы (и, тем более, главные и вычислимые) нумерации семейства $\text{Com}(X, Y)$.

Распространим теперь введенные понятия на несколько более общий случай. Именно, дадим определения вычислимой нумерации для случая нумераций, не являющихся тотальными, а также определение главной нумерации для случая не обязательно тотальных нумераций не обязательно всего семейства $\text{Com}(X, Y)$ (а лишь некоторого подмножества). Эти определения будут таковы.

1'. Нумерация α семейства функций из X в Y , основанием которой является подмножество E' некоторого ансамбля E , называется *вычислимой*, если E' породимо и функция из $E \times X$ в Y , ставящая в соответствие паре $\langle e, x \rangle$ значение функции с номером e на аргументе x в том случае, если $e \in E'$, и не ставящая в соответствие ничего, если $e \notin E'$, является вычислимой.

Для случая тотальных нумераций это определение, очевидно, совпадает с данным выше определением 1. Разница между определениями 1 и 1' не очень существенна;

как легко видеть, всякая вычислимая нумерация эквивалентна некоторой тотальной вычислимой нумерации (ср. сказанное выше о нумерациях с перечислимым основанием).

2'. Вычислимая нумерация α некоторого семейства $S \subseteq \text{Com}(X, Y)$ называется *главной*, или *гёделевой*, если всякая вычислимая нумерация этого семейства сводится к ней.

В силу сказанного выше об эквивалентности всякой вычислимой нумерации некоторой тотальной вычислимой нумерации, неважно, будем ли мы требовать сводимости к α всех вычислимых нумераций или только тотальных. Поэтому определение 2 является частным случаем определения 2'. Семейство $S \subseteq \text{Com}(X, Y)$ может обладать вычислимой нумерацией, но не обладать главной: таково, например, семейство всех примитивно-рекурсивных функций на \mathbb{N} в \mathbb{N} (см. [Ершов Ю., 1977, гл. 1, § 2]).

Все сказанное выше может быть перенесено на случай нумераций семейств породимых множеств (вместо вычислимых функций). Приведем соответствующие формулировки. Пусть W и E — некоторые ансамбли. Нумерация α некоторого подмножества S множества $\text{Gen}(W)$, основанием которой является подмножество $E' \subseteq E$, называется *вычислимой*, если множество E' и множество

$$\{\langle e, \omega \rangle \mid e \in E', \omega \in \alpha(e)\}$$

породимы. Вычислимая нумерация α некоторого семейства $S \subseteq \text{Gen}(W)$ называется *главной*, или *гёделевой*, если всякая вычислимая нумерация этого семейства сводится к ней. Пусть теперь ансамбль E нормирован. Тотальная вычислимая нумерация семейства $\text{Gen}(W)$, основанием которой служит E , называется *оптимальной*, или *шнорровой*, или *экономной по объему номеров*, если всякая вычислимая нумерация этого семейства, основание которой является нормированным ансамблем, сводится к ней с помощью ограниченно-искажающего вычислимого отображения.

Каждая вычислимая функция из X в Y может рассматриваться как породимое подмножество $X \times Y$. Поэтому нумерации семейств вычислимых функций могут рассматриваться также и как частный вид нумераций семейств породимых множеств и утверждение о вычислимости некоторой нумерации некоторого семейства вычислимых функций может пониматься двояко: либо в соответствии с данным выше определением 1, либо как утверждение о вычислимости нумерации соответствующего семейства породимых

множеств. Легко проверить, что эти два понимания равносильны. Это замечание можно отнести к понятию главной нумерации семейства вычислимых функций: здесь также возможны два понимания, и они также равносильны. (К шнорровым нумерациям сказанное не относится, так как, говоря о шнорровости нумерации, мы предполагаем, что она является нумерацией всего $\text{Com}(X, Y)$ или всего $\text{Gen}(W)$.) Сформулируем теперь упоминавшиеся в § 1.14 теоремы Роджерса и Шнорра.

Теорема Роджерса. Для любых ансамблей X и Y гёделева нумерация множества $\text{Com}(X, Y)$ единственна с точностью до изоморфизма, осуществляемого вычислимым взаимно однозначным соответствием между основаниями нумераций (см. [Роджерс, 1958], [Мальцев, 1963, теорема 7.1], [Мальцев, 1965, § 9, теорема 5]).

Аналогичное утверждение верно для гёделевых нумераций множества $\text{Gen}(W)$ при любом ансамбле W .

Теорема Шнорра. Для любых ансамблей X и Y шноррова нумерация множества $\text{Com}(X, Y)$ единственна с точностью до изоморфизма, осуществляемого вычислимым взаимно однозначным ограничено искажающим (в обе стороны) соответствием между основаниями нумераций (см. [Шнорр, 1972], [Шнорр, 1975]).

Аналогичное утверждение верно и для шнорровых нумераций множества $\text{Gen}(W)$ при любом ансамбле W .

Заметим, что и в определении гёделевой нумерации, и в определении шнорровой нумерации, так же как и в теоремах Роджерса и Шнорра, на сложность вычисления функции, осуществляющей сведение нумераций, не накладывается никаких ограничений. Одно из самых естественных требований подобного рода состоит в принадлежности сводящей функции классу \mathcal{P} . Приняв его, мы приходим к такому определению.

4. Пусть α есть тотальная вычислимая нумерация семейства $\text{Com}(X, Y)$, основанием которой служит словарный ансамбль. Нумерация α называется *полиномиально главной* (или *полиномиально гёделевой* — «polynomial time Gödel») согласно [Мачти, Винкльман, Янг, 1978], если всякая вычислимая нумерация семейства $\text{Com}(X, Y)$, основанием которой служит словарный ансамбль, сводится к ней с помощью функции из класса \mathcal{P} .

Это понятие впервые приведено в работе [Хартманис, Бейкер, 1975]. В этой же работе поставлена следующая проблема: имеет ли место аналог теорем Роджерса и Шнорра

для полиномиально главных нумераций. Более точно, верно ли, что полиномиально главная нумерация единственна с точностью до изоморфизма, осуществляемого с помощью вычислимого взаимно однозначного отображения, лежащего вместе с обратным к нему в классе \mathcal{P} . (Существование полиномиально главной нумерации легко доказать.) Эта проблема остается открытой. В [Мачти, Винкльман, Янг, 1978, теорема 2.6 (a)] показано, что если $\mathcal{P} = \mathcal{N}\mathcal{P}$, то ответ на поставленный вопрос — утвердительный. Другой частичный результат в этом направлении получен в [Хартманис, 1982], где доказано, что все полиномиально главные нумерации, обладающие некоторыми дополнительными (на наш взгляд, мало естественными) свойствами, могут быть получены одна из другой с помощью изоморфизма описанного выше типа.

Сформулируем теперь две серии результатов, типичных для теории вычислимых нумераций.

Результаты первой серии касаются существования и количества (рассматриваемых с точностью до эквивалентности) однозначных вычислимых нумераций того или иного семейства породимых множеств (в частности, вычислимых функций). Если семейство конечно, проблематика становится тривиальной. Для бесконечного семейства всякая его однозначная вычислимая нумерация эквивалентна (и даже изоморфна) однозначной вычислимой натуральной нумерации; поэтому при изучении нумераций с точностью до эквивалентности безразлично, рассматривать ли все нумерации или только натуральные.

Исследования в этой области начались со статьи Фридберга [Фридберг, 1958], в которой были построены однозначные вычислимые нумерации семейств $\text{Gen}(W)$ и $\text{Com}(X, Y)$. (Такие нумерации, как нетрудно видеть, не могут быть главными.) Возник вопрос о числе однозначных вычислимых нумераций этих семейств (с точностью до эквивалентности).

Сперва Пур-Эл установила, что для $\text{Com}(X, Y)$ это количество не менее двух (см. [Пур-Эл, 1964]). Затем Хуторецкий (см. [Хуторецкий, 1969]) обнаружил, что оно бесконечно и для $\text{Gen}(W)$, и для $\text{Com}(X, Y)$. Оставался вопрос, каким это количество может быть вообще, т. е. для произвольных семейств породимых множеств и вычислимых функций. Известны были лишь примеры семейств, для которых это количество равно бесконечности, единице (такой пример строится без труда) и нулю (пример семейства, для которого вычислимые нумерации существуют, но среди

них нет однозначных, можно найти, например, в [Ершов Ю., 1977, гл. 1, § 6]). В 1972 г. Марченков (см. [Марченков, 1972]) показал, что для семейства всюду определенных (определенных на всем X) функций число попарно неэквивалентных однозначных вычислимых нумераций может быть равно либо единице, либо бесконечности. Как установил Гончаров (см. [Гончаров, 1980], [Гончаров, 1980a]), существуют семейства породимых множеств и вычислимых функций, для которых число неэквивалентных однозначных вычислимых нумераций равно любому наперед заданному натуральному числу.

Вторая серия результатов связана с изучением алгебраического строения *верхних полурешеток*, которые образованы отношением сводимости на классах эквивалентных вычислимых нумераций различных семейств породимых множеств. Приведем наиболее общие результаты о таких полурешетках. Всякая непустая полурешетка вычислимых нумераций либо одноэлементна, либо бесконечна (см. [Хуторецкий, 1971, следствие 1]); если полурешетка вычислимых нумераций содержит более одного элемента, то она не является решеткой ([Селиванов, 1976, теорема 1]).

Главные нумерации, и только они, представляют собой наибольшие элементы полурешеток вычислимых нумераций, поэтому наибольших элементов может и не быть: как уже отмечалось, семейство всех примитивно рекурсивных функций не имеет главной нумерации (более того, как доказано в [Марченков, 1972, теорема 3], полурешетка всех нумераций любого семейства общерекурсивных функций, содержащая более одного элемента, не имеет наибольшего элемента).

Исследовались и минимальные элементы полурешеток. Исторически первыми примерами вычислимых нумераций, являющихся минимальными элементами соответствующих полурешеток, были однозначные вычислимые нумерации ряда семейств. Конструкции таких нумераций для основных семейств, например для $\text{Gen}(W)$, оказались весьма нетривиальными (см. [Мальцев, 1965, п. 7.4]). В [Вьюгин, 1973, следствие теоремы 1] построен пример семейства породимых множеств, полурешетка вычислимых нумераций которого непуста, но не имеет минимальных элементов. В [Ершов Ю., Лавров, 1973, замечание 1] найдены алгебраические инварианты, позволившие доказать неизоморфность полурешеток вычислимых нумераций для ряда естественных семейств: так, этим методом доказано, что попарно неизомор-

морфны полурешетки вычислимых нумераций семейств $\{\emptyset, \{0\}\}$, $\{\emptyset, \{0\}, \{0, 1\}\}$, ..., $\{\emptyset, \{0\}, \dots, \{0, 1, \dots, n\}\}$, ... С другой стороны, в [Деиисов, 1978, следствие 3] доказано, что полурешетки вычислимых нумераций семейств $\{\emptyset, \{0\}, \dots, \{n\}\}$ и $\{\emptyset, \{0\}, \dots, \{m\}\}$ изоморфны для любых $m, n \in \mathbb{N}$.

1.15.2. Нумерованные множества. Множество, рассматриваемое вместе с какой-либо своей нумерацией, называется *занумерованным*, как в [Успенский, 1955a], [Успенский, 1960], или *нумерованным*, как в [Мальцев, 1961], [Мальцев, 1965], множеством; если нумерация натуральная, множество называется *натурально (за)нумерованным*.

Наличие у множества M нумерации позволяет говорить о вычислимости функций из M^k в M и о разрешимости подмножеств M^s (относительно данной нумерации). Именно, функцию $f: M^k \rightarrow M$ естественно называть *вычислимой относительно нумерации ν* , если существует такая вычислимая функция φ , что

$$\nu(\varphi(e_1, \dots, e_k)) \simeq f(\nu(e_1), \dots, \nu(e_k))$$

для любых $e_1, \dots, e_k \in E$, где E — основание нумерации ν . *Разрешимость $P \subset M^s$* означает существование такой вычислимой функции χ , что для всех $e_1, \dots, e_s \in E$

$$\begin{aligned} \langle \nu(e_1), \dots, \nu(e_s) \rangle \in P &\Rightarrow \chi(e_1, \dots, e_s) = 0, \\ \langle \nu(e_1), \dots, \nu(e_s) \rangle \notin P &\Rightarrow \chi(e_1, \dots, e_s) = 1. \end{aligned}$$

Натурально нумерованные множества образуют естественную *категорию*, в которой они выступают в роли объектов. *Морфизмом* из натурально нумерованного множества M_1 (с нумерацией α_1) в натурально нумерованное множество M_2 (с нумерацией α_2) называется отображение $\mu: M_1 \rightarrow M_2$, для которого существует всюду определенная на \mathbb{N} вычислимая функция f такая, что $\mu \alpha_1 = \alpha_2 f$. Ряд известных свойств нумерованных множеств удастся сформулировать в теоретико-категорных терминах (см. [Ершов Ю., 1977, гл. 2]).

Можно рассматривать и категорию, образованную всеми нумерованными, а не только натурально нумерованными множествами. При таком подходе морфизмами нужно, по видимому, считать те отображения μ нумерованного множества M_1 с нумерацией α_1 в нумерованное множество M_2 с нумерацией α_2 , для которых существует такая вычислимая функция f , для которой при всех x , принадлежащих основанию нумерации α_1 , во-первых, определены значения $f(x)$ и $\alpha_2(f(x))$ и, во-вторых, выполнено равенство $\alpha_2(f(x)) = \mu(\alpha_1(x))$. Возникающая категория в литературе не изу-

чалась, хотя, по мнению авторов, ее изучение не менее естественно, чем изучение категории натурально нумерованных множеств.

1.15.3. Операции над нумерованными множествами. Существуют некоторые естественные операции, позволяющие получать из одних нумерованных множеств другие. К их числу относятся операции *прямого произведения, сужения, кортежного распространения и факторизации*, используемые в п. 2.5.1. Только что перечисленные четыре операции достаточно очевидны, вот их формальные определения. Пусть α и β суть нумерации множеств A и B с основаниями E и F . Тогда:

1) *прямым произведением* нумераций α и β называется нумерация γ множества $A \times B$, имеющая основание $E \times F$ и задаваемая формулой

$$\gamma(e, f) = \langle \alpha(e), \beta(f) \rangle;$$

2) нумерация β называется *кортежным распространением* нумерации α , если $B = A^\infty$, $F = E^\infty$ и $\beta(\langle e_1, \dots, e_n \rangle) = \langle \alpha(e_1), \dots, \alpha(e_n) \rangle$; здесь A^∞ , E^∞ суть соответственно множества всевозможных кортежей над A и над E ;

3) нумерация β называется *сужением* нумерации α , если $B \subset A$, $F = \alpha^{-1}(B)$ и β есть сужение α на F ;

4) нумерация β называется *фактор-нумерацией* нумерации α , если существует отображение $f: A \rightarrow B$ с областью определения A и областью значений B , для которого $\beta = f \circ \alpha$.

§ 1.16. Начало создания инвариантной, или машинно-независимой, теории сложности вычисления

Под инвариантной теорией сложности понимается такая, результаты которой формулируются независимо от выбора той или иной вычислительной (или порождающей) модели. Здесь возможны три пути.

Первый — поиск таких широко понимаемых оценок сложности, которые не зависят от выбора вычислительной модели. В § 1.7 уже шла речь о том, что при определении класса \mathcal{P} можно (без изменения класса) рассматривать разные вычислительные модели. По существу, при определении класса \mathcal{P} мы используем не одну верхнюю оценку, а класс верхних оценок, отличающихся друг от друга преобразованиями некоторого семейства.

Более точно, рассмотрение оценок сложности в точности до преобразования из данного семейства преобразований означает следующее. *Сложностный класс* задается некоторой системой оценок, причем для любых двух оценок α , β из рассматриваемой системы существуют такие преобразования U , V из фиксированного множества, что $\alpha \leq U \circ \beta$ и $\beta \leq V \circ \alpha$ (так, все невырожденные полиномы получаются один из другого возведением в ограниченную и отделенную от нуля степень). Функция считается принадлежащей к данному сложностному классу, если сложность ее вычисления может быть ограничена какой-нибудь оценкой из рассматриваемой системы. В соответствии со сказанным выше, \mathcal{P} можно определить как класс функций, время вычисления которых линейно ограничено с точностью до возведения в ограниченную и отделенную от нуля степень.

Второй путь — попытаться какие-то параметры представителя вычислительной модели включить в качестве аргументов в сложностную функцию. Четкая и содержательная формализация этих параметров представляет значительные трудности, до сих пор в качестве таких параметров рассматривалось число лент и мощность алфавита многоленточных машин Тьюринга (см., например, [Сейферас, 1977]).

Третий путь — аксиоматический. Блум в [Блум, 1967] предложил две аксиомы, которым удовлетворяет любая разумная сложность вычисления; в этих аксиомах понятие сложности вычисления формализовано в виде понятия меры сложности.

Для фиксированной главной (для X, Y с индексным множеством E) функции $V: E \times X \rightarrow Y$ мерой сложности называется вычислимая функция $C: E \times X \rightarrow \mathbb{N}$, удовлетворяющая следующим двум аксиомам Блума (см. [Блум, 1967]):

- 1) $V(i, x)$ определено $\Leftrightarrow C(i, x)$ определено;
- 2) множество $\{(i, x, y) \mid C(i, x) = y\}$ разрешимо.

Примерами мер сложности являются время и емкость вычислений на машинах Тьюринга, описанные в § 1.6, так же как и многие другие варианты понятий времени и емкости. В [Блум, 1967] доказаны две замечательные теоремы о мерах сложности. Приведем их формулировки.

Теорема о рекурсивной связи различных мер сложности. Пусть C_1, C_2 — две меры сложности (для одной и той же главной функции). Тогда существует такая вычислимая функция $D: X \times \mathbb{N} \rightarrow \mathbb{N}$ с областью определения $X \times \mathbb{N}$, что

для всех $i \in I$ неравенство $C_2(i, x) \leq D(x, C_1(i, x))$ выполнено для всех x , для которых $V(i, x)$ определено, кроме конечного их числа.

Теорема об ускорении. Пусть C — мера сложности и пусть R — всюду определенная вычислимая функция из \mathbb{N} в \mathbb{N} . Тогда существует такое разрешимое подмножество A множества X (характеристическая функция которого обозначается далее через χ_A), что для любого $i \in E$, для которого $V(i, x) = \chi_A(x)$ при всех x , существует такое j , что $V(j, x) = \chi_A(x)$ при всех x , и для всех x , кроме конечного числа, имеет место неравенство $C(i, x) \geq R(C(j, x))$.

Теорию Блюма можно рассматривать как «дескриптивную часть» метрической теории алгоритмов. Действительно, понятия и методы подхода Блюма очень близки к классической дескриптивной теории алгоритмов.

Конечно, чрезвычайная общность аксиом Блюма влечет определенные неудобства: чем шире класс мер сложности, удовлетворяющих этим аксиомам, тем меньше можно о нем сказать. Приведем пример одного из возможных дополнительных требований, предъявляемых к мерам сложности. Кажется естественным рассматривать в качестве сложностей только такие функции, сложность вычисления которых невелика, например не превосходит значения самой сложностной функции. Можно (при $Y = \mathbb{N}$) добавить третью аксиому к аксиоматике сложности:

$$\forall i \exists j \forall x (C(i, x) \simeq V(j, x) \ \& \ V(j, x) \geq C(j, x)).$$

Такие сложности, как время и емкость для многоленточных машин Тьюринга, удовлетворяют этой аксиоме (и даже ее эффективному варианту, в котором j алгоритмически находится по i). В [Хартманис, Хопкрофт, 1971, § 4] мера сложности называется удобной (регрег), если она удовлетворяет «эффективному» варианту третьей аксиомы.

§ 1.17. Теория сложности и энтропии конструктивных объектов

Общий подход к понятию сложности конструктивного объекта как минимального объема описывающей этот объект программы принадлежит Колмогорову (см. [Колмогоров, 1965]). (Независимо, хотя и в менее ясном виде, аналогичные идеи были высказаны Соломоновым в [Соломонов,

1964].) В ходе развития этого подхода выяснилось, что различным интуитивным представлениям о сложности соответствуют различные точные определения.

На интуитивном уровне указанные различия возникают по следующим причинам. Любой конструктивный объект (например, слово) можно рассматривать как сообщение о нем самом, а можно рассматривать как сообщение одновременно обо всех объектах, в каком-то смысле его содержащих (например, обо всех продолжениях слова). При втором подходе естественно считать, что программа, описывающая объект, может задавать не обязательно в точности его, а лишь какое-то его продолжение.

Аналогичные соображения относительно соотношения часть — целое имеют место и для самих описаний объектов. В частности, если описание и некоторая его часть задают какие-то объекты, то, при некоторой точке зрения, эти объекты не могут противоречить друг другу, они должны быть согласованы. Таким образом, на рассматриваемом ансамбле должно быть задано отношение «согласованности». Пример отношения согласованности: «один из двух объектов — часть другого». Естественно предполагать, что отношение согласованности разрешимо.

В свете сказанного, в данном пункте термином «ансамбль» обозначается произвольный ансамбль, рассматриваемый вместе с заданным на нем произвольным разрешимым бинарным отношением, называемым *отношением согласованности*. Пусть X и Y — ансамбли. Рассмотрим следующее условие, налагаемое на отношение R между элементами ансамблей X и Y : $(x \text{ и } x' \text{ согласованы}) \ \&R(x, y) \ \&R(x', y') \Rightarrow \Rightarrow (y \text{ и } y' \text{ согласованы})$. Произвольное перечислимое отношение R между ансамблями X и Y , удовлетворяющее этому условию, называется *способом описания* (элементов из Y посредством элементов из X). Объект x называется *описанием* объекта y при способе R , если имеет место $R(x, y)$.

В дальнейшем центральную роль будут играть ансамбли \mathbb{N} и \mathbb{E} — ансамбли описаний. Здесь через \mathbb{N} обозначен ансамбль натуральных чисел с отношением равенства в качестве отношения согласованности, а через \mathbb{E} — ансамбль всех слов в алфавите $\{0, 1\}$ со следующим отношением согласованности: слова согласованы, если одно из них — начало другого. На этих ансамблях заданы нормы: в \mathbb{E} нормой слова считаем его длину, в \mathbb{N} нормой числа x считаем целую часть числа $\log_2(x+1)$ (эти нормы мы рассматривали в § 1.6). Чтобы подчеркнуть, что мы рассматриваем не про-

извольные нормы на \mathbb{E} и \mathbb{N} , а некоторые конкретные, мы будем называть эти нормы *объемами* и обозначать буквой l .

Итак, пусть X — это один из ансамблей \mathbb{N} или \mathbb{E} , пусть Y — произвольный ансамбль и пусть R — какой-либо способ описания. *Сложностью* $K_R(y)$ объекта y при способе описания R называется наименьший объем описания этого объекта (если описания не существует, то сложность равна ∞). Пусть, например, $X = \mathbb{N}$, $Y = \mathbb{E}$, а R состоит из всех пар вида $\langle x, y \rangle$, где x — программа какого-то нормального алгоритма $\mathcal{A}: \mathbb{N} \rightarrow \{0, 1\}$, а y — начальный отрезок последовательности $\mathcal{A}(0), \mathcal{A}(1), \mathcal{A}(2), \dots$; тогда K_R — это введенная Марковым (см. [Марков, 1964], [Марков, 1967]) сложность разрешения.

Как установил Колмогоров в [Колмогоров, 1965], среди всех способов описания R (при фиксированных X и Y , у Колмогорова $X = Y = \mathbb{N}$) имеется *оптимальный* R_0 , т. е. такой, что для всякого способа R выполнено $K_{R_0} \leq_{\mp} K_R$. Для данных ансамблей X, Y сложность объекта y при произвольном фиксированном оптимальном способе описания называется *энтропией* $K(y)$ этого объекта; для того чтобы явно указать ансамбли X и Y , говорят об X — Y -энтропии. Таким образом, X — Y -энтропия есть отображение множества Y в $\mathbb{N} \cup \{\infty\}$. Конечно, для данных X, Y существует много X — Y -энтропий. Однако все эти функции асимптотически эквивалентны: это значит, что для любых двух X — Y -энтропий K' и K'' выполнено (асимптотическое) неравенство $|K'(y) - K''(y)| \leq_{\mp} 0$. С точностью до этой эквивалентности X — Y -энтропия единственна. Фактически само понятие энтропии определено с точностью до этой эквивалентности.

Основная лемма (почти очевидная). Для любой вычислимой функции f из \mathbb{N} в \mathbb{N} верно, что (\mathbb{N} — \mathbb{N} -энтропия $f(n)$) \leq_{\mp} \leq_{\mp} (\mathbb{N} — \mathbb{N} -энтропия n). В общем случае пусть U, V — произвольные ансамбли, E — способ описания элементов V посредством элементов U ; тогда неравенство (X — V -энтропия v) \leq_{\mp} (X — U -энтропия u) имеет место для любых u, v , для которых выполнено $E(u, v)$.

Наиболее изучен случай, когда не только X , но и Y выбирается из числа ансамблей \mathbb{N}, \mathbb{E} . При комбинации двух возможностей для X с двумя возможностями для Y получаются четыре энтропии: \mathbb{N} — \mathbb{N} -энтропия, или *простая колмогоровская энтропия* (см. [Колмогоров, 1965]), \mathbb{N} — \mathbb{E} -энтропия, или *энтропия разрешения* (см. [Звонкин,

Левин, 1970]), \mathbb{E} — \mathbb{E} -энтропия, или *монотонная энтропия* (см. [Левин, 1973]), \mathbb{E} — \mathbb{N} -энтропия, или *префиксная энтропия* (см. [Левин, 1976]).

Между этими энтропиями имеет место ряд соотношений. Для удобства их формулирования укажем в явном виде один ограниченно-искажающий изоморфизм между нормированными ансамблями $\langle \mathbb{N}, l \rangle$ и $\langle \mathbb{E}, l \rangle$. Изоморфизм этот таков: нуль \leftrightarrow пустое слово, один $\leftrightarrow 0$, два $\leftrightarrow 1$, три $\leftrightarrow 00$, . . .; другими словами, числу x соответствует слово, получаемое из двоичной записи $x+1$ отбрасыванием начальной единицы. Соотношения между энтропиями мы представим в виде таблицы. Все рассматриваемые энтропии суть отображения в \mathbb{N} , их областями определения являются \mathbb{N} или \mathbb{E} , однако, пользуясь построенным только что изоморфизмом, мы будем рассматривать все энтропии как отображения $\mathbb{E} \rightarrow \mathbb{N}$. Название энтропии пишем перед K . Для любых двух функций f и g функция f стоит в таблице левее g тогда и только тогда, когда выполнено $f \stackrel{+}{\leq} g$.

$\mathbb{N}\mathbb{E}K$	$\frac{\mathbb{N}\mathbb{N}K}{\mathbb{E}\mathbb{E}K}$	$\frac{\mathbb{E}\mathbb{N}K}{l}$	$l + 1,5 \log_2 l$
-------------------------	---	-----------------------------------	--------------------

Как нетрудно проверить, все четыре указанные в таблице энтропии отличаются друг от друга не более чем на $c \log_2 l(x)$, где c — некоторая константа; эта оценка не может быть существенно улучшена: существует бесконечно много слов x , для которых $\mathbb{N}\mathbb{N}K(x) - \mathbb{E}\mathbb{E}K(x) \geq c_1 \log_2 l(x)$, а также бесконечно много слов y , для которых $\mathbb{E}\mathbb{E}K(y) - \mathbb{N}\mathbb{N}K(y) \geq c_1 \log_2 l(y)$, где c_1 — некоторая положительная константа.

В качестве примера других свойств энтропий укажем на монотонность монотонной энтропии; если слово x является началом слова y , то $\mathbb{E}\mathbb{E}K(x) \leq \mathbb{E}\mathbb{E}K(y)$.

Одним из применений понятия энтропии является возможность «энтропийной» характеристики таких понятий-антиподов, как вычислимость и случайность. Интуитивно вычислимая последовательность задается некоторым законом, т. е. сложность ее начальных отрезков ограничена. Если теперь эту интуитивную сложность понимать как монотонную энтропию, приведенные соображения переходят в следующую теорему.

Теорема. Последовательность вычислима \Leftrightarrow монотонная энтропия ее начальных отрезков ограничена \Leftrightarrow энтропия

разрешения ее начальных отрезков ограничена (см. [Звокин, Левин, 1970, теорема 2.2]).

Интуитивно, случайная последовательность не обладает никакими закономерностями — сложность ее начальных отрезков максимальна. Понимая по-прежнему сложность как монотонную энтропию, можно рассматривать предыдущую фразу как определение случайности (см. об этом § 2.6).

Было бы очень интересно ввести понятие *энтропии с ограничениями на сложность вычислений* — понятие, наменное Колмогоровым в [Колмогоров, 1965]; некоторые попытки такого рода имеются в [Шнорр, 1977].

Наряду с энтропией конструктивного объекта рассматривается условная энтропия одного объекта относительно другого. Для ее определения к ансамблям X и Y добавляется еще один ансамбль — ансамбль условий A . Фактически условная энтропия изучалась только при $X=Y=A=\mathbb{N}$ (см. [Колмогоров, 1965]). В этом случае способ условного описания R определяется как произвольное перечислимое отношение на $X \times Y \times A$, удовлетворяющее условию $R(x, y, a) \& R(x, y', a) \Rightarrow y=y'$. Если R есть способ условного описания, можно ввести следующее понятие и обозначение — *условную сложность* $K_R(y|a)$ объекта y относительно объекта a при способе описания R .

По определению, $K_R(y|a)$ есть минимальный из объемов тех x , для которых выполнено $R(x, y, a)$. Среди всех способов условного описания имеется оптимальный, т. е. такой способ R_0 , что для всякого способа R выполнено $K_{R_0} \leq_+ \leq_+ K_R$. В частности, оптимальным является любой способ R_0 , полученный соотношением $R_0(x, y, a) \Leftrightarrow V(x, a)=y$, где V — некоторая оптимальная гёделева функция для ансамблей A, Y с индексным множеством X (см. § 1.14). Условная сложность при оптимальном способе описания называется *условной энтропией* и обозначается $K(y|a)$. Если в условной энтропии $K(y|a)$ произвольным образом фиксировать a , то получится простая колмогоровская энтропия, причем все простые колмогоровские энтропии могут быть получены из условных энтропий таким способом. Именно так и была введена Колмогоровым его простая энтропия в [Колмогоров, 1965].

Уже имея в распоряжении понятие энтропии, можно с новой точки зрения посмотреть на свойство экономности (по норме; см. § 1.14). Естественно теперь понимать требование « p не содержит ничего лишнего по сравнению с i » так:

(простая колмогоровская) энтропия p может превосходить энтропию i не более чем на константу, не зависящую от i . Оказывается, что при таком понимании всякая главная универсальная функция является экономной (теперь уже не по норме, а по энтропии). Получаем следующее свойство, которым обладает любая главная универсальная функция $V: E \times X \rightarrow Y$:

(ЭЭ) для каждого ансамбля I и каждого алгоритма $\mathfrak{A}: I \times X \rightarrow Y$ существует такой алгоритм $\mathfrak{B}: I \rightarrow E$ с областью определения I , что $\mathfrak{A}(\langle i, x \rangle) \simeq V(\mathfrak{B}(i), x)$ и $NEK(\mathfrak{B}(i)) \leq \frac{1}{+} \leq NI\dot{K}(i)$; здесь при определении энтропии мы считаем, что отношение согласованности на E и I совпадает с отношением равенства.

В частности, для любой известной вычислительной модели и любого известного способа программирования результатная функция является экономной по энтропии программ, т. е. обладает свойством (ЭЭ) с программным ансамблем в качестве E .

Введение понятия энтропии слова позволяет по-новому взглянуть и на вопрос о сложности распознавания множеств. Всякая сложность, в том числе время вычисления, есть функция аргумента алгоритма. Можно считать, что один алгоритм работает дольше другого, если для временных функций выполняется соответствующее неравенство в каждой точке. При таком подходе, однако, может оказаться, что алгоритмы, предназначенные для распознавания двух таких множеств слов, которые получаются друг из друга переименованием букв, имеют несравнимые сложности.

В то же время ясно, что эти алгоритмы, по существу, представляют собой один и тот же алгоритм. Чтобы расширить отношение равной сложности вычисления и на такие алгоритмы, слова группируют в классы по их длинам и строят новую сложностную функцию, переходя к максимуму в каждом классе. Однако и это не решает проблему. Скажем, если ко всем словам некоторого множества двоичных слов приписать в конце 100 нулей или каждую букву в слове повторить дважды, может получиться множество, распознаваемое проще исходного. Можно, однако, поступить иначе: отнести к одному классу не все слова данной длины, а все слова данной энтропии с каким-либо фиксированным ограничением на сложность вычислений (скажем, рассматривать вычисления в реальное время). Это приведет к тому, что сложностные функции для множеств

интуитивно одинаковой сложности окажутся близкими.

Как уже говорилось, рассмотренное понятие энтропии определено с точностью до асимптотической эквивалентности. Если же мы хотим говорить об энтропии индивидуального конструктивного объекта как о конкретном числе, не удовлетворяясь утверждениями, делаемыми «с точностью до ограниченного слагаемого», то нам придется среди оптимальных способов описания выбрать какой-то один и провозгласить его «единственно правильным». Каков же должен быть этот «единственно правильный» способ F ? Прежде всего, он должен казаться нам «естественным»; хочется, кроме того, чтобы для любого другого столь же «естественного» способа описания G неравенство $K_F \leq K_G + C$, вытекающее из определения оптимальности, выполнялось с как можно меньшей константой C . В заметке [Левин, 1977] предлагается некоторый конкретный способ описания, причем декларируется его естественность и выражается уверенность в том, что для других естественных способов описания упомянутая константа не превосходит нескольких сотен. Излишне говорить, разумеется, что такого рода убежденности суждено пока оставаться субъективным ощущением, поскольку никакими средствами уточнения понятия естественного способа описания мы не располагаем.

§ 1.18. Удобные вычислительные модели

Сейчас мы дадим единообразное описание некоторого класса вычислительных моделей. Для этого начнем с примера — многоленточных машин Тьюринга с входной и выходной лентами.

Непосредственное наблюдение показывает, что такая машина имеет *управляющее устройство* (процессор), которое может находиться в том или ином состоянии из конечного множества состояний, оно взаимодействует с *информационными устройствами* — входной, выходной и рабочей лентами. Взаимодействие происходит посредством отдачи приказаний и получения ответных сигналов. Набор приказаний для входной ленты таков: «Налево!», «Направо!»; для рабочей ленты — вдобавок к этим двум — «Печатай a !» (для всех a из алфавита ленты); для выходной ленты — «Печатай a и направо!» Сигналы от входной и рабочей лент таковы: «Вижу a » (для всех букв соответствующего алфавита); от выходной ленты сигналов не поступает.

Эта картина может быть обобщена и на другие типы вычислительных моделей. В частности, видно, что характер различных информационных устройств может быть совершенно различным. Скажем, входное устройство может быть лентой, а рабочая память (состояние рабочего устройства) — колмогоровским комплексом. Описанная схема наглядно отражает и выделение различных устройств в реальных ЭВМ. В эту схему можно внести (мы так и сделаем) и еще одну особенность реальных ЭВМ — наличие программы, подаваемой извне. Для этого нужно лишь добавить еще одно информационное устройство, аналогичное входному, — *программное*.

Более формально, аналогично тому, как это сделано в [Пауль, Сейферас, Симон, 1980], информационное устройство можно определить как набор, состоящий из множества состояний — подмножества некоторого ансамбля, алфавита приказаний, алфавита сигналов и функции преобразования информации, относящейся всякой паре (приказание, состояние) пару (новое состояние, сигнал). Теперь, определив управляющее устройство как конечный автомат с подходящим входным и выходным алфавитами, можно определить вычислительную модель, все представители которой различаются лишь управляющими устройствами, а входное, выходное, рабочее и программное устройства у них одинаковы. Для полного описания вычислительной модели нужно задать еще начальные состояния выходного и рабочего устройства, входную и выходную процедуры. Один алгоритм вычисления на данной модели определяется фиксацией управляющего устройства и (начального) состояния программного устройства.

Таким образом, одну вычислительную модель образуют, например, все машины Тьюринга, у которых имеется входная лента с алфавитом $\{0, 1\}$, программная лента с алфавитом $\{a, b, c, d, e, f, \#\}$, две рабочих с алфавитом $\{a, b, 1\}$, еще одна рабочая «плоская» лента с алфавитом $\{l, e, t\}$ и выходная лента с алфавитом $\{0, 1\}$. В то же время если не фиксировать, скажем, алфавит рабочей ленты для машин Тьюринга с одной рабочей лентой, то единой вычислительной модели из рассматриваемого класса не получится. (Ранее мы понимали термин «вычислительная модель» иначе, разрешая и такие модели.)

Время вычисления для всякого устройства описанного типа можно определить как число шагов вычисления. Емкость вычисления определим как максимальный объем ра-

бочей памяти, при условии, что на состояниях этой памяти введен объем. В аналогичной ситуации можно определить и объем программы.

Конечно, получающаяся модель не обязана быть представительной. Легко, например, построить модель в описанном сейчас смысле, состоящую из всех автоматов с магазинной памятью.

Всякой вычислительной модели рассматриваемого нами класса естественно соответствует порождающая модель, получающаяся переходом к недетерминированным управляющим устройствам.

Назовем вычислительную модель описываемого в этом параграфе типа (со входным, выходным, программным и рабочим устройствами) *удобной*, если на ансамбле, из которого берутся программы, задана норма и существует такое управляющее устройство (этой модели) A , что по всякому другому управляющему устройству B той же модели можно указать такую ограниченно-искажающую функцию h (транслятор), что:

а) результат применения A к $h(p)$ и x равен результату применения B к p и x или оба этих результата не определены;

б) время вычисления A на аргументах $h(p)$ и x не превосходит времени вычисления B на p и x , умноженного на константу, не зависящую от p, x ;

в) емкость вычисления A на аргументах $h(p)$ и x не превосходит емкости вычисления B на p и x плюс константа, не зависящая от p, x .

Свойство в), разумеется, предполагает, что определено понятие объема для состояний рабочего устройства.

Удобной вычислительной моделью оказываются многоленточные машины Тьюринга с фиксированным числом рабочих лент с фиксированными алфавитами (где нормой на словах служит норма, описанная в § 1.6, — длина, умноженная на логарифм числа букв алфавита), а также модель, получающаяся, если выбрать в качестве рабочего устройства, состояниями которого являются (B, k) -комплексы или колмогоровские B -комплексы над фиксированным алфавитом — при условии, что выбранная для измерения объема рабочей памяти норма на комплексах удовлетворяет требованиям (Д1) и (Д2) из § 1.6. В качестве входного и выходного устройств при этом можно брать ленты или устройства, работающие с комплексами (над фиксированными алфавитами).

ЧАСТЬ II

ОСНОВНЫЕ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ АЛГОРИТМОВ

В § 1.1 упоминались алгоритмы, изобретенные задолго до появления общего понятия алгоритма. Однако именно с появлением этого общего понятия связано возникновение *теории* алгоритмов. Действительно, чтобы постичь эту теорию, недостаточно уметь обращаться с конкретными примерами алгоритмов; необходимо воспринять общее понятие алгоритма.

Огромное число теорем, предполагающих построение тех или иных алгоритмов и встречающихся в различных областях математики, не требует для своего понимания общего понятия алгоритма. Поэтому эти теоремы не будут рассматриваться как принадлежащие приложениям теории алгоритмов. Построение конкретного алгоритма мы относим к той области математики или вычислительной практики, к которой принадлежит решаемая этим алгоритмом задача и методы которой используются при построении алгоритма (впрочем, в отдельных случаях этой областью может оказаться и сама теория алгоритмов). В противоположность этому теорема о несуществовании алгоритма обращается к идее всего класса алгоритмов в целом и, следовательно, является теоремой теории алгоритмов.

Подобным же образом мы не рассматриваем в качестве приложений теории алгоритмов оценки сложности конкретных алгоритмов, если только они не были получены для представительной вычислительной модели. Так, в этой части не будут рассматриваться теоремы об алгебраической сложности (заметим, что некоторые их следствия — например, некоторые теоремы о сложности вычисления на машинах Тьюринга — могут и принадлежать к приложениям теории алгоритмов).

Мы рассматриваем здесь только математические приложения теории алгоритмов, оставляя в стороне ее приложе-

ния, скажем, к биологии (такие, как описание рефлексов в терминах относительных алгоритмов, трактовку генетического кода как программы, понимание макроэволюции как порождающего процесса — относительно этой последней темы см. [Маслов, 1978]), к психологии (см. [Маслов, 1979a]), к теории управления (при том, что ведущие специалисты в области этой теории проявляют все возрастающий интерес к весьма отвлеченным на первый взгляд концепциям теории алгоритмов — см. [Петров, Уланов, Ульянов, 1979]), к языковедению (см. [Гладкий, 1977a], [Гладкий, 1982], [Манин, 1981]).

Основные математические приложения теории алгоритмов, которых мы здесь касаемся, таковы.

1. Исследование массовых проблем.
2. Приложения к основаниям математики: конструктивная семантика.
3. Приложения к математической логике: анализ формализованных языков логики и арифметики.
4. Вычислимый анализ.
5. Нумерованные структуры.
6. Приложения к теории вероятностей: определения случайной последовательности.
7. Приложения к теории информации: алгоритмический подход к понятию количества информации.
8. Оценки сложностей решения отдельных задач.
9. Влияние теории алгоритмов на алгоритмическую практику.

Соответственно этому перечню часть II состоит из 9 параграфов.

Имеются, впрочем, приложения, не подпадающие под указанную рубрику. С одного такого примера мы и начнем. В § 1.9 был отмечен следующий результат общей теории алгоритмов: произвольное пересчитываемое множество натуральных чисел представимо в виде множества всех натуральных значений подходящего многочлена. Частные случаи этого утверждения (для конкретных пересчитываемых множеств) могут рассматриваться как факты теории чисел, и некоторые из них оказались неожиданными для специалистов в этой области математики. Среди таких частных случаев — существование многочлена с целыми коэффициентами, множество натуральных значений которого (при натуральных значениях переменных) совпадает со множеством всех простых чисел. Один такой многочлен приведен в [Дейвис, Матиясевич, Робинсон, 1976], и его запись зани-

мает лишь несколько строк¹⁾. В той же работе отмечается, что многие классические проблемы теории чисел, такие как проблема Ферма, проблема Гольдбаха и гипотеза Римана, могут быть переформулированы как проблемы существования решения подходящего диофантова уравнения.

§ 2.1. Исследование массовых проблем

2.1.0. Основные понятия. *Алгоритмическая проблема* — это проблема построения алгоритма с заданными свойствами (например, алгоритма, перечисляющего данное множество, или алгоритма с данной оценкой сложности, решающего данную задачу). Частным случаем алгоритмических проблем являются алгоритмические массовые проблемы (такowymi не являются оба только что приведенных примера). (Алгоритмические массовые проблемы иногда называются просто «алгоритмические проблемы», как, например, в [Адян, 1977], или просто «массовые проблемы», как, например, в [Адян, 1982]). Понятие алгоритмической массовой проблемы возникло на основе рассмотрения массовых проблем. Массовые проблемы образуют основное поле приложения теории алгоритмов; более того, именно они и вызвали к жизни само понятие алгоритма.

Единичная проблема состоит в требовании предъявить объект, удовлетворяющий определенным условиям и называемый *решением* проблемы; *решить* проблему — значит указать такой объект; если решение существует, т. е. если проблеме можно решить, проблема называется *решимой* (читатель заметит, что мы употребляем словосочетание «решимая проблема» вместо более традиционного, но менее точного словосочетания «разрешимая проблема»).

Массовая проблема представляет собой серию (как правило, бесконечную) единичных проблем и состоит в требовании решить все эти проблемы; понимание того, что же именно считается решением массовой проблемы, нуждается, разумеется, в уточнении. Пример единичной проблемы: для уравнения $x^2 - x - 1 = 0$ найти рациональное приближение к

¹⁾ Как указано в [Степанов, 1984], возможен многочлен с целыми коэффициентами, имеющий степень 25, зависящий от 26 переменных, требующий для своей записи лишь 325 символов и обладающий следующим свойством: множество всех простых чисел совпадает с множеством положительных значений этого многочлена, принимаемых в целых точках.

его отрицательному корню с точностью 10^{-6} . Пример массовой проблемы: в той же ситуации для любого n найти рациональное приближение с точностью 10^{-n} .

Другой пример единичной проблемы — *проблема разрешения* для множества A , расположенного в некотором ансамбле W ; проблема состоит в требовании указать разрешающий алгоритм для A ; существование решения («решаемость», «решимость») этой проблемы, конечно, эквивалентно разрешимости A (ср. § 1.7).

Следующий пример (единичной проблемы) — *проблема разрешимости* для множества A ; это требование дать ответ («да», «нет») на вопрос: «Разрешимо ли A ?» Другой пример массовой проблемы — *массовая проблема разрешимости* для $\text{Gen}(W)$ и для фиксированного способа программирования породимых подмножеств ансамбля W ; проблема состоит в том, чтобы обеспечить ответ на каждый вопрос: «Является ли подмножество с программой порождения p разрешимым?» К сожалению, термины (а потому и понятия) «проблема разрешения», «проблема разрешимости», «массовая проблема разрешимости» часто смешиваются друг с другом. То же самое верно для следующей тройки терминов (и понятий): «проблема отделения», «проблема делимости», «массовая проблема делимости». Такое смешение тем более прискорбно, что в ряде случаев четкое различие существенно проясняет ситуацию, как это видно на примере обсуждаемых в п. 2.1.4 результатов из [Мучник, 1965].

Приведем теперь необходимые определения, связанные с задачей отделения. Пусть A, B суть подмножества ансамбля W . *Отделяющая функция* для пары $\langle A, B \rangle$ — это всюду определенное отображение W в $\{\text{«да»}, \text{«нет»}\}$, принимающее значение «да» на всех элементах A и значение «нет» на всех элементах B .

Проблема отделения для пары $\langle A, B \rangle$ состоит в нахождении алгоритма, вычисляющего отделяющую функцию для этой пары. Множество A, B называются *отделимыми*, если такой алгоритм существует. *Единичная проблема делимости* для пары множеств $\langle A, B \rangle$ — это проблема получить ответ («да», «нет») на вопрос: «Отделимы ли A, B ?» *Массовая проблема делимости* для $\text{Gen}(W)$ для фиксированного способа программирования состоит в том, чтобы обеспечить ответ на любой вопрос (для любой пары порождающих программ): «Являются ли породимые множества с порождающими программами p_1 и p_2 отделимыми?» Наконец, *проблема продолжения* для функции f из X в Y , где X, Y — ансамб-

ли, состоит в нахождении алгоритма, вычисляющего такую функцию из X в Y , которая служит продолжением функции f на весь ансамбль X . Предоставляем читателю самому сформулировать единичную и массовую проблемы продолжаемости.

Понятие массовой проблемы несколько расплывчато, и естественно попытаться найти его формальный эквивалент. Обычный способ нахождения такого эквивалента заключается во введении понятия *алгоритмической массовой проблемы*. Чтобы задать алгоритмическую массовую проблему, следует указать:

1) породимое множество X (множество вопросов, или единичных проблем);

2) породимое множество Y (множество ответов, или единичных решений);

3) подмножество $E \subset X$ (ограничение на вопросы);

4) подмножество $R \subset X \times Y$ (отношение «вопрос — ответ»), или вопросно-ответное отношение.

Тогда проблема состоит в требовании найти алгоритм из X в Y , преобразующий каждый вопрос $\alpha \in E$ в ответ $\beta \in Y$ со свойством $\langle \alpha, \beta \rangle \in R$. В приведенном выше примере с квадратным уравнением

$$X = \mathbb{N}, \quad Y = \mathbb{Q}, \quad E = X, \quad R = \{ \langle n, r \rangle \mid |r - x_0| < 10^{-n}, \\ \text{где } x_0 \text{ — требуемый корень} \}.$$

Другой пример: $X = \mathbb{N}^+ \times \mathbb{N}^3$,

$$Y = \mathbb{Q}, \quad E = \{ \langle a, b, c, n \rangle \mid b^2 - 4ac \geq 0 \},$$

$$R = \{ \langle \langle a, b, c, n \rangle, r \rangle \mid |r - x_0| < 10^{-n} \},$$

где x_0 — наименьший корень уравнения $ax^2 + bx + c = 0$.

Замена массовой проблемы на соответствующую алгоритмическую массовую проблему позволяет представить неясное понятие в виде точного определения. В частности, возникают точные понятия алгоритмических массовых проблем разрешимости и отделимости. Кроме того, указанная замена превращает массовую проблему в единичную. Действительно, алгоритмическая массовая проблема заключается в требовании представить единичный объект, являющийся решением, а именно алгоритм (ср. проблемы разрешения и отделимости выше).

Разумеется, наличие решения у каждой единичной проблемы из составляющих данную массовую проблему, т. е. наличие для каждого α из E такого β , что $\langle \alpha, \beta \rangle \in R$, еще не означает наличия решения у соответствующей алгорит-

мической массовой проблемы. Например, если фиксирован способ программирования, то для каждой программы вычислимой функции существует программа той же функции, имеющая минимальный объем; однако не существует алгоритма, дающего по каждой программе эквивалентную программу минимального объема.

Вот три характерных примера из [Матиясевич, 1974].

Пример 1 (см. также [Матиясевич, 1974a]). Еще в 1908 г. Туэ доказал, что для каждой неприводимой бинарной формы F не менее чем третьей степени с целыми коэффициентами справедливо утверждение (все переменные — целочисленные):

$$\forall \alpha \exists \beta \forall x \forall y [F(x, y) = \alpha \Rightarrow |x| + |y| < \beta].$$

Понадобилось, однако, 60 лет, чтобы доказать наличие алгоритма, дающего β по F и α (см. [Бейкер, 1968]).

Пример 2 (см. также [Дейвис, Матиясевич, Робинсон, 1976]). Имеет место теорема Рота (см. [Рот, 1955])

$$\forall \theta \forall r \exists s \forall p \forall q \left[q > s \Rightarrow \left| \theta - \frac{p}{q} \right| > q^{-2-r} \right],$$

где θ — алгебраическое, r — положительное рациональное, p, q, s — целые числа; в то же время не известно никакого способа для нахождения s по θ и r .

Пример 3. Матиясевич в [Матиясевич, 1974a] построил полином A с целочисленными коэффициентами, для которого

$$\begin{aligned} \forall \alpha \exists \beta \forall y \forall z_1 \dots \forall z_n [A(\alpha, z_1, \dots, z_n) = \\ = y + 4^y \Rightarrow y + z_1 + \dots + z_n \leq \beta] \end{aligned}$$

(здесь $\alpha, \beta, y, z_1, \dots, z_n$ — натуральные числа), но невозможен алгоритм получения β по α .

Каждая проблема разрешения является алгоритмической массовой проблемой. Действительно, пусть W — ансамбль и $A \subset W$. Тогда проблема разрешения для A имеет (как алгоритмическая массовая проблема) W в качестве множества вопросов и то же W в качестве ограничения на вопросы; множество ответов — это {«да», «нет»}, и вопросно-ответное отношение — это множество $\{ \langle \omega, \text{«да»} \rangle \mid \omega \in A \} \cup \{ \langle \omega, \text{«нет»} \rangle \mid \omega \in W \setminus A \}$.

Многие алгоритмические массовые проблемы могут быть переформулированы как проблемы разрешения или сведены к таким проблемам (а именно к проблеме разрешения для области определения подходящей функции или к про-

блеме разрешения для самой функции, рассматриваемой как множество).

Фиксируем, к примеру, ансамбль W , некоторую W -представительную порождающую модель и ее ансамбль программ, скажем P .

Тогда алгоритмическая массовая проблема разрешимости для $\text{Gen}(W)$ есть проблема разрешения для некоторого подмножества множества P , а именно для множества $\{p \mid p \text{ является программой разрешимого множества}\}$. Алгоритмическая массовая проблема отделимости для $\text{Gen}(W)$ есть проблема разрешения для некоторого подмножества множества $P \times P$, а именно для множества $\{(p_1, p_2) \mid \text{множества, породимые посредством программ } p_1 \text{ и } p_2, \text{ отделимы}\}$.

Однако подлинная значимость проблем разрешения определяется их гносеологическим аспектом: это суть проблемы распознавания свойств. Центральной, хотя заведомо нерешимой проблемой разрешения является такая проблема: по произвольному математическому утверждению установить, верно оно или нет.

Как уже было отмечено в преамбуле к этой части, построение алгоритма, служащего решением той или иной алгоритмической массовой проблемы, не является приложением общей теории алгоритмов, а принадлежит той области математики, к которой относится рассматриваемая массовая проблема. Математика полна таких алгоритмов.

С другой стороны, если такого алгоритма не существует, доказательство его несуществования принадлежит приложениям общей теории алгоритмов. Многие такие теоремы несуществования были доказаны для проблем разрешения, поставленных, как правило, для породимых множеств (этот эффект разъясняется в § 1.10). Вот простой пример проблемы разрешения (он принадлежит Чёрчу, см. [Чёрч, 1936]): по произвольному натуральному n определить, существуют ли такие положительные натуральные x, y, z , что $z^n = x^n + y^n$; относительно решаемости этой проблемы ничего не известно; очевидно лишь, что множество всех тех n , для которых ответ — «да, существуют», породимо.

Популярная экскурсия в область решимых и нерешимых массовых проблем предпринята в [Успенский, Семенов, 1985]. Обзор работ по этой тематике, выполненных в школах Новикова и Маркова, дан соответственно в [Адян, Маканин, 1984] и [Матиясевич, 1984].

Первые доказательства нерешимости алгоритмических массовых проблем относятся к 1936 г.; они были опублико-

ваны Чёрчем и Тьюрингом в [Чёрч, 1936], [Чёрч, 1936а], [Чёрч, 1936б] и в [Тьюринг, 1936], [Тьюринг, 1937]. Эти нерешаемые проблемы являются проблемами разрешения и связаны с предложенными этими авторами представительными порождающими (в виде λ -конверсии Чёрча) и вычислительными (в виде машин Тьюринга) моделями; однако уже Чёрч заметил (и об этом говорит само название его публикации [Чёрч, 1936]), что тем самым возникает нерешимая массовая проблема внутри элементарной теории чисел.

2.1.1. Семь нерешимых проблем. Из числа наиболее замечательных нерешимых проблем разрешения мы выделяем следующие семь по принципу философской значимости или наглядности формулировки.

1. *Проблема распознавания истинности формул элементарной арифметики.* Эти формулы строятся с помощью арифметических действий (сложения и умножения), логических операций (логических связок и кванторов) и знака равенства из константы 0 и натуральнозначных переменных. Проблема состоит в требовании найти алгоритм, который по всякой такой формуле определял бы, истинна она на натуральном ряду или нет. Невозможность такого алгоритма немедленно следует из существования неразрешимого перечислимого множества натуральных чисел (§ 1.10) и того, что такое множество является арифметическим (§ 1.9).

2. *Проблема разрешения для логики предикатов первого порядка* (das Entscheidungsproblem) — см. ниже, § 2.3.

3. *Проблема сочетаемости Поста.* Пусть дано конечное множество V пар слов в некотором алфавите. Назовем это множество *сочетаемым*, если для некоторых пар $\langle A_1, B_1 \rangle$, $\langle A_2, B_2 \rangle$, ..., $\langle A_s, B_s \rangle$ из V выполняется равенство $A_1 \dots A_s = B_1 \dots B_s$. Требуется по всякому конечному множеству V пар слов в данном алфавите алгоритмически установить, сочетаемо оно или нет. Эту проблему поставил Пост в [Пост, 1946] и в той же статье показал, что соответствующего алгоритма не существует, если только алфавит содержит более одной буквы (в случае однобуквенного алфавита проблема решима). Усиление этого результата, фиксирующее число элементов V , см. в [Марков, 1954, гл. VI, § 9], где доказано, что алгоритма нет уже при числе элементов V , равном 90 (и любом неоднобуквенном алфавите).

4. *Проблема эквивалентности слов* для ассоциативного исчисления. Принадлежащее Туэ понятие ассоциативного

исчисления (введенное в [Туэ, 1914]) было определено в добавлении к § 1.3. Пусть, в обозначениях этого добавления, фиксированы два кортежа A и B . В [Туэ, 1914, § II] формулируется следующая массовая проблема, названная там «задачей (I)»: «Найти метод, позволяющий при помощи исчислимого (berechenbare) числа операций всегда решать, будут ли эквивалентны два произвольных ряда знаков».

Другими словами, проблема — для данного ассоциативного исчисления — состоит в построении алгоритма, распознающего по всякой паре B -слов, эквивалентны ли эти слова в данном исчислении или нет. В силу сказанного в добавлении к § 1.3, эта проблема совпадает с проблемой распознавания равенства слов в полугруппе с множеством образующих B , заданной совокупностью равенств $A_j = B_j$, $j = 1, \dots, n$ (см. [Нагорный, 1977a]). Сам Туэ в своей задаче (I) молчаливо предполагает все элементы кортежей A и B непустыми словами. Однако отдельно (в [Туэ, 1914, § III]) Туэ ставит аналогичную проблему — «задачу (II)» — для случая, когда A состоит из единственного слова R , а B — в современной терминологии — из пустого слова Λ . Эта последняя проблема оказалась решимой, см. [Адян, 1966, гл. III, § 3, теорема 3].

Существуют ассоциативные исчисления с нерешимой проблемой эквивалентности. Первые такие примеры построили в 1947 г. независимо Марков (см. [Марков, 1947], [Марков, 1947a], [Марков, 1954, гл. VI]) и Пост (см. [Пост, 1947]). Первоначальные примеры, однако, были довольно громоздкими. В [Цейтин, 1958] приведен следующий пример ассоциативного исчисления в пятибуквенном алфавите, проблема эквивалентности для которого не имеет решения (соответствующие друг другу элементы кортежей A и B соединены знаком равенства, как в задании полугруппы): 1) $ac = ca$, 2) $ad = da$, 3) $bc = cb$, 4) $bd = db$, 5) $eca = ce$, 6) $edb = de$, 7) $cca = ccae$.

В [Матиясевич, 1967] указано ассоциативное исчисление в двубуквенном алфавите с тремя определяющими соотношениями и нерешимой проблемой эквивалентности; в самом длинном из этих соотношений в левой части состоит слово из 304 букв, а в правой — слово из 608 букв. Для ассоциативных исчислений с двумя соотношениями мало что известно. Для ассоциативных исчислений (соответственно полугрупп) с одним определяющим соотношением разрешающий алгоритм существует в широком классе случаев

(см. [Адян, 1966], [Адян, Оганесян, 1978]) и есть надежда, что он существует всегда.

Можно ограничивать рассматриваемый класс ассоциативных исчислений и иным путем, нежели сокращая число определяющих соотношений. Особый интерес представляет случай, когда соответствующая данному ассоциативному исчислению полугруппа является группой. Частным случаем таких исчислений являются *инверсивные исчисления* (см. [Нагорный, 1977в]); алфавит каждого такого исчисления имеет вид $a_1, a_2, \dots, a_n, a_n^{-1}, a_2^{-1}, \dots, a_1^{-1}$, и в число определяющих состояний обязательно входят, для каждого i , «тривиальные» соотношения $a_i a_i^{-1} = \Lambda$ и $\Lambda = a_i^{-1} a_i$. В 1952 г. Новиков (см. [Новиков, 1952], [Новиков, 1955]) построил первый пример инверсивного исчисления с нерешимой проблемой эквивалентности; этот пример дал ответ на первую из поставленных в 1912 г. М. Деном проблем — на проблему тождества для конечноопределенных групп (а именно продемонстрировал невозможность решить эту проблему).

5. *Проблема представимости матриц.* По определению матрица U представима через матрицу U_1, \dots, U_q , если для некоторых r_1, \dots, r_t выполняется равенство $U =$

$$= \prod_{i=1}^t U_{r_i}.$$

Далее рассматриваются квадратные матрицы

порядка n с целыми коэффициентами. *Общая проблема представимости* состоит в требовании указать алгоритм, посредством которого можно было бы узнавать для любой системы матриц U, U_1, \dots, U_q порядка n , представима ли U через U_1, \dots, U_q . Как установил Марков (см. [Марков, 1958]), общая проблема представимости для матриц порядка n не имеет решения при $n \geq 4$ (в силу [Патерсон, 1970], см. ниже, число 4 можно заменить на 3).

Частная проблема представимости для фиксированных матриц U_1, \dots, U_q состоит в требовании указать алгоритм, посредством которого можно было бы узнавать для любой матрицы U , представима ли она через U_1, \dots, U_q . В [Марков, 1958] выписываются 27 матриц шестого порядка, для которых частная проблема представимости оказывается нерешимой. Другая *частная проблема представимости* матриц состоит в том, чтобы для фиксированной матрицы указать алгоритм, посредством которого можно было бы узнавать для любых матриц U_1, \dots, U_q , представима ли U через U_1, \dots, U_q . В [Патерсон, 1970] доказано, что эта частная проблема нерешима, если U есть нулевая матрица третьего порядка.

6. *Десятая проблема Гильберта.* Десятая из 23 проблем Гильберта (1900 г.) формулируется так: «10. Задача о разрешимости диофантова уравнения. Пусть задано диофантово уравнение с произвольными неизвестными и целыми рациональными числовыми коэффициентами. Указать способ, при помощи которого возможно после конечного числа операций установить, разрешимо ли это уравнение в целых рациональных числах. 11 . . .» ([Гильберт, 1935, с. 310]). Невозможность решения десятой проблемы следует из сочетания двух факторов: а) существования неразрешимого перечислимого множества натуральных чисел (см. § 1.10) и б) диофантовости всякого перечислимого числового множества (см. § 1.9). Остается открытым вопрос, как узнать по произвольному диофантову уравнению, разрешимо ли оно в рациональных (не обязательно целых) числах, и можно ли это узнать вообще (т. е. возможен ли соответствующий алгоритм).

7. *Проблема тождества элементарных функций* вещественного переменного. Определим класс термов T индуктивно: x (переменная *икс*), π (число «пи») — термы; если u , v — термы, то $(u+v)$, $(u \cdot v)$, $(u : v)$, $\sin u$, $|u|$ — термы (в [Успенский, Семенов, 1981] в результате опечатки терм $(u \cdot v)$ пропущен). Проблема построения алгоритма, узнающего по двум термам из T , задают ли они одну и ту же функцию одного вещественного переменного x , нерешима (см. [Матиясевич, 1973]). Можно сформулировать ряд других нерешимых проблем, касающихся функций вещественного переменного. Таковой является проблема существования вещественного корня u функции, задаваемой термом, аналогичным термам из T , но с использованием дополнительно произвольных рациональных констант и без использования деления и абсолютной величины (см. [Уанг, 1974]). Другим примером является проблема существования u функции, заданной термом из некоторого фиксированного класса, первообразной, задаваемой термом того же класса. Эта проблема нерешима для различных классов термов (см. [Ричардсон, 1968]). Таким образом, уже обычное интегральное исчисление дает возможность получения нерешимых алгоритмических проблем.

2.1.2. Массовые проблемы в математике. Массовые проблемы возникают во всех областях математики. Наиболее фундаментальные из них — это проблемы выяснения истинности утверждений, формулируемых в некотором математическом языке. Реальные математические языки всегда

допускают рассмотрение натуральных чисел с обычными операциями над ними (а как правило, еще и переменные по множествам и функциям), поэтому (см. первую из семи нерешимых проблем) возникающие при этом множества истинных формул оказываются неразрешимыми.

Таким образом, вопрос о разрешимости множества истинных формул некоторой логической теории оказывается нетривиальным, только если выразительные средства и объекты рассмотрения этой теории весьма ограничены. В частности, отказ от автоматически приводящего к неразрешимости использования предикатных и функциональных переменных фактически приводит к тому, что рассматриваемые массовые проблемы касаются алгебраических объектов. Для этого есть и другая причина: дело в том, что во многих важных случаях алгебраические объекты допускают естественное конструктивное задание, поэтому вопросы о них легко формулируются в алгоритмической форме.

Итак, нетривиальные результаты о разрешимости или неразрешимости логических теорий относятся, в основном, к элементарным теориям алгебраических систем. Наиболее тонкие из них касаются алгебраических систем, расположенных вблизи границы между разрешимостью и неразрешимостью, важнейшие факты относятся к ходу этой границы среди полей: неразрешима элементарная теория поля рациональных чисел (см. [Робинсон, 1949]), разрешима элементарная теория поля действительных чисел (см. [Ершов Ю., 1980, гл. 5, § 5, предложение 1]) и элементарная теория поля p -адических чисел (при любом p) (см. [Ершов Ю., 1980, гл. 5, § 5, предложение 4]).

Для других алгебраических систем возникающие элементарные теории, как правило, неразрешимы (так обстоит дело, в частности, для групп, колец и многих классов этих алгебраических систем, см. [Тарский, Мостовский, Робинсон, 1953]); например, неразрешима элементарная теория класса всех простых конечных групп (см. [Ершов Ю., 1964а]). К немногим исключениям относятся абелевы группы и некоторые классы упорядоченных множеств (см. [Ершов Ю., 1964], [Рабин, 1969]), а также произвольные свободные алгебры (это следует из [Мальцев, 1962, теорема 5]). Подробные таблицы, суммирующие результаты о разрешимости и неразрешимости элементарных теорий, имеются в [Ершов Ю., Лавров, Таймаиов, Тайцлин, 1965] и [Санкаппанавар, 1978] (в последней работе приводятся также сведения о некоторых неэлементарных теориях). О разре-

шимости логических (не обязательно элементарных) теорий см. также [Семенов, 1984], [Семенов, 1986].

Если мы хотим сформулировать алгоритмическую массовую проблему, касающуюся элементов какой-либо алгебраической системы, то необходимо сопоставить с этими элементами некоторые конструктивные объекты. Элементы фиксированной свободной конечнопорожденной алгебраической системы можно считать уже лежащими в подходяще выбранном словарном ансамбле (или ансамбле деревьев, см. § 1.0 и добавление к § 1.3). В общем случае, если какая-то (не обязательно свободная) алгебраическая система конечно порождена, т. е. имеет конечную сигнатуру и конечное число образующих, всякий ее элемент может быть опять-таки задан некоторым конструктивным объектом — выражением этого элемента через образующие (термом). При этом, однако, различные конструктивные объекты могут задавать один и тот же элемент. Возникает алгоритмическая проблема распознавания равенства, т. е. — для заданной алгебраической системы — выяснения того, задают ли два произвольно выбранные конструктивные задания один и тот же элемент системы. Как уже отмечалось, для некоторых полугрупп и для некоторых групп эта проблема оказывается нерешимой — даже если ограничиться только конечноопределенными группами и полугруппами.

Ясно, что сама постановка алгоритмической проблемы распознавания равенства существенно зависит от того, в каком классе конструктивных объектов, задающих элементы фиксированной алгебраической системы, эта проблема ставится, т. е. для пар каких именно объектов ищется соответствующий алгоритм. Можно считать, что конструктивными заданиями элементов являются всевозможные термы, составленные из образующих и сигнатурных операций. Однако не менее естественны и такие подходы, при которых конструктивными заданиями признаются только некоторые из термов.

Проиллюстрируем сказанное на примере группы с образующими a, b . Проблему распознавания равенства можно ставить при следующих вариантах понимания того, что есть конструктивное задание элемента группы.

1. Конструктивное задание есть произвольный терм, составленный из образующих, операции умножения, операции обращения и скобок, например терм

$$(b(a^{-1}b))^{-1}(ba).$$

2. Конструктивное задание есть «бесскобочный терм», а именно такой терм, в котором операция обращения применяется только к образующим, а все левые скобки собраны в начале терма и потому вместе с правыми опущены в записи.

Пример: $b^{-1}ab^{-1}ba$.

3. Конструктивное задание есть «несократимый терм» (иначе — элемент свободной группы с образующими a, b), т. е. такой бесскобочный терм, в котором никакая образующая не стоит рядом со своим обращением. Пример: $b^{-1}aa$.

4. (Только для абелевых групп!) Конструктивное задание есть «упорядоченный терм» (иначе — элемент свободной абелевой группы с образующими a, b), т. е. такой несократимый терм, в котором все буквы a идут впереди всех букв b . Пример: aab^{-1} .

Каждый из этих вариантов понимания конструктивного задания приводит к своему варианту алгоритмической проблемы распознавания равенства. В нашем теоретико-групповом примере существование решения у любого из вариантов проблемы приводит к решению для любого другого варианта.

Попытаемся дать математическую картину того, как обстоит дело с постановкой (только с постановкой!) алгоритмической проблемы равенства в общем виде, т. е. для произвольной конечнопорожденной алгебраической системы, т. е. системы, порожденной конечной сигнатурой σ . Можно считать, что элементами всякой такой системы \mathfrak{B} являются классы подходящим образом выбранной конгруэнции \mathfrak{b} на $\mathfrak{A}(\sigma)$, где $\mathfrak{A}(\sigma)$ — свободная алгебраическая система, порожденная сигнатурой σ (см. добавление к § 1.3). Два терма из $\mathfrak{A}(\sigma)$, принадлежащие одному и тому же классу конгруэнции, называются «равными в \mathfrak{B} ». *Абсолютная проблема распознавания равенства* в \mathfrak{B} состоит в отыскании алгоритма, распознающего по любым двум термам из $\mathfrak{A}(\sigma)$, равны ли они в \mathfrak{B} . Однако возможны и относительные проблемы распознавания. Чтобы поставить *относительную проблему распознавания равенства* в \mathfrak{B} , надо выбрать: 1) некоторое подмножество $E \subset \mathfrak{A}(\sigma)$, элементы которого называются *приведенными термами*, и 2) некоторое вычислимое отображение h множества $\mathfrak{A}(\sigma)$ в E , называемое *процедурой приведения*, причем такое, что t и $h(t)$ равны в \mathfrak{B} для любого $t \in \mathfrak{A}(\sigma)$. (Например, в третьем варианте нашего теоре-

тико-группового примера приведенные термы — это несократимые термы, а процедура приведения приводит каждый терм к несократимому виду.)

Проблема распознавания равенства в \mathfrak{B} относительно E и h состоит в отыскании алгоритма, распознающего равенство в \mathfrak{B} по любым двум приведенным термам. При наложенных на E и h требованиях существование решения у относительной проблемы равносильно существованию решения у абсолютной проблемы. На все сказанное можно посмотреть с точки зрения теории нумераций (см. § 1.15). Задание элементов \mathfrak{B} термами из $\mathfrak{A}(\sigma)$ есть не что иное, как стандартная нумерация системы \mathfrak{B} . Поэтому наличие решения у абсолютной проблемы распознавания равенства означает просто разрешимость этой нумерации. Далее, каждая относительная проблема, точнее, каждое указание E и h также приводит к некоторой нумерации ν системы \mathfrak{B} , а именно к нумерации с основанием E . Нумерация ν задается так: каждому терму $t \in E$ ставим в соответствие тот класс конгруэнции \mathfrak{b} , в котором этот терм находится. В силу наложенных на E и h ограничений нумерация ν эквивалентна по Колмогорову стандартной нумерации (причем h сводит стандартную нумерацию к ν); поэтому они обе одновременно разрешимы или неразрешимы.

Проблема распознавания равенства (для данной алгебраической системы) является представителем большого класса проблем, состоящих в распознавании различных свойств элементов системы, пар таких элементов (как в случае распознавания равенства), троек и т. д. Разумно ограничиться свойствами, имеющими алгебраический смысл, т. е. формулируемыми в алгебраических терминах. Что это такое, будет уточнено в § 2.5 при определении понятия алгебраически корректной алгоритмической массовой проблемы.

Разумеется, можно интересоваться распознаванием свойств не только элементов какой-нибудь алгебраической системы, но и самих систем (первые свойства естественно называть «внутренними», а вторые — «внешними»). Для того чтобы рассмотреть соответствующие массовые проблемы, нужно сопоставить конструктивные объекты уже не о элементами систем, а с самими системами. Это естественно делается в случае, когда алгебраическая система задается породимым (в частности, конечным) множеством соотношений (равенств, тождеств, квазитожеств, см. добавление к § 2.3). Именно задание конечным множеством определяющих соотношений (а конкретнее — равенств) мы и будем сейчас

иметь в виду при обсуждении внешних свойств алгебраической системы.

Важнейшим примером внешнего свойства является изоморфия двух алгебраических систем. Для конечноопределенных групп проблема распознавания изоморфии (так называемая третья проблема Дена) была поставлена Деном в [Ден, 1912] наряду с проблемой распознавания внутреннего свойства — равенства двух элементов заданной группы. Нерешимость проблемы распознавания изоморфии конечноопределенных групп вытекает из конструкции, использованной при построении группы с нерешимой проблемой распознавания равенства.

Набросок доказательства неразрешимости проблемы изоморфии для групп содержится в [Новиков, 1958], более подробно это доказательство изложено в [Адян, 1973]. Более того, для конечноопределенных групп нерешима и частная проблема изоморфии: для произвольной конечноопределенной группы F_0 невозможен алгоритм, распознающий по заданию произвольной конечноопределенной группы F , изоморфны F и F_0 или нет (см. [Адян, 1955], [Адян, 1956], [Адян, 1957]). И общая, и частная проблемы изоморфии принадлежат к числу проблем распознавания *инвариантных* (т. е. сохраняющихся при изоморфизмах) свойств алгебраических систем и их кортежей. Вот еще инвариантные свойства групп: «быть абелевой», «быть конечной», «быть циклической», «быть простой». Для каждого из этих свойств проблема его распознавания по заданию конечноопределенной группы нерешима (см. [Адян, 1955], [Адян, 1957]). Все перечисленные свойства групп являются *марковскими*; определение сейчас будет дано.

Инвариантное свойство полугрупп (соответственно групп) α называется *марковским*, если, во-первых, имеется конечноопределенная полугруппа (группа), обладающая свойством α , и, во-вторых, имеется конечноопределенная полугруппа (группа), не вложимая ни в какую конечноопределенную полугруппу (группу) со свойством α . Каково бы ни было марковское свойство, алгоритмическая проблема его распознавания нерешима. Для полугрупп это установил Марков (см. [Марков, 1952, п. 11.1], [Марков, 1954, гл. VI, § 11]), для групп — Адян (см. [Адян, 1957а], [Адян, 1957б], [Адян, 1958]). Одно из следствий этого результата Адяна устанавливает следующую дополненность между внутренними и внешними свойствами конечноопределенных групп: пусть K — непустой замкнутый относительно изо-

морфизмов класс конечноопределенных групп, тогда в классе K имеется группа с нерешимой проблемой распознавания равенства, или проблема принадлежности конечноопределенной группы классу K нерешима (см. [Адян, 1973]). Несмотря на обилие нерешимых свойств конечноопределенных групп, для некоторых естественных свойств существует разрешающий алгоритм, примером такого (внешнего) свойства является свойство «совпадать со своим коммутантом» (см. [Адян, 1957a]).

Отметим, наконец, еще один класс проблем, лежащий в «произведении» внешних и внутренних проблем, — это так называемые общие (другими словами, равномерные) проблемы. Общая проблема ставится для некоторого класса алгебраических систем и состоит в отыскании общего метода решения некоторой внутренней проблемы для всех систем этого класса, т. е. алгоритма, который по заданию системы и исходному данному внутренней проблемы, относящейся к этой системе, давал бы ответ на внутреннюю проблему.

Пример: общая проблема распознавания равенства для групп состоит в том, чтобы по заданию всякой группы и паре слов в алфавите образующих этой группы, определить, равны ли эти слова в этой группе или нет. Разумеется, если некоторая внутренняя проблема нерешима для одной алгебраической системы заданного класса, то соответствующая общая проблема также нерешима; для большинства общих проблем дело обстоит именно так. Однако существуют естественные проблемы, для которых ситуация иная.

Именно, рассмотрим следующую внутреннюю проблему: «По всякому элементу x полугруппы с единицей узнать, существует ли такой элемент y , что xy равно в полугруппе единице». Эта проблема решима для каждой конечноопределенной полугруппы с сокращением, однако общая проблема в классе всех конечноопределенных полугрупп с сокращением нерешима (см. [Адян, 1955a]). О других алгоритмических проблемах алгебры см. [Адян, 1973], [Адян, 1977], [Адян, Маканин, 1984], [Матиясеви́ч, 1984], [Чандлер, Магнус, 1982].

Есть еще одна область, в которой с математическими объектами изучения естественно сопоставляются их конструктивные описания. Это — комбинаторная топология, где с полиэдрами (в частности, триангулируемыми многообразиями) сопоставляются записи их триангуляций. Коль скоро такое сопоставление осуществлено, делается осмыс-

ленной проблема гомеоморфии, аналогичная проблеме распознавания равенства слов в группе или проблеме изоморфии групп. Согласно [Марков, 1958а], *общая проблема гомеоморфии* для полиэдров (соответственно для триангулируемых многообразий) есть проблема разыскания алгоритма, распознающего для любых двух полиэдров (соответственно многообразий), заданных своими триангуляциями, гомеоморфны ли они; *частные проблемы гомеоморфии* возникают, если наложит на рассматриваемую пару полиэдров какое-либо ограничение, например указать их размерность или фиксировать первый член пары. Некоторые из этих проблем были давно решены, например проблема гомеоморфии двумерных многообразий. Как установил Марков, *общая проблема гомеоморфии* не имеет решения: более того, для всякого $n > 3$ можно указать такое n -мерное многообразие, что проблема гомеоморфии многообразий этому многообразию нерешима (см. [Марков, 1958а], [Марков, 1958в]). В [Марков, 1958б], [Марков, 1962], [Бун, Хакен, Поэнару, 1968], [Хакен, 1973] эти результаты усиливаются, уточняются и обобщаются. Проблема гомеоморфии трехмерных многообразий остается открытой.

О нетривиальных алгоритмических проблемах в других областях математики мало что известно. (Иногда у специалистов имеется явное ощущение эффективности некоторого построения; в то же время попытка сформулировать соответствующую алгоритмическую проблему либо вообще ни к чему не приводит, либо же приводит к нерешимой проблеме и тем самым — к неадекватной формулировке.) Все же, касаясь других областей математики, выделим два примера из теории дифференциальных уравнений: нерешаемость проблемы существования решения, определенного на отрезке $[0, 1]$ у системы дифференциальных уравнений (см. [Адлер, 1969]), и формулировку алгоритмической проблемы об устойчивости (см. [Арнольд, 1976]).

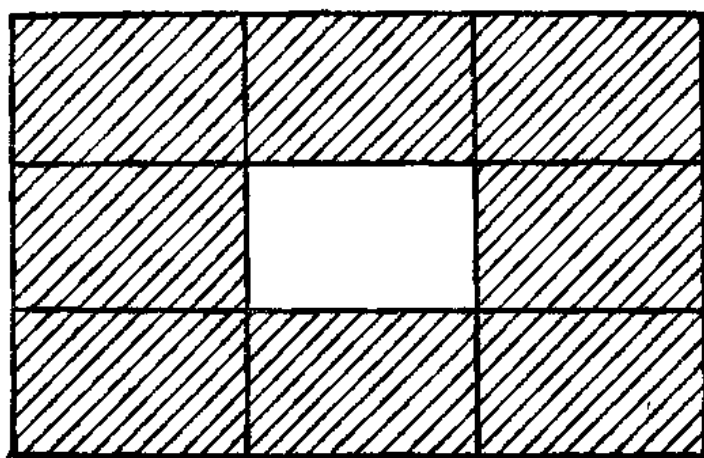
Приведем еще два примера просто формулируемых алгоритмических массовых проблем, касающихся целых чисел. Первая поставлена в [Саломеа, Соиттола, 1978]: по целочисленной матрице узнать, существует ли степень, имеющая нуль в правом верхнем углу. Для матриц 4×4 распознающий алгоритм построен Верещагиным (см. [Верещагин, 1985, теорема 4]); существует ли алгоритм в общем случае, неизвестно. Заметим, что для близкой по формулировке проблемы «по целочисленной матрице A и целочисленным векторам x и y узнать, существует ли такое i , что $A^i x = y$ »,

недавно была доказана решаемость, см. [Каннан, Липтон, 1980].

Вторая проблема касается коммутативных исчислений — так называемых систем векторного сложения (vector addition systems). Она была поставлена Карпом и Миллером в работе по параллельным схемам программ в 1969 г. (см. [Карп, Миллер, 1969]). Для краткости приведем мультипликативную формулировку проблемы, в которой используется только умножение и отсутствует сложение, хотя аддитивная формулировка и более естественна. Пусть задано натуральное число a и конечное множество V рациональных чисел. Натуральное число называется *достижимым* (для данных a и V), если оно совпадает с a или получается из достижимого умножением на элемент из V . Требуется узнать, достижимо ли данное число b . В 1977 г. Сэсердоут и Тенни объявили о решении этой алгоритмической проблемы при любых фиксированных a и V (см. [Сэсердоут, Тенни, 1977]). Однако данное ими описание алгоритма является противоречивым; если пытаться устранить противоречия, то оказывается, что получаемые алгоритмы правильно работают только в тривиальных случаях, и не видно, как можно было бы исправить дело. Прогресс в направлении частичного решения проблемы достижимости был получен в [Хопкрофт, Пансьо, 1979]. Наконец, в 1984 г. Майр опубликовал доказательство существования алгоритма, решающего проблему достижимости — см. [Майр, 1984]. В названной статье указывается, что предварительный вариант доказательства был опубликован автором в трудах 13-го ежегодного симпозиума «АСМ STOC»¹⁾ (1981 г.); отмечается также, что за время рецензирования статьи [Майр, 1984] Косараю <S. R. Kosraju> опубликовал другой алгоритм для решения той же задачи (в трудах 14-го ежегодного симпозиума «АСМ STOC», 1982 г.). Истории решения проблемы достижимости посвящена заметка [Мюллер, 1985], содержащая тезисы выступления автора на коллоквиуме по теории вычислимости, состоявшемся в ГДР в 1983 г. В этой заметке доказательство Сэсердоута и Тенни характеризуется как ошибочное, а опубликованное в 1981 г. доказательство Майра — как очень сложное и никем не проверенное; основной акцент делается на публикации Косараю, упомянутые выше. См. также [Мюллер, 1983].

¹⁾ Symposium on theory of computing.

Наш перечень мы закончим наиболее наглядным примером открытой алгоритмической проблемы. Пример связан с игрой «Жизнь», изобретенной Дж. Конвеем, см. [Гарднер, 1970—1971], [Уэзерелл, 1978, гл. 2]. Позиция этой игры — бесконечный лист бумаги в клетку. Клетка может быть пустой или полной (в другой терминологии — мертвой или живой соответственно). Полных клеток (ячеек) в позиции может быть только конечное число. У каждой клетки восемь (очевидных) соседей — четыре соприкасаются с ней по сторонам и четыре — по углам:

Ход игры состоит в одновременном изменении содержимого всех тех клеток, к которым применимо одно из следующих правил:

- 1) рождение новой ячейки: пустая клетка, имеющая ровно трех полных соседей, становится полной;
- 2) смерть ячейки: полная клетка, имеющая более трех полных соседей, становится пустой (умирает от тесноты); полная клетка, имеющая менее двух полных соседей, становится пустой (умирает от скуки).

Таким образом, скажем, пустые клетки с одним полным соседом остаются пустыми, а полные клетки с двумя полными соседями остаются полными. Как мы видим, в игре занят один партнер (можно считать, что и ни одного), никакого конца у нее нет. Тем не менее естественно считать, что игра заканчивается, если все клетки становятся пустыми, и в этом случае называть позицию, с которой игра началась, «вымирающей». Неизвестно, существует ли алгоритм, распознающий по произвольной позиции, «вымрет» ли она.

2.1.3. Массовые проблемы в смысле Медведева. Наше понимание термина «массовая проблема» близко к [Марков, 1954, гл. V, преамбула]. Более общее и абстрактное понимание было предложено Медведевым в [Медведев Ю., 1955], [Медведев Ю., 1956]. По Медведеву *массовая проблема* — это произвольное семейство всюду определенных функций

из \mathbb{N} в \mathbb{N} , и массовая проблема называется (алгоритмически) разрешимой, если она содержит вычислимую функцию. Таким образом, массовую проблему \mathcal{A} (в смысле Медведева) можно рассматривать как проблему нахождения вычислимой функции в семействе \mathcal{A} . Конечно, нет необходимости ограничиваться функциями из \mathbb{N} в \mathbb{N} , можно рассматривать всюду определенные (это существенно) функции из X в Y для произвольных ансамблей X, Y .

Всякая алгоритмическая массовая проблема (в старом смысле), у которой множество вопросов X есть некоторый ансамбль и E (ограничение на вопросы) равно X , может рассматриваться как массовая проблема в смысле Медведева, состоящая из тех функций f , определенных на всем X , для которых $\langle x, f(x) \rangle \in R$ при всех $x \in X$ (здесь R — вопросно-ответное отношение). Такое толкование допускают, в частности, проблемы разрешения и отделения.

1. *Проблеме разрешения* для множества $A \subset X$ соответствует семейство, состоящее из единственной функции φ такой, что $\varphi(x) = 1$ для всех $x \in A$ и $\varphi(x) = 0$ для $x \in X \setminus A$ (так что φ — характеристическая функция для A).

2. *Проблеме отделения* для пары множеств $\langle A, B \rangle$, где $A \subset X, B \subset X$, соответствует семейство всех отделяющих функций для $\langle A, B \rangle$ (функция φ называется отделяющей для $\langle A, B \rangle$, если она определена на всем X и $\varphi(x) = 1$ для $x \in A, \varphi(x) = 0$ для $x \in B$).

3. *Проблеме продолжения* для функции f из X в Y соответствует семейство всех функций из X в Y , определенных на всем X и служащих продолжениями функции f .

Однако не всякая естественно возникающая массовая проблема в смысле Медведева есть результат подобного истолкования некоторой алгоритмической массовой проблемы. Например, для каждого непустого множества $A \subset \mathbb{N}$ можно рассмотреть *проблему перечисления* этого множества, состоящую из всех всюду определенных на \mathbb{N} функций, область значений которых есть A (очевидно, эта проблема разрешима по Медведеву в том и только том случае, когда A перечислимо). Проблема перечисления не может быть получена описанным выше способом из алгоритмической массовой проблемы. (Это не удивительно, так как задача «перечислить данное множество» не представима в виде серии отдельных задач.)

Пусть \mathcal{A}, \mathcal{B} — массовые проблемы в смысле Медведева. Из слабой (а следовательно, и из сильной) сводимости (см. § 1.13) \mathcal{B} к \mathcal{A} вытекает, что если \mathcal{A} разрешима, то и \mathcal{B} раз-

решима. По этой причине слабую и сильную сводимость из § 1.13, можно интерпретировать как сводимость проблем.

2.1.4. О пользе правильной терминологии. Закончим параграф одним примером четкого различия понятий и терминов. В первом абзаце из [Мучник, 1965, § 2] говорится: «Теорема 1 показывает, что нельзя свести проблему разрешения нерекурсивного множества к проблеме отделимости перечислимых множеств в смысле алгоритмической сводимости... Однако, как мы докажем далее, можно свести проблему разрешения любого перечислимого множества E к проблеме отделимости двух перечислимых множеств E' , E'' в следующем смысле ...» (этот смысл далее разъясняется). В терминологии данного обзора основные результаты [Мучник, 1965] можно изложить так: теорема 1 утверждает, что никакая нерешимая проблема разрешения не может сильно сводиться к проблеме отделения для пары непересекающихся породимых множеств; из доказательства теоремы 2 вытекает, что алгоритмическая массовая проблема разрешимости для $\text{Gen}(\mathbb{N})$ сводится по разрешимости (см. § 1.11) к алгоритмической массовой проблеме отделимости для $\text{Gen}(\mathbb{N})$. (Аналогично, один из результатов заметки [Душский, 1969] может быть сформулирован так: всякая проблема разрешения породимого множества сильно эквивалентна проблеме продолжения некоторой вычислимой функции с разрешимым графиком.)

§ 2.2. Приложения к основаниям математики: конструктивная семантика

Возникновение понятия алгоритма и развитие теории стимулировались, наряду с практикой, заключающейся в решении массовых проблем, также и умозрениями, а именно попытками осмыслить сочетание кванторов $\forall x \exists y$. Оба названных аспекта тесно связаны: с одной стороны, если массовая проблема имеет решение, то это означает, что (\forall единичная проблема) (\exists решение); с другой стороны, обоснование утверждения, начинающегося с $\forall x \exists y$, состоит в предъявлении для каждого x соответствующего y , т. е. в решении некоторой массовой проблемы.

Понимание этой последней массовой проблемы как алгоритмической является определяющим при разработке так называемого *конструктивного направления в математике* (см. [Марков, 1962а], [Шанин, 1962, введение и приложение], [Шанин, 1970], [Кушнер, 1973, введение]), пользующегося

особой, «конструктивной» логикой рассуждений. В этой логике, в частности, обоснование суждения $\forall x(A(x) \vee \neg A(x))$ связывается с построением алгоритма, указывающего для каждого x верный член дизъюнкции (и поэтому при неразрешимом A это суждение ложно).

При том, что конструктивная логика опирается на понятие алгоритма, оперирование с алгоритмами в рамках этой логики предполагает, в свою очередь, ограничение допускаемых логических средств. В число таких средств Марков включил (см. [Марков, 1962, с. 11]) следующие два принципа: 1) если предположение о неограниченной продолжительности процесса применения алгоритма \mathcal{A} к слову P опровергнуто, то \mathcal{A} применим к P ; 2) если для свойства \mathfrak{F} имеется алгоритм, выясняющий для всякого натурального n , обладает ли оно этим свойством, и если опровергнуто предположение о том, что ни одно n не обладает свойством \mathfrak{F} , то имеется n со свойством \mathfrak{F} . Последний принцип впервые сформулирован в [Марков, 1954а]; в [Марков, 1956] он назван «ленинградским принципом», а в [Марков, 1962а] — «методом конструктивного подбора» (см. [также Кушнер, 1979]).

Можно, однако, заниматься изучением конструктивной логики, пользуясь обычной, «классической» логикой (ср. [Новиков, 1977]). Такой подход был намечен Колмогоровым в [Колмогоров, 1932] (Колмогоров писал об интуиционистской логике, но различие между интуиционистской и конструктивной логиками в данном случае несущественно). Подход Колмогорова состоит в истолковании конструктивной логики как *логики задач* или *проблем*; существенно, что для любых двух задач A и B и в качестве особой задачи рассматривается задача сведения B к A (ср. § 1.11).

Этот общий подход позволяет, в частности, интерпретировать пропозициональные формулы как выражения для задач (а не для утверждений, как в традиционной логике): при такой интерпретации значениями пропозициональных переменных являются задачи и соответственно понимаются пропозициональные связки: $A \wedge B$ означает «решить и A , и B », $A \vee B$ — «решить хотя бы одну из задач A или B », $A \rightarrow B$ — «свести решение B к решению A », $\neg A$ — «предположив, что решение A дано, получить противоречие». Аналогично интерпретируются и предикатные формулы.

Наиболее полно колмогоровский подход воплощен в понятии *реализуемости по Клини* (см. [Клини, 1952, § 82], [Новиков, 1977, гл. V, § 7]). Реализуемая семантика

Клини может быть следующим образом изложена в виде семантики задач. Каждая арифметическая (т. е. принадлежащая элементарной арифметике) формула интерпретируется как задача нахождения некоторого конструктивного объекта, называемого реализацией формулы и кодирующей информацию о ее конструктивной истинности; формула называется реализуемой, если она имеет реализацию. При этом, например, для формулы без свободных переменных, имеющей вид $\forall x A$, ее реализацией считается программа алгоритма, дающего по любому значению переменной x реализацию подстановки этого значения в A вместо x ; реализацией формулы вида $A \rightarrow B$ (где A и B — формулы без свободных переменных) считается программа алгоритма, перерабатывающего всякую реализацию A в некоторую реализацию B .

Далее определяются реализуемость и непроверяемость предикатных (и, в частности, пропозициональных) формул. Именно, предикатная формула называется (согласно [Плиско, 1978]):

1) *непроверяемой* (в [Новиков, 1977] — реализуемой) если для каждой подстановки арифметических формул вместо ее предикатных (в частности, пропозициональных) букв существует реализация результирующей арифметической формулы;

2) *реализуемой* (в [Новиков, 1977] — эффективно реализуемой), если существует алгоритм, указывающий для каждой такой подстановки реализацию результата.

Существуют предикатные формулы, являющиеся непроверяемыми, но не являющиеся реализуемыми (см. [Плиско, 1976], [Плиско, 1978]); можно ли найти такую формулу среди пропозициональных — неизвестно. Шанин в [Шанин, 1958], [Шанин, 1958a] подверг критике клиниеву концепцию реализуемости (Клини обсуждает эту критику в [Клини, 1960]) и предложил свой собственный вариант конструктивной семантики; этот вариант связывает конструктивные задачи не со всеми суждениями, а лишь с некоторыми и опирается на так называемый алгоритм выявления конструктивной задачи (а также на алгоритм мажорирования арифметических суждений, см. [Шанин, 1973]).

Другим уточнением замысла Колмогорова служит введенная в [Медведев Ю., 1955], [Медведев Ю., 1956] семантика пропозициональных формул. Подобная же семантика была введена в [Мучник, 1963]. Первая семантика основана на сильных, а вторая — на слабых степенях трудности. Для

того чтобы представить каждую из семантик как семантику проблем, необходимо вспомнить (см. § 1.13, § 2.1), что сильная (соответственно слабая) степень трудности представляет собой класс эквивалентных массовых проблем в смысле Медведева, если эквивалентностью проблем считать их сильную (соответственно слабую) сводимость друг к другу.

Итак, возьмем решетку Медведева или решетку Мучника. Для произвольного E из выбранной решетки пропозициональные связки следующим образом интерпретируются как операции на начальном сегменте $S_E = \{X | 0 \leq X \leq E\}$ этой решетки: конъюнкция \wedge как \cup , дизъюнкция \vee как \cap , импликация $A \rightarrow B$ есть наименьший элемент (доказывается, что такой существует) множества $\{C | B \leq A \cup C\}$; наконец, $\neg A$ есть $A \rightarrow E$. Всякая доказуемая формула интуиционистского пропозиционального исчисления тождественно принимает значение 0 на любом S_E . Далее, только для решетки Медведева: при $E = 1$ для формул, не содержащих отрицания, имеет место теорема полноты (см. [Медведев Ю., 1962]): всякая формула такого вида, тождественно равная 0 на S_1 , доказуема в интуиционистском пропозициональном исчислении; для формул, содержащих отрицание, эта теорема полноты очевидным образом нарушается (в противоречии со сказанным в [Роджерс, 1967, § 13.1]: формула $\neg A \vee \neg \neg A$ тождественно равна нулю, но не доказуема), и задача о таком выборе E , чтобы теорема полноты имела место для всех формул интуиционистского пропозиционального исчисления, остается открытой. Имеет ли место какая-либо теорема о полноте для решетки Мучника, неизвестно.

Говоря о конструктивной логике, мы ограничивались до сих пор лишь суждениями — их конструктивным пониманием и умозаключениями, ведущими к конструктивному обоснованию их истинности (следует заметить, впрочем, что в конструктивной логике понять суждение — значит понять, что является его обоснованием). Однако логика занимается еще и понятиями, и конструктивное осмысление понятий также должно составлять предмет конструктивной логики. Поскольку истоки современного конструктивного направления в математике лежат в интуиционизме, был предпринят ряд попыток интерпретации некоторых интуиционистских понятий на основе алгоритмов: в частности, такая попытка осуществлена в [Клини, 1952a] для брауэровского понятия множества и в [Успенский, 1957, § 7] для вейлевского понятия функции.

Специфическую область приложений теории алгоритмов к конструктивизации понятий составляет исследование определений с точки зрения их конструктивности. *Конструктивным* условно называется такое определение, в котором определяемое свойство связывается с наличием некоторой конструкции: таково определение перечислимого множества. С другой стороны, определение неперечислимого множества *неконструктивно* в том смысле, что состоит в простом отрицании наличия соответствующей конструкции.

Оказывается, что в ряде случаев среди всех объектов, не обладающих свойством A — «объектов не A », — удастся выделить объекты, не обладающие свойством A в некотором конструктивном смысле — «объекты конструктивно (или эффективно) не A ». Именно, объект «конструктивно не A » — это такой объект, для которого существует алгоритм, отличающий его от любого объекта, обладающего свойством A . Например, в [Успенский, 1960, § 13] разбираются *конструктивизации определений* не конечного множества, неперечислимого множества и неотделимой пары множеств, а в [Успенский, 1974, § 9] вводится общее понятие множества, эффективно отличного от множеств заданного семейства. Наконец, проблему естественно называть эффективно (или конструктивно) нерешимой, коль скоро существует алгоритм, отыскивающий для каждого кандидата в решения причину, почему этот кандидат не является в действительности решением; для так называемых *параметрических проблем* в [Медведев Ю., 1969] этот общий и расплывчатый замысел конкретизируется в точном понятии *эффективно опровержимой* параметрической проблемы.

§ 2.3. Приложения к математической логике: анализ формализованных языков логики и арифметики

В [Чёрч, 1956, § 07] *математическая логика*, или *символическая логика*, или *логистика*, определяется как «предмет формальной логики, изучаемый методом построения формализованных языков». Среди формализованных языков выделяются чисто логические языки (пропозициональные и предикатные), языки арифметики и языки теории множеств. *Предикатные языки*, как элементарный (он же узкий или первого порядка), так и неэлементарные (расширенные или высших порядков), служат для формальной записи свойств математических (прежде всего алгебраических) структур, в частности для аксиоматического описания раз-

личных классов таких структур. Языки арифметики служат для описания натурального ряда (который вряд ли может быть задан аксиоматически и, во всяком случае, должен очевидным образом рассматриваться как предшествующий каким-либо аксиоматическим рассмотрениям). Языки теории множеств не имеют отчетливой семантики и предназначены для записи различных аксиоматических теорий.

В тех случаях, когда это осмысленно, для формул языка определяется понятие истинности (на том или ином классе обслуживаемых этим языком структур) и ставится алгоритмическая массовая проблема распознавания истинности, или *семантическая проблема разрешения*: построить алгоритм, распознающий по формуле языка, истинна она или нет. Для языков, обладающих достаточно богатыми выразительными средствами (а именно достаточно богатыми для того, чтобы выразить, в разумном смысле, какой-либо неразрешимый предикат), семантическая проблема разрешения оказывается нерешимой. Нерешаемость семантической проблемы разрешения для языка арифметики, содержащего равенство, сложение и умножение, отмечалась выше в § 1. Здесь мы заметим только, что нерешаемость этой проблемы, т. е. неразрешимость множества истинных формул арифметики, является тривиальным следствием неарифметичности указанного множества, а эта неарифметичность, в свою очередь, представляет собой простое применение к данному случаю известной теоремы Тарского о невыразимости понятия истинности в языке средствами того же языка (см., например, [Успенский, 1982, приложение Б]).

Если для языка арифметики естественно рассматривать истинность на одной структуре (на натуральном ряду), то для предикатных языков естественно рассматривать истинность на всех мыслимых структурах, или истинность при всевозможных интерпретациях; так понимаемая истинность называется *общезначимостью*. Для расширенных предикатных языков само понимание общезначимости наталкивается на серьезные трудности теоретико-множественного характера. Для узкого предикатного языка (иначе — языка элементарной логики предикатов) проблема распознавания общезначимости привлекала пристальное внимание математических логиков начиная с 1915 г. (см. [Чёрч, 1956, § 49]); эта проблема, получившая название «das Entscheidungsproblem», названа в [Гильберт, Аккерман, 1938, гл. III, § 12] главной проблемой математической логики. В силу

теоремы Гёделя о полноте, *das Entscheidungsproblem* равносильна проблеме распознавания доказуемости элементарных предикатных формул (при подходящем понятии доказуемости). В 1936 г. нерешаемость *das Entscheidungsproblem* была независимо установлена Чёрчем и Тьюрингом (см. [Чёрч, 1936a], [Чёрч, 1936b], [Тьюринг, 1936], [Тьюринг, 1937]). Аналогичные результаты имеют место и для реализуемой семантики предикатных формул (см. § 2.2): невозможен ни алгоритм, распознающий реализуемость таких формул, ни алгоритм, распознающий их неопровержимость. Эти результаты следуют из теорем Плиско: 1) множество всех реализуемых предикатных формул не является арифметическим (см. [Плиско, 1973], [Плиско, 1977]); 2) множество всех неопровержимых предикатных формул не является арифметическим (см. [Плиско, 1976], [Плиско, 1978]). Относительно разрешимости и арифметичности множества реализуемых и множества неопровержимых пропозициональных формул ничего не известно.

Наряду с проблемой разрешения для множества истинных формул, представляющей собой проблему построения алгоритма, естественно ставить проблему порождения этого множества, представляющую собой проблему построения исчисления: требуется построить исчисление, порождающее все истинные и только истинные формулы (в эквивалентных терминах: построить логистическую систему, в которой доказываются в точности такие формулы). *Теорема Гёделя о полноте* дает положительное решение этой проблемы для языка элементарной логики предикатов, а *теорема Гёделя о неполноте* — отрицательное решение этой проблемы для языка элементарной арифметики. Включение теоремы о неполноте в контекст понятий теоретического программирования осуществлено в [Глушков, 1979].

Теорему о неполноте можно воспринимать как чистую теорему несуществования. Однако уже доказательство (а в косвенной форме — даже формулировка) самого Гёделя в [Гёдель, 1931] содержит алгоритм, позволяющий по любому исчислению (логистической системе) указать отличие порождаемого этим исчислением множества (т. е. множества всех формул, доказуемых в этой логистической системе) от множества всех истинных формул арифметики, т. е. указать элемент одного из этих множеств, не принадлежащий другому. Ясно, что этим свойством «*эффективной гёделевости*» (ср. [Успенский, 1974, § 10]) обладают в точности те языки, у которых множество всех истинных формул эффективно от-

лично (см. § 2.2) от всех перечислимых (т. е. породимых) подмножеств множества всех формул.

Невозможность ввести для какого-либо языка адекватное, т. е. равнообъемное истинности, понятие доказуемости (а эта невозможность и составляет предмет теоремы о неполноте для рассматриваемого языка) тесно связана с понятием неотделимости (два множества *неотделимы*, если они не являются отделимыми, см. § 2.1). Как подметили Клини (см. [Клини, 1952, § 61]) и Колмогоров (см. [Успенский, 1953] или [Успенский, 1953a]), если имеются два неотделимых множества формул какого-либо языка, причем все формулы из первого множества истинны, а все формулы из второго множества ложны (в том смысле, что истинны их отрицания), то для рассматриваемого языка нельзя ввести непротиворечивую логистическую систему, являющуюся полной (т. е. такой, в которой все истинные формулы оказывались бы доказуемыми).

Это обстоятельство позволяет получать теоремы неполноты, избегая рассмотрения сложно устроенного множества всех истинных формул (содержащего и такие формулы, установление истинности которых встречает трудности), а ограничиваясь построением какого-либо множества «заведомо истинных» формул и какого-либо множества «заведомо ложных» формул — так, чтобы эти два множества были сравнительно просто устроены, но все же неотделимы. (Различные варианты конструктивизации понятия неотделимости — см. [Успенский, 1953], [Шмульян, 1958], [Шмульян, 1960], [Шмульян, 1961, гл. V, § 1 и 12], [Успенский, 1960, § 13] — естественно приводят к соответствующим вариантам эффективной гёделевости.) Аппарат неотделимости может быть применен и для установления нерешаемости семантических проблем разрешения (см. [Трахтенброт, 1953]).

Всю теорию доказательств можно рассматривать как ветвь прикладной теории алгоритмов и исчислений. И дело тут не только и не столько в результатах, сколько в исходных идейных предпосылках. Сами понятия формального доказательства и доказуемой формулы, рассматриваемые во всей их общности, опираются на фундаментальные представления алгоритмического или исчислительного характера. Здесь возможны два подхода (разумеется, эквивалентных), отдающие, соответственно, примат понятию исчисления или понятию алгоритма.

Первый подход состоит в том, что понятие доказуемой формулы вводится непосредственно, без использования по-

ния доказательства: формула называется доказуемой, если она порождается рассматриваемой логической системой. Доказательства вводятся потом как протоколы (записи) порождений. Что же касается самого понятия логической системы, как оно понимается, например, в [Чёрч, 1956, § 07] или в [Минский, 1967, § 12.2], то трудно отличить это понятие от общего понятия исчисления — можно просто сказать, что логические системы — это такие исчисления, которые ориентированы на получение формул в формализованных языках (и эта направленность отражается в сопутствующей терминологии).

Второй подход состоит в том, что сперва вводится понятие доказательства, а затем через него определяется понятие доказуемой формулы. Основное, что требуется от доказательства при таком подходе, — это чтобы существовал алгоритм, отличающий доказательства от недоказательств, т. е. чтобы множество всех доказательств было разрешимым; это требование обосновано в [Чёрч, 1956, § 07]. Рассматриваемый подход естественно приводит к понятию дедуктики (см. [Успенский, 1974, § 3], [Успенский, 1982, § 1, п. 3.3]). *Дедуктикой* над алфавитом B рассматриваемого языка называется произвольная тройка $\langle D, D, \delta \rangle$, где D — произвольный алфавит (алфавит доказательств), D — произвольное разрешимое множество слов в алфавите D (множество всех доказательств) и δ — такая вычислимая функция (функции выделения доказанного), которая определена на всяком элементе из D и значениями которой служат слова в алфавите B . Те слова в B , которые принадлежат множеству $\delta(D)$, называются *доказуемыми* относительно данной дедуктики. Понятие дедуктики может трактоваться как уточнение наиболее общего интуитивного представления о формальном доказательстве.

Заметим в заключение, что, как подчеркнуто в [Чёрч, 1956, § 07], использование алгоритмических представлений требуется не только при введении понятия доказуемости, но и на более ранних стадиях изучения формализованных языков, в частности при определении понятия (правильно построенной) формулы.

§ 2.4. Вычислимый анализ

2.4.0. Ранняя история: Борель и Тьюринг. Понятие *вычислимого действительного числа* и *вычислимой функции действительного переменного* восходят к статье Бореля

[Борель, 1912]; в этой же статье намечены и некоторые основные факты вычислимого анализа. Раздел II указанной статьи называется «Вычисляемые числа» (*Nombres calculables*) и начинается со следующего определения: «Мы скажем, что число α вычислимо, коль скоро для произвольного целого n можно получить рациональное число, которое отличается от α менее чем на $\frac{1}{n}$ ». Сделанное в этой формулировке примечание о «достоверном и недвусмысленном методе» получения (оно процитировано нами в § 1.1) не оставляет сомнений, что Борель имел в виду самую общую концепцию *алгоритмической вычислимости*. Сейчас мы бы сказали: «Действительное число α вычислимо, коль скоро существует алгоритм, дающий по всякому целому положительному n рациональное приближение к α с точностью до $\frac{1}{n}$ ».

Далее Борель указывает, что если два вычисляемых числа не равны, то их неравенство может быть рано или поздно обнаружено путем подбора достаточно близких рациональных приближений (хотя точность, с которой необходимо брать такие приближения, и не может быть предвидена заранее); если же два вычисляемых числа равны, то попытка обнаружить их равенство может натолкнуться на неразрешимые трудности (*difficultés insolubles*). Современная формулировка: «Каково бы ни было конструктивное действительное число y , невозможен алгоритм, указывающий для любого конструктивного действительного числа x верный член дизъюнкции $(x=y) \vee (x \neq y)$ » ([Кушнер, 1973, гл. 4, § 1, теорема 3]).

Раздел III статьи Бореля называется «Вычисляемые функции и функции с асимптотическим определением» (*Les fonctions calculables et les fonctions à définition asymptotique*). Буквальная формулировка гласит: «Функция вычислима, коль скоро ее значение вычислимо для каждого значения аргумента». Однако в последующих комментариях Борель, по существу, требует наличия алгоритма, позволяющего по α и n вычислить $f(\alpha)$ с точностью $\frac{1}{n}$, поясняя при этом, что «задать вычисляемое число α — это просто задать метод получения α с произвольной точностью».

Современное определение вычисляемой функции вычислимого действительного переменного (см. ниже) может поэтому трактоваться как уточнение определения Бореля. (Правильнее было бы сказать, впрочем, что одновременно с

уточнением происходит и ограничение области определения: «современные» вычислимые функции рассматриваются лишь на вычислимых действительных числах.) Борель формулирует и утверждает о непрерывности вычислимой функции (доказательство этого утверждения было найдено лишь в 1956 г. Цейтиным, см. ниже). Он пишет: «Функция не может быть вычислимой, если она не является непрерывной, по крайней мере для вычислимых значений аргумента». «Более того, — указывает Борель, — нужно предполагать известной меру непрерывности функции, то есть инфинитезимальный порядок (в обобщенном смысле) изменения функции в сравнении с изменением аргумента». Если понимать эту «меру непрерывности» как вычислимый регулятор непрерывности (см. ниже), можно заключить, что Борель имел в виду не просто непрерывность, но вычислимую непрерывность.

Систематическое развитие вычислимого анализа на основе точных алгоритмических представлений началось со статьей Тьюринга ([Тьюринг, 1936], [Тьюринг, 1937]). История этого развития прослежена в [Кушнер, 1973, введение, п. 2].

2.4.1. Конструктивный анализ. Публикации в обсуждаемой области можно отнести к одному из двух направлений. За первым из них мы сохраняем название *«вычислимый анализ»*, второе обычно называется *«конструктивный анализ»*. Объекты, изучаемые в первом направлении, носят названия «вычислимые числа», «вычислимые функции» и т. п.; объекты второго направления называются «конструктивные числа», «конструктивные функции» и т. п.; к сожалению, это разделение терминологии не всегда соблюдается.

Различие между направлениями состоит в следующем. Вычислимый анализ выделяет среди традиционных объектов анализа — чисел и функций — вычислимые, т. е. связанные определенным образом с алгоритмами. Конструктивный анализ рассматривает вычислимые числа и функции не как часть более обширной совокупности всех чисел и функций, а сами по себе. Более того, понятие программы числа или функции является для него исходным: конструктивным числом называется то, что в вычислимом анализе называется программой вычислимого числа, а конструктивной функцией — то, что в вычислимом анализе называется программой вычислимой функции; на конструктивных числах и конструктивных функциях затем вводится отношение равенства, означающее, разумеется, не совпадение

соответствующих конструктивных объектов, а совпадение задаваемых ими чисел и функций.

Такой способ изложения позволяет говорить непосредственно об алгоритмах над конструктивными числами и конструктивными функциями. Ясно, что понятия и результаты вычислимого анализа и конструктивного анализа без труда переводятся друг в друга. Следует, однако, отметить, что в содержание понятия «конструктивный анализ», как правило, вкладывается еще и требование использовать только конструктивную логику (см. [Кушнер, 1979а]).

2.4.2. Начальные понятия. Начальные понятия вычислимого анализа таковы.

1. *Вычислимая последовательность рациональных чисел;* это понятие не нуждается в комментариях.

2. *Вычислимо сходящаяся (или вычислимо фундаментальная) последовательность.* Это последовательность, обладающая вычислимым регулятором фундаментальности. *Регулятором фундаментальности (или регулятором сходимости в себе)* для последовательности $\{a_n\}$ называется такое отображение h множества \mathbb{Q}^+ в \mathbb{N} , что $|a_p - a_q| < \varepsilon$ при любых p и q , больших $h(\varepsilon)$. Согласно [Марков, 1954а], [Марков, 1958г], последовательность называется *регулярно сходящейся*, если для любых m и n , таких что $m \leq n$, соблюдается условие $|a_m - a_n| \leq 2^{-m}$. Очевидно, каждая вычислимая вычислимо сходящаяся последовательность обладает вычислимой же регулярно сходящейся подпоследовательностью.

3. *Вычислимое действительное число.* Существует несколько эквивалентных определений этого понятия:

1) определение Бореля, уточненное с помощью понятия алгоритма (см. выше);

2) определения Тьюринга из [Тьюринг, 1936], [Тьюринг, 1937] — первые определения, использующие какую бы то ни было вычислительную модель (да и вообще первые строгие, в математическом смысле, определения);

3) определение Шпекера из [Шпекер, 1949]: действительное число вычислимо, если оно есть предел вычислимой и вычислимо сходящейся последовательности рациональных чисел;

4) определение Маркова из [Марков, 1954а], [Марков, 1958г], переложенное в терминах вычислимого анализа: действительное число вычислимо, если оно есть предел вычислимой регулярно сходящейся последовательности рациональных чисел;

5) определение «по Дедекинду»: α вычислимо, если каждое из множеств $\{r \in \mathbb{Q} | r < \alpha\}$ и $\{r \in \mathbb{Q} | r > \alpha\}$ перечислимо. Множество всех вычислимых действительных чисел называется *вычислимым континуумом*.

4. *Программа вычислимого действительного числа*. Определение этого понятия может быть легко получено на основе любого из перечисленных определений вычислимого числа. Например, определение Бореля приводит к такому определению программы: программой числа α называется программа алгоритма, который по всякому $\varepsilon \in \mathbb{Q}^+$ дает рациональное ε -приближение к α . Нужно иметь в виду, что одно из определений Тьюринга, связанное с разложением числа в бесконечную десятичную дробь (это определение требует, чтобы последовательность десятичных знаков была вычислима), приводит к «дурному» способу программирования, не эквивалентному способам, возникающим из других определений, и потому этот способ мы не будем рассматривать. Все остальные способы, возникающие на основе приведенных выше определений, одинаково хороши, и переход от программы числа при одном способе к программе того же числа при другом способе осуществляется алгоритмически (иными словами, возникающие нумерации вычислимых действительных чисел их программами эквивалентны в смысле § 1.15). Сейчас мы изложим более подробно определение программы, отправляясь от определения вычислимого числа по Шпекеру. Фиксируем какие-либо две представительные вычислительные модели, осуществляющие соответственно вычисления функций из \mathbb{N} в \mathbb{Q} и из \mathbb{Q} в \mathbb{N} , и соответствующие способы программирования (см. § 1.15). Следуя Шанину (см. [Шанин, 1956], [Шанин, 1962]), назовем *вещественным дуплексом*; или просто *дуплексом*, всякую пару $\langle p_1, p_2 \rangle$, в которой p_1 есть программа некоторой последовательности рациональных чисел, а p_2 есть программа некоторого регулятора сходимости в себе этой последовательности. Всякий дуплекс, таким образом, задает некоторую вычислимую и вычислимо сходящуюся последовательность рациональных чисел и, следовательно, вычислимое действительное число, являющееся пределом этой последовательности; рассматриваемый дуплекс называется *программой* этого числа. Было бы неправильно называть программой числа только первый член дуплекса, поскольку этот первый член еще не несет информации, позволяющей вычислять число с произвольной точностью. Действительно, невозможен алгоритм, дающий по произвольной программе про-

извольной вычислимой последовательности, которая вычислимо сходится, программу какого-либо регулятора сходимости в себе этой последовательности (см. [Цейтин, 1962а, § 3, следствие 3], [Кушнер, 1973, гл. 4, § 2, теорема 2]). Отображение, относящее всякому дуплексу задаваемое им вычислимое действительное число, служит примером нумерации (при широком понимании, см. § 1.15) множества всех вычислимых действительных чисел. Основание этой нумерации — множество всех вещественных дуплексов — называется *конструктивным континуумом*; оно перечислимо; более того, для любого перечислимого множества дуплексов можно указать вычислимое действительное число, не имеющее программы в этом множестве (см. [Кушнер, 1973, гл. 3, § 4], [Успенский, 1960, § 12, теорема 11]). При замене одной пары представительных моделей на другую переход от программы вычислимого действительного числа относительно исходной пары к программе того же числа относительно новой пары осуществляется алгоритмически: это вытекает из возможности трансляции, о которой говорилось в § 1.14.

5. *Вычислимая функция вычислимого действительного переменного.* Для простоты ограничимся функциями одного переменного. Излагаемое определение есть несущественное изменение определения Маркова из [Марков, 1958г] (у Маркова — «конструктивная функция вещественной переменной»). Прежде всего фиксируем некоторое понятие программы вычислимого числа, например, в виде дуплекса. Функция из вычислимого континуума в вычислимый континуум называется *вычислимой*, коль скоро существует алгоритм, который: 1) дает по всякой программе аргумента программе соответствующего значения функции и 2) не дает никакого результата для любой программы вычислимого действительного числа, не принадлежащего области определения функции.

Дальнейшие понятия связаны с дифференцированием и интегрированием вычислимых функций вычислимого действительного переменного (см. [Кушнер, 1973, гл. 6, 7]).

2.4.3. *Главные результаты.* Среди результатов вычислимого анализа наиболее замечательными являются следующие два.

1. *Пример Шпекера* ([см. Шпекер, 1949]) монотонной ограниченной вычислимой последовательности рациональных чисел, не сходящейся ни к какому вычислимому числу. Построение Шпекера было впоследствии значительно упро-

щено Райсом (см. [Райс, 1954], [Успенский, 1960, § 12, п. 3], [Мартин-Лёф, 1970, § 16], [Кушнер, 1973, гл. 3, § 3]).

2. Теорема Бореля — Цейтина (см. [Борель, 1912, разд. III], [Цейтин, 1959], [Цейтин, 1962, гл. V, теорема 3]) о непрерывности и даже вычислимой непрерывности вычислимой функции вычислимого действительного переменного. Пусть f — функция действительного переменного с областью определения E и $x_0 \in E$. Функция h , отображающая \mathbb{Q}^+ в \mathbb{Q}^+ , называется *регулятором непрерывности* функции f в точке x_0 , если

$$(\forall \varepsilon \in \mathbb{Q}^+) (\forall x \in E) [|x - x_0| < h(\varepsilon) \Rightarrow |f(x) - f(x_0)| < \varepsilon].$$

Непрерывность f в точке x_0 , очевидно, равносильна наличию регулятора непрерывности в x_0 ; *вычислимая непрерывность* f в x_0 по определению означает наличие вычислимого регулятора. Теорема Бореля — Цейтина утверждает, что всякая вычислимая функция вычислимого действительного переменного вычислимо непрерывна в каждой точке x_0 своей области определения; более того, для заданной f программа регулятора может быть алгоритмически найдена по программе числа x_0 (см. [Кушнер, 1973, гл. 5, § 2, теорема 2]).

2.4.4. Эффективно метрические пространства. Известно, что многие понятия и результаты традиционного анализа переиосятся с действительной прямой на метрические пространства. Аналогичное развитие имеет место и в вычислимом анализе. Так, теорема Бореля — Цейтина является частным случаем более общей *теоремы Цейтина — Московакиса* (см. [Кушнер, 1973, гл. 9, § 2, теорема 11]) о непрерывности всякого вычислимого частичного отображения из одного эффективно метрического пространства в другое (при соблюдении некоторых условий, налагаемых на первое пространство, см. ниже). К понятию эффективно метрического пространства мы сейчас и перейдем.

Эффективно метрическое пространство (см. [Ногина, 1966], [Ногина, 1978, гл. II]) — это метрическое пространство, рассматриваемое вместе с некоторой своей нумерацией, причем требуется, чтобы расстояние между любыми двумя точками этого пространства было вычислимым действительным числом и чтобы существовал алгоритм, дающий программу этого числа по номерам точек. Это понятие, по существу, эквивалентно понятию *конструктивного метрического пространства*, введенному Шаниным (см. [Шанин, 1962, § 9], а также [Цейтин, 1959], [Цейтин, 1962]).

и понятию *рекурсивного метрического пространства*, введенному Московакисом (см. [Московакис, 1964]); последние два понятия различаются между собой лишь техническими деталями. Упомянутая выше теорема Цейтина — Московакиса была доказана Цейтиным и соответственно Московакисом именно для конструктивных и соответственно рекурсивных пространств.

Рекурсивное пространство Московакиса (как и конструктивное пространство Шанина) состоит из конструктивных объектов с заданным из них отношением эквивалентности. Оно превращается в эффективно метрическое пространство, если склеить эквивалентные объекты так, что точками нового пространства объявляются классы эквивалентности, а каждый из исходных конструктивных объектов объявляется номером содержащего этот объект класса. Вычислимый континуум с нумерацией чисел, задаваемой их программами, служит примером эффективно метрического пространства, а конструктивный континуум — примером конструктивного метрического пространства. Другой пример: эффективно метрическое пространство всех вычислимых последовательностей натуральных чисел с бэровской метрикой (соответственно конструктивное метрическое пространство программ таких последовательностей).

Проиллюстрируем на примере теоремы Цейтина — Московакиса некоторые характеристики эффективно метрических пространств. Условия, требуемые этой теоремой и обеспечивающие непрерывность, состоят в том, чтобы пространство, на котором задано частичное отображение, было 1) эффективно сепарабельным и 2) эффективно почти полным. *Эффективная сепарабельность* (согласно [Ногина, 1978, гл. II], у Московакиса — *рекурсивная сепарабельность*, у Шанина, Цейтина, Кушнера — просто *сепарабельность*) означает наличие перечислимого плотного подмножества. *Эффективная почти полнота* (у Кушнера — слабая полнота, у Московакиса — условие (A)) означает наличие алгоритма, который по программе вычислимой последовательности точек пространства и по программе вычислимого регулятора фундаментальности этой последовательности дает программу предела последовательности в случае, если таковой существует. Оба приведенных выше примера пространств являются и эффективно сепарабельными, и эффективно почти полными.

2.4.5. Эффективно топологические пространства. Дальнейшим обобщением является понятие *эффективно тополо-*

гического пространства, введенное и изученное Ногиной (см. [Ногина, 1966], [Ногина, 1969], [Ногина, 1978, гл. III]). Эффективно топологическое пространство — это топологическое пространство, рассматриваемое вместе с двумя нумерациями, первая из которых нумерует само пространство, а вторая — его (топологическую) базу, так что и пространство, и база предполагаются счетными; требуется, чтобы существовал алгоритм, который по номерам двух элементов базы A и B и номеру точки $x \in A \cap B$ дает номер такого элемента базы C , что $x \in C \subset A \cap B$. Для эффективно топологических пространств вводятся естественные эффективные аналоги аксиом отделимости в смысле Хаусдорфа (см. [Ногина, 1978, гл. IV]); в каждом таком аналоге требуется наличие алгоритма, дающего номера отделяющих окрестностей. Одним из основных результатов является получение условий, необходимых и достаточных для того, чтобы эффективно топологическое пространство было *эффективно метризуемым*, т. е. эффективно гомеоморфным эффективно метрическому пространству (см. [Ногина, 1966], [Ногина, 1978, гл. V]). Другой результат состоит в перенесении на эффективно топологические пространства теоремы Цейтина — Московакиса (см. [Вайнберг, Ногина, 1976]).

2.4.6. Отчасти вычислимый анализ. Наряду с вычислимым анализом в строгом смысле возможен и, так сказать, «отчасти вычислимый» анализ. Этот термин мы прилагаем к алгоритмическим конструкциям, характеризующим множества обычных действительных чисел. Так, среди открытых множеств действительной прямой можно выделить *эффективно открытые* множества: множество называется эффективно (конструктивно, рекурсивно) открытым, если оно есть объединение перечислимой системы интервалов с рациональными концами. Подобная «эффективизация» может быть произведена для самых различных типов множеств: для борелевских множеств (см. [Мартин-Лёф, 1970, § 30]), для проективных множеств (см. [Роджерс, 1967, упр. 15—8]) и т. д. (популярное изложение см. [Успенский, 1985, § 2, п. 9, и § 3, п. 7]).

К сфере отчасти вычислимого анализа относится и исследование обычных функций действительного переменного, обладающих теми или иными алгоритмическими свойствами типа вычислимой аппроксимируемости (см. [Шпекер, 1949], [Клауа, 1961, § 7]) или вычислимой непрерывности (см. [Клауа, 1961, § 8]). Нередко для таких функций, с действительными аргументами и значениями, также упот-

ребляют термин «вычислимые функции». Разумеется, вычислимые функции отчасти вычислимого анализа не есть вычислимые функции в смысле § 1.7. Они отличны и от вычислимых функций вычислимого анализа, описанных в п. 2.4.3, поскольку могут быть определены не только в вычислимых точках. Систематическое изучение таких функций началось с 1955 г., с работ Гжегорчика и Лакомба (см. [Гжегорчик, 1955], [Гжегорчик, 1957], [Лакомб, 1955]). Вот, например, одно из возможных определений вычислимой функции, отображающей отрезок I в \mathbb{R} : функция f вычислима, если скоро существуют такие вычислимые (в смысле § 1.7) функции $\varphi: \mathbb{N} \times \mathbb{Q} \rightarrow \mathbb{Q}$ и $\psi: \mathbb{N} \rightarrow \mathbb{N}$, что для всех $n \in \mathbb{N}$, $r \in \mathbb{Q}$, $x \in \mathbb{R}$ выполняется импликация

$$|x - r| < 1/\psi(n) \Rightarrow |f(x) - \varphi(n, r)| < 10^{-n}$$

(см. [Пур-Эл, Ричардс, 1983, п. 1]). А вот типичный результат этой теории (см. там же, п. 2): если вычислимая функция на $[a, b]$ принадлежит классу C^2 , ее первая производная также вычислима (при том, что принадлежность к C^1 недостаточна для вычислимости производной).

Разумеется, «отчасти вычислимый анализ» не ограничивается действительной прямой. Понятия эффективно открытого, эффективно- G_δ и т. п. множеств осмысленны для любого топологического пространства с нумерованной базой. В [Кузнецов, Трахтенброт, 1955] эти понятия, в применении к пространству Бэра, используются для исследования вычислимых (частичнорекурсивных) операторов (см. также [Успенский, 1957, § 11]).

2.4.7. Эффективно пренебрежимые множества. Займемся теперь эффективизацией понятия множества действительных чисел, имеющего меру нуль. Такие множества называются также пренебрежимыми. Среди всевозможных пренебрежимых множеств выделяются эффективно (конструктивно, рекурсивно) пренебрежимые множества как множества эффективно нулевой меры: множество *эффективно пренебрежимо*, если можно эффективно указать содержащее его эффективно открытое множество сколь угодно малой меры. Более точно, множество называется эффективно пренебрежимым, если существует алгоритм, который по каждому $\varepsilon \in \mathbb{Q}^+$ дает программу покрывающей множество перечислимой системы интервалов с рациональными концами, сумма длин которых меньше ε ; заметим, что эта сумма, в силу примера Шпекера, может и не быть вычислимым числом.

Как объявлено в [Заславский, Цейтин, 1956] и доказано в [Заславский, Цейтин, 1962], вычислимый континуум является эффективно пренебрежимым множеством.

Основной результат в этой области — *теорема Мартин-Лёфа* (см. [Мартин-Лёф, 1966a], [Мартин-Лёф, 1970, § 35]): существует эффективно пренебрежимое множество, являющееся наибольшим, т. е. содержащее в качестве подмножества любое эффективно пренебрежимое множество. (Отсюда немедленно вытекает упомянутая эффективная пренебрежимость вычислимого континуума: в самом деле, каждое одноэлементное множество, состоящее из вычислимого действительного числа, эффективно пренебрежимо, а значит, и объединение всех таких множеств содержится в наибольшем эффективно пренебрежимом множестве.) Дополнение к наибольшему множеству эффективно нулевой меры — множество эффективно полной меры — называется, согласно [Мартин-Лёф, 1970, § 35], *конструктивным носителем меры*.

Теорема Мартин-Лёфа и предложенное ее автором доказательство сохраняют силу в общей ситуации, которую мы сейчас опишем.

Сперва дадим два определения.

1. Пусть M — занумерованное множество с нумерацией α и основанием нумерации E , пусть μ — функция из M в вычислимый континуум; μ называется *вычислимой*, коль скоро существует алгоритм, дающий по всякому $n \in E$ программу числа $\mu(\alpha(n))$ (ср. с определением вычислимой функции вычислимого действительного переменного и с определением расстояния в эффективно метрическом пространстве).

2. Пусть α — натуральная нумерация системы множеств M и пусть μ — определенная на M вещественнозначная функция; множество A называется *эффективно пренебрежимым*, если существует алгоритм, который для каждого $\varepsilon \in \mathbb{Q}^+$ дает программу такого породимого множества $K \subset \mathbb{N}$, что семейство множеств $\{\alpha(k) | k \in K\}$ образует покрытие для A и $\sum_{k \in K} \mu(\alpha(k)) < \varepsilon$.

Общая формулировка теоремы Мартин-Лёфа. Пусть M — счетная система множеств с натуральной нумерацией α и пусть μ — вычислимая функция из M в вычислимый континуум, всюду определенная на M . Тогда существует наибольшее (по включению) эффективно пренебрежимое множество. (В обычных применениях теоремы M — счетное полукольцо множеств в смысле [Колмогоров, Фомин, 1976, гл. 1, § 5], а μ является мерой на этом полукольце.)

§ 2.5. Нумерованные структуры

2.5.0. Нумерованная структура — это математическая структура (в широком смысле, как у Бурбаки), рассматриваемая вместе с нумерацией (см. § 1.15) одного из составляющих множеств или с нумерациями нескольких таких множеств. Пример: эффективно топологическое пространство (см. § 2.4) является нумерованным топологическим пространством, поскольку имеет нумерацию множества своих точек и нумерацию топологической базы.

Интерес к нумерованным структурам вызван желанием дать (конструктивные) имена рассматриваемым (не конструктивным) объектам. Для примера рассмотрим ординалы и системы обозначений для них. В качестве таковых системы, следуя Клини (см. Роджерс, 1967, § 11.7), будем рассматривать нумерации множеств ординалов, обладающие некоторыми естественными свойствами. Именно, *системой обозначений* называется нумерация некоторого начального отрезка ординалов, обладающая следующими свойствами:

1) существует алгоритм, определяющий по всякому номеру ординала, какой из трех следующих случаев имеет место: ординал равен нулю, имеет предшественника, является предельным;

2) существует алгоритм, который по номеру всякого ординала, имеющего предшественника, указывает один из номеров этого предшественника;

3) существует алгоритм, который по номеру всякого предельного ординала дает программу такой последовательности номеров ординалов, что последовательность ординалов с этими номерами возрастает и сходится к нашему предельному ординалу.

Самая простая система обозначений — тождественная нумерация натуральных чисел (рассматриваемых как ординалы). Чуть более сложный пример системы обозначений — нумерация всех ординалов, представимых как значение полинома с натуральными коэффициентами от ω , этими самыми полиномами.

Введя понятие системы обозначений, мы получаем возможность ввести понятие *конструктивного ординала* — такого ординала, который имеет номер хотя бы в одной системе обозначений. Мы видим, как теория нумераций позволяет дать определение важного и естественного класса ординалов.

Как доказал Клини (см. [Роджерс, 1967, § 11.7]), существ-

вует максимальная система обозначений, то есть такая система обозначений, в которой каждый конструктивный ординал имеет номер. (Имеется и другое описание конструктивных ординалов: ординал конструктивен тогда и только тогда, когда он является порядковым числом некоторого разрешимого порядка — см. [Роджерс, 1967, § 11.8].)

Особенностью класса конструктивных ординалов как нумерованного множества является то, что исторически первое определение этого класса фактически использовало общее понятие нумерации (в то время как, например, алгебраические числа, о которых будет идти речь дальше, появились, разумеется, безо всякой связи с нумерациями и вообще теорией алгоритмов). Именно рассмотрение этого класса побудило Колмогорова сформулировать общие определения числовой нумерации и сводимости нумераций (см. § 1.15).

Рассмотрим теперь некоторые другие естественно возникающие нумерованные структуры. Например, у множества $\text{Com}(X, Y)$ (см. § 1.14) имеются нумерации, возникающие из способов программирования. Другой пример: стандартная нумерация элементов какой-либо конечнозаданной алгебры (например, группы) посредством термов (см. § 1.15). В этих двух примерах мы встречаемся с нумерациями программного типа и структурами с позитивными операционно-вычислимыми нумерациями.

2.5.1. Нумерации программного типа. *Нумерация программного типа* — это нумерация, которую можно получить из способов программирования с помощью тех операций, которые были описаны в конце § 1.15, а именно: 1) прямого произведения, 2) кортежного распространения, 3) сужения и 4) факторизации. Напомним (см. § 1.15), что каждый способ программирования вычисляемых функций из X в Y можно рассматривать как нумерацию семейства $\text{Com}(X, Y)$, а каждый способ программирования породимых подмножеств W — как нумерацию семейства $\text{Gen}(W)$; здесь X, Y, W — некоторые ансамбли. Типичный пример нумерации программного типа — нумерация вычислимого континуума посредством дуплексов (см. § 2.4).

Известно, что невозможен алгоритм, который по двум программам устанавливал бы, являются ли они программами одной и той же вычисляемой функции. Поэтому если α — нумерация программного типа, то (за исключением тривиальных вырожденных случаев) не существует алгоритма, который по произвольным элементам m и n основания ну-

мерации распознает, имеет ли место равенство $\alpha(m) = \alpha(n)$: нумерация α оказывается неразрешимой в смысле § 1.15. Более того, если в построении нумерации участвует сужение, основание нумерации оказывается (в невырожденных случаях) неразрешимым, а скорее всего — и неперечислимым: неперечислимо, например, множество всех программ всюду определенных функций из X в Y .

2.5.2. Квазистандартные нумерации. Пример нумерации другого, нежели программный, типа — это стандартная нумерация элементов произвольной конечнопорожденной алгебры (см. § 1.15). Все участвующие в сигнатуре операции, очевидно, оказываются вычислимыми (см. § 1.15) относительно этой нумерации. Если алгебраическая система не только конечно порождена, но и конечно задана, то, как мы знаем (см. § 1.15), стандартная нумерация ее элементов термами позитивна (но разрешима только при наличии решения у проблемы распознавания равенства). Этот важный алгебраический пример показывает роль позитивных нумераций с разрешимыми основаниями и вычислимыми сигнатурными операциями. По-видимому, именно на такие нумерации должно быть обращено главное внимание при изучении нумерованных алгебр. (Заметим, что такая нумерация может и не быть конструктивизацией, см. ниже.) Поэтому они заслуживают того, чтобы дать им какое-нибудь специальное название; авторы, однако, не смогли придумать хорошего названия, удовлетворяющего требованиям из [Мальцев, 1966, с. 72] и [Ершов А., 1977, с. 76]. Может быть, называть эти нумерации *квазистандартными*?

Вот еще пример алгебраической структуры, имеющей некоторую естественную нумерацию, оказывающуюся «квазистандартной». Это множество алгебраических вещественных чисел, занумерованное с помощью полиномов с целыми коэффициентами. Отношения равенства и порядка оказываются разрешимыми, а операции сложения и умножения — вычислимыми относительно этой нумерации. Мы не входим в технические детали построения нумерации алгебраических чисел с такими свойствами; ограничимся указанием на то, что, по существу, именно такая нумерация описывается в обычных доказательствах четности множеств алгебраических чисел.

2.5.3. Конструктивизации. Изложенный пример подводит нас к понятию нумерованной и, далее, конструктивной алгебраической системы. Теория нумерованных и, прежде всего, конструктивных алгебраических систем была

основана Мальцевым и развита Ю. Л. Ершовым (см. [Мальцев, 1961], [Ершов Ю., 1973], [Ершов Ю., 1974], [Ершов Ю., 1980], [Гончаров, 1979]).

Пусть задана сигнатура $\{=, P_1, P_2, \dots, f_1, f_2, \dots\}$, где $=, P_1, P_2, \dots$ суть предикатные символы, f_1, f_2, \dots — функциональные символы. Естественно рассматривать такие сигнатуры, для которых валентность¹⁾ символов P_i и f_i эффективно находится по i . Для таких сигнатур множество всех формул логического языка (скажем, первого порядка), естественно расположенное в подходящем словарном ансамбле, разрешимо.

Итак, пусть σ — сигнатура описанного типа. Пусть, далее, $\mathfrak{M} = \langle M, \sigma \rangle$ — алгебраическая система (а. система). Пара $\langle \mathfrak{M}, \nu \rangle$, где ν — натуральная нумерация множества M , называется *нумерованной а. системой*. Обозначим через σ' сигнатуру, получаемую добавлением к σ символов констант c_0, c_1, \dots . Будем считать, что значением (интерпретацией) константы c_i является $\nu(i)$ для всех $i \in \mathbb{N}$. Назовем нумерованную а. систему $\langle \mathfrak{M}, \nu \rangle$ *конструктивной а. системой* (или *рекурсивной а. системой*); если множество бескванторных предложений сигнатуры σ' , истинных в а. системе $\langle M, \sigma' \rangle$, разрешимо, нумерация ν называется в этом случае *конструктивной нумерацией* (см. [Мальцев, 1962a]) или *конструктивизацией* алгебраической системы \mathfrak{M} . В случае конечной сигнатуры нумерация тогда и только тогда является конструктивизацией, когда все сигнатурные функции вычислимы, а все сигнатурные предикаты, включая предикат равенства, разрешимы относительно этой нумерации (в смысле, разъясненном в конце § 1.15). Алгебраическая система называется *конструктивизируемой*, если у нее существует конструктивизация. Для случая алгебр понятие (но не термин) конструктивизируемой алгебраической системы впервые появилось в работе Кузнецова (у Кузнецова — «общерекурсивная алгебра», см. [Яновская, 1959, с. 79]). Если теперь говорить не о бескванторных предложениях, а о любых предложениях (языка первого порядка) сигнатуры σ' , то получится определение *сильно конструктивной алгебраической системы, сильной конструктивизации и сильной конструктивизируемости*.

¹⁾ Мы приписываем символу *валентность* n , если он обозначает предикат или функцию от n аргументов. (Термин «валентность» кажется предпочтительнее режущих глаз и ухо терминов «арность» или «местность».)

Ясно, что сильная конструктивизируемость α -системы влечет разрешимость элементарной теории этой алгебраической системы. Обратное, вообще говоря, неверно: элементарная теория сложения на нестандартном натуральном ряду разрешима, но соответствующая алгебраическая система не только не является сильно конструктивизируемой, но даже не конструктивизируема в силу полученного в [Тверской, 1982] усиления теоремы Тенненбаума (см. конец данного параграфа).

Очевидно, каждая конструктивизация является разрешимой нумерацией. Для алгебр с конечной сигнатурой конструктивность натуральной нумерации равносильна выполнению двух требований: требования вычислимости сигнатурных операций (относительно нумерации) и требования разрешимости нумерации. Известно (см. § 1.15), что каждая разрешимая натуральная нумерация бесконечного множества эквивалентна некоторой однозначной натуральной нумерации. Поэтому если бесконечная алгебраическая система вообще допускает конструктивизацию, то она допускает и конструктивизацию, являющуюся однозначной нумерацией.

В случае конечнопорожденной алгебраической системы естественно рассмотреть ее стандартную нумерацию (см. § 1.15). Конструктивна ли стандартная нумерация? Не обязательно: уже отношение равенства может оказаться неразрешимым. Именно ввиду такой возможности обсуждавшаяся выше в § 2.1 алгоритмическая проблема распознавания равенства элементов структуры может оказаться нерешимой. Однако если структура конструктивизируема, то стандартная нумерация конструктивна. Для конечнопорожденных алгебр разрешимость стандартной нумерации равносильна ее конструктивности и, следовательно, равносильна конструктивизируемости рассматриваемой алгебры. (Впервые это обстоятельство отметил Кузнецов, см. [Яновская, 1959, с. 79].)

Всевозможные конструктивизации данной алгебраической системы образуют верхнюю полурешетку относительно колмогоровской сводимости; в случае, если алгебраическая система конечно порождена, а указанная полурешетка непуста, в этой полурешетке есть наименьший элемент — это стандартная нумерация. (Разумеется, педантичнее было бы говорить не о самих конструктивизациях, а о классах эквивалентных конструктивизаций.)

2.5.4. Расширения конструктивных структур. Истоки общей теории конструктивных структур лежат в теории

конструктивных полей (см. [Рабин, 1960]), где, в частности, было введено понятие допустимой (admissible) одно-однозначной нумерации какой-либо алгебры: допустимость означает, что операциям алгебры соответствуют вычислимые функции на номерах. Для классической теории полей весьма типичным является рассмотрение различных расширений. В случае конструктивных структур возникает естественный вопрос о возможности продолжения конструктивизации на расширение.

Во многих важных случаях любая конструктивизация исходной структуры допускает такое продолжение. Например, всякая конструктивизация поля продолжается на его алгебраическое замыкание (см. [Рабин, 1960], [Ершов Ю., 1980, гл. 6, § 1, предложение 6; следствие 1 теоремы 2]), то же верно для вещественного замыкания упорядоченного поля — [Ершов Ю., 1974, гл. 3, § 1, предложение 10; § 4, теорема 3]. В случае произвольного алгебраического расширения F' поля F необходимое и достаточное условие продолжаемости конструктивизации $\nu: \mathbb{N} \rightarrow F$ до конструктивизации поля F' состоит в перечислимости множества тех многочленов $f \in F[x]$, которые имеют корень в F' (см. [Ершов Ю., 1980, гл. 6, § 3, теорема 4]). Однако, конечно, вопрос о продолжаемости конструктивизации интересен не только для полей. Например, для всякой локально нильпотентной группы без кручения ее конструктивизация продолжается до конструктивизации ее пополнения (см. [Ершов Ю., 1974, гл. 3, § 3], [Ершов Ю., 1980, гл. 6, § 3, теорема 2]).

Вообще, пусть задана структура \mathcal{M} , ее конструктивизация ν и расширение этой структуры \mathcal{M}' . Существует ли продолжение конструктивизации ν на \mathcal{M}' ? В широком классе ситуаций, в частности для всех приведенных выше примеров, положительный ответ на этот вопрос позволяет дать *теорема Ершова о ядре* (см. [Ершов Ю., 1972], [Ершов Ю., 1974, гл. 3, § 9], [Ершов Ю., 1980, гл. 6, § 3]).

2.5.5. Алгебраически корректные массовые проблемы. Разумеется, если нумерация конструктивна, алгоритмическая проблема распознавания равенства элементов (заданных номерами в этой нумерации) решима по определению. Однако и в этом случае другие алгоритмические массовые проблемы, формулируемые для данной структуры в алгебраических терминах, могут оставаться нерешаемыми. Возникает вопрос, что такое вообще алгоритмическая массовая проблема, формулируемая в алгебраических терминах, или, как мы будем говорить, алгебраически корректная алгорит-

мическая массовая проблема. В следующем абзаце мы надеемся предложить адекватное определение (причем не только для конструктивных, но для произвольных нумерованных алгебраических систем).

Фиксируем какую-либо нумерованную алгебраическую систему. Пусть M — ее носитель. Обозначим через M^∞ множество всех кортежей над M . Для любого подмножества $P \subset M^\infty$ можно поставить алгоритмическую массовую проблему A_P : найти алгоритм, распознающий по номерам n_1, \dots, n_k элементов a_1, \dots, a_k , принадлежит ли кортеж $\langle a_1, \dots, a_k \rangle$ подмножеству P . Назовем P *устойчивым*, если оно сохраняется при автоморфизмах, т. е. если для любого автоморфизма α нашей алгебраической системы имеет место $\alpha(P) = P$. Проблема A_P называется *алгебраически корректной*, если она поставлена для устойчивого P . Итак, алгебраически корректная алгоритмическая массовая проблема (сокращенно — АКАМП) есть проблема построения алгоритма, распознающего по номерам каких угодно элементов алгебраической системы, принадлежит ли кортеж этих элементов произвольному, но фиксированному устойчивому множеству. Мы рассматриваем понятие АКАМП как отражение наших интуитивных представлений о (внутренних, см. § 2.1) массовых проблемах, сформулированных в алгебраических терминах.

На совокупности всевозможных АКАМП для фиксированной алгебраической системы вводится естественный предпорядок: АКАМП A' сложнее, чем АКАМП A'' (а A'' проще, чем A'), коль скоро при всякой конструктивизации, при которой решима A' , непременно решима и A'' . Бывают ли проблемы различной сложности, т. е. неэквивалентные относительно только что введенного предпорядка? Этот вопрос был задан одним из авторов Гончарову. В ответном письме последнего от 1 июля 1981 г. был указан пример реляционной системы и двух ее АКАМП различной сложности. Указанная система была специально создана с целью ответа на указанный вопрос, и авторам неизвестно, возможно ли обнаружить этот эффект в «реально существующих» алгебраических системах.

2.5.6. Алгоритмические размеры. Алгебраически корректная алгоритмическая массовая проблема, решаемая при одной нумерации данной алгебраической системы, может оказаться нерешимой при другой нумерации той же алгебраической системы. Мальцев (см. [Мальцев, 1962а]) сделал тонкое наблюдение: он обнаружил, что указан-

ная возможность реализуется даже для конструктивизаций. Именно, в [Мальцев, 1962а] исследована аддитивная группа счетномерного векторного пространства Q^∞ над полем Q рациональных чисел. В названной работе эта абелева группа обозначена через R_∞ и относительно нее установлено следующее: для группы R_∞ алгоритмическая проблема линейной зависимости имеет решение при одной конструктивизации и не имеет решения при другой. Дальнейший анализ показывает, что можно даже ограничиться проблемой линейной зависимости двух элементов. Таким образом, при одной конструктивизации группы R_∞ существует алгоритм, распознающий по номерам произвольных двух элементов этой аддитивной группы, пропорциональны они (с рациональным множителем) или нет, а для другой конструктивизации такого алгоритма не существует.

Итак, для группы R_∞ существуют конструктивизации столь различные, что возможна АКМП, решимая при одной конструктивизации и неразрешимая при другой. Возникает понятие проблемного различия конструктивизаций (и, вообще, нумераций): две нумерации алгебраической системы *проблемно различны*, если существует АКМП, решимая при одной нумерации и нерешимая при другой. Таким образом, Мальцев нашел первый пример проблемно различных конструктивизаций; ценность этого примера в том, что и соответствующая алгебраическая система и АКМП, проблемно различающая конструктивизации, не были построены искусственно, а обе были обнаружены в математической действительности.

Естественно назвать две нумерации *проблемно эквивалентными*, если они не являются проблемно различными. Ясно, что отношение проблемной эквивалентности нумераций крупнее, или грубее, отношения колмогоровской эквивалентности, известной нам из § 1.15: если две нумерации эквивалентны по Колмогорову, они, очевидно, и проблемно эквивалентны. Между этими двумя отношениями эквивалентности можно расположить еще несколько эквивалентностей, так или иначе отражающих алгоритмическую природу рассматриваемой алгебраической системы. Каждая из этих эквивалентностей, за исключением одной (эквивалентности по Мальцеву), получается симметризацией соответствующего отношения сводимости. К описанию этих отношений сводимости мы сейчас и перейдем.

Итак, фиксируем какую-либо алгебраическую систему с носителем M и рассмотрим различные ее нумерации.

На совокупности этих нумераций мы собираемся определить пять отношений сводимости.

Начнем с напоминания сводимости по Колмогорову. По определению, нумерация α сводится по Колмогорову к нумерации β , коль скоро существует алгоритм, который по любому α -номеру любого элемента из M дает β -номер того же элемента. Другими словами, α сводится по Колмогорову к β , если существует такая вычислимая функция f , что $\beta \circ f = \alpha$.

Будем говорить, что нумерация α *автосводится* к нумерации β , коль скоро существует такой автоморфизм σ рассматриваемой алгебраической системы, что $\sigma \circ \alpha$ сводится по Колмогорову к β .

Для определения дальнейших сводимостей нужно наряду с произвольной нумерацией ν множества M рассмотреть кортежное распространение $\bar{\nu}$ этой нумерации. Если $P \subseteq M^\infty$, то $\bar{\nu}^{-1}(P) \subseteq \mathbb{N}^\infty$; говоря в дальнейшем о характеристической функции множества $\bar{\nu}^{-1}(P)$, мы имеем в виду либо функцию, определенную на \mathbb{N}^∞ , либо (это безразлично) функцию, определенную на некотором ансамбле, включающем \mathbb{N}^∞ .

Будем говорить, что нумерация α *равномерно сводится* к нумерации β , коль скоро существует такой вычислимый оператор (в смысле § 1.13), который для любого устойчивого $P \subseteq M^\infty$ преобразует характеристическую функцию множества $\bar{\beta}^{-1}(P)$ в характеристическую функцию множества $\bar{\alpha}^{-1}(P)$. (В статье [Успенский, Семенов, 1982] равномерная и программная сводимости по недосмотру сформулированы «в противоположную сторону».)

Фиксируем теперь некоторый способ программирования и будем говорить, что нумерация α *программно сводится* к нумерации β , коль скоро существует алгоритм, обладающий следующим свойством: всякий раз, как p оказывается какой-либо программой характеристической функции какого-либо множества вида $\bar{\beta}^{-1}(P)$, где P есть какое угодно устойчивое подмножество множества M^∞ , алгоритм дает результат в применении к p и этим результатом оказывается одна из программ характеристической функции множества $\bar{\alpha}^{-1}(P)$. В силу взаимной транслируемости способов программирования (см. § 1.14), отношение программной сводимости не зависит от выбора способа программирования.

Наконец, скажем, что нумерация α *проблемно сводится*

к нумерации β , если всякая АКМП, имеющая решение при нумерации β , имеет решение и при нумерации α .

Выполнение каждого из введенных отношений сводимости влечет выполнение следующего — по порядку нашего перечисления — отношения: из сводимости нумераций по Колмогорову вытекает их автосводимость, из программной сводимости — проблемная и т. п. Далее, каждое из отношений сводимости рефлексивно и транзитивно, и потому его симметризация приводит к своему отношению эквивалентности на нумерациях. Именно, две нумерации *эквивалентны по Колмогорову* (соответственно, *автоэквивалентны*, *равномерно эквивалентны*, *программно эквивалентны*, *проблемно эквивалентны*), если каждая из них сводится по Колмогорову (соответственно, авто-, равномерно, программно, проблемно) к другой. Из эквивалентности по Колмогорову следует автоэквивалентность, из автоэквивалентности — равномерная эквивалентность, из равномерной — программная, из программной — проблемная. Между эквивалентностью по Колмогорову и автоэквивалентностью можно вставить еще одну эквивалентность, которую мы будем называть *эквивалентностью по Мальцеву*.

Будем говорить, что нумерации α и β *эквивалентны по Мальцеву*, коль скоро существует такой автоморфизм σ , что $\sigma\alpha$ и β эквивалентны по Колмогорову. Этот вид эквивалентности ввел Мальцев в [Мальцев, 1962a]. Из эквивалентности по Колмогорову следует эквивалентность по Мальцеву, а из эквивалентности по Мальцеву — автоэквивалентность. Несовпадение эквивалентностей по Колмогорову и по Мальцеву установил Мальцев в названной статье, а несовпадение эквивалентности по Мальцеву с автоэквивалентностью — Гончаров в письме одному из авторов от 31 декабря 1985 г.

Ограничимся теперь конструктивизациями и в дальнейшем будем рассматривать все введенные отношения эквивалентности только на конструктивизациях. Тогда легко обнаружить, что эквивалентность по Мальцеву совпадает с автоэквивалентностью. Поэтому — в применении к конструктивизациям — эквивалентность по Мальцеву можно называть *автоэквивалентностью*; в литературе, следуя [Мальцев, 1962a], так и поступают; мы тоже будем так поступать. Несовпадение в общем случае эквивалентности по Колмогорову и автоэквивалентности обнаружил Мальцев (см. [Мальцев, 1962a]), а несовпадение в общем случае автоэквивалентности и проблемной эквивалентности обнаружил Гончаров

(см. [Гончаров, 1983], где проблемная эквивалентность названа «алгебраической эквивалентностью»); говоря о несовпадении в общем случае, мы имеем в виду наличие алгебраических систем, для которых рассматриваемые эквивалентности не совпадают. Существует ли алгебраическая система, для которой равномерная эквивалентность отличается от программной или программная от проблемной, неизвестно (это неизвестно даже, если разрешить рассматривать эти эквивалентности не для конструктивизаций, а для произвольных нумераций).

Алгебраические системы, не имеющие нетривиальных автоморфизмов, называются *жесткими*. Все введенные эквивалентности совпадают на множестве всех конструктивизаций (даже на множестве всех разрешимых нумераций) любой жесткой алгебраической системы. Число классов эквивалентности, на которые разбивается множество всех конструктивизаций, естественно в этом случае называть *алгоритмическим размером* рассматриваемой алгебраической системы. В общем случае, не предполагающем жесткости, понятие алгоритмического размера распадается на пять понятий: 1) *колмогоровский размер*; 2) *мальцевский размер*, или *авторазмер*; 3) *равномерный размер*; 4) *программный размер*; 5) *проблемный размер*. Понятие авторазмера ввел и изучил Гончаров (см. [Гончаров, 1980], [Гончаров, 1980б]). В [Гончаров, 1981] авторазмер назван «алгоритмической размерностью»; в нашем понимании это один из алгоритмических размеров.

Набор, составленный из пяти алгоритмических размеров, характеризует рассматриваемую алгебраическую систему с точки зрения разнообразия ее конструктивизаций. При изучении этой характеристики естественно возникает следующая проблематика, подразделяемая на частную и общую.

Частная проблематика состоит в вычислении алгоритмических размеров конкретных алгебраических систем. Для группы R_∞ , например, колмогоровский размер континуален (см. [Мальцев, 1962а]), авторазмер счетно-бесконечен (см. [Нуртазин 1974], [Нуртазин, 1974а, теорема 1]) и проблемный размер тоже счетно-бесконечен (см. [Гончаров 1983]).

Общая проблематика состоит в выяснении того, какие наборы пяти чисел могут быть наборами пяти алгоритмических размеров алгебраических систем. В рамках этой общей проблематики известно следующее. Авторазмер любой

алгебраической системы не более чем счетен (см., например, [Гончаров, 1976]). В то же время колмогоровский размер может быть и континуальным. Как установлено в основной теореме из [Гончаров, 1980], для любого кардинала $\kappa \leq \aleph_0$ существует жесткое частично упорядоченное множество авторазмера κ (ввиду жесткости здесь можно говорить просто об алгоритмическом размере). В то же время для любого кардинала $\kappa \leq 2^{\aleph_0}$ существует реляционная структура колмогоровского размера κ (см. [Гончаров, 1980, следствие]).

Для произвольной фиксированной алгебраической системы очевидны нестрогие неравенства: (проблемный размер) \leq (программный размер) \leq (равномерный размер) \leq (авторазмер) \leq (колмогоровский размер).

Естественно возникают следующие два вопроса.

Первый вопрос. Бывают ли алгебраические системы, для которых один из знаков « \leq » можно заменить на « $<$ »? Здесь известно лишь следующее: 1) существуют алгебраические системы, для которых последний из знаков « \leq » можно заменить на « $<$ » (такова, например, изучавшаяся Мальцевым группа R_{ω}); 2) существует реляционная алгебраическая система, имеющая проблемный размер 2 и авторазмер \aleph_0 (пример такой структуры приведен в личном сообщении Гончарова одному из авторов от 6 июня 1981 г.).

Второй вопрос. Когда знаки « \leq » можно заменить на знаки « $=$ »? Как уже отмечалось, все знаки нестрогого неравенства можно заменить на знаки равенства в случае жесткой алгебраической системы. Очевидно также, что первые три знака можно заменить на знак равенства в случае, когда авторазмер равен единице. Алгебраические системы авторазмера единица Мальцев в [Мальцев, 1962a] назвал *автоустойчивыми*; в той же работе он отметил, что для $p \in \mathbb{N}$ всякая полная p -примитивная абелева группа конечного ранга является автоустойчивой. Критерий автоустойчивости для конструктивизируемых булевых алгебр найден в [Гончаров, 1975, теорема 5]: этот критерий состоит в конечности алгебры. А вот любопытные условия, достаточные для того, чтобы конструктивизируемая реляционная алгебраическая система имела бесконечный авторазмер: структура должна иметь как сильную конструктивизацию, так и конструктивизацию, не являющуюся сильной (см. [Гончаров, 1975a, следствие 3.6]).

2.5.7. Конструктивные и конструктивизируемые модели. В классической теории моделей центральной проблемой является выяснение связей между свойствами какого-либо мно-

жества формул S и устройством класса всевозможных моделей для S . Аналогично, в теории конструктивных моделей интересуются устройством класса всех конструктивных или классов всех сильно конструктивных моделей множества S . (*Конструктивная или сильно конструктивная модель для S* — это конструктивная или соответственно сильно конструктивная нумерованная алгебраическая система $\langle \mathcal{M}, \nu \rangle$, такая что \mathcal{M} есть модель для S в обычном смысле — т. е. все формулы из S истинны в \mathcal{M} .) Если S есть теория, т. е. непротиворечивая совокупность формул, замкнутая относительно следствий, то необходимым и достаточным условием наличия у S сильно конструктивных моделей служит разрешимость S (необходимость очевидна и отмечена выше, о достаточности см. [Ершов Ю., 1974, гл. 2, § 3, предложение 1], [Ершов Ю., 1980, гл. 6, § 2, предложение 3]). Требование, чтобы S образовывало теорию, т. е. было замкнутым относительно следствий, является существенным: можно предъявить непротиворечивое разрешимое, даже одноэлементное S (т. е., попросту, формулу), не допускающее конструктивных, тем паче сильно конструктивных, моделей. Первые примеры непротиворечивых формул, не имеющих конструктивных моделей, были предложены в [Крайзель, 1953] и [Мостовский, 1953]; более того, такой пример можно найти среди формул, содержащих всего только один, и притом бинарный, предикат (см. [Рабин, 1958]). Каждый из трех перечисленных примеров получался конъюнкцией подходящей системы аксиом теории множеств, однако такие примеры возможны и на чисто арифметической основе (см. [Мостовский, 1955], [Баур, 1974], [Ершов Ю., 1974, гл. 1, § 2], [Ершов Ю., 1980, гл. 6, § 2]).

Существуют теории, всякая счетная модель которых сильно конструктивизируема; как показывает упомянутое выше предложение из [Ершов Ю., 1974, гл. 2, § 3] и [Ершов Ю., 1980, гл. 6, § 2], такой является всякая разрешимая теория, категоричная в счетной мощности. Оказывается, что тем же свойством обладает и всякая разрешимая теория, категоричная в некоторой несчетной мощности (см. [Ершов Ю., 1974, гл. 3, § 1, с. 74]). Бывает и иначе, одни счетные модели данной теории допускают конструктивизацию, а другие — нет. В частности, для любого $n \geq 3$ существует полная разрешимая теория, имеющая точно n попарно неизоморфных счетных моделей, из которых конструктивизируема только одна (причем эта модель сильно конструктивизируема) (см. [Перетяжкин, 1973]). Существует полная

разрешимая теория, число сильно конструктивизируемых моделей которой (разумеется, с точностью до изоморфизма) равно двум (см. [Миллар, 1979]).

Как отмечает Мостовский в своем обзоре [Мостовский, 1966, лекция 6], «не вполне ясно, что вызывает такое своеобразное поведение различных аксиоматических теорий, препятствуя одним из них иметь рекурсивные модели вообще, а другим — иметь более одной такой модели».

2.5.8. Модели арифметики. Пожалуй, одним из наиболее принципиальных вопросов математики является вопрос о том, сколько существует различных (т. е. неизоморфных) конструктивных моделей аксиоматической арифметики. Под аксиоматической арифметикой мы понимаем обычную систему аксиом для сложения и умножения, включая аксиомную схему индукции. По крайней мере одна конструктивизируемая модель у такой аксиоматической системы существует — это обычный натуральный ряд.

Как известно, у аксиоматической арифметики существуют нестандартные (т. е. не изоморфные натуральному ряду), в том числе счетные нестандартные модели. Нестандартные модели существуют у любой (даже неразрешимой) системы аксиом арифметики — лишь бы аксиомы были записаны на элементарном (узком, 1-го порядка) языке и выражали утверждения, истинные в обычном натуральном ряду (например, в качестве аксиом можно взять все формулы, истинные в натуральном ряду). Это обстоятельство естественно интерпретировать как невозможность описать натуральный ряд никакой системой аксиом. Однако, если ограничиться лишь конструктивизируемыми моделями, ситуация кардинально меняется: для аксиоматической арифметики возможна только одна, с точностью до изоморфизма, конструктивизируемая модель: обычный натуральный ряд. Это утверждает теорема Тенненбаума, объявленная в качестве теоремы 4.3 в [Скотт, 1961] (доказательство имеется в [Коэн, 1966, гл. 1, § 11]). Вот короткая формулировка теоремы Тенненбаума: никакая нестандартная модель арифметики в сигнатуре сложения и умножения не является конструктивизируемой. Ввиду фундаментальной значимости этой теоремы сформулируем ее более явно.

Теорема Тенненбаума. Рассмотрим какую-либо счетную модель аксиоматической арифметики, в которой двухместные функции s и p служат соответственно интерпретацией знаков «+» и «·» (т. е. для s и p выполняются обычные аксиомы, выражающие свойства сложения и умножения,

включая аксиомную схему индукции). Пусть существует такая однозначная натуральная нумерация v носителя модели, что функции f и g из N в N , заданные равенствами

$$\begin{aligned}v(f(m, n)) &= s(v(m), v(n)), \\v(g(m, n)) &= p(v(m), v(n)),\end{aligned}$$

вычислимы. Тогда рассматриваемая модель изоморфна натуральному ряду.

Как доказано в [Тверской, 1982], для существования указанного в формулировке теоремы изоморфизма достаточно, чтобы хотя бы одна из функций f и g оказалась вычислимой. Другими словами, не существует однозначной нумерации нестандартной модели арифметики, относительно которой обе функции s , p (Тенненбаум) или даже хотя бы одна из них (Тверской) были бы вычислимыми (определение см. в § 1.15). Поскольку всякая разрешимая нумерация бесконечного множества эквивалентна однозначной, не существует и разрешимой нумерации с такими свойствами.

Таким образом, весь эффект нестандартных моделей объясняется тем, что мы допускаем невычислимые s и p в качестве интерпретаций для «+» и «·». Если же ограничиться рассмотрением только вычислимых «сложения» и «умножения» (а разве бывают другие?), нестандартные модели исчезают, и, ко всеобщему удовлетворению, натуральный ряд оказывается полностью описанным аксиоматической арифметикой.

§ 2.6. Приложения к теории вероятностей: определения случайной последовательности

2.6.0. Рассмотрим бесконечные последовательности, составленные из букв какого-либо конечного алфавита, например двоичные последовательности. Наша интуиция выделяет среди таких последовательностей случайные. Традиционная теория вероятностей оказывается бессильной перед подобной задачей: она не в состоянии определить, что такое индивидуальная случайная последовательность. Теория вероятностей вообще ничего не утверждает ни про какую отдельную последовательность, а только про совокупности таких последовательностей. Если в теории вероятностей и говорят «возьмем случайную последовательность», то это всего лишь вольность речи, «abus de langage» по Бурбаки: когда в дальнейшем про эту «взятую» последовательность нечто утверждается, точный смысл делаемого утверждения

состоит в том, что некое свойство выполняется для «подавляющего большинства» последовательностей.

В то же время ясно, что задача дать математическое определение понятию «случайная последовательность» важна и с методологической, и с практической точек зрения: говоря о практической точке зрения, мы имеем в виду прежде всего использование метода Монте-Карло. Впервые эта задача была рассмотрена фон Мизесом в [Мизес, 1919]; о его подходе к определению понятия случайной последовательности (в терминологии Мизеса — «Kollektiv») см. далее.

Одно из наиболее выдающихся применений теории алгоритмов состоит как раз в том, что эта теория предлагает определение индивидуальной случайной последовательности — определение, которое, по-видимому, можно рассматривать как окончательное. Мы имеем в виду определение случайности по Колмогорову и равносильное ему определение случайности по Мартин-Лёфу. Эти определения приводятся ниже.

К понятию случайной последовательности можно подойти с трех сторон. Мы назовем эти подходы *частотным*, *сложностным* и *количественным*.

Частотный подход основан на том, что в случайной последовательности должна соблюдаться устойчивость частот; более того, эта устойчивость должна иметь место и для любой «законной» подпоследовательности рассматриваемой последовательности. Так, в случайной двоичной последовательности, в которой знаки 0 и 1 появляются независимо и с равными вероятностями, эти знаки должны быть распределены равномерно не только в самой последовательности, но и в любой из подпоследовательностей, выделенной каким-нибудь правилом. Таким образом, частотный подход отражает требование, чтобы в случайной последовательности отсутствовали какие-либо выраженные закономерности.

Сложностный подход основан на том, что случайная последовательность должна иметь сложное строение, а именно энтропии ее начальных отрезков должны быть достаточно велики.

Наконец, количественный подход основан на том, что случайных последовательностей очень много, а неслучайных — очень мало. Более точно — в терминах традиционной теории вероятностей — последовательность случайна с вероятностью единица; поэтому этот подход можно было бы назвать также «теоретико-вероятностным» или «теоре-

тико-мерным», имея в виду, что распределение вероятностей — это просто мера на пространстве всех последовательностей.

Перечисленные три содержательные подхода конкретизируются в излагаемых ниже точных алгоритмических определениях. Но сперва — некоторые комментарии. Прежде чем давать обещанные алгоритмические определения, отметим, что понятие случайности очевидным образом зависит от заданного распределения вероятностей на множестве Ω всех двоичных последовательностей (для простоты мы рассматриваем только двоичные последовательности). Последовательность со значительным преобразованием нулей заведомо неслучайна при одинаковых вероятностях появления 0 и 1, но может оказаться случайной в других ситуациях. В качестве допустимых распределений вероятностей в этом параграфе рассматриваются только вычислимые распределения. *Вычислимое распределение вероятностей* на Ω — это вычислимая мера на Ω , подчиненная условию $\mu(\Omega) = 1$; мера μ на Ω называется *вычислимой*, если существует алгоритм, дающий по всякому двоичному слову $x \in \mathbb{E}$ программу числа $\mu(\Gamma_x)$, где

$$\Gamma_x = \{\omega \in \Omega \mid \omega \text{ является продолжением } x\}.$$

Простейший класс вычислимых распределений образуют вычислимые бернуллиевы меры. *Бернуллиева мера* возникает, если 0 и 1 появляются независимо с вероятностями p и q : тогда, если слово $x \in \mathbb{E}$ содержит m нулей и n единиц, $\mu(\Gamma_x) = p^m q^n$. Если вероятности p и q суть вычислимые действительные числа, бернуллиева мера является вычислимой. Важнейший частный случай вычислимой бернуллиевой меры — *равномерная бернуллиева мера*, для которой $p = q = \frac{1}{2}$, $\mu(\Gamma_x) = 2^{-l(x)}$.

Если ω — последовательность, то через $\omega(i)$ обозначается ее i -й член, а через $(\omega)_n$ — ее начальный отрезок длины n , т. е. слово $\omega(0)\omega(1)\dots\omega(n-1)$.

Мы переходим теперь к вариантам определения случайности, воплощающим на основе теории алгоритмов изложенные выше три подхода.

2.6.1. Частотный подход. Этот подход был предложен фон Мизесом в [Мизес, 1919], [Мизес, 1928]. Он применим только в случае бернуллиевой меры, и неясно, как его перенести на произвольные распределения вероятностей (даже на вычислимые распределения).

Пусть фиксированы числа p и q , лежащие в интервале $(0, 1)$, и $p+q=1$. Бесконечная двоичная последовательность ω называется *случайной* по бернуллиевой мере, соответствующей данным p и q , если для любой бесконечной последовательности χ , полученной из ω с помощью некоторого допустимого правила выбора, *средняя частота единиц в χ* , т. е. предел

$$\lim_{n \rightarrow \infty} \frac{\chi(0) + \dots + \chi(n-1)}{n},$$

существует и равна q .

В приведенной формулировке многое требует уточнения. Прежде всего нужно объяснить, что мы называем правилом выбора и как с помощью правил выбора из одной последовательности получить другую. Дадим формальные определения соответствующих понятий. Условимся называть *правилом выбора* любое отображение, сопоставляющее с каждой бесконечной последовательностью нулей и единиц некоторую (возможно, конечную) последовательность натуральных чисел. Эту последовательность мы будем рассматривать как последовательность номеров членов, выбираемых из исходной последовательности. Более точно, пусть дано правило выбора F и последовательность нулей и единиц α . Пусть $n(0), n(1), \dots$ — последовательность натуральных чисел, являющаяся значением F на α . Тогда последовательность $\alpha(n(0)), \alpha(n(1)), \dots$ мы будем называть последовательностью, *полученной с помощью F из α* . Таким образом, с каждым правилом выбора естественно связывается отображение множества Ω бесконечных последовательностей 0 и 1 в множество $\mathbb{E} \cup \Omega$ конечных и бесконечных последовательностей 0 и 1. Назвав всевозможные всюду определенные отображения Ω в $\mathbb{E} \cup \Omega$ *трансформациями*, можно сказать, что каждому правилу выбора соответствует трансформация, переводящая последовательность α в последовательность, полученную из α с помощью правила выбора F .

Итак, мы объяснили, что такое правило выбора и как с его помощью из одной последовательности получить другую. Осталось теперь выделить среди правил выбора *допустимые* — и данному выше определению случайности будет придан точный смысл. Существуют различные варианты такого выделения — и, следовательно, различные определения случайности в рамках частотного подхода. Чем шире класс допустимых правил выбора, тем больше требований

предъявляется к случайной последовательности и тем уже получается класс случайных последовательностей.

Осталось дать точные определения различных классов допустимых правил выбора — и формальное определение различных классов случайных последовательностей в рамках частотного подхода будет завершено. Но мы отложим их, а сейчас дадим некоторые неформальные комментарии (в частности, исторического характера). Точные определения будут даны позже, и каждое из них будет начинаться словами: «Определение случайности по Мизесу — . . .»

Наши комментарии начнем с того, что рассмотрим несколько примеров правил выбора, которые окажутся допустимыми при любом из приводимых далее определений. Первое правило ставит в соответствие любой последовательности нулей и единиц последовательность $0, 1, 2, 3, \dots$. С его помощью из любой последовательности получается она сама, так что задаваемая им трансформация — тождественная. Чуть более сложно устроено второе правило, ставящее в соответствие любой последовательности нулей и единиц последовательность $0, 2, 4, \dots$. Соответствующая трансформация состоит в выбрасывании всех членов $\omega(i)$ с нечетными i .

Приведем теперь пример правила выбора, значение которого на последовательности ω зависит от этой последовательности: каждой последовательности $\omega = \omega(0)\omega(1), \dots$ ставится в соответствие возрастающая последовательность, состоящая из всех тех n , для которых $\omega(n-1) = 0$. Соответствующая трансформация такова: взяв исходную последовательность нулей и единиц, нужно оставить в ней члены, идущие после нулей, а остальные вычеркнуть. А вот пример правила, не являющегося допустимым ни при каком из приводимых ниже определений допустимости: заменим в описании предыдущего правила выбора условие « $\omega(n-1) = 0$ » на условие « $\omega(n) = 0$ ». Тогда соответствующая трансформация будет отображать любую последовательность в последовательность из одних нулей (конечную, если в исходной последовательности было конечное число нулей).

Исторически первое определение допустимого правила выбора было предложено А. Чёрчем в [Чёрч, 1940] (его формулировку можно найти также в [Мартин-Лёф, 1968] и в [Кнут, 1969, п. 3, 5С, определение R5]). Допустимые по Чёрчу правила выбора ставят в соответствие элементам Ω некоторые возрастающие последовательности натуральных чисел. Поэтому соответствующие трансформации сопостав-

ляют с каждой последовательностью ее подпоследовательность, получающуюся из исходной отбрасыванием некоторых членов. При этом оставленные члены идут в том же порядке, в котором они шли в исходной последовательности. Вопрос об оставлении или выбрасывании данного члена последовательности решается алгоритмически в зависимости от значений предыдущих членов последовательности. Возникающее понятие случайности (точное определение которого будет дано ниже) мы будем называть *случайностью по Мизесу — Чёрчу*.

Недостатки этого определения демонстрируются двумя примерами. Первый пример содержится в построениях Вилля (см. [Мартин-Лёф, 1968], [Кнут, 1969, п. 3.5, упр. 31], [Якобс, 1970]). Именно, из них вытекает существование случайной по Мизесу — Чёрчу последовательности (при $p = q = \frac{1}{2}$), любой начальный отрезок которой содержит больше нулей, чем единиц. Это, по-видимому, противоречит нашей интуиции; кроме того, мера множества последовательностей с таким свойством равна нулю. Второй пример был построен Лавлэндом в [Лавлэнд, 1966, § 3], указавшим случайную (по Мизесу — Чёрчу) последовательность, становящуюся неслучайной после вычислимой перестановки ее членов. Это также противоречит нашей интуиции.

Колмогоров в [Колмогоров, 1963, замечание 2] предложил модифицировать определение Чёрча, расширив класс допустимых правил выбора. Допустимое в смысле Колмогорова правило относит каждой последовательности некоторую конечную или бесконечную последовательность $k(0) k(1) k(2) \dots$, причем функция k инъективна ($k(i) \neq k(j)$ при $i \neq j$), но не обязана быть монотонной (в случае определения Чёрча k монотонна). Точное определение допустимости по Колмогорову см. ниже. Благодаря этому расширению пример, аналогичный примеру Лавлэнда, становится невозможным (случайная по Колмогорову последовательность, как нетрудно доказать, остается случайной после вычислимой перестановки ее членов). Можно ли построить аналог примера Вилля для такого определения допустимости, неизвестно. Определение Колмогорова было впоследствии независимо найдено Лавлэндом (см. [Лавлэнд, 1966а, с. 499]). Поэтому соответствующий класс случайных последовательностей мы будем называть классом *случайных по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду* последовательностей.

Сходное определение случайности приводит Д. Кнут [Кнут, 1969, п. 3, 5С, определение R6]. В [Успенский, Семенов, 1981] разница между определением R6 Кнута и определением Мизеса — Колмогорова — Лавлэнда была не замечена авторами, в результате чего случайными по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду ошибочно были названы последовательности, удовлетворяющие требованиям определения R6 Кнута. Последовательности, удовлетворяющие определению Кнута, мы будем называть *случайными по Мизесу — Кнуту*.

Всякая случайная по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду последовательность является случайной по Мизесу — Кнуту; всякая последовательность, случайная по Мизесу — Кнуту, случайна по Мизесу — Чёрчу (см. [Кнут, 1969, п. 3.5 С]). Не всякая случайная по Мизесу — Чёрчу последовательность случайна по Мизесу — Кнуту: это следует из существования примера Лавлэнда и из того, что случайность по Мизесу — Кнуту сохраняется при вычислимой перестановке. Существуют ли последовательности, случайные по Мизесу — Кнуту, но не случайные по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду, авторам неизвестно.

В качестве примеров «эмпирических случайных последовательностей» (*empirische Kollektive*) Мизес рассматривал последовательности, возникающие в азартных играх (при бросании костей и т. п.). Отсутствие правила выбора, позволяющего получить последовательность с «анормальным» распределением нулей и единиц, Мизес интерпретировал как «невозможность системы игры». Формулировка определений случайности по Мизесу — Чёрчу и Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду в терминах игр имеется в [Шень, 1982, § 3 и 6].

До сих пор мы обсуждали различные частотные определения случайности, не приводя точных формулировок. Теперь настало время их привести. Напомним, что для определения того или иного варианта случайности необходимо указать, какие правила выбора считаются допустимыми (при этом варианте).

Мы предполагаем, что на пространстве Ω задана вычислимая бернуллиева мера и вероятности появления 0 и 1 равны p и q соответственно.

Определение случайности по Мизесу — Чёрчу. Допустимое правило выбора S_S задается разрешимым подмножеством $S \subset E$. Значением этого правила на последовательности ω будет возрастающая последовательность k , которая вклю-

чает те и только те натуральные числа n , для которых $(\omega)_n \in S$. Таким образом, последовательность ω называется *случайной по Мизесу — Чёрчу*, если для всякого разрешимого подмножества $S \subseteq \mathbb{E}$, для которого подпоследовательность ω^S , полученная из ω с помощью C_S , бесконечна, средняя частота единиц в этой подпоследовательности существует и равна q .

Определение случайности по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду. Приводя это определение, мы сознательно отказываемся комментировать содержательный смысл допустимых по Колмогорову — Лавлэнду правил. Такие комментарии можно найти в [Шень, 1982, § 6]; следует иметь в виду, что функции, обозначаемые нами далее через f и g , там обозначены через G и H . Итак, вот формальное определение. Допустимое правило выбора $K_{f,g}$ задается двумя вычислимыми функциями f и g из \mathbb{E} в \mathbb{N} . Чтобы применить его к последовательности ω , надо вначале образовать последовательность k с помощью рекуррентной формулы

$$k(n) = f(\omega(k(0)) \omega(k(1)) \dots \omega(k(n-1))),$$

применяемой до тех пор, пока $k(0), \dots, k(n)$ определены и различны. Как только появится первое такое n , что $k(n)$ не определено или совпадает с $k(s)$ при некотором $s < n$ (если такие n вообще существуют), процесс образования последовательности k прекращается; в этом случае k оказывается конечной (а именно n -членной). Затем нужно исключить некоторые члены из последовательности k (не меняя порядка оставшихся). Именно, нужно оставить те и только те члены $k(m)$, для которых $g(\omega(k(0)) \dots \omega(k(l-1)))$ определено при всех $l \leq m$ и $g(\omega(k(0)) \dots \omega(k(m-1))) = 0$. Полученная последовательность k' будет значением допустимого по Колмогорову — Лавлэнду правила $K_{f,g}$ на последовательности ω . Таким образом, последовательность ω называется *случайной по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду*, если для всяких вычисляемых функций f и g , для которых последовательность, полученная из ω с помощью правила $K_{f,g}$, бесконечна, средняя частота единиц в этой последовательности существует и равна q .

Определение случайности по Мизесу — Кнуту (определение R6 в [Кнут, 1969, п. 3.5C]) получается из определения Мизеса — Колмогорова — Лавлэнда, если рассматривать только всюду определенные функции g и соответствующие им правила. (Функция f по-прежнему может быть не всюду определенной.)

2.6.2. Каким должен быть класс всех допустимых правил выбора? Мы видели, каким образом определяется понятие случайной последовательности, если выбран некоторый класс правил выбора, объявленных *допустимыми*. Естественно желать (на это указывал еще фон Мизес), чтобы применение допустимого правила выбора к случайной последовательности (случайной относительно данного класса допустимых правил) давало бы либо конечную последовательность, либо последовательность, которая имеет не только заданный предел частот (что гарантируется определением случайности), но и сама является случайной относительно того же класса правил). Это требование очевидно выполнено, если класс трансформаций, соответствующих допустимым правилам выбора, замкнут относительно композиции. [Это означает, что для всяких трансформаций T_1 и T_2 , соответствующих допустимым правилам выбора, существует трансформация T_3 , соответствующая некоторому допустимому правилу выбора и такая, что T_3 есть композиция T_2 и T_1 , т. е. такая, что результат применения трансформации T_3 к любой последовательности ω , для которой $T_1(\omega)$ — бесконечная последовательность, совпадает с $T_2(T_1(\omega))$.] В самом деле, если класс трансформаций замкнут и если с помощью допустимого правила выбора из случайной последовательности ω получается последовательность ω_1 , то ω_1 также случайна: действительно, любая последовательность ω_2 , которая может быть получена из ω_1 с помощью допустимого правила выбора, имеет надлежащую среднюю частоту, так как может быть (в силу замкнутости) получена с помощью допустимого правила и непосредственно из ω .

Таким образом, разумно предъявлять к классу допустимых правил выбора такое требование:

(ТЗам) класс трансформаций, соответствующих всем допустимым правилам выбора, должен быть замкнут относительно композиции.

Мы сейчас сформулируем некоторое достаточное условие для этого.

Определим понятие композиции для правил выбора. Пусть даны три правила выбора F_1 , F_2 и F_3 . Мы хотим определить, что означает, что F_3 есть композиция правил F_2 и F_1 . Пусть ω — произвольная последовательность, из которой с помощью правила выбора F_1 получается бесконечная последовательность ω' . Пусть $F_1(\omega) = k$, $F_2(\omega') = l$, $F_3(\omega) = m$, где k , l , m — последовательности натуральных чисел. Проверим, выполнено ли равенство $m = k \circ l$. Если ока-

жется, что это равенство выполнено для всех ω , из которых с помощью F_1 получаются бесконечные последовательности, то мы будем говорить, что F_3 является композицией правил F_2 и F_1 .

Легко проверить, что если F_3 является композицией F_2 и F_1 , то трансформация, соответствующая F_3 , является композицией трансформаций, соответствующих F_2 и F_1 . Поэтому, если выполнено условие.

(ВЗам) для любых допустимых правил выбора F_1 и F_2 существует допустимое правило выбора F_3 , являющееся их композицией,

то выполнено и требование (ТЗам) и, следовательно, из случайной последовательности с помощью допустимого правила может получиться только случайная.

Требование (ВЗам) выполнено для класса допустимых по Чёрчу правил. Для класса правил, допустимых по Колмогорову — Лавлэнду, это не так: как доказано в [Шень, 1982], не выполнено (ВЗам) и даже (ТЗам). Это еще не означает, что применение допустимого по Колмогорову — Лавлэнду правила к случайной по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду последовательности может дать не случайную (по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду) последовательность. (Так ли это на самом деле, авторам неизвестно.) Однако случайность результата применения допустимого правила выбора к случайной последовательности перестает быть очевидной.

Этот же недостаток присущ и упомянутому выше определению Кнута, так что, по нашему мнению, есть основания не согласиться с замечанием Кнута о том, что его определение «удовлетворяет всем разумным философским требованиям, предъявляемым к понятию случайности».

Попытка сформулировать определение допустимости, замкнутое относительно композиции, предпринята в [Шень, 1982]. Прежде чем изложить определение, отметим две его особенности. Первая из них состоит в том, что рассматриваются не правила выбора, а сразу трансформации: определяется понятие допустимой трансформации. Это не мешает дать определение случайной последовательности (ведь в общей схеме Мизеса фактически используются не сами правила выбора, а лишь соответствующие им трансформации) и ставить вопрос о выполнении условия (ТЗам), однако отдаляет от первоначального замысла Мизеса и не позволяет поставить вопрос о выполнении условия (ВЗам).

Вторая особенность состоит в том, что разумное определение случайности получается лишь для равномерной бернуллиевой меры (при неравномерной мере случайных последовательностей не оказывается вовсе). Зато в этой ситуации возникает класс случайных последовательностей, совпадающий с классом случайных по Мартин-Лёфу последовательностей (об этом классе см. ниже). Можно ли дать такое определение допустимой трансформации, чтобы оно приводило к классу случайных по Мартин-Лёфу последовательностей и для неравномерной меры — неизвестно. Приведем теперь определение допустимой трансформации из [Шень, 1982] (там трансформации называются *правилами выбора*).

Введем на $\mathbb{E} \cup \Omega$: 1) отношение порядка, считая, что $x \leq y$, если x есть начало y ; 2) топологию, считая базовыми открытыми множествами множества $I_x = \{y \in \mathbb{E} \cup \Omega \mid x \leq y\}$ для всех конечных x . Всюду определенное непрерывное отображение $F: \mathbb{E} \cup \Omega \rightarrow \mathbb{E} \cup \Omega$ назовем вычислимым, если множество тех пар $\langle x, y \rangle$ конечных последовательностей, для которых $y \leq F(x)$, перечислимо, и регулярным, если для любой конечной последовательности y равномерная бернуллиева мера множества $\{\omega \in \Omega \mid F(\omega) \geq y\}$ не превосходит меры множества I_y , т. е. числа $2^{-l(y)}$, где $l(y)$ — длина y . *Допустимой трансформацией* назовем ограничение на Ω произвольного непрерывного вычислимого регулярного отображения. Утверждение о том, что при таком определении допустимости класс случайных последовательностей совпадает с классом случайных по Мартин-Лёфу последовательностей, можно легко вывести из результатов [Шнорр, 1971]; см. также [Шень, 1982, § 9].

2.6.3. Сложностный подход. Этот подход, предложенный Колмогоровым в [Колмогоров, 1963], [Колмогоров, 1965], [Колмогоров, 1969] связан с материалом § 1.17. Колмогоров исходил из представления о таблице случайных чисел как о длинной, но конечной последовательности знаков (для наглядности двоичных), столь беспорядочно устроенной, что она не допускает простого описания — сложность такого описания должна быть достаточно велика, а именно близка к длине последовательности. Случайность бесконечной последовательности означает достаточно быстрый рост энтропии начальных отрезков (см. [Колмогоров, 1969, п. 2]). Оказалось, однако, что определения случайности бесконечных последовательностей нужно использовать не простую колмогоровскую энтропию, а монотонную энтропию.

Определение случайности по Колмогорову. Рассмотрим

сперва случай равномерной бернуллиевой меры. Напомним (см. I, § 1.17), что для любой $\omega \in \Omega$ имеет место $\Xi \Xi K((\omega)_n) \stackrel{\leq}{+} \stackrel{\leq}{+} n$. Последовательность ω называется *случайной по Колмогорову*, если $\Xi \Xi K((\omega)_n) \stackrel{\geq}{+} n$. В случае произвольного вычислимого распределения вероятностей μ можно доказать, что для любой $\omega \in \Omega$

$$\Xi \Xi K((\omega)_n) \stackrel{\leq}{+} -\log_2 \mu(\Gamma_{(\omega)_n})$$

(см. [Левин, 1973]). В этом общем случае последовательность ω называется случайной по Колмогорову, если

$$\Xi \Xi K((\omega)_n) \stackrel{\geq}{+} -\log_2 \mu(\Gamma_{(\omega)_n}).$$

В этом определении ~~без~~ изменения возникающего класса случайных последовательностей можно заменить Ξ — Ξ -энтропию на Ξ — \mathbb{N} -энтропию, назвав последовательность случайной, если

$$\Xi \mathbb{N} K((\omega)_n) \stackrel{\geq}{+} -\log_2 \mu(\Gamma_{(\omega)_n}).$$

В частности, если μ — равномерная бернуллиева мера (вероятности появления 0 и 1 равны), то последовательность будет случайной, если выполнено любое из эквивалентных свойств: $\Xi \Xi K((\omega)_n) \stackrel{\geq}{+} n$ или $\Xi \mathbb{N} K((\omega)_n) \stackrel{\geq}{+} n$ (см. [Вьюгин, 1981, следствие 3.2]). Однако даже в этом простом случае нельзя заменить Ξ — Ξ -энтропию на \mathbb{N} — \mathbb{N} -энтропию: невозможна последовательность ω , для которой $\mathbb{N} \mathbb{N} K((\omega)_n) \stackrel{\geq}{+} \stackrel{\geq}{+} n$ (см. [Мартин-Лёф, 1966], [Звонкин, Левин, 1970, теорема 2.6], [Якобс, 1970, п. 2.2]).

2.6.4. Количественный, или теоретико-мерный, подход. Этот подход был разработан Мартин-Лёфом (см. [Мартин-Лёф, 1966а], [Звонкин, Левин, 1970, § 4], [Якобс, 1970, § 4]). В [Звонкин, Левин, 1970, § 4, п. 1] после указания некоторых трудностей, связанных с частотным подходом, отмечается: «В 1965 г. П. Мартин-Лёфу удалось, основываясь на идеях А. Н. Колмогорова, дать свободное от подобных трудностей определение случайной последовательности. Идея А. Н. Колмогорова состояла в том, чтобы «неслучайными» считать те последовательности, в которых наблюдается достаточно много закономерностей, где под закономерностью подразумевается *любое проверяемое свойство последовательности, присущее лишь узкому их классу* (до-

статочного малому по мере)». Случайными, таким образом, предлагается считать последовательности, принадлежащие *широкому классу* последовательностей, имеющих достаточно мало закономерностей.

Иначе говоря, при количественном подходе случайной объявляется всякая последовательность, которая выдерживает некоторые испытания на случайность, называемые тестами. *Тест* — это просто разбиение Ω на множество E единичной меры и множество F нулевой меры:

$$E \cup F = \Omega, \quad E \cap F = \emptyset, \quad \mu(E) = 1, \quad \mu(F) = 0.$$

Элементы E называются *выдержавшими* тест. Если потребовать, чтобы случайная последовательность выдерживала любой тест, то окажется, что случайных последовательностей не бывает. Мартин-Лёф предложил поэтому ограничиться эффективными тестами, т. е. такими, в которых F имеет эффективно нулевую меру. Теорема Мартин-Лёфа о существовании, в случае вычислимой меры μ , наибольшего множества эффективно нулевой меры (см. выше § 2.4) показывает, что существуют последовательности, выдерживающие любой эффективный тест; именно из таких последовательностей и состоит конструктивный носитель меры.

Определение случайности по Мартин-Лёфу. Пусть на Ω задано вычислимое распределение вероятностей. Последовательность называется *случайной по Мартин-Лёфу*, если она выдерживает любой эффективный тест или, что то же самое, если она принадлежит конструктивному носителю меры.

Если последовательность случайна по Мартин-Лёфу относительно равномерной бернуллиевой меры, частота нулей в ее начальных отрезках стремится к $\frac{1}{2}$; действительно, из доказательства теорем теории вероятностей можно извлечь эффективный тест, отвергающий все такие последовательности, у которых эта частота не стремится к $\frac{1}{2}$. Более того, в бернуллиевом случае всякая последовательность, случайная по Мартин-Лёфу, является случайной по Мизесу — Чёрчу (см. [Агафонов, 1975, п. 5.1]) и даже случайной по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду (см. [Шень, 1982, § 9, с. 36, после формулировки теоремы 1]).

2.6.5. Соотношения между различными определениями. Замечательным образом оказалось, что сложный и теоретико-мерный подходы приводят к одному и тому же ко-

нечному результату. Именно, имеет место следующая основная теорема (см. ее формулировку в [Левин, 1973, теорема 2], [Шнорр, 1973, теорема 3], [Шнорр, 1977, теорема 4.2] и доказательство в [Шнорр, 1973], [Вьюгин, 1981, теорема 3.2]).

Теорема. Для любого вычислимого распределения вероятностей последовательность тогда и только тогда случайна по Мартин-Лёфу, когда она случайна по Колмогорову.

Таким образом, определения Мартин-Лёфа и Колмогорова задают один и тот же класс последовательностей. Более широкий класс образуют последовательности, случайные по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду: всякая случайная по Мартин-Лёфу последовательность случайна и по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду (как уже отмечалось), а обратное, как вытекает из сформулированных в [Колмогоров, 1969] результатов, неверно. Именно, как утверждает в [Колмогоров, 1969, п. 2, с. 6], существует случайная по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду последовательность $\omega = \omega(0) \omega(1) \dots$, для которой

$$\sum_{n \in \mathbb{N}} \sum_{k \in \mathbb{N}} ((\omega)_n) \lesssim \log_2 n$$

(авторы должны со всей откровенностью признаться, что не умеют строить такой пример). Такая последовательность, как легко видеть, не может быть случайной по Колмогорову (а тем самым и по Мартин-Лёфу), так как \mathbb{N} — \mathbb{N} - и \mathbb{E} — \mathbb{E} -энтропии слова x отличаются не более чем на $C \log_2 l(x)$, где $l(x)$ — длина слова x . (Напомним, что, говоря об \mathbb{N} — \mathbb{N} -энтропии слов, мы имеем в виду \mathbb{N} — \mathbb{N} -энтропию натуральных чисел, соответствующих словам при взаимно однозначном соответствии, описанном в § 2.17.)

Мы приходим, таким образом, к следующей таблице, отражающей соотношения между различными видами случайностей:

последовательности, случайные по Мартин-Лёфу =
 = последовательности, случайные по Колмогорову $\neq \subset$
 $\neq \subset$ последовательности, случайные
 по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду \subset
 \subset последовательности, случайные по Мизесу — Кнуту $\neq \subset$
 $\neq \subset$ последовательности, случайные по Мизесу — Чёрчу

В этой таблице отмечены все известные авторам равенства и строгие включения; совпадает ли класс случайных по Ми-

зесу — Колмогорову — Лавлэнду последовательностей с классом последовательностей, случайных по Мизесу — Кнуту, как уже отмечалось выше, авторам неизвестно.

Для любого вычислимого распределения вероятностей на Ω класс последовательностей, случайных по Колмогорову или по Мартин-Лёфу, объявляется истинным *классом случайных последовательностей*, а элементы этого класса — *подлинно случайными последовательностями*.

Для равномерного бернуллиевого распределения принятая в [Шень, 1982] попытка уточнения определения Мизеса также приводит к этим подлинно случайным последовательностям. Однако уточнение из [Шень, 1982] основано на понятии трансформации, а не на понятии правила выбора (см. выше). Существует ли класс правил выбора, приводящий к истинному классу случайных последовательностей хотя бы для равномерного бернуллиевого распределения — неизвестно. Несуществование такого класса правил выбора означало бы, что частотный подход (по крайней мере в рамках замысла Мизеса) не в состоянии дать адекватное определение случайности.

2.6.6. Конечные последовательности с точки зрения случайности. Полезно ясно сознавать, что — при любом из перечисленных определений — если приписать к случайной последовательности спереди миллион нулей, снова получится случайная последовательность. Поэтому к практической интерпретации понятия случайной последовательности применительно к методу Монте-Карло следует относиться с осторожностью: ведь может статься, что используемая в этом методе последовательность (если полагаться на ее случайность и ни на что более) как раз и начинается с миллиона нулей.

Поэтому в прикладном аспекте наиболее существенно понятие случайной конечной последовательности (для которого понятие случайной бесконечной последовательности служит, так сказать, «аппроксимацией сверху»). Это понятие намечено Колмогоровым в [Колмогоров, 1963] (см. также [Кнут, 1969, п. 3.5E]). В [Колмогоров, 1965, § 4] по этому поводу говорится (под сложностью понимается сложность относительно оптимального способа описания — то, что в нашем тексте названо энтропией): «Грубо говоря, здесь речь идет о следующем. Если конечное множество M из очень большого числа элементов N допускает определение при помощи программы длины пренебрежимо малой по сравнению с $\log_2 N$, то почти все элементы M имеют слож-

ность $K(x)$, близкую к $\log_2 N$. Элементы $x \in M$ этой сложности и рассматриваются как «случайные» элементы множества M . В качестве примера рассмотрим множество M , состоящее из всех последовательностей нулей и единиц длины k . Это множество содержит $N=2^k$ элементов; чтобы задать его, достаточно указать k , для чего необходимо около $\log_2 k$ двоичных знаков (что мало по сравнению с $\log_2 N = k$). Почти все элементы M имеют сложность, близкую к $\log_2 N$, т. е. к k . Таким образом, в соответствии с приведенной только что цитатой из [Колмогоров, 1965], последовательность из k нулей и единиц естественно рассматривать как тем более «случайную», чем ближе ее энтропия к k .

Разумеется, понятие энтропии определено, по существу, с точностью до ограниченного слагаемого, и от выбора того или иного оптимального способа описания зависит, насколько случайной окажется данная конечная последовательность: последовательность, «практически случайная» при одном оптимальном способе описания, может оказаться «совершенно неслучайной» при другом. Однако разница между энтропиями, соответствующими двум способам описания, оставаясь ограниченной, становится с увеличением числа k все менее и менее заметной по сравнению с k .

Зависимость степени случайности от выбора способа описания может рассматриваться как аргумент в пользу желательности фиксации какого-нибудь одного единственно правильного способа описания и рассмотрения соответствующей ему энтропии. Однако, как пишет Колмогоров в [Колмогоров, 1965, с. 10], «сомнительно, чтобы это можно было сделать без явного произвола. Следует, однако, думать, что различные представляющиеся здесь разумные варианты будут приводить к оценкам сложностей, «расходящимся на сотни, а не десятки тысяч бит». Требования, которые следует предъявлять к «разумному» способу описания F , должны, по-видимому, включать справедливость утверждения

$$\forall x (K_F(x) \leq K_G(x) + C)$$

со сравнительно небольшими C для возможно большего числа естественных способов описания G . Некоторые предложения по выбору такого разумного способа имеются в [Левин, 1977].

Таким образом, выбрав способ описания конечных последовательностей, представляющийся нам более или менее разумным, мы получаем возможность с той же степенью

разумности говорить о том, насколько та или иная конкретная конечная последовательность случайна.

Реально в методе Монте-Карло используются именно конечные последовательности. Можно считать, что практическим критерием «случайности» конечной последовательности как раз служит успешность ее использования при расчетах по методу Монте-Карло; более точно, успешность использования любой случайной конечной последовательности в методе Монте-Карло естественно включать в число требований, предъявляемых к практически годному понятию случайности. А тогда отождествление случайных конечных последовательностей со сложно устроенными, т. е. последовательностями, сложность которых относительно некоторого «разумного» способа описания близка к их длине, оправдано.

Действительно, при разумном способе описания F высокая сложность конечной последовательности может служить аргументом в пользу того, что ее использование в конкретном вычислении по методу Монте-Карло даст хороший результат. Ведь последовательности, дающие при использовании их в вычислении по методу Монте-Карло плохой результат, составляют ничтожно малую часть всех последовательностей (это основное требование, предъявляемое к вычислениям по этому методу). Поэтому всякая «плохая» последовательность допускает такое простое задание: сначала указывается, что она «плохая», а затем указывается ее порядковый номер среди всех «плохих» последовательностей. Для указания номера понадобится сравнительно мало двоичных знаков, так как число «плохих» последовательностей сравнительно мало. Таким образом, для «плохой» последовательности z ее сложность $K_G(z)$ невелика (здесь G — только что рассмотренный способ описания с помощью «простых заданий»). Поскольку способ описания F «разумен», можно надеяться, что при небольшом C и любом x выполнено неравенство $K_F(x) \leq K_G(x) + C$. В этом случае окажется, что сложность (относительно F) любой последовательности, дающей плохой результат при использовании ее в вычислениях по методу Монте-Карло, невелика.

В заключение приведем следующее замечание, высказанное Колмогоровым в январе 1965 г. в его публичной лекции в Московском университете: попытка обнаружить высокоразвитую внеземную цивилизацию, основанная на перехвате сообщения, предназначенного для той же самой или подобной цивилизации, скорее всего, обречена на про-

вал. В самом деле, если цивилизация высокоразвита, то она умеет экономно кодировать, ее сообщение имеет большую удельную сложность (т. е. сложность, деленную на длину сообщения) и потому практически неотличимо от случайной последовательности сигналов.

§ 2.7. Приложения к теории информации: алгоритмический подход к понятию количества информации

Очень хочется уметь отвечать на вопрос, сколько информации несет то или иное сообщение, т. е. как-то измерять *количество информации*. Естественно измерять это количество длиной наиболее экономного описания рассматриваемого сообщения: с этой точки зрения космическое сообщение, обсуждавшееся в конце предыдущего параграфа, несет большую информацию — приближающуюся к максимально возможной при данной длине сообщения. Разумеется, и сам выбранный способ описания должен быть достаточно экономным, т. е. давать для всех сообщений как можно более короткие описания.

Кроме того, этот способ должен позволять однозначное и эффективное восстановление сообщения по его описанию. Тем самым мы приходим к ситуации, описанной в § 2.17: количество информации в сообщении — это его энтропия. Напомним, что в § 1.17 мы ввели разные виды энтропий, различавшихся, в частности, ансамблями описаний. Здесь мы будем использовать в качестве ансамбля описаний ансамбль \mathbb{N} или (что эквивалентно в силу наличия указанного в § 1.17 изоморфизма между \mathbb{N} и \mathbb{E}) ансамбль двоичных слов \mathbb{E} , при том, что отношение согласованности на \mathbb{E} будет теперь не тем, которое рассматривалось в § 1.17, а отношением равенства, т. е. таким же, как на \mathbb{N} . Напомним теперь определение простой колмогоровской энтропии, данное в § 1.17.

Пусть Y — ансамбль сообщений, т. е. просто некоторый ансамбль, элементы которого мы называем *сообщениями*. Способ описания — это перечислимое отношение $R \subset \mathbb{N} \times Y$, обладающее тем свойством, что если $\langle n, y_1 \rangle \in R$ и $\langle n, y_2 \rangle \in R$, то $y_1 = y_2$. Иначе говоря, способ описания понимается в смысле § 1.17, причем отношение согласованности, заданное на каждом из ансамблей \mathbb{N} и Y , совпадает с равенством. Поэтому по теореме Колмогорова среди всех способов описания существует оптимальный. Объем (напомним, что объемом

числа x здесь называется целая часть числа $\log_2(x+1)$) самого короткого описания объекта $y \in Y$ при каком-либо фиксированном оптимальном способе называется простой колмогоровской энтропией объекта $y \in Y$ (в § 1.17 этот термин применялся лишь к случаю $Y = \mathbb{N}$) и обозначается $\mathbb{N}YK(y)$, а короче — просто $K(y)$. Итак, количество информации в сообщении y оказывается естественным измерять простой колмогоровской энтропией этого сообщения. Так возникает алгоритмическая теория информации (см. [Барздинь, 1977]).

Заметим, что количество информации в y определено лишь с точностью до аддитивной величины порядка $O(1)$. В самом деле, возможны различные оптимальные способы R_1 и R_2 , приводящие соответственно к энтропиям K_1 и K_2 . Однако в силу сказанного в § 1.17 $|K_1(y) - K_2(y)| \leq_+ 0$.

Далее, рассмотрим какую-либо однозначную вычислимую нумерацию ансамбля Y , т. е. вычислимое $(1-1)$ -отображение \mathbb{N} на Y . Вспомним основную лемму из § 1.17 о соотношении между $X - U$ -энтропией и $X - V$ -энтропией; в силу этой леммы, если m есть номер сообщения y , то $|\mathbb{N}K(m) - \mathbb{N}YK(y)| \leq_+ 0$. Таким образом, количество информации в сообщении совпадает с количеством информации в его номере (совпадает с точностью до величины порядка $O(1)$, но ведь и само количество информации определено с точностью до величины этого порядка). Это же рассуждение применимо и к определению количества информации в паре $(y_1, y_2) \in Y \times Y$. Пусть W — такой ансамбль, что $Y \times Y \subseteq W$. Количество информации в (y_1, y_2) можно определять либо как $\mathbb{N} - W$ -энтропию самой этой пары, либо же равносильным образом — как $\mathbb{N} - \mathbb{N}$ -энтропию номера этой пары (эти определения приводят к величинам, различающимся на ограниченное слагаемое).

Алгоритмическая теория информации была основана Колмогоровым (см. [Колмогоров, 1965]) с целью придать таким интуитивным понятиям, как «количество информации» и «энтропия», точный смысл в применении к индивидуальным объектам. В традиционной (основанной на вероятности) *теории информации*, основанной Шенноном, эти понятия, как известно, применяются к случайным объектам, т. е., говоря более строго, к случайным величинам.

Исторически сложившуюся вероятностную теорию информации правильнее было бы называть «*теорией передачи информации*» (см. [Добрушин, Прелов, 1979]) или «*матема-*

тической теорией связи» по названию основополагающей статьи Шеннона [Шеннон, 1948]: ведь эта теория не охватывает всех (прежде всего семантических) аспектов понятия информации. Неясно, насколько эти различные аспекты могут быть охвачены алгоритмической теорией информации. Во всяком случае, проблемы связи этой теории с семантикой пока даже не поставлены. (Обсуждение некоторых близлежащих проблем начато в [Манин, 1981].) Реальные достижения алгоритмической теории информации относятся к двум направлениям. Первое состоит в выяснении того, насколько формулы, полученные для случайных величин, оказываются справедливыми применительно к индивидуальным объектам. Второе заключается в установлении соотношений между колмогоровской и шенноновской энтропиями.

Изложим основные из этих достижений. Согласно [Колмогоров, 1969], исходным понятием теории информации (как вероятностной, так и алгоритмической) является *условная энтропия* объекта y при заданном объекте x . Она обозначается $H(y|x)$ и интерпретируется как количество информации, необходимое для задания объекта y в обстановке, когда объект x уже задан. Далее определяются:

1) (безусловная) *энтропия* объекта y ; она обозначается $H(y)$ и определяется равенством $H(y) = H(y|e)$, где e — какой-либо «заведомо заданный объект»;

2) *количество информации*, содержащейся в объекте x об объекте y ; оно обозначается $I(x:y)$ и определяется равенством $I(x:y) = H(y) - H(y|x)$.

В алгоритмической теории информации x и y суть конструктивные объекты, в вероятностной теории — случайные величины; чтобы подчеркнуть это обстоятельство, в последнем случае вместо x и y будем писать ξ и η . Для простоты будем предполагать, что ξ и η принимают лишь конечное число значений. Пусть ξ принимает значения x_1, \dots, x_m с вероятностями p_1, \dots, p_m , а η — значения y_1, \dots, y_n с вероятностями q_1, \dots, q_n ; пусть, далее, r_{ij} есть вероятность того, что одновременно $\xi = x_i, \eta = y_j$. Тогда, по определению,

$$H(\eta|\xi) = - \sum_{i,j} r_{ij} \log_2 \frac{r_{ij}}{p_i}.$$

Далее, (шенноновская безусловная) энтропия $H(\eta) = - \sum_j q_j \log_2 q_j$ может быть определена, согласно 1), как $H(\eta|e)$, где e принимает одно-единственное значение; оказы-

ваются, что $H(\eta)$ есть среднее число двоичных знаков, необходимое для задания одного значения η . Наконец, $I(\xi : \eta)$ определяется в соответствии с 2). Из этих определений сразу следует, что

$$H(\eta | \eta) = 0, \quad (P1)$$

$$I(\xi : \eta) \geq 0, \quad (P2)$$

$$I(\xi : \eta) = I(\eta : \xi), \quad (P3)$$

$$H(\langle \xi, \eta \rangle) = H(\xi) + H(\eta | \xi) \quad (P4)$$

(значениями случайной величины $\langle \xi, \eta \rangle$ служат пары $\langle x_i, y_i \rangle$, принимаемые с вероятностями r_{ij}).

В алгоритмической теории информации в качестве $H(y|x)$ берется $K(y|x)$. Что такое $K(y|x)$, было разъяснено в § 1.17 (переход от \mathbb{N} к произвольному Y с равенством в качестве отношения согласованности не составляет труда). В том же пункте отмечалось, что при фиксации x в $K(y|x)$ мы приходим к простой колмогоровской энтропии:

$$K(y) \stackrel{+}{=} K(y|e).$$

Итак, и в алгоритмической теории определение $H(y)$ ($= K(y)$) через $H(y|x)$ ($= K(y|x)$) происходит согласно 1). Далее, согласно 2), вводится количество информации $I(x : y) = K(y) - K(y|x)$.

При переходе к алгоритмической теории информации соотношения вероятностной теории претерпевают некоторые изменения, как очевидные, так и неочевидные. Очевидные изменения вызваны тем, что «все предложения алгоритмической теории информации в их общей формулировке верны лишь с точностью до членов вида $O(1)$ » [Колмогоров, 1969]. Поэтому (P1) и (P2) заменяются на (A1) и (A2):

$$0 \leq K(y|y) \stackrel{+}{\leq} 0, \quad (A1)$$

$$I(x : y) \stackrel{+}{\geq} 0. \quad (A2)$$

Неочевидные изменения состоят в том, что в алгоритмических аналогах равенств (P3) и (P4) появляется логарифмическая поправка:

$$I(x : y) = I(y : x) + O(\log_2 K(\langle x, y \rangle)), \quad (A3)$$

$$H(\langle x, y \rangle) = H(x) + H(y|x) + O(\log_2 K(\langle x, y \rangle)). \quad (A4)$$

Шенноновский подход можно следующим образом применить к индивидуальному слову A : можно рассмотреть это A как одно из значений некоторой случайной величи-

ны ζ и вычислить энтропию ζ , причем ζ естественно задать так, чтобы A было «типичной» ее реализацией. Например, можно считать, что буквы слова A независимы и имеют вероятности, равные частотам их появления в A .

Пусть рассматривается слово длины k в n -буквенном алфавите. Тогда ζ имеет n^k значений и $H(\zeta)$ в k раз больше, чем энтропия $H(\eta)$ случайной величины η , у которой значениями служат буквы алфавита, а вероятностями этих значений — частоты букв в слове A . Энтропию $H = H(\eta)$ естественно называть *шенноновской удельной энтропией* слова A . Ее содержательный смысл проявляется, например, в следующем. Рассмотрим какой-либо способ побуквенного кодирования слов в n -буквенном алфавите посредством двоичных слов, позволяющий однозначно восстанавливать слова по их кодам. Если теперь заменить в A каждую букву на ее код из \mathbb{E} , то все A в целом также заменится на некоторое слово из \mathbb{E} длины k' . Отношение $L = k'/k$ есть «коэффициент удлинения».

Известно (см., например, [Прохоров, 1973], [Левенштейн, 1974, теорема 8]), что всегда $L \geq H$ и что возможен такой способ кодирования, при котором $L \leq H + 1$. Поэтому число $k \cdot H$ можно считать «*истинной двоичной длиной*» слова A , или его *шенноновской сложностью* (более точно — шенноновской 1-сложностью; если кодировать не отдельные буквы, а сразу пары соседних букв, учитывая частоты двубуквенных сочетаний, мы приходим к шенноновской 2-сложности и т. д.). Удельная шенноновская энтропия слова A показывает, таким образом, долю шенноновской сложности, приходящейся на одну букву слова, и ее естественно сравнивать с удельной колмогоровской энтропией того же слова. Имеет место следующее основное неравенство (см. [Звонкин, Левин, 1970, теорема 5.1], [Барздинь, 1977]):

$$\frac{K(A)}{k} \leq H + \frac{c_n \log_2 k}{k},$$

где H — удельная шенноновская энтропия слова A , знаменатель k есть длина слова, а константа c_n зависит лишь от числа букв в алфавите и от выбранного при определении энтропии оптимального способа описания.

Другой результат о связи колмогоровской и шенноновской энтропий относится к начальным отрезкам случайных последовательностей. Пусть дана случайная величина ξ , значениями которой являются буквы данного конечного алфавита, причем для каждой буквы вероятность принять

ее в качестве значения есть вычислимое (например, рациональное) число. Рассмотрим пространство всех бесконечных последовательностей, составленных из букв рассматриваемого алфавита; в предположении, что буквы появляются независимо, ξ задает вычислимую меру на этом пространстве (бернуллиеву в случае двубуквенного алфавита). Среди последовательностей выделяются случайные (по Мартин-Лёфу или, что эквивалентно, по Колмогорову, см. предыдущий параграф). Шенноновскую энтропию $H(\xi)$ можно трактовать как «удельную шенноновскую энтропию случайной последовательности». Оказывается, что для любой случайной последовательности ω удельная колмогоровская энтропия $\frac{K((\omega)_m)}{m}$ начальных отрезков этой последовательности стремится к $H(\xi)$ (см. [Звонкин, Левин, 1970, формула (5.18)], [Агафонов, 1975, § 5.5, с. 134], [Барздинь, 1977]).

§ 2.8. Оценки сложности решения отдельных задач

2.8.0. В этой области теории алгоритмов естественно выделяются задачи получения верхних и задачи получения нижних оценок. Методы решения задач этих двух категорий совершенно различны.

2.8.1. **Верхние оценки.** Верхняя оценка строится следующим образом. Указывается неформальный алгоритм вычисления требуемой функции f . Затем этот алгоритм формализуется в виде алгоритма вычисления на подходящей модели и доказывается, что сложность (время или емкость) вычисления для этого алгоритма не превосходит значения подходящей функции φ при всех значениях аргумента. Эта функция и объявляется верхней оценкой сложности вычисления функции f .

Естественно желать получать такие оценки сложности вычисления, которые соответствуют вычислительной практике. Обращаясь к обсуждавшимся в § 1.16 оценкам «с точностью до», мы обнаруживаем, что столь широко понимаемые оценки не вполне удовлетворительны с практической точки зрения и могут рассматриваться только как грубые приближения к реальному положению вещей. При этом оценки «с точностью до мультипликативной константы» хуже оценок «с точностью до аддитивной константы» и т. д.

На первый взгляд может показаться, что получить «абсолютные оценки» и невозможно, ведь имеет место теорема

о линейном ускорении, см. § 1.7. Дело, однако, в том, что при «ускорении» вычисления, даваемом этой теоремой, растет сложность каждого шага вычисления. Если же ограничить сложность отдельного шага вычислительного процесса, то теорема о линейном ускорении уже неприменима. И действительно, в принципе возможны абсолютные оценки времени вычисления, когда последнее понимается как сумма длительностей отдельных шагов (см. § 1.6), причем эти длительности оцениваются сложностью соответствующих шагов; конечно, именно такие оценки имеют наибольшее практическое значение.

С точки зрения времени вычисления самыми простыми являются функции, время (т. е. число шагов) вычисления которых совпадает с точностью до мультипликативной константы с размером аргумента и, более того, число шагов работы машины между двумя последовательными сдвигами входной головки ограничено некоторой константой (мы считаем, что вычисление происходит на многоленточных машинах Тьюринга с безвозвратной входной лентой (см. [Рабин, 1963], [Розенберг, 1967])). Такое вычисление называется *вычислением в реальное время*. Как выяснилось в последние годы, среди задач, решаемых в реальное время, имеются многие интересные задачи, связанные с идентификацией слов (в частности, задача распознавания симметрии слова, см. [Слисенко, 1977]); правда, для наиболее важных из этих задач построенные алгоритмы не являются алгоритмами колмогоровского типа (см. [Слисенко, 1977a], [Слисенко, 1978]). Представляет интерес переход от таких алгоритмов к алгоритмам Колмогорова.

Следующий класс образуют полиномиальные верхние оценки времени вычисления, т. е. оценки, в которых время ограничено каким-либо полиномом от длины или нормы входа. Три примера множеств, распознаваемых за полиномиально ограниченное время, были уже приведены в § 1.7 при обсуждении класса P . Большинство получаемых для функций из класса P оценок — это оценки «с точностью до», как правило, с точностью до мультипликативной константы. В этом отношении характерны названия публикаций, относящихся к упомянутым примерам: в этих названиях встречаются выражения «алгоритм с линейным временем», «менее чем кубическое время», «полиномиальный алгоритм».

Оценки «с точностью до» иногда порождают парадоксальную ситуацию. Для какой-нибудь задачи дальнейший про-

гресс в направлении нахождения более «эффективного алгоритма» может состоять в переходе от алгоритма с верхней оценкой времени работы $c_1 n^{\alpha_1}$ к алгоритму с верхней оценкой времени работы $c_2 n^{\alpha_2}$, где $\alpha_2 < \alpha_1$. Однако при этом c_2 может быть настолько больше c_1 , что для всех практически мыслимых аргументов старый алгоритм эффективней нового. Поучительна в этом отношении ситуация с одной из важных верхних оценок — оценкой сложности умножения матриц. (Чтобы не загромождать изложение, мы будем говорить о числе арифметических операций, но картина для вычислений на представительной модели колмогоровского типа аналогична.) Классический алгоритм дает оценку $c_1 n^3$ для матриц n -го порядка. Алгоритм Штрассена — оценку $c_2 n^{2,81}$ (см. [Ахо, Хопкрофт, Ульман, 1974, п. 6.2]). Анализ работы этого алгоритма показывает, что при некоторой организации вычислений его использование дает выгоду по сравнению с классическим алгоритмом, начиная с матриц 14-го порядка (см. [Фишер, 1974]). В последние годы были предложены алгоритмы, дающие возможность понизить показатель от 2,81 до (приблизительно) 2,5, однако одновременно мультипликативная константа в полученных оценках растет таким образом, что «эффективный» метод оказывается лучше классического только для матриц астрономического порядка (заведомо большего 10^{10}). Конечно, можно надеяться, что новые методы содержат продуктивные математические идеи, которые в дальнейшем смогут привести к получению действительно осмысленных с прикладной точки зрения алгоритмов.

Что касается емкости вычисления, то с прикладной точки зрения наибольший интерес представляют полиномиальные (от длины аргумента) оценки. Однако если такая оценка не сопровождается полиномиальной же оценкой времени вычисления, то с практической точки зрения и она является сомнительной, ведь полиномиальная оценка емкости автоматически дает (см. § 1.6) лишь экспоненциальную оценку времени. Для многих важных функций их вычисление может быть осуществлено так, что емкость ограничена какой-либо степенью логарифма длины аргумента, а время (при том же вычислении) ограничено полиномом.

По-видимому, верхние оценки сложности, не мажорируемые полиномами (т. е. экспоненциальные и тому подобные оценки) следует рассматривать не как практически значимые, а как (вместе с соответствующими нижними оценками) позволяющие с чисто теоретической точки зрения расклас-

сифицировать решимые алгоритмические проблемы по «степени сложности решения». О такой классификации для алгоритмических проблем теории групп см. [Каннонито, Гаттердам, 1973].

2.8.2. Нижние оценки. Как мы уже отмечали, ситуация с нижними оценками принципиально отличается от ситуации с верхними. Установить нижнюю оценку — это значит доказать, что никакой алгоритм вычисления на данной модели не имеет сложности вычисления меньше заданной функции f . Основным методом получения нижних оценок является диагонализация (о других подходах см. [Слисенко, 1981, гл. 3, § 2]). Примерами использования метода диагонализации для построения множеств с заданными нижними оценками сложности являются теоремы об иерархии (см. § 1.7).

Диагональные конструкции были использованы также при получении нижних оценок для сложности разрешения логических теорий (см. [Ферранте, Раков, 1979]). В качестве возможных оценок рассматривались функции от длины формулы. Оказалось, что для многих (можно сказать, для большинства) логических теорий имеет место экспоненциальная нижняя оценка сложности (все равно какой, временной или емкостной) разрешения. А для такой теории, как слабая монадическая теория следования второго порядка, дело обстоит «еще хуже». Названная теория есть теория структуры с носителем \mathbb{N} с единственной сигнатурной функцией — прибавлением единицы, но зато с допущением кванторов не только по натуральным числам, но и по конечным множествам натуральных чисел. Хотя для этой теории и существует разрешающий (т. е. распознающий истинность формул) алгоритм, в практическом смысле она оказывается неразрешимой: действительно, как показано в [Мейер, 1975], для любого разрешающего алгоритма его (все равно какая) сложность не мажорируется никакой

сверхэкспонентой 2^{2^n} с фиксированным числом этажей. Аналогичный результат имеет место для элементарной теории свободной группы: хотя вопрос о разрешимости этой теории остается открытым, она «практически неразрешима»: для нее не существует разрешающего алгоритма со сверхэкспоненциальной (с фиксированным числом этажей) верхней оценкой времени или емкости (см. [Семенов, 1980]). Популярный очерк решимых массовых проблем, не обла-

дающих, однако, каким бы то ни было «практическим» решающим алгоритмом, см. в [Стокмейер, Чандра, 1979].

В теории сложности все же есть нижние оценки, полученные не диагональным методом. Это, например, квадратичные нижние оценки для задач типа идентификации слов при условии, что в качестве вычислительной модели берется одноленточная машина Тьюринга. Для задачи распознавания симметрии слов такая оценка найдена в [Барздинь, 1965]. Другой пример — это умножение чисел при условии, что очередной разряд результата должен выдаваться «достаточно рано» (см. [Патерсон, Фишер, Мейер, 1974]). Относительно емкости отметим (упоминавшуюся в § 1.7) нижнюю оценку для емкости распознавания множеств, не являющихся распознаваемыми с нулевой емкостью. Интересно было бы получить соответствующую оценку для вычисления функций (а не только для предикатов) и, с другой стороны, для емкости порождения (а не только для разрешения) множеств. При этом, конечно, надо соответствующим образом определить эту емкость порождения. С некоторой точки зрения все перечисленные «недиагональные» оценки имеют «негативный» смысл — они показывают, что рассматриваемая вычислительная модель недостаточно универсальна с точки зрения сложности вычисления.

Заметим, наконец, что соображения об оценках «с точностью до», высказанные в связи с верхними оценками, имеют не меньший смысл и в приложении к нижним оценкам.

§ 2.9. Влияние теории алгоритмов на алгоритмическую практику

2.9.0. В настоящее время большинство явно сформулированных и используемых человеком в его деятельности алгоритмов — это программы для ЭВМ (см. [Кнут, 1974], [Кнут, 1974а]). О масштабах «алгоритмической» деятельности человечества важно судить по возникающим в ней организационным проблемам (см. [Брукс, 1975]). Таким образом, программирование — это алгоритмическая практика, теоретическое программирование — это (при широком понимании термина) вся теория алгоритмов (например, теорему Гёделя о неполноте можно рассматривать как теорему теоретического программирования, ср. [Глушков, 1979]).

Общепринято, однако, другое понимание термина «теоретическое программирование» — как области теории алго-

ритмов, концентрирующей себя вокруг взаимоотношения программы как чисто синтаксического, неинтерпретированного объекта и содержания (смысла, значения) программы. Конечно, для теоретического программирования характерен интерес к порожденным практикой темам, которых не касалась классическая теория алгоритмов, таким как параллельное программирование (см. [Котов, 1974]) или структуры данных (см. [Скотт, 1970]). Тем не менее «общая часть» теоретического программирования и теории алгоритмов велика, и классическая теория алгоритмов оказала бесспорное влияние на программирование. Это влияние, однако, состояло не в использовании каких-либо теорем, оно носило скорее идейный характер. Попытаемся проследить, как оно происходило, перечислив соответствующие результаты и понятия общей теории алгоритмов.

2.9.1. Общее понятие алгоритма и возможность его формализации. В вычислительной практике важную роль сыграло осознание того, что любая вычислительная машина (если игнорировать физические ресурсы) может вычислять любую вычислимую функцию и никакая машина не может вычислять невычислимую. Также важную, хотя и не всегда однозначно полезную роль играло утверждение о том, что все задачи, решаемые человеком, могут быть решены подходящими алгоритмами, в частности на ЭВМ.

2.9.2. Существование нерешимых алгоритмических проблем в математике и нерешаемость многих естественно возникших проблем. О некоторых задачах стало заранее известно, что искать их полное и точное решение безнадежно и нужно выработать реалистический подход, основанный на отказе от полноты, абсолютной достоверности или чего-то еще. Конечно, разделение задач на решимые и нерешимые имело и отрицательные последствия, возникло искушение рассматривать всякую решимую задачу как практически решаемую, почти решенную, если не сегодня, то при дальнейшем прогрессе вычислительной техники.

2.9.3. Появление различных понятий сложности вычисления и порождения. Возможность строгого абстрактного определения того, что такое сложность вычисления, стимулировало разработку эффективных алгоритмов и дало возможность их объективного сравнения (см. [Слисенко, 1981]). Большое практическое значение имело определение класса NP и доказательство полиномиальной эквивалентности многих «переборных» задач. Это, наряду с экспоненциальными нижними оценками, разрушило иллюзию, о которой

говорилось в предыдущем абзаце; выяснилось, что одного только существования алгоритма, решающего ту или иную массовую проблему, далеко не достаточно для практики. Тем самым еще раз подтвердилась важность нестандартных (эвристических, приближенных и т. д.) подходов (см. [Рабин, 1974]). С другой стороны, теоретические алгоритмы, для которых были доказаны «хорошие» полиномиальные верхние оценки сложности, нашли практические приложения.

2.9.4. Неалгоритмическое описание вычислимых функций (μ -рекурсивные функции, исчисление Эрбрана — Гёделя, исчисление λ -конверсии, неподвижные точки вычислимых операторов и т. д.; обзор и классификацию таких описаний см. в [Ершов А., 1982а]). Неалгоритмическое (непроцедурное) описание вычислимых функций оказалось важным средством программирования. Начиная с языка лисп, соответствующие конструкции вошли во многие языки программирования, кроме того, неалгоритмическое описание является основой многих формальных определений семантики программ.

2.9.5. Вычислительные и порождающие модели. Основную роль в программировании играют не сами представительные модели, а их (уже непредставительные) модификации и ограничения. Типичные примеры таких ограничений — магазинные автоматы и контекстно-свободные грамматики. Контекстно-свободные грамматики широко использовались для задания синтаксиса языков программирования, начиная с алгола-60; при описании алгола-68 понадобился более общий вид исчислений — грамматики ван Вейнгаардена.

Именно непредставительность, ограниченность моделей и позволяет в какой-то степени использовать их при создании эффективных алгоритмов обработки программ, прежде всего алгоритмов трансляции. Разнообразие различных представительных вычислительных моделей, которое с точки зрения общей теории алгоритмов может показаться излишним, оказывается весьма осмысленным с практической точки зрения: ведь для практики вопрос о степени удобства, с которой тот или иной алгоритм записывается на языке программирования, оказывается жизненно важным. Рост числа языков программирования в конце 60-х — начале 70-х годов (речь идет о сотнях и даже тысячах языков, см. [Семенов, Семенова, 1974]) позволял говорить даже о «вавилонской башне» в программировании.

2.9.6. Трактовка программ как объектов вычисления. Фон Нейман был первым, кто ввел это фундаментальное открытие теории алгоритмов в алгоритмическую практику (см. [Нейман, 1963]). Принцип хранимой и модифицируемой программы стал одной из основ системного программирования. Неотъемлемыми частями каждой ЭВМ являются компилятор и другие компоненты операционной системы, ориентированные на модификацию и выполнение программ потребителей. Машина с действующим интерпретатором есть в точности универсальный алгоритм в смысле теории алгоритмов. Дальнейшим развитием этих идей явилась концепция смешанного вычисления (см. [Ершов А., 1982]), позволяющая в единой точке зрения взглянуть на многие кажущиеся различными способы обработки программ и данных.

2.9.7. Рассмотрение программ как объектов порождения (как и результаты о логических исчислениях) стимулировало развитие формальных систем, предназначенных для доказательства утверждений о программах (см. [Хорр, 1969], [Непомнящий, 1979]). Важнейший класс таких утверждений образуют утверждения о так называемой правильности программ, т. е. о том, что рассматриваемая программа «делает, что надо».

2.9.8. Смешанные вычисления. Поучительным примером взаимодействия теории алгоритмов и вычислительной практики является развитая А. П. Ершовым и его учениками теория смешанных вычислений [Ершов, 1982], [Ершов, 1984]. Мы коснемся самого начала этой теории. Начнем с двух замечаний.

1. Пусть аргументами алгоритма служат пары $\langle x, y \rangle$. Тогда фиксация x дает алгоритм с аргументом y .

2. Программа алгоритма, получаемого фиксацией x , может быть эффективно построена по программе первоначального алгоритма, если используемый способ программирования — главный.

Эти два замечания содержательной теории алгоритмов составляют так называемую s — m — n -теорему. О ней мы уже говорили в п. 1.14.3. Отметим, что фиксация одного члена пары может рассматриваться как типичный пример сужения области исходных данных. Получаемый при этом алгоритм называется специализацией исходного.

s — m — n -теорема может рассматриваться как теоретическое подтверждение идеи автоматизации программирования. Действительно, как мы видим, имеется автоматический

способ получать из общего алгоритма его специализацию. Заметим, однако, что формулировка теоремы не дает конкретного рецепта специализации. Попытка же извлечь алгоритм специализации из обычного доказательства $s—m—n$ -теоремы, конечно, не приводит к удовлетворительному результату. Это доказательство гласит: «Вот требуемая программа: образуй из x и y пару и примени к ней первоначальный алгоритм». В то же время содержательно понимаемая цель специализации состоит в получении алгоритма, более эффективного чем первоначальный, общий, от двух аргументов. Смысл ограничения области аргументов как раз и состоит в получении более эффективного (т. е. более экономного по времени и емкости, с более короткой программой и т. д.) алгоритма.

Чтобы найти теоретические основания для специализации, приводящей к более эффективным алгоритмам, уже недостаточно ограничиваться качественной теорией алгоритмов. Нужно фиксировать какой-либо язык программирования. Возьмем, например, простой естественный язык, в котором программы строятся из элементарных команд и проверок с помощью основных конструкций структурного программирования: последовательного выполнения, разветвления и повторения. С текстом программы на таком языке (конструктивным объектом) можно выполнять различные операции. Можно, скажем, подставить в этот текст известное значение входной переменной, заметить, что в силу ложности какой-либо проверки некоторую команду не понадобится выполнять и выкинуть эту команду. Другой вариант — все аргументы функции оказались известны, можно вычислить значение функции и упростить выражение, ее содержащее. Операции над текстом программы, о которых мы сейчас говорили: устранение фиктивной ветви вычисления и подстановка значения функции, относятся к числу так называемых редукций. Как мы видим, при редукции текст программы в каком-то смысле, упрощается. С другой стороны, программа может содержать конструкцию повторения. В этом случае бывает полезно преобразовать текст команды повторения в более длинный — развернуть его, выделив первое повторение, за которым опять пойдет команда повторения. Усложнение текста программы при развертывании может компенсироваться последующей редукцией.

Процессы редукции и развертывания задают очень простое и естественное исчисление со входом, причем на вход подается первоначальная программа с заданными значе-

ниями некоторых переменных. Процесс специализации представляется как вывод в исчислении. Результатом работы исчисления со входом является специализация исходной программы. В частном случае специализация может состоять из одного объекта — результата работы программы.

Всякий процесс перехода от алгоритма к его специализации с использованием описанных операций редукции и развертывания называется *смешанным вычислением*. Единое рассмотрение процессов вычисления, компиляции (перевода на машинный язык) и выполнения программ явилось одним из мощных принципов современного программирования, в какой-то мере позволяющим устранить границу между человеческим — «предэкраным» миром и машинным — «заэкраным» [Кушниренко и др., 1985], [Бетелин, 1985].

2.9.9. Методы программирования. Здесь имеются в виду методы построения алгоритмов и доказательства их правильности, появившиеся внутри теории алгоритмов. Наиболее показателен в этом отношении пример структурированного программирования. Основные операторы образования структурированных программ (последовательное выполнение, разветвление, повторение) были введены в начале 50-х годов при описании нормальных алгорифмов Маркова (см. [Марков, 1954, гл. III], [Нагорный, 1977]). Одновременно были даны нетривиальные примеры индуктивного доказательства правильности программ, построенных с помощью этих операторов (в частности, программы универсального алгоритма, т. е. интерпретатора). В абстрактной, алгебраической форме операторы структурированного программирования были введены в системах алгоритмических алгебр Глушкова; одновременно были рассмотрены содержательные с точки зрения практического программирования примеры преобразования программ и доказательства их правильности (см. [Глушков, 1965]). В 70-е годы структурированное программирование стало одним из инструментов практического программиста. Показательные примеры взаимодействия алгоритмической теории и алгоритмической практики в области методов и языков программирования прослеживаются в [Ершов А., 1977], [Лавров С., 1984], [Тыгу, 1984].

2.9.10. Программирование как вторая грамотность. «...Мы сами живем в мире программ, подчас не сознавая этого» [Ершов А., Звенигородский, 1979, с. 47]. Убыстряющееся развитие вычислительной техники и программирования будет включать в алгоритмическую практику (кото-

рая, в свою очередь, будет составлять все большую часть разумной деятельности человека) все более широкий круг идей теории алгоритмов (и требовать от теории алгоритмов новых открытий).

Алгоритмические концепции играют в процессе обучения и воспитания современного человека фундаментальную роль, сравнимую лишь с ролью письменности (отсюда предложенный А. П. Ершовым термин «вторая грамотность», см. [Ершов А., Звенигородский, 1979], [Ершов А., 1981a]). Возможность обучения учащихся начальной школы программированию на базе абстрактных вычислительных моделей (не только для подготовки их к будущей профессии, но и для развития способности к формальному мышлению) обсуждается в [Успенский, 1979, гл. 1, § 5].

Согласно [Ершов А., Звенигородский, 1979, с. 48], «программирование... есть способность выразить любой «правильный» процесс средствами, доступными для передачи машине», т. е. прежде всего алгоритмическими средствами. Поэтому «мы естественно приходим к проблеме фундаментализации программирования, выделения в нем некоторых «натуральных» сущностей» [Ершов А., 1981a, с. 81]. Система «натуральных сущностей» программирования формируется под сильным влиянием системы основных понятий теории алгоритмов и исчислений (впрочем, и эта последняя система испытывает влияние первой). «Сумма знаний по этим вопросам должна подвергнуться тщательному концептуальному анализу и в объединении с математическими и лингвистическими концепциями стать фундаментальной компонентой общего образования» [Ершов А., 1981a, с. 18].

2.9.11. Математическая логика и вычислительная техника. Один из самых выдающихся программистов нашего времени Э. Дейкстра в недавно опубликованной статье [Дейкстра, 1986] называет блестящим предвидением следующее высказывание другого известного специалиста, автора языка лисп Дж. Маккарти, сделанное еще в 1967 г.: «Разумно ожидать, что связи между вычислительной техникой и математической логикой окажутся столь же плодотворными в следующем столетии, какими были связи между математическим анализом и физикой в столетии предыдущем». Еще одна попытка анализа этих связей предпринята в [Семенов, Успенский, 1986].

ДОПОЛНЕНИЕ

О ВЕРОЯТНОСТНЫХ АЛГОРИТМАХ (КАК ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЧАЙНОСТИ ПОЗВОЛЯЕТ УКРАЧИВАТЬ ВЫЧИСЛЕНИЯ)

Настоящее Дополнение посвящено замечательным эффектам, возникающим при вмешательстве случая в детерминированный алгоритмический процесс. Выясняется, что такое вмешательство можно «обратить во благо». Дополнение написано так, чтобы заинтересовавшийся данной проблематикой читатель (например, специалист по теории вероятностей) мог читать его независимо от основного текста книги.

Дополнение состоит из трех параграфов. Первый имеет вводный характер. Во втором дается обзор главных результатов, связанных с вычислениями на вероятностных машинах. В третьем параграфе приводятся необходимые формальные определения.

§ Д.1. Предварительные замечания

В нашем повседневном поведении мы все время сознательно или бессознательно пренебрегаем маловероятными событиями и получаем от этого заметный выигрыш. Трудно даже вообразить, во что превратилась бы наша жизнь, если мы постоянно учитывали бы все теоретически возможные, но маловероятные случаи. Математическая теория этого фундаментального эффекта — наличия выигрыша от пренебрежения малыми вероятностями — в его (эффекта) полном объеме находится за пределами возможностей современной науки. Однако можно попытаться начать со сравнительно простых моделей. Вот один пример.

Предположим, что на расстоянии одного шага от нас либо влево, либо вправо (но мы не знаем, влево или вправо!) положена записка с неизвестным нам числом. Спрашивается, сколько надо сделать шагов, чтобы узнать, четно оно или нечетно? Ясно, что гарантировать ответ мы можем, только имея возможность сделать три шага (один влево и, если там нет записки, два вправо). Если нас устраивает ответ с вероятностью $1/2$, достаточно нуля шагов: не двигаясь с места, мы прибегаем к жребию и получаем результат, достоверный с вероятностью $1/2$. Ограничим себя одним шагом. Оказывается, мы можем выбрать такую стратегию, что при любом реальном положении записки вероятность правильного ответа будет $3/4$. Для этого надо поступить так: жребием определяем, идти нам влево или вправо, и если не обнаруживаем записки, снова прибегаем к жребию — на этот раз, чтобы провозгласить четность или нечетность.

Приведенный пример показывает, что *вероятностные* (или *стохастические*) алгоритмы, т. е. алгоритмы, предусматривающие возмож-

ность — на определенных этапах своей работы — обращения к жребию, могут давать экономию во времени работы (т. е. в числе шагов) за счет замены абсолютной достоверности результата достоверностью с высокой вероятностью. Конечно, вероятность $3/4$, полученная в примере, это еще не очень высокая вероятность, но это только пример: более сложные конструкции позволяют увеличивать эту вероятность.

Сказанное имело целью обосновать ту мысль, что разработка *математической теории вероятностных алгоритмов* — это чрезвычайно актуальная задача. Названная теория затрагивает глубинные проблемы поведения людей и машин и имеет практические перспективы.

Как и в обычной теории алгоритмов, в теории вероятностных алгоритмов можно выделить дескриптивную (качественную) и метрическую (сложностную) стороны. Зарождение *дескриптивной теории вероятностных алгоритмов* можно отнести к 1956 г., когда Шеннон с соавторами опубликовал известную статью [Леу и др., 1956]. В этой статье устанавливалось, что при разумных определениях посредством вероятностных алгоритмов можно вычислить в точности тот же запас функций, что и посредством обычных, детерминированных алгоритмов. Поэтому привлечение вероятности не приносит чего-либо нового в дескриптивную теорию алгоритмов. Иначе обстоит дело в метрическом случае. Уже в первых публикациях по метрической теории вероятностных алгоритмов [Гилл, 1974], [Трахтенброт, 1974] был продемонстрирован выигрыш во времени вычисления, который можно получить, эксплуатируя случайность при построении алгоритмов. В первой из этих публикаций построены такие язык L и функция $t(x)$, что 1) для любого $\varepsilon > 0$ существует вероятностная машина Тьюринга, распознающая L с вероятностью $1 - \varepsilon$ за время $t(x)$; 2) если $t'(x)$ — время работы детерминированной машины Тьюринга, распознающей L , то для бесконечного множества x выполняется $t'(x) > t(x)$ (точные определения см. в § П.3). Во второй построена пара языков, отделимых на вероятностных машинах Тьюринга за время $\text{const} \cdot n \cdot \log n$ и таких, что их отделение на детерминированных машинах Тьюринга требует времени $\text{const} \cdot n^2$.

По-видимому, 1974 г. и следует считать годом зарождения *метрической теории вероятностных алгоритмов*. Эту теорию вряд ли можно считать уже сформировавшейся: процесс ее становления совершается на наших глазах. Решающий вклад в этот процесс внесли исследования латвийского математика Р. В. Фрейвалда.

Могут возразить, что еще в 1944 г. фон Нейман и Улам начали применять для решения на ЭВМ прикладных задач *метод статистических испытаний*, он же *метод Монте-Карло*. Как известно (см. [Марчук, 1976], [Ермаков, 1971]), этот метод использует понятие случайности для осуществления вычислений. Но ведь и первые алгоритмы были построены еще Евклидом и ал-Хорезми, тогда как общее понятие алгоритма и теория алгоритмов появились лишь в двадцатом веке. Кроме того, на концептуальном уровне методы современной теории вероятностных алгоритмов отличаются от методов Монте-Карло по крайней мере в следующих трех аспектах.

Во-первых, вероятностные алгоритмы Монте-Карло лучше детерминированных (т. е. не использующих понятие случайности) алгоритмов, известных к данному моменту, но ни про один из них не доказано, что он лучше *всех мыслимых* детерминированных алгоритмов. В современной теории строятся такие вероятностные алгоритмы, которые именно лучше *всех мыслимых* детерминированных, приводящих к тем же результатам.

Далее, во-вторых, методы Монте-Карло применяются в обстановке

непрерывной среды, и речь всегда идет о приближенном вычислении. Среда, с которой мы будем иметь дело — всегда дискретна, и речь всегда идет о совершенно точных вычислениях. Более конкретно, рассматриваются вычисления, на вход которых подаются слова какого-либо фиксированного алфавита, а на выходе получаются нуль или единица.

Наконец, в-третьих, в методе Монте-Карло применение вычислительных машин, как это ни парадоксально, — не главное. Главное — это некоторый физический процесс, осуществляемый по законам статистики (см. [Ченцов, 1976]), а машины используются лишь как удобное средство для моделирования этого процесса. (Пример: вычисление определенного интеграла методом Монте-Карло состоит в моделировании на машине следующего физического процесса. На мишени рисуется геометрическая фигура, площадь которой выражается искомым интегралом, и далее мишень бомбардируется дробью — достаточно мелкой, в достаточно большом количестве и с равномерным распределением вероятности попадания.) В работах Фрейвалда и его предшественников абстрактные вычислительные машины служат не средством моделирования непрерывных физических процессов, а исполнителями хитроумных алгоритмов, специально разработанных авторами для достижения своих целей, т. е. для экономного вычисления рассматриваемых функций.

В работах по вероятностной теории — как это и общепринято в математической теории алгоритмов — используются не реальные, а абстрактные, идеализированные вычислительные устройства. В качестве таких устройств фигурируют устройства двух типов: 1) *конечные автоматы* и 2) *машины Тьюринга*.

Понятие конечного автомата отражает в абстрактной форме представление об исполнителе алгоритма с раз и навсегда ограниченным объемом памяти. Понятие машины Тьюринга отражает представление об исполнителе с конечным в каждый отдельный момент, но потенциально неограниченным объемом памяти. Обычные конечные автоматы и машины Тьюринга работают детерминированно; в вероятностной теории наряду с такими обычными устройствами рассматриваются также и их вероятностные аналоги.

Отличие вероятностного устройства от детерминированного состоит в том, что программа предусматривает специальную команду: «обратиться к жребию». От результата обращения к жребию зависит, какая команда будет исполняться на следующем шаге. Сам жребий можно представлять себе как результат датчика случайной буквы, выбираемой из конечного алфавита; этот датчик работает по схеме независимых испытаний с равновероятными исходами. Достаточно ограничиться двубуквенным алфавитом: все теоремы из § Д.2 остаются при этом справедливыми.

Настоящее Дополнение посвящено проблематике, связанной с вероятностными машинами Тьюринга. В силу сказанного, работу такой машины можно представлять себе следующим образом. Имеются две конкурирующие ветви программы, и машина перед каждым своим шагом с вероятностью $1/2$ выбирает одну из них в качестве руководства к действию. Замечательно, что правильный результат может получаться при этом со сколь угодно высокой степенью достоверности.

Машина Тьюринга (точнее, одноголовочная машина Тьюринга) — это устройство с конечным числом состояний (*внутренних состояний машины*), способное перемещаться по пространству внешней памяти и менять записанные в ячейках этого пространства символы конечного алфавита. И движения, и замена символов протекают по программе — детерминированно для детерминированных (обычных) машин, с привле-

чением случая для вероятностных машин. Наиболее простой, но достаточный для осуществления любых алгоритмов вид внешней памяти — конечная в каждый момент, но растущая по мере надобности и разбитая на ячейки лента (*рабочая лента*). Различные виды машин Тьюринга различаются между собой способом подачи входной информации, какой всегда является некоторое слово, — а именно тем, записывается ли это слово на рабочей ленте (*для машин Тьюринга без входа и выхода: МТБВ*) или же на особой входной ленте с возможностью читающего устройства считывать это входное слово, причем только слева направо (*односторонние машины: 1-МТ*) или же в обе стороны (*двусторонние машины: 2-МТ*). Все эти, а также некоторые другие разновидности, возникающие в связи со специальной организацией выхода (*машины Тьюринга со входом и выходом: МТВ*) подробно разъясняются в § Д.3.

Мы ограничиваемся функциями, определенными на множестве всех слов какого-либо конечного алфавита и принимающими значения 0 или 1, т. е. характеристическими функциями множеств (можно поэтому считать, что мы занимаемся распознаванием множеств слов), и такое ограничение с точки зрения общности определения несущественно, а с точки зрения отбора материала для изложения вполне оправдано. В самом деле, это ограничение позволяет изучить эффекты, возникающие при сопоставлении вероятностных машин с детерминированными, в чистом виде, без дополнительных обстоятельств (вызванных, скажем, величиной значения функции).

Основная цель — изучить, какой выигрыш может быть достигнут при переходе от вычислений функций на детерминированных машинах к вычислению на вероятностных машинах — причем со сколь угодно высокой вероятностью (в рассматриваемых нами постановках, как легко заметить, увеличение вероятности не меняет «порядка выигрыша»). Естественно спросить, в каких терминах определяется сам выигрыш. Естественно ответить, что выигрыш определяется как уменьшение меры сложности. К вопросу о мере сложности, как известно, возможны два подхода.

Первый состоит в том, что рассматривается *сложность* самого алгоритма — например, объем программы машины Тьюринга, т. е. попросту произведение количества внутренних состояний машины на количество букв рабочего алфавита (который в общем случае шире, нежели алфавит входной).

Второй сосредотачивает свое внимание на *сложности* процесса вычислений — например, на времени вычислений (*временная сложность* или, короче, *время*) или на объеме внешней памяти (*ленточная сложность* или, короче, *емкость*).

Насколько известно авторам, современная теория ограничивается вторым подходом, не уделяя, к сожалению, никакого внимания первому.

Можно высказать еще одно сожаление, относящееся ко всей теории сложности вычислений — как для вероятностных машин, так и для детерминированных. Дело в том, что оценки сложности вычисления (времени или емкости) носят, как правило, асимптотический характер — при том, что время и емкость рассматриваются как функции от длины подаваемого на вход аргумента, и сама эта длина устремляется к бесконечности. Выигрыш в сложности, достигаемый при переходе от одних («худших») алгоритмов к другим («лучшим»), тоже оценивается асимптотически. Если, скажем, верхняя оценка времени имела порядок n^2 , где n — длина подаваемого на вход слова, а новая оценка того же времени (для какой-либо фиксированной задачи) снижена до порядка $n \cdot \ln n$, то это считается (и не без оснований) большим успехом. Но ведь

все эти оценки действуют с мультипликативными константами c и начиная с некоторого n_0 . Константа c и n_0 могут быть столь велики, что для слов реальной длины прежний (асимптотически худший) алгоритм лучше нового (асимптотически лучшего).

Одним из наиболее замечательных достижений теории является теорема Фрейвалда о том, что время порядка n^2 , нужное для распознавания симметрии слов длины n на детерминированных машинах, можно заменить на $n \cdot \ln n$ для вероятностных машин — причем со сколь угодно высокой вероятностью $1 - \varepsilon$. Но при уменьшении ε растут c и n_0 , и порядок роста функций $c(\varepsilon)$ и $n_0(\varepsilon)$ представляет большой интерес. К сожалению, этот вопрос еще не исследован. Отсутствие соответствующих результатов тем более досадно, что вероятностный подход по своей природе связан с законом больших чисел, т. е. с большими n . Если интересоваться вычислениями с высокой степенью вероятности, то можно ожидать, что реальный выигрыш во времени и емкости не будет иметь места при малых n . Во всяком случае, определение размера n , при котором в принципе возможен выигрыш от применения стохастических алгоритмов, представляет важную задачу.

И, наконец, последнее замечание. Из упоминавшейся статьи [Леу и др., 1956] вытекает, что на вероятностных машинах Тьюринга можно вычислять те и только те функции, которые вычисляются на детерминированных машинах. Теория показывает, что для некоторых важных функций переход от детерминированных машин к вероятностным дает значительную экономию вычислительных ресурсов (времени, емкости). Остается неизвестным, бывают ли нетривиальные функции, где такой экономии получить нельзя (тривиальные, конечно, бывают, например, константы).

§ Д.2. Основные результаты

Прежде чем перейти к обзору основных результатов теории, следует сделать одно принципиальное замечание. Сложность — будь то время или емкость — вычислений на детерминированных и вероятностных машинах должна (это вызвано существом дела!) пониматься по-разному. Для детерминированной машины — это число шагов или объем внешней памяти, затраченные на обработку аргумента вплоть до появления результата. Но у вероятностной машины сам результат по прошествии данного числа шагов или после затраты данного объема памяти возникает лишь с той или иной вероятностью. Поэтому сама оценка сложности носит вероятностный характер. Суть дела такова (подробнее см. § Д.3). Говорят, что машина выдает результат (выход) y для аргумента (входа) x со сложностью (временной, ленточной) m и с вероятностью p , если при подаче на вход x , с вероятностью, не меньшей, чем p , наступает следующее событие: машина, израсходовав и более чем m «единиц сложности» (шагов, ячеек ленты), останавливается с результатом y . Машина вычисляет всюду определенную функцию $y = \varphi(x)$ со сложностью $m(x)$ и вероятностью p , если она для каждого x_0 вычисляет $\varphi(x_0)$ со сложностью $m(x_0)$ и вероятностью p . Таким образом, для вероятностной машины сложность не восстанавливается однозначно — даже при фиксированной вероятности p . Если m — сложность и $m' > m$, то m' — тоже сложность (с той же вероятностью p). Речь поэтому всегда идет о возможности — для данного $p > 1/2$ — такой машины и такой сложности, которые обеспечивают вычисление интересующей нас функции.

О сложности вычисления конкретных функций мало что известно даже для вычислений на детерминированных машинах. Здесь получил признание результат Барздиня, полученный в 1963 г. и опубликованный в [Барздинь, 1965] о временной сложности распознавания симметрии. Требовалось найти время такого распознавания; иначе говоря, требовалось найти время вычисления характеристической функции множества всех симметричных слов. Барздинь показал, что это время имеет порядок n^2 , где n — длина слова. Это значит, что

1) существуют такой алгоритм распознавания симметрии на машине Тьюринга и такая константа c_2 , что для всех слов длины n время работы машины не превосходит $c_2 \cdot n^2$ (этот факт получить нетрудно);

2) для любого алгоритма распознавания симметрии найдутся такая положительная константа c_1 и такое натуральное n_0 , что для каждого $n > n_0$ найдется слово длины n , при подаче которого на вход время работы будет превосходить $c_1 \cdot n^2$. (Этот факт получить трудно, он и образует основное содержание теоремы Барздиня).

Одна из теорем Фрейвалда позволяет при переходе от детерминированных машин Тьюринга к вероятностным снизить оценку n^2 до $n \cdot \ln n$.

Теорема [Фрейвалд, 1979]. Для любого $\varepsilon > 0$ существует вероятностная машина Тьюринга, которая распознает симметрию слов в алфавите $\{0, 1\}$ с вероятностью $1 - \varepsilon$ за время, по порядку равное $n \cdot \ln n$.

Примечание. Две функции имеют *один и тот же порядок*, если их отношение ограничено сверху и снизу положительными конечными константами. Машина, о которой идет речь, — это МТБВ (точнее, одноголовочная одноленточная машина без входа и выхода, см. § Д.3).

Метод доказательства сформулированной теоремы имеет философскую глубину. Он назван ее автором *методом инвариантов* и состоит в следующем. Предположим, что задан один объект и другой, относительно которого мы не знаем, тот же это, что и первый, или нет. (Пример: первый объект — определенный человек, второй объект — изображение на фотоснимке; требуется узнать, является ли это изображение изображением интересующего нас лица). Можно пытаться так устанавливать совпадение или несовпадение объектов: выбрать некоторые просто вычисляемые функции и сравнивать между собой значения этих функций на этих объектах. Разумеется, для тождественных объектов все соответственные значения совпадут. Они могут совпасть и для различных объектов, но это маловероятно. (При отождествлении человека в фотоснимком в качестве таких функций берут некоторые характерные черепные расстояния.) В процессе доказательства теоремы совпадение или несовпадение двух чисел устанавливается посредством изучения совпадения или несовпадения их остатков по некоторому (одному единственному!) модулю. Конечно, остатки могут совпасть, а исследуемые числа оказаться различными, но автор показывает, что при разумной организации случая *ного* подбора модуля у различных чисел с высокой вероятностью окажутся различными и остатки.

Обсуждаемая теорема (точнее, ее предварительный вариант из [Фрейвалд, 1975], где вместо $\ln n$ стояло $\ln^2 n$) представляет собой *первую* (исторически) теорему, где относительно какой бы то ни было конкретной функции показано, что вероятностные машины вычисляют ее асимптотически быстрее детерминированных.

Естественно возникает вопрос, нельзя ли порядок $n \cdot \ln n$, найденный для распознавания симметрии на вероятностных машинах, еще уменьшить. Отрицательный ответ на этот вопрос дает следующая теорема.

Теорема ([Фрейвалд, 1975], [Фрейвалд, 1979]). Пусть $\varepsilon < 1/2$ и пусть некоторая вероятностная машина Тьюринга (МТБВ) распознает симметрию слов в алфавите $\{0, 1\}$ с вероятностью $1 - \varepsilon$ за время $t(x)$. Тогда существует такая константа $c > 0$, что для бесконечно многих x выполняется

$$t(x) > c \cdot |x| \cdot \log_2 |x|, \text{ где } |x| \text{ — длина слова } x.$$

Один из пионеров теории вычислений на вероятностных машинах Тьюринга — автор одной из первых теорем на эту тему — Дж. Гилл выдвинул (см. [Гилл, 1974]) гипотезу, что преимущество во времени вычисления вероятностных машин перед детерминированными не может сказываться для почти всех (т. е. всех, кроме конечного числа) аргументов. Ситуация с распознаванием симметрии, казалось бы, подтверждает эту гипотезу. Действительно, для бесконечно многих слов — например, состоящих из одних нулей — никакая вероятностная машина не может работать быстрее детерминированной (если, разумеется, рассматривать лишь вычисления с вероятностью, большей, чем $1/2$). Однако гипотеза Гилла оказывается неверной; это установлено в следующей теореме. Язык F , о котором говорится в теореме, состоит из всех тех и только тех слов P в некотором фиксированном однобуквенном алфавите, для которых найдутся натуральные u и v со следующими свойствами: 1) $0 \leq v \leq u$; 2) длина слова P равна $2^{2^u} + v$.

Теорема ([Фрейвалд, 1975], [Фрейвалд, 1979]). (1) Существует вероятностная машина Тьюринга (МТБВ), которая для сколь угодно малого положительного ε с вероятностью $1 - \varepsilon$ распознает язык F за время, по порядку равное $|x| \cdot \log_2 \log_2 |x|$, где $|x|$ — длина распознаваемого слова. (2) Для любой детерминированной машины Тьюринга (МТБВ), распознающей язык F , существует такая константа $c > 0$, что для всех x , кроме конечного числа, время работы машины на x не меньше, чем $c \cdot |x| \cdot \log_2 |x|$.

Таким образом, бывают функции, для которых преимущество в быстродействии вероятностных машин перед детерминированными достигается для почти всех аргументов.

Следующий результат касается тонкого вопроса: не вызван ли эффект быстродействия вероятностных машин разрешением давать, хотя и с малой вероятностью, неправильные результаты или же не давать результата вовсе. Оказывается, что нет, не вызван. Давайте ограничимся «точными» (по отношению к вычисляемой функции φ) вероятностными машинами, а именно машинами со следующими двумя дополнительными свойствами: во-первых, машина для каждого аргумента с вероятностью 1 кончает работу с выдачей некоторого результата; во-вторых, если машина выдала на аргументе x результат y , то $y = \varphi(x)$. В [Фрейвалд, 1979a] строится функция φ (всюду определенная на множестве всех слов некоторого алфавита и принимающая лишь значения 0 или 1), с тем свойством, что никакая детерминированная машина Тьюринга не может вычислять ее за время, меньшее по порядку, чем $|x|^{3/2} \cdot \sqrt{\log |x|}$, где $|x|$ — длина слова x . Иными словами, для всякой детерминированной машины Тьюринга (МТБВ) найдется такая константа $c > 0$, что для бесконечного количества слов будет выполнено неравенство $t(x) > |x|^{3/2} \sqrt{\log |x|}$, где $t(x)$ — время вычисления функции φ на аргументе x . А затем для этой же φ Фрейвалдом была построена точная вероятностная машина (МТБВ) со следующим свойством: для любого x и для любого $\varepsilon > 0$ вероятность того, что машина при работе на x закончит работу за время $O(|x| \cdot \log |x|)$, превышает $1 - \varepsilon$.

Таким образом, выявляется главная причина быстрого действия вероятностных машин по сравнению с детерминированными. Эта причина заключается не в возможности (хотя бы и маловероятной) получения неправильного результата, а в том, что для вероятностной машины возможны различные реализации ее работы (на одном и том же аргументе); и вероятность того, что среди этих реализаций найдутся сравнительно короткие, может быть сделана достаточно высокой.

В о п р о с. Верна ли гипотеза Гилла для точных машин?

Следующие две теоремы показывают, что переход к вероятностным вычислениям приводит к выигрышу не только во времени, но и в пространстве, а именно — в ленточной сложности (емкости). В обеих теоремах рассматриваются машины Тьюринга с входной лентой: в первой из них — односторонние машины, во второй — двусторонние.

Теорема об односторонних машинах ([Фрейвалд, 1981а, п. 5], [Фрейвалд, 1983]). Существует такая функция f из множества слов в множество $\{0, 1\}$, что

1) для любого $\varepsilon > 0$ существует вероятностная односторонняя машина Тьюринга, вычисляющая f с вероятностью $1 - \varepsilon$ и с емкостью $\log_2 |x|$,

2) для любой детерминированной односторонней машины Тьюринга, вычисляющей ту же f , найдется константа $c > 0$, такая что для бесконечно многих слов x емкость будет превышать $c \cdot |x|$.

Оказывается, в этой теореме (разумеется, для другой f) вместо $|x|$ можно подставить $\log_2 |x|$, но нельзя ни для какой f подставить $\log_2 \log_2 |x|$.

Наконец, теорема о двусторонних машинах из [Фрейвалд, 1983] оценивает емкость, с которой вычисляется характеристическая функция множества слов вида $\{0^n 1^n\}$. Это множество нерегулярно, и поэтому на детерминированных устройствах емкость не может быть ограниченной. Известно, что для детерминированных двусторонних машин Тьюринга она имеет порядок $\ln n$ (результат Хартманиса с соавторами, см. [Стирнз, Хартманис, Льюис, 1970]). Теорема о двусторонних машинах дает результат, который трудно назвать иначе, как поразительным: для вероятностных двусторонних машин емкость вычисления указанной функции можно считать константой! (Правда, эта константа растет с повышением вероятности того, что правильный результат будет получен с этой емкостью.)

§ Д.3. Формальные определения

Этот параграф имеет вспомогательный характер. В нем приводятся точные определения терминов, используемых в Дополнении. Редакция основных определений принадлежит Р. В. Фрейвалду.

Мы ограничиваемся функциями, определенными на множестве всех слов некоторого конечного алфавита и принимающими лишь значения 0 и 1. Каждая такая функция полностью характеризуется подмножеством слов, на которых ее значение равно 1. Процедуру вычисления такой функции можно рассматривать как процедуру распознавания этого подмножества. Про слово, на котором функция равна 1, говорят, что оно *принимается*, про слово, на котором функция равна 0, — что оно *отвергается*.

В теории распознавания произвольное подмножество множества всех слов в каком-либо алфавите (в терминологии этой книги *словарное множество*) принято называть *языком*. Эту терминологию мы и принимаем в данном Дополнении.

Детерминированная одноголовочная одноленточная машина Тьюринга без входа и выхода — это пятерка $\langle X, S, q_1, q_S, I \rangle$, где

X — конечный рабочий алфавит (букв на ленте), включающий символ Λ ;

S — конечный алфавит внутренних состояний;

q_1 — инициальное состояние ($q_1 \in S$);

q_S — стоп-состояние ($q_S \in S$);

I — множество инструкций, или команд. Каждая инструкция является цепочкой символов из $X \times S \times \{- \rightarrow\} \times S \times X \times \{C, R, L\}$. Первые два символа инструкции называются ее *левой частью*, а последние два символа — ее *правой частью*. Требуется, чтобы для любой цепочки из $X \times (S \setminus \{q_S\})$ в множестве I нашлась одна и только одна инструкция с такой левой частью.

У этой машины имеется одна *лента*, по которой передвигается одна *головка*. В начале работы на этой ленте написано рассматриваемое слово. Лента бесконечна в обе стороны, и все ячейки, не занятые данным словом, заполнены символами Λ . Машина начинает работу в состоянии q_1 , головка в начале работы расположена на первой с левой стороны букве рассматриваемого слова. Пусть на очередном шаге работы машины состояние равно $q_k \in S$ и головка обозревает букву $x \in X$. Пусть множество I содержит инструкцию $xq_k \rightarrow q_{k'} x' \zeta$. Тогда машина на этом шаге переходит в состояние $q_{k'}$, заменяет букву x на x' , и если $\zeta = R$, то головка двигается на одну ячейку вправо, если $\zeta = L$, то двигается на одну ячейку влево, и если $\zeta = C$, то остается на месте. Важно отметить, что вычисления не обязательно проходят только в той части ленты, которая первоначально была занята данным словом. Машина кончает работу, когда вырабатывающееся новое внутреннее состояние равно q_S . Данное слово *принимается*, если в момент завершения работы головка обозревает Λ , непосредственно слева и справа от которой стоит по букве Λ . Данное слово *отвергается*, если в момент завершения работы головка обозревает букву \emptyset , непосредственно слева и справа от которой стоит по букве Λ .

Говорят, что машина *распознает* язык L , если эта машина принимает все слова из языка L и отвергает все слова из дополнения \bar{L} языка L .

Детерминированная одноленточная одноголовочная машина Тьюринга с входом и выходом — это шестерка $\langle X, Y, Z, S, q_1, I \rangle$, где

X — конечный входной алфавит (букв на входе), включающий символ $\#$;

Y — конечный рабочий алфавит (букв на рабочей ленте), включающий символ Λ ;

Z — конечный выходной алфавит (букв на выходе), включающий символ Λ ;

S — конечный алфавит внутренних состояний;

q_1 — инициальное состояние ($q_1 \in S$);

I — множество инструкций, или команд. Каждая инструкция является цепочкой символов из $X \times Y \times S \times \{- \rightarrow\} \times S \times Y \times Z \times \{C, R, L\}$. Первые три символа инструкции называются ее *левой частью*, а последние четыре символа — ее *правой частью*. Требуется, чтобы для любой цепочки из $X \times Y \times S$ в множестве I нашлась одна и только одна инструкция с такой левой частью.

У этой машины имеется одна бесконечная в обе стороны *рабочая лента*, по которой передвигается одна *головка*. В начале работы машина находится в состоянии q_1 , на вход поступает первая буква рассматриваемого слова, рабочая лента пуста. Далее, на втором шаге на вход

поступает вторая буква слова, на третьем шаге — третья и т. д. После поступления на вход последней буквы слова начинают поступать символы $\#$. Пусть на очередном шаге работы машины состояние равно $q_k \in S$, головка обозревает букву $y \in Y$ и на вход поступает символ $x \in X$. Пусть множество I содержит инструкцию $x y q_k \rightarrow q_{k'} y' z \zeta$. Тогда машина на этом шаге переходит в состояние $q_{k'}$, заменяет букву y на y' , выдает на выход z , и если $\zeta = R$ ($\zeta = L$), то головка двигается на одну ячейку вправо (влево), и если $\zeta = c$, то остается на месте. Данное слово *принимается*, если первый отличающийся от Λ символ, выданный машиной на выход после поступления на вход последней буквы входного слова, равен 1. Слово *отвергается*, если этот символ равен 0.

Детерминированная односторонняя машина Тьюринга — это семерка $\langle X, Y, S, q_1, F_a, F_r, I \rangle$, где

X — конечный *входной алфавит* (букв на входной ленте), включающий символ $\#$;

Y — конечный *рабочий алфавит* (букв на рабочей ленте), включающий символ Λ ;

S — конечный алфавит *внутренних состояний*;

q_1 — *инициальное состояние* ($q_1 \in S$);

F_a — множество *принимаящих состояний* ($F_a \subseteq S$);

F_r — множество *отвергающих состояний* ($F_r \subseteq S$);

I — множество *инструкций*, или *команд*. Каждая инструкция является цепочкой символов на $X \times Y \times S \times \{\rightarrow\} \times S \times \{C, R\} \times Y \times \{C, R, L\}$, причем, если первый символ инструкции равен $\#$, то шестой символ этой инструкции равен C . Первые три символа инструкции называются ее *левой частью*, а последние четыре символа — ее *правой частью*. Требуется, чтобы для любой цепочки из $X \times Y \times (S \setminus (F_a \cup F_r))$ в множестве I нашлась одна и только одна инструкция с такой левой частью.

У этой машины имеются две ленты. Одна из них *входная*, на которой написано рассматриваемое входное слово, и другая — *рабочая*. Непосредственно после последней буквы слова на входной ленте написана одна буква $\#$. На каждой ленте расположено по одной *головке*. Машина начинает работу в состоянии q_1 . Головка входной ленты в начале работы расположена на первой букве входного слова. Рабочая лента в начале работы пуста, т. е. во всех ее ячейках записаны символы Λ . Пусть на очередном шаге работы машины состояние равно $q_k \in S$, головка входной ленты обозревает букву $x \in X$, головка рабочей ленты обозревает букву $y \in Y$, и пусть множество I содержит инструкцию $x y q_k \rightarrow q_{k'} \zeta_1 y' \zeta_2$. Тогда машина на этом шаге переходит в состояние $q_{k'}$; если $\zeta_1 = R$, то головка входной ленты двигается по ленте на одну ячейку вправо, а если $\zeta_1 = C$, то головка входной ленты остается на месте; вместо буквы y , обозреваемой на рабочей ленте, машина печатает букву y' , и, если $\zeta_2 = R$, то головка рабочей ленты двигается на одну ячейку вправо, если $\zeta_2 = L$, то — влево, и если $\zeta_2 = C$, то головка рабочей ленты остается на месте. Машина кончает работу, когда вырабатывающееся новое внутреннее состояние принадлежит $F_a \cup F_r$. Слово *принимается*, если это состояние принадлежит F_a , и *отвергается*, если — принадлежит F_r .

Детерминированная двусторонняя машина Тьюринга — это семерка $\langle X, Y, S, q_1, F_a, F_r, I \rangle$, где

X — конечный алфавит (букв на входной ленте), включающий символы \vdash и $\#$;

Y — конечный *входной алфавит* (букв на рабочей ленте), включающий символ Λ ;

S — конечный *рабочий алфавит внутренних состояний*;

q_1 — начальное состояние ($q_1 \in S$);
 F_a — множество принимающих состояний ($F_a \subseteq S$);
 F_r — множество отвергающих состояний ($F_r \subseteq S$);
 I — множество инструкций, или команд. Каждая инструкция является цепочкой символов из $X \times Y \times S \times \{\rightarrow\} \times S \times \{C, R, L\} \times X \times Y \times \{C, R, L\}$, причем если первый символ инструкции равен $\#$, то шестой символ этой инструкции принадлежит $\{C, L\}$, а если первый символ инструкции равен \flat , то шестой символ этой инструкции принадлежит $\{C, R\}$. Первые три символа инструкции называются ее *левой частью*, а последние четыре символа — ее *правой частью*. Требуется, чтобы для любой цепочки из $X \times Y \times (S \setminus (F_a \cup F_r))$ во множестве I нашлась одна и только одна инструкция с такой левой частью.

У этой машины имеются две ленты. Одна из них *входная*, на которой написано рассматриваемое входное слово, и другая — *рабочая*. Непосредственно перед первой буквой входного слова написана одна буква \flat , и непосредственно после его последней буквы написана одна буква $\#$. На каждой ленте расположено по одной головке. Машина начинает работу в состоянии q_1 . Головка входной ленты в начале работы расположена на первой букве распознаваемого слова. Рабочая лента в начале работы пуста, т. е. во всех ее ячейках записаны символы Λ . Пусть на очередном шаге работы машины состояние равно $q_k \in S$, головка входной ленты обозревает букву $x \in X$, головка рабочей ленты обозревает букву $y \in Y$, и пусть множество I содержит инструкцию $x y q_k \rightarrow q_k' \zeta_1 y' \zeta_2$. Тогда машина на этом шаге переходит в состояние q_k' ; если $\zeta_1 = R$, то головка входной ленты двигается по ленте на одну ячейку вправо, если $\zeta_1 = L$, то — влево, и, если $\zeta_1 = C$, то головка входной ленты остается на месте; вместо буквы y , обозреваемой на рабочей ленте, машина печатает букву y' , и, если $\zeta_2 = R$, то головка рабочей ленты двигается на одну ячейку вправо, если $\zeta_2 = L$, то — влево, и если $\zeta_2 = C$, то головка рабочей ленты остается на месте. Машина кончает работу, когда вырабатывающееся новое внутреннее состояние принадлежит $F_a \cup F_r$. Слово *принимается*, если это состояние принадлежит F_a и *отвергается*, если — принадлежит F_r .

Для всех рассматриваемых нами машин говорят, что машина *распознает язык L* , если эта машина принимает все слова из языка L и отвергает все слова из \bar{L} .

В Дополнении рассматриваются две различные (наиболее популярные) меры сложности вычислений на машинах Тьюринга: *время работы* и *ленточная сложность* (длина использованной части рабочей ленты). Поскольку изучение этих мер сложности как функций от входных слов затруднительно из-за, вообще говоря, большого разброса их значений, обычно изучаются более сглаженные сложностные характеристики «в худшем случае». Так, через $t_M^*(x)$ мы будем обозначать время работы машины M на слове x , а через $t_M(n)$ будем обозначать максимум $t_M^*(x)$ по всем входным словам x (в данном алфавите), длина которых не превосходит n . Через $s_M^*(x)$ будем обозначать число использованных ячеек на рабочей ленте, а через $s_M(n)$ — максимум этой величины по всем входным словам (в данном алфавите), длина которых не превосходит n . Все обсуждавшиеся результаты относились только к числовым функциям $t_M(n)$ и $s_M(n)$. Так, например, выражение «машина M работает в *линейное время*», означает, что существует такое $c > 0$, что для всех n выполняется $t_M(n) \leq c \cdot n$.

Часто рассматривают и одно специфическое ограничение времени работы машин. Это работа в *реальное время*. При такой работе машины в каждый момент на вход поступает очередная буква входного слова, и на выход подается ответ, принадлежит или не принадлежит распознаваемому языку слово, поступившее на вход до сих пор.

Пусть \mathfrak{M} — один из типов машины, рассмотренных в этом параграфе.

Определение *вероятностной* \mathfrak{M} -машины отличается от определения детерминированной \mathfrak{M} -машины тем, что в левой части инструкций появляется еще один символ — выходное значение датчика случайных чисел с конечным алфавитом, который на каждом шаге работы выдает свои выходные значения равновероятно и независимо от значений, выданных на других шагах. Требование, чтобы для каждой возможной левой части инструкции (дополненной теперь еще одним символом) во множестве I нашлась одна и только одна инструкция с такой левой частью, сохраняется.

Реализацией работы вероятностной \mathfrak{M} -машины называется последовательность выполненных инструкций.

Для каждой заканчивающейся реализации работы вероятностной \mathfrak{M} -машины можно подсчитать вероятность этой реализации. Вероятность результата y при работе машины \mathfrak{M} на x — это сумма вероятностей тех реализаций работы \mathfrak{M} на x , при которых вырабатывается результат y . Вероятность результата y за время $f(x)$ (соответственно, с *ленточной сложностью* $g(x)$) при работе машины \mathfrak{M} на x — это сумма вероятностей тех реализаций работы \mathfrak{M} на x , при которых время работы не превышает $f(x)$ (соответственно ленточная сложность не превышает $g(x)$).

Будем говорить, что вероятностная \mathfrak{M} -машина \mathfrak{M} *распознает* язык L с вероятностью p , если \mathfrak{M} при работе на любом x с вероятностью, не меньшей чем p , выдает результат

$$C_L(x) = \begin{cases} 1, & \text{если } x \in L, \\ 0, & \text{если } x \in \bar{L}. \end{cases}$$

Будем говорить, что вероятностная \mathfrak{M} -машина \mathfrak{M} *распознает* язык L с *изолированной точкой сечения*, если существует такое число $p > 1/2$, что \mathfrak{M} распознает L с вероятностью p .

Будем говорить, что вероятностная \mathfrak{M} -машина \mathfrak{M} *распознает* язык L за время $f(x)$ с вероятностью p , если \mathfrak{M} при работе на любом x с вероятностью, не меньшей чем p , останавливается не позже чем за время $f(x)$ с результатом $C_L(x)$.

Будем говорить, что вероятностная \mathfrak{M} -машина \mathfrak{M} *распознает* язык L за время $f(x)$ с *изолированной точкой сечения*, если существует такое число $p > 1/2$, что \mathfrak{M} распознает язык L за время $f(x)$ с вероятностью p .

Будем говорить, что вероятностная \mathfrak{M} -машина \mathfrak{M} *распознает* язык L с *ленточной сложностью* $g(x)$ с вероятностью p , если \mathfrak{M} при работе на любом x с вероятностью, не меньшей чем p , останавливается, израсходовав не больше чем $g(x)$ ячеек рабочей ленты, с результатом $C_L(x)$.

Будем говорить, что вероятностная \mathfrak{M} -машина \mathfrak{M} *распознает* язык L с *ленточной сложностью* $g(x)$ с *изолированной точкой сечения*, если существует такое число $p > 1/2$, что \mathfrak{M} распознает L с ленточной сложностью $g(x)$ с вероятностью p .

Определение *недетерминированной* \mathfrak{M} -машины получается из определения детерминированной \mathfrak{M} -машины отбрасыванием требования,

чтобы для каждой возможной левой части инструкции множество I содержало одну и только одну инструкцию с такой левой частью.

Реализацией работы недетерминированной \mathfrak{M} -машины называется последовательность выполненных инструкций.

Недетерминированная \mathfrak{M} -машина \mathfrak{M} *принимает* данное слово x , если существует такая реализация работы \mathfrak{M} на x , которая заканчивается результатом 1.

Недетерминированная \mathfrak{M} -машина \mathfrak{M} *отвергает* данное слово, если существует такая реализация работы \mathfrak{M} на x , которая заканчивается результатом 0.

Недетерминированная \mathfrak{M} -машина \mathfrak{M} *принимает* язык L , если она принимает все слова из L и только эти слова.

Недетерминированная \mathfrak{M} -машина \mathfrak{M} *распознает* язык L , если она принимает все слова из L , отвергает все слова из \bar{L} , и не существует такого слова, которое \mathfrak{M} при одной реализации принимает, а при другой — отвергает.

Недетерминированная \mathfrak{M} -машина \mathfrak{M} *принимает* язык L *за время* $f(x)$, если для любого слова $x \in L$ существует реализация работы \mathfrak{M} на x , которая приводит к результату 1 за число шагов, не большее чем $f(x)$, и ни для какого $x \in \bar{L}$ не существует реализаций работы \mathfrak{M} на x , которые приводили бы к результату 1.

Недетерминированная \mathfrak{M} -машина \mathfrak{M} *распознает* язык L *за время* $f(x)$, если для любого слова x существует реализация работы \mathfrak{M} на x , которая приводит к результату $C_L(x)$ за число шагов, не большее чем $f(x)$, и ни для какого x не существует реализаций работы \mathfrak{M} на x , которые приводили бы к результату, отличному от $C_L(x)$.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АиЛ — Алгебра и логика / Институт математики Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия. М.: Большая Советская Энциклопедия (изд. 2-е) и Советская Энциклопедия (Изд. 3-е).
- ВИНИТИ — Всесоюзный институт научной и технической информации.
- ВКМЛ-3 — Третья Всесоюзная конференция по математической логике (23—27 июня 1974 г.): Тезисы докладов / Институт математики Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск, 1974.— 237 с.
- ДАН — Доклады Академии наук СССР.
- ИАН — Известия Академии наук СССР. Серия математическая.
- ИКММЛ — Исследования по конструктивной математике и математической логике.
- ИЛ — Издательство иностранной литературы.
- КС — Кибернетический сборник. Новая серия. М.: Мир.
- МИАН — Математический институт им. В. А. Стеклова Академии наук СССР.
- ММО — Московское математическое общество.
- МЭ — Математическая энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия.
- НГУ — Новосибирский государственный университет.
- НС ЛОМИ — Научные семинары Ленинградского отделения МИАН.
- ПК — Проблемы кибернетики. М.: Физматгиз (до вып. 10) и Наука (с вып. 11).
- ПКНМ — Проблемы конструктивного направления в математике.
- ТПММЛ — Теоретическое применение методов математической логики.
- ТТВМС — Труды Третьего Всесоюзного математического съезда.
- УМН — Успехи математических наук.
- ACM — the Association for Computing Machinery
- AMS — the American Mathematical Society
- AW — Reading, Massachusetts, etc.: Addison—Wesley Publishing Company
- JCSS — Journal of computer and system sciences
- JSL — the Journal of symbolic logic
- LMS — the London Mathematical Society
- LN — Lecture notes
- NH — Amsterdam: North Holland Publishing Company
- SIAM — the Society for Industrial and Applied Mathematics
- Springer — Berlin, New York etc.; Springer-Verlag
- ZmLGM — Zeitschrift für mathematische Logik und Grundlagen der Mathematik

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А г а ф о н о в В. Н.

(1975) Сложность алгоритмов и вычислений: Спецкурс для студентов НГУ. Ч. 2.— Новосибирск: Изд-во НГУ.— 146 с.

А д л е р А. (Adler A.)

(1969) Some recursively unsolvable problems in analysis // Proceedings of AMS.— V. 22, № 2.— P. 523—526.

А д я н С. И.

(1955) Алгоритмическая неразрешимость проблем распознавания некоторых свойств групп // ДАН.— Т. 103, № 4.— С. 533—535.

(1955а) О проблеме делимости в полугруппах // ДАН.— Т. 103, № 5.— С. 747—750.

(1956) Неразрешимость некоторых алгебраических проблем теории групп // ТТВС. Т. 1.— М.: Изд-во АН СССР.— С. 179—180.

(1957) Неразрешимость некоторых алгоритмических проблем теории групп // Труды ММО.— М.: Физматгиз.— Т. 6.— С. 231—238.

(1957а) Конечнo-определенные группы и алгоритмы // УМН.— Т. 12, вып. 3 (75).— С. 248—249.— (Резюме доклада на заседании ММО 12 февраля 1957 г.).

(1957б) Конечнo-определенные группы и алгоритмы // ДАН.— Т. 117, № 1.— С. 9—12.

(1957в) Проблема алгоритма // Наука и жизнь.— № 8.— С. 13—14.

(1958) Об алгоритмических проблемах в эффективно полных классах групп // ДАН.— Т. 123, № 1.— С. 13—16.

(1966) Определяющие соотношения и алгоритмические проблемы для групп и полугрупп.— М.: Наука.— (Труды МИАН. Т. 85.)— 123 с.

(1973) О работах П. С. Новикова и его учеников по алгоритмическим вопросам алгебры // Труды МИАН. Т. 133: Математическая логика, теория алгоритмов и теория множеств.— М.: Наука.— С. 23—32.

(1977) Алгоритмическая проблема // МЭ. Т. 1.— С. 214—218.

(1982) Массовая проблема // МЭ. Т. 3.— С. 538.

А д я н С. И., М а к а н и Г. С.

(1984) Исследования по алгоритмическим вопросам алгебры. // Алгебра, математическая логика, теория чисел, топология.— М.: Наука.— (Труды МИАН; Т. 168).— С. 197—217.

А д я н С. И., О г а н е с я н П. У.

(1978) К проблемам равенства и делимости в полугруппах с одним определяющим соотношением // ИАН.— Т. 42, № 2.— С. 219—

- А р и о л ь д В. И.
 (1976) Arnold V. I. Dynamic systems and differential equations (B) // [Браудер, 1976].— P. 59.
- А р с л а н о в М. М.
 (1981) О некоторых обобщениях теоремы о неподвижной точке. // Известия высших учебных заведений. Математика.— № 5.— С. 9—16.
 (1985) Структурные свойства степеней ниже O' // ДАН.— Т. 283, № 2.— С. 270—273.
 (1985а) m -сводимость и неподвижные точки. // Математическая логика и ее приложения.— Калинин: Изд-во Калининского гос. университета.— С. 13—19.
 (1986) Рекурсивно перечислимые множества и степени неразрешимости.— Казань: Изд-во Казанского гос. университета.— 205 с.
- А х о А. В., Х о п к р о ф т Дж. Е., У л ь м а н Дж. Д. (Aho A. V., Hopcroft J. E., Ullman J. D.).
 (1974) The design and analysis of computer algorithms.— AW— X+470 p.— Русский перевод: Ахо А., Хопкрофт Дж., Ульман Дж. Построение и анализ вычислительных алгоритмов.— М.: Мир, 1979.— 536 с.
- Б а р з д и и ь Я. М.
 (1965) Сложность распознавания симметрии на машинах Тьюринга // ПК.— Вып. 15.— С. 245—248.
 (1977) Алгоритмическая теория информации // МЭ. Т. 1.— С. 219—222.
- Б а т т с Р. Е., Х и н т и к к а Я. (Butts R. E., Hintikka J.), ред.
 (1977) Logic, foundations of mathematics, and computability theory / Eds. R. E. Butts, J. Hintikka.— Dordrecht: D. Reidel.— X+406 p.
 (1977а) Basic problems in methodology and linguistics / Eds. R. E. Butts, J. Hintikka.— Dordrecht: D. Reidel.— X+321 p.
- Б а у р В. (Baur W.)
 (1974) Über rekursive Strukturen // Inventiones mathematicae.— V. 23, № 2.— P. 89—95.
- Б а х в а л о в Н. С.
 (1982) Модель вычислительная // МЭ.— Т. 3.— с. 770.
- Б е й к е р А. (Baker A.)
 (1968) Contributions to the theory of Diophantine equations. I: On the representation of integers by binary forms // Philosophical transactions of the Royal Society of London. Ser. A.— V. 263, № 1139.— P. 173—191.
- Б е т е л и н В. Б.
 (1985) О проблеме автоматизации программирования. // ДАН.— Т. 286, № 1.— С. 66—69.
- Б л ю м М. (Blum M.)
 (1967) A machine-independent theory of the complexity of recursive functions // Journal of ACM.— V. 14, № 2.— P. 322—336.— Русский перевод: Блум М. Машинно-независимая теория сложности рекурсивных функций // [Козмидиади, Мучник, 1970].— С. 401—422.
 (1967а) On the size of machines // Information and control.— V. 11, № 3.— P. 257—265.— Русский перевод: Блум М. Об объеме машин // [Козмидиади, Мучник, 1970].— С. 423—431.
- Б о р е л ь Э. (Borel E.)
 (1912) Le calcul des intégrales définies // Journal de Mathématiques pures et appliquées. Sér. 6.— V. 8, № 2.— P. 159—210.
 (Перепечатано с некоторыми изменениями и под названием

- «La théorie de la mesure et la théorie de l'intégration» // [Борель, 1914].— P. 217—256.).
- (1914) Leçons sur la théorie des fonctions.— 2-e éd., augmentée.— Paris: Gauthier-Villars.— XI + 259 p.
- Б р а у д е р Ф. Е. (Browder F. E.)
- (1976) Mathematical developments arising from the Hilbert problems / Ed. F. E. Browder.— Providence: AMS.— 628 p. (Proceedings of symposia in pure mathematics; V. 28).
- Б р у к с Ф. П., младший (Brooks F. P., Jr)
- (1975) The mythical man-month.— AW.— Русский перевод: Брукс Ф.П. Как проектируются и создаются программные комплексы.— М.: Наука, 1979.— 151 с.
- Б у л г а к о в П. Г., Р о з е н ф е л ь д Б. А., А х м е д о в А. А.
- (1983) Мухаммад ал-Хорезми, ок. 783—ок. 850.— М.: Наука.— 239 с.
- Б у н В. В., К а н н о н и т о Ф. Б., Л и н д о н Р. К. (Boone W. W., Cannonito F. B., Lyndon R. C.)
- (1973) Word problems: Decision problems and the Burnside problem in group theory / Eds. W. W. Boone, F. B. Cannonito, R. C. Lyndon.— NH.— XII + 646 p.
- Б у н В. В., Х а к е н В., П о э н а р у В. (Boone W. W., Haken W., Poénaru V.)
- (1968) On recursively unsolvable problems in topology and their classification // Contributions to mathematical logic / Eds. Schmidt et al.— NH.— P. 37—74.
- В а й н б е р г Ю. Р., Н о г и н а Е. Ю.
- (1976) О двух типах непрерывности вычислимых отображений нумерованных топологических пространств // Исследования по теории алгоритмов и математической логике / Под ред. А. А. Маркова, Б. А. Кушнера.— М.: Изд-во ВЦ АН СССР.— Т. 2.— С. 84—99.
- В а л и е в М. К. (Valiev M. K.)
- (1979) On axiomatization of deterministic propositional dynamic logic // Mathematical foundations of computer science 1979 / Ed. J. Bečvář.— Springer. (LN in computer science. V. 74).— P. 482—491.
- В е й л ь Г. (Weyl H.)
- (1921) Über die neue Grundlagenkrise der Mathematik // Mathematische Zeitschrift.— Bd. 10, H. 1—2.— S. 39—79.— Русский перевод: О новом кризисе основ математики // Вейль Г. О философии математики.— М.— Л.: Гостехтеориздат, 1934.— С. 92—128.
- В е р е щ а г и н Н. К.
- (1985) О проблеме появления нуля в линейной рекуррентной последовательности // Математические заметки.— Т. 38, вып. 2.— С. 177—189.
- В ь ю г и н В. В.
- (1973) О некоторых примерах верхних полурешеток вычислимых нумераций // АиЛ.— Т. 12, вып. 5.— С. 512—529.
- (1981) Алгоритмическая энтропия (сложность) конечных объектов и ее применение к определению случайности и количества информации // Семиотика и информатика.— М.: ВИНТИ.— Вып. 16 (Второй выпуск за 1980 г.).— С. 14—43.
- В э л и а н т Л. (Valiant L. G.)
- (1975) General context-free recognition in less than cubic time // JCSS.— V. 10, № 2.— P. 308—315.
- Г а р д н е р М. (Gardner M.)
- (1970—1971) Mathematical games // Scientific American, 1970.— V. 223, № 4.— P. 120—123; 1971.— V. 224, № 2.— P. 112—117.—

- Русский перевод: Гарднер М. Математические досуги.— М.: Мир, 1972.— (Гл. 38. Игра «Жизнь».— С. 458—488.)
- Гёдель К.** (Gödel K.)
- (1931) Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I // Monatshefte für Mathematik und Physik.— Bd. 38, H. 1.— S. 173—198.— Английский перевод: On formally undecidable propositions of Principia Mathematica and related systems // [Хейенорт, 1967].— С. 596—616.— Другой английский перевод: [Дейвис, 1965].— С. 5—38.
- (1958) Über eine bisher noch nicht benützte Erweiterung des finiten Standpunktes // Dialectica.— V. 12 № 3/4.— P. 280—287.— Русский перевод: Гёдель К. Об одном еще не использованном расширении финитной точки зрения // Математическая теория логического вывода: Сб. переводов / Под ред. Идельсона А. В., Минца Г. Е.— М.: Наука, 1967.— С. 299—305.
- Гжегорчик А.** (Grzegorzczuk A.)
- (1955) Computable functionals. // Fundamenta mathematicae. Т. 42.— P. 168—202.
- (1957) On the definition of computable real continuous function. // Fundamenta mathematicae.— Т. 44. P. 61—71.
- Гилл Дж. Т.** (Gill J. T.)
- (1974) Computational complexity of probabilistic Turing machines. // Sixth annual ACM symposium on theory of computing, Seattle (Wash.), April 30 — May 2, 1974.— N. Y.: ACM.— P. 91—96.
- Гильберт Д.** (Hilbert D.)
- (1935) Mathematische Probleme // Hilbert D. Gesammelte Abhandlungen. Bd. 3.— Berlin: Springer-Verlag.— S. 290—329.— Русский перевод: Гильберт Д. Математические проблемы // Проблемы Гильберта / Под ред. Александрова П. С.— М.: Наука, 1969.— С. 11—64.
- Гильберт Д., Аккерман В.** (Hilbert D., Ackermann W.)
- (1938) Hilbert D., Ackermann W. Grundzüge der theoretischen Logik.— 2-te, verbesserte Aufl.— Berlin: Springer.— VIII + 133 S.— (Перепечатано: New York: Dover Publications, 1946.— VIII + 155 S.).— Русский перевод: Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики.— М.: ИЛ, 1947.— 304 с.
- Гладкий А. В.**
- (1973) Формальные грамматики и языки.— М.: Наука.— 368 с.
- (1977) Грамматика порождающая // МЭ. Т. 1.— С. 1092—1093.
- (1977а) Грамматика составляющих // МЭ. Т. 1.— С. 1093—1095.
- (1982) Математическая лингвистика // МЭ. Т. 3.— С. 565—568.
- Глушков В. М.**
- (1964) Введение в кибернетику.— Киев: Изд-во АН УССР.— 324 с.
- (1965) Теория автоматов и формальные преобразования микропрограмм // Кибернетика.— № 5.— С. 1—9.
- (1979) Теорема о неполноте формальных теорий с позиций программиста // Кибернетика.— № 2.— С. 1—5.
- Глушков В. М., Цейтлин Г. Е., Ющенко Е. Л.**
- (1978) Алгебра, языки, программирование.— 2-е изд.— Киев: Наукова думка.— 318 с.
- Гоичаров С. С.**
- (1975) Некоторые свойства конструктивизаций булевых алгебр // Сибирский математический журнал.— Т. 16, № 2.— С. 264—278.

- (1975a) Автоустойчивость и вычислимые семейства конструктивизаций // *АиЛ.*— Т. 14, № 6.— С. 647—680.
- (1976) Неавтоэквивалентные конструктивизации атомных булевых алгебр // *Математические заметки.*— Т. 19, № 6.— С. 853—858.
- (1979) Конструктивных моделей теория // *МЭ.* Т. 2.— С. 1058—1060.
- (1980) Проблема числа неавтоэквивалентных конструктивизаций // *ДАН.*— Т. 251, № 2.— С. 271—274.
- (1980a) Вычислимые однозначные нумерации // *АиЛ.*— Т. 19, № 5.— С. 507—551.
- (1980б) Проблема числа неавтоэквивалентных конструктивизаций // *АиЛ.*— Т. 19, № 6.— С. 621—639.
- (1981) Группы с конечным числом конструктивизаций // *ДАН.*— Т. 256, № 2.— С. 269—272.
- (1983) Алгоритмическая размерность абелевых групп. // XVII Всесоюзная алгебраическая конференция, Минск, 14—17 сентября 1983 г.: Тезисы сообщений.— Минск: Ин-т математики АН БССР.— С. 51.
- Григорьев Д. Ю.
- (1976) Алгоритмы Колмогорова сильнее машин Тьюринга // *ИКММЛ.* VII.— Л.: Наука.— (Записки НС ЛОМИ. Т. 60).— С. 29—37.
- Дейвис М. (Davis M.)
- (1953) Arithmetical problems and recursively enumerable predicates // *JSL.*— V. 18, № 1.— P. 33—41.— Русский перевод: Дэвис М. Арифметические проблемы и рекурсивно перечислимые предикаты // *Математика: Сб. переводов.*— 1964.— Т. 8, № 5.— С. 15—22.
- (1958) *Computability and unsolvability.*— New York et al.: McGraw-Hill Book Company, inc.— 210 p.
- (1965) *The Undecidable. Basic papers on undecidable propositions, unsolvable problems and computable functions* // Ed. M. Davis.— Hewlett (New York): Raven Press.— 440 p.
- Дейвис М., Матиясевиц Ю. В., Робинсон Дж. (Davis M., Matijasevič Yu., Robinson J.)
- (1976) Hilbert's tenth problem. Diophantine equations: positive aspects of a negative solution // [Браудер, 1976].— P. 323—378.
- Дейвис М., Путнам Х., Робинсон Дж. (Davis M., Putnam H., Robinson J.)
- (1961) The decision problem for exponential Diophantine equations // *Annals of mathematics.*— V. 74, № 3.— P. 425—436.— Русский перевод: Дэвис М., Путнам Х., Робинсон Дж. Проблема разрешимости для показательно-диофантовых уравнений: // *Математика: Сб. переводов.*— 1964.— Т. 8, № 5.— С. 69—79.
- Дейкстра Э. В. (Dijkstra E. W.)
- (1986) On a cultural gap. // *The mathematical intelligencer.* — V. 8, № 1.— P. 48—52.
- Ден М. (Dehn M.)
- (1912) Über unendliche diskontinuierliche Gruppen // *Mathematische Annalen.*— Bd. 71.— S. 116—144.
- Денисов С. Д.
- (1978) Строение верхней полурешетки рекурсивно перечислимых n -степеней и смежные вопросы. I // *АиЛ.*— Т. 17, № 6.— С. 643—683.
- Дёгтев А. Н.
- (1973) О tt - и m -степенях // *АиЛ.*— Т. 12, № 2.— С. 143—161.

- (1979) О сводимости табличного типа в теории алгоритмов.— УМН, 1979.— Т. 34, вып. 3(207).— С. 137—168.
- Дегтев А. Н., Захаров Д. А.
- (1979) Перечислимые множества: Учеб. пособие.— Новосибирск: Изд-во НГУ.— 92 с.
- Добрушин Р. Л., Прелов В. В.
- (1979) Информационная теория // МЭ. Т. 2.— С. 653—655.
- Душский В. А.
- (1969) Продолжение частично рекурсивных функций и функций с рекурсивным графиком.— Математические заметки.— Т. 5, № 2.— С. 261—267.
- (1975) О невозможности эффективного перечисления всех формализаций понятия алгоритма // Математический анализ и его приложения (Труды МИЭМ. Вып. 53).— М.: МИЭМ.— С. 3—8.
- Ейтс К. Е. М. (Yates C. E. M.)
- (1965) Three theorems on the degrees of recursively enumerable sets // Duke mathematical journal.— V. 32, № 3.— P. 461—468.— Русский перевод: Три теоремы о степенях рекурсивно перечислимых множеств // [Шёнфилд, 1971, русский перевод].— С. 97—108.
- Ермаков С. М.
- (1971) Метод Монте-Карло и смежные вопросы.— М.: Наука.— 327 с.
- Ершов А. П.
- (1960) Операторные алгоритмы. I: Основные понятия // ПК.— Вып. 3.— С. 5—48.
- (1962) Операторные алгоритмы. II: Описание основных конструкций программирования // ПК.— Вып. 8.— С. 211—233.
- (1968) Операторные алгоритмы. III: Об операторных схемах Янова // ПК.— Вып. 20.— С. 181—200.
- (1972) Ershov A. P. Theory of program schemata // [Фрейман, Гриффит, Розенфельд, 1972].— Т. 1.— С. 28—45.
- (1973) Современное состояние теории схем программ // ПК.— Вып. 27.— С. 87—110.
- (1977) Введение в теоретическое программирование: Беседы о методе.— М.: Наука.— 288 с.
- (1979) Предисловие редактора // [Брукс, 1975, русский перевод].— С. 4—6.
- (1980) Алгоритм в современной математике и ее приложениях // Международный симпозиум.— Кибернетика.— № 2.— С. 145.
- (1981) [Интервью] // Кибернетика.— № 4 (100).— С. 9—12.
- (1981а) Программирование — вторая грамотность.— Препринт/ВЦ СО АН СССР.— Новосибирск, 1981.— № 293.— 18 с.
- (1982) Ershov A. P. Mixed computation: potential applications and problems for study // Theoretical computer science.— V. 18, № 1 — P. 41—67.
- (1982а) Вычислимость в произвольных областях и базисах // Семиотика и информатика.— М.: ВИНТИ.— Вып. 19.— С. 3—58.
- (1984) Смешанные вычисления. // В мире науки.— № 6 (июнь).— С. 28—42.
- Ершов А. П., Звейгородский Г. А.
- (1979) Зачем нужно уметь программировать? // Квант.— № 9.— С. 47—51.
- Ершов А. П., Кнут Д. Э. (Knuth D. E.)
- (1981) Algorithms in modern mathematics and computer science / Eds. A. P. Ershov, D. E. Knuth.— Springer.— XI + 487 p.— (LN in computer science; V. 122).

- (1982) Алгоритмы в современной математике и ее приложениях: Материалы международного симпозиума / Под ред. А. П. Ершова, Д. Кнута.— Новосибирск: ВЦ СО АН СССР.— Ч. 1.— 364 с.; Ч. 2.— 315 с.
- Ершов А. П., Ляпунов А. А.
- (1967) О формализации понятия программы // Кибернетика.— № 5.— С. 40—57.
- Ершов А. П., Успенский В. А.
- (1980) Алгоритмы на родине аль-Хорезми // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы.— № 1.— С. 28—30.
- Ершов Ю. Л.
- (1962) О гипотезе В. А. Успенского // АиЛ.— Т. 1, вып. 4.— С. 45—48.
- (1964) Разрешимость элементарной теории дистрибутивных структур с относительными дополнениями и теории фильтров // АиЛ.— Т. 3, вып. 3.— С. 17—38.
- (1964а) Неразрешимость теорий симметрических и простых конечных групп // ДАН.— Т. 158, № 4.— С. 777—779.
- (1965) Неразрешимость некоторых полей // ДАН.— Т. 161, № 1.— С. 27—29.
- (1966) Новые примеры неразрешимых теорий // АиЛ.— Т. 5, вып. 5.— С. 37—47.
- (1972) Существование конструктивизаций // ДАН.— Т. 204, № 5.— С. 1041—1044.
- (1973) Конструктивные модели // Избранные вопросы алгебры и логики.— Новосибирск: Наука.— С. 111—130.
- (1974) Теория нумераций. Ч. 3: Конструктивные модели.— Новосибирск.— 139 с.— (Библиотека кафедры алгебры и математической логики Новосибирского университета; Вып. 13.).
- (1974а) Нумераций теория // Энциклопедия кибернетики.— Киев: Главная редакция Украинской Советской Энциклопедии.— Т. 2.— С. 93—94.
- (1977) Теория нумераций.— М.: Наука.— 416 с.
- (1980) Проблемы разрешимости и конструктивные модели.— М.: Наука.— 415 с.
- Ершов Ю. Л., Лавров И. А.
- (1973) Верхняя полурешетка $L(\gamma)$ // АиЛ.— Т. 12, № 2.— С. 167—189.
- Ершов Ю. Л., Лавров И. А., Тайманов А. Д., Тайцлин М. А.
- (1965) Элементарные теории // УМН.— Т. 20, вып. 4 (124).— С. 37—108.
- Заславский И. Д., Цейтин Г. С.
- (1956) О соотношении между основными свойствами конструктивных функций // ТТВС. Т. 1.— М.: Изд-во АН СССР.— С. 180—181.
- (1962) О сингулярных покрытиях и связанных с ними свойствах конструктивных функций // ПКНМ. 2.— М.-Л.: Изд-во АН СССР.— (Труды МИАН. Т. 67).— С. 458—502.
- Звенигородский Г. А.
- (1985) Первые уроки программирования / Под ред. А. П. Ершова.— М.: Наука.— 207 с. (Библиотечка «Квант»; вып. 41)
- Звонкин А. К., Левин Л. А.
- (1970) Сложность конечных объектов и обоснование понятий информации и случайности с помощью теорий алгоритмов // УМН.— Т. 25, вып. 6 (156).— С. 85—127.

- Земляченко В. Н., Корнеев Н. М., Тышкевич Р. И.
 (1982) Проблема изоморфизма графов // Теория сложности вычислений. I.— Л.: Наука.— (Записки ИС ЛОМИ. Т. 118.).— С. 83—158.
- Каннан Р., Липтон Р. Дж. (Kannan R., Lipton R. J.)
 (1980) Orbit problem is decidable // Twelfth annual ACM symposium on the theory of computing, Los Angeles (California), April 28—30, 1980.— N. Y.: ACM.— P. 252—268.
- Каннонио Ф. Б., Гаттердам Р. В. (Cannonito F. B., Gatterdam R. W.)
 (1973) The computability of group constructions. I // [Бун, Каннонио, Линдон, 1973].— P. 365—400.
- Карп Р. М., Миллер Р. Е. (Karp R. M., Miller R. E.)
 (1969) Parallel program schemata // JCSS.— V. 3, № 2.— P. 147—195.— Русский перевод: Карп Р. М., Миллер Р. Е. Параллельные схемы программ // КС.— 1976.— Вып. 13.— С. 5—61.
- Клауа Д. (Klaua D.)
 (1961) Konstruktive Analysis.— Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften.— VIII + 160 S.— (Mathematische Forschungsberichte; Bd. 11.).
- Клини С. К. (Kleene S. C.)
 (1936) General recursive functions of natural numbers // Mathematische Annalen.— Bd. 112, H. 5.— S. 727—742.— Перепечатано в [Дейвис, 1965].— С. 237—252.— (В [Клини, 1952, библиография] автор пишет: «По поводу ошибки и упрощения см. JSL, т. 3, с. 152; т. 2, с. 38 и т. 4, верх с. IV в конце».)
- (1943) Recursive predicates and quantifiers // Transactions of AMS.— V. 53, № 1.— P. 41—73.— (Перепечатано в [Дейвис, 1965].— С. 255—287.— В [Клини, 1952, библиография] автор рекомендует опустить § 15 из [Клини, 1943]).
- (1950) A symmetric form of Gödel's theorem // Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen. Proceedings of the section of sciences. Ser. A.— V. 53, № 5—6.— P. 800—802.— (Продублировано в: Indagationes mathematicae, 1950.— V. 12, № 3 — P. 244—246.)
- (1952) Introduction to metamathematics.— N. Y.; Toronto: D. Van Nostrand Company.— 516 p.— Русский перевод: Клини С. К. Введение в метаматематику.— М.: ИЛ, 1957.— 526 с.
- (1952a) Recursive functions and intuitionistic mathematics // Proceedings of the International congress of mathematicians, Cambridge (Massachusetts), USA, August 30 — September 6, 1950.— V. 1.— Providence: AMS.— P. 679—685.
- (1960) Realizability and Shanin's algorithm for the constructive deciphering of mathematical sentences // Logique et analyse. Nouvelle série.— T. 3, № 11—12.— P. 154—165.
- (1960a) Mathematical logic: Constructive and non-constructive operations // Proceedings of the International Congress of mathematicians, 14—21 August 1958.— Cambridge: Cambridge University Press.— P. 137—153.— Русский перевод: Клини С. Математическая логика. Конструктивные и неконструктивные операции // Международный математический конгресс в Эдинбурге 1958 г.: Обзорные доклады.— М.: Физматгиз, 1962.— С. 158—180.
- Клини С. К., Пост Э. Л. (Kleene S. C., Post E. L.)
 (1954) The upper semi-lattice of degrees of recursive unsolvability // Annals of mathematics, Ser. 2.— V. 59, № 3.— P. 379—407.

К н у т Д. Э. (Knuth D. E.).

- (1968) The art of computer programming. V. 1: Fundamental algorithms.— AW.— XXI + 634 p.— Русский перевод: Кнут Д. Искусство программирования для ЭВМ.— Т. 1: Основные алгоритмы.— М.: Мир, 1976.— 735 с.
- (1969) The art of computer programming. V. 2.: Seminumerical algorithms.— AW.— Русский перевод: Кнут Д. Искусство программирования для ЭВМ: Т. 2: Получисленные алгоритмы.— М.: Мир, 1977.— 724 с.
- (1974) Computer science and its relation to mathematics // American mathematical monthly.— V. 81, № 4.— P. 323—343.— Русский перевод: Кнут Д. Информатика и ее связь с математикой // Современные проблемы математики.— М.: Знание, 1977.— С. 4—32.— (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Математика, кибернетика», 1977, № 12.).
- (1974a) Computer programming as an art // Communications of ACM.— V. 17, № 12.— P. 667—673.

К о з м и д и а д и В. А., М у ч и к А. А.

- (1970) Проблемы математической логики: Сложность алгоритмов и классы вычислимых функций: Сб. переводов/Под ред. В. А. Козмидианди, А. А. Мучника.— М.: Мир.— 432 с.— (Библиотека «Кибернетического сборника»).

К о л м о г о р о в А. Н.

- (1932) Kolmogoroff A. Zur Deutung der intuitionistischen Logik // Mathematische Zeitschrift.— Bd. 35, H. 1.— S. 58—65.
- (1950) Алгоритм // БСЭ.— 2-е изд.— Т. 2.— С. 65.
- (1953) О понятии алгоритма // УМН.— Т. 8, вып. 4 (56).— С. 175—176.
- (1954) Предисловие редактора перевода // Петер Р. Рекурсивные функции / Пер. с нем.— М.: ИЛ.— С. 3—10.
- (1963) Kolmogorov A. N. On tables of random numbers // Sankhyā. The Indian journal of statistics. Ser. A.— V. 25, part 4.— P. 369—376.— Русский перевод: Колмогоров А. Н. О таблицах случайных чисел // Семиотика и информатика.— М.: ВИНТИ, 1982.— Вып. 18.— (Второй выпуск за 1981 г.).— С. 3—13.

- (1965) Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации.— Т. 1, вып. 1.— С. 3—11.

- (1969) К логическим основам теории информации и теории вероятностей // Проблемы передачи информации.— Т. 5, вып. 3.— С. 3—7.

К о л м о г о р о в А. Н., Б а р з д и н ь Я. М.

- (1967) О реализации сетей в 3-мерном пространстве // ПК.— Вып. 19.— С. 261—268.

К о л м о г о р о в А. Н., У с п е и с к и й В. А.

- (1958) К определению алгоритма // УМН.— Т. 13, вып. 4(82).— С. 3—28.

К о л м о г о р о в А. Н., Ф о м и н С. В.

- (1976) Элементы теории функций и функционального анализа.— 4-е изд.— М.: Наука.— 543 с.

К о р п е л е в и ч Г. М.

- (1963) О соотношении понятий разрешимости и перечислимости для конечных автоматов // ДАН.— Т. 149, № 5.— С. 1023—1025.

К о с о в с к и й Н. К.

- (1981) Элементы математической логики и ее приложения к теории субрекурсивных алгоритмов. Учеб. пособие.— Л.: Изд-во ЛГУ.— 192 с.

Котлов В. Е.

(1974) Теория параллельного программирования: прикладные аспекты // Кибернетика.— № 1.— С. 1—16; № 2.— С. 1—18.

(1978) Введение в теорию схем программ.— Новосибирск: Наука.— 257 с.

Коэн П. Дж. (Cohen P. J.)

(1966) Set theory and the continuum hypothesis.— New York; Amsterdam: W. A. Benjamin.— 144 p.— Русский перевод: Коэн П. Дж. Теория множеств и континуум-гипотеза.— М.: Мир, 1969.— 347 с.

Крайзель Г. (Kreisel G.)

(1953) Note on arithmetic models for consistent formulae of the predicate calculus. II // Proceedings of the Xith international congress of philosophy. (Bruxelles, August 20—26, 1953).— Amsterdam: Louvain.— V. 14.— P. 39—49.

Криницкий Н. А.

(1977) Алгоритмы вокруг нас.— М.: Наука.— 224 с.

(1977а) Широкое формальное определение алгоритма // ПК.— Вып. 32.— С. 161—186.

(1983) Алгоритмы и роботы.— М.: Радио и связь.— 167 с.

(1984) Алгоритмы вокруг нас. 2-е изд.— М.: Наука.— 223 с.

Кубинец М. В.

(1972) Распознавание самопересечения плоской траектории алгоритмом Колмогорова // ИКММЛ. V.— Л.: Наука.— (Записки ИС ЛОМИ. Т. 32.) — С. 35—44.

Кузнецов А. В., Трахтеброт Б. А.

(1955) Исследование частично-рекурсивных операторов средствами теории борковского пространства // ДАН.— Т. 105, № 5.— С. 897—900.

Купер С. Б. (Cooper S. B.)

(1972) Degrees of unsolvability complementary between recursively enumerable degrees. // Annals of mathematical logic.— 1972.— V. 4, № 1.— P. 31—73.

Кушнер Б. А.

(1973) Лекции по конструктивному математическому анализу.— М.: Наука.— 448 с.

(1979) Конструктивного подбора принцип // МЭ.— Т. 2.— С. 1049—1050.

(1979а) Конструктивный анализ // МЭ.— Т. 2.— С. 1054—1057.

Кушниренко А. Г. и др.

(1985) Практическое программирование. Проектирование и разработка диалоговых систем. Нетрадиционный подход. / А. Г. Кушниренко, Д. В. Варсанюфьев, А. Г. Дымченко, Г. В. Лебедев.— М.: Изд-во Моск. ун-та.— 89 с.

Лавленд Д. (Loveland D.)

(1966) A new interpretation of the von Mises' concept of random sequence // ZmLGM.— Bd. 12, H. 4.— S. 279—294.

(1966а) The Kleene hierarchy classification of recursively random sequences // Transactions of AMS.— V. 125, № 3.— P. 497—510.

Лавров И. А.

(1977) Lavrov I. A. Computable numberings // [Батс, Хинтика, 1977] — P. 195—206.

(1982) Нумерация // МЭ. Т. 3.— С. 1085—1088.

- Л а в р о в С. С.
 (1984) Методология программирования. // Семиотика и информатика.— Вып. 23.— М.: ВИНТИ.— С. 5—26.
- Л а к о м б Д. (Lacombe D.)
 (1955) Extension de la notion de fonction récursive aux fonctions d'une ou plusieurs variables réelles. I, II, III. // Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Académie des sciences.— Т. 240.— Р. 2478—2480; Т. 241.— Р. 13—14, 151—153.
 (1957) Quelques propriétés d'Analyse récursive. I, II. // Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Académie des sciences.— Т. 244.— Р. 838—840, 996—997.
- Л а к х э м Д., П а р к Д. М., П а т е р с о н М. С. (Luckham D. C., Park D. M. R., Paterson M. S.)
 (1970) On formalized computer programs // JCSS.— V. 4, № 3.— Р. 220—249.— Русский перевод: Лакхэм Д., Парк Д. М., Патерсон М. С. О формализованных машинных программах // КС.— 1975.— Вып. 12.— С. 78—114.
- Л е в е н ш т е й н В. И.
 (1974) Элементы теории кодирования // [Яблонский, Лупанов, 1974].— С. 207—305.
- Л е в и н Л. А.
 (1973) О понятии случайной последовательности // ДАН.— Т. 212, № 3.— С. 548—550.
 (1976) О различных мерах сложности конечных объектов (аксиоматическое описание) // ДАН.— Т. 227, № 4.— С. 804—807.
 (1977) Об одном конкретном способе задания сложностных мер // ДАН.— Т. 234, № 3.— С. 536—539.
- Л е у К. де и др. (de Leeuw K. a. o.)
 (1956) Computability by probabilistic machines // de Leeuw K., Moore E. F., Shannon C. E., Shapiro N. // Automata studies.— Princeton, N. J.: Princeton University Press (Annals of mathematics studies; Number 34).— Р. 183—212. Русский перевод: Вычислимость на вероятностных машинах / де Леу К., Мур Э. Ф., Шеннон К. Э., Шапиро Н. // Автоматы.— М.: ИЛ.— С. 242—278.
- Л у п а н о в О. Б.
 (1963) О сравнении двух типов конечных источников // ПК.— Вып. 9.— С. 321—326.
- М а й р Э. В. (Mayr E. W.)
 (1984) An algorithm for the general Petri net reachability problem. // SIAM Journal on computing.— V. 13, № 3.— Р. 441—460.
- М а й х и л л Дж. (Myhill J.)
 (1955) Creative sets // SmLGM.— Bd. 1, N. 2.— S. 97—108.
- М а й х и л л Дж., Ш е п е р д с о н Дж. (Myhill J., Shepherdson J. C.)
 (1955) Effective operations on partial recursive functions // ZmLGM.— Bd. 1, N. 4.— S. 310—317.
- М а л ь ц е в А. И.
 (1960) О неразрешимости элементарных теорий некоторых полей // Сибирский математический журнал.— Т. 1, № 1.— С. 71—77.— (Перепечатано в [Мальцев, 1976].— С. 113—119.)
 (1961) Конструктивные алгебры, I // УМН.— Т. 16, вып. 3 (99).— С. 3—60.— (Перепечатано в [Мальцев, 1976].— С. 132—185.)
 (1962) Аксиоматизируемые классы локально свободных алгебр некоторых типов // Сибирский математический журнал.— Т. 3, № 5.— С. 729—743.— (Перепечатано в [Мальцев, 1976].— С. 216—229.)

- (1962a) О рекурсивных абелевых группах // ДАН.— Т. 146, № 5.— С. 1009—1012.— (Перепечатано в [Мальцев, 1976].— С. 235—238.)
- (1963) Поли нумерованные множества // АиЛ.— Т. 2, вып. 2.— С. 4—30.— (Перепечатано в [Мальцев, 1976]. — С. 275—293.)
- (1965) Алгоритмы и рекурсивные функции.— М.: Наука.— 392 с.
- (1966) О стандартных обозначениях и терминологии в теории алгебраических систем // АиЛ.— Т. 5, вып. 1.— С. 71—77.
- (1970) Алгебраические системы.— М.: Наука.— 392 с.
- (1976) Избранные труды. Т. 2: Математическая логика и общая теория алгебраических систем.— М.: Наука.— 388 с.

М а и н Ю. И.

- (1973) Десятая проблема Гильберта // Современные проблемы математики.— М.: ВИНТИ.— Т. 1.— (Итоги науки и техники).— С. 5—37.
- (1980) Вычислимое и невычислимое.— М.: Сов. радио.— 128 с.
- (1981) M a n i n Yu. I. Expanding constructive universes // [Ершов А., Кнут, 1981].— Р. 255—260.

М а и н а З. (Manna Z.)

- (1974) Mathematical theory of computation.— N. Y.: McGraw-Hill.— 448 p.— Русский перевод гл. 5: Маниа З. Теория неподвижной точки программ // КС.— 1978.— Вып. 15.— С. 38—100.

М а р к о в А. А.

- (1947) Невозможность некоторых алгоритмов в теории ассоциативных систем // ДАН.— Т. 55, № 7.— С. 587—590.
- (1947a) Невозможность некоторых алгоритмов в теории ассоциативных систем. II // ДАН.— Т. 58, № 3.— С. 353—356.
- (1951) Теория алгоритмов // Труды МИАН.— Т. 38.— С. 176—189.
- (1952) О неразрешимых алгоритмических проблемах // Математический сборник.— Т. 31 (73), № 1.— С. 34—42.
- (1954) Теория алгоритмов.— М.— Л.: Изд-во АН СССР.— 375 с.— (Труды МИАН. Т. 42).
- (1954a) О непрерывности конструктивных функций // УМН.— Т. 9, вып. 3 (61).— С. 226—230.
- (1956) Об одном принципе конструктивной математической логики // ТТВМС.— М.: Изд-во АН СССР.— Т. 2.— С. 146—147.
- (1957) Математическая логика и вычислительная математика // Вестник Академии наук СССР. № 8.— С. 21—25.
- (1958) К проблеме представимости матриц // SmLGM.— Bd. 4, N. 2.— S. 157—168.
- (1958a) Неразрешимость проблемы гомеоморфии // ДАН.— Т. 121, № 2.— С. 218—220.
- (1958б) О неразрешимости некоторых проблем топологии // ДАН.— Т. 123, № 6.— С. 978—980.
- (1958в) Неразрешимость проблемы гомеоморфии // УМН.— Т. 13, вып. 4 (82).— С. 213—216.
- (1958г) О конструктивных функциях // ПКНМ. 1.— М.— Л.: Изд-во АН СССР.— (Труды МИАН. Т. 52).— С. 315—348.
- (1962) О вычислимых инвариантах // ДАН.— Т. 146, № 5.— С. 1017—1020.
- (1962a) О конструктивной математике // ПКНМ. 2.— М.— Л.: Изд-во АН СССР.— (Труды МИАН. Т. 67).— С. 8—14.
- (1964) О нормальных алгоритмах, вычисляющих булевы функции // ДАН.— Т. 157, № 2.— С. 262—264.

- (1967) О нормальных алгорифмах, связанных с вычислением булевых функций // ИАН.— Т. 31, № 1.— С. 161—208.
- Марков А. А., Нагорный Н. М.
- (1984) Теория алгорифмов // М.: Наука.— 432 с.
- Мартин-Лёф П. (Martin-Löf P.)
- (1966) О понятии случайной последовательности // Теория вероятностей и ее применения.— Т. 11, № 1.— С. 198—200.
- (1966a) The definition of random sequences // Information and control.— V. 9, № 6.— P. 602—619.
- (1968) On the notion of randomness // Intuitionism and proof theory / Eds. Kino A. et al.— N. Y.— P. 73—78.— Русский перевод Мартин-Лёф П. О понятии случайности // Сложность вычислений и алгоритмов / Под ред. В. А. Козмидиади, А. Н. Маслова и Н. В. Петри.— М.: Мир, 1974.— С. 364—369.
- (1970) Notes on constructive mathematics.— Stockholm: Almqvist, Wiksell.— 109 p.— Русский перевод: Мартин-Лёф П. Очерки по конструктивной математике.— М.: Мир, 1975.— 136 с.
- Марченков С. С.
- (1972) О вычислимых нумерациях семейств общерекурсивных функций // АиЛ.— Т. 11, № 5.— С. 588—607.
- (1976) Об одном классе неполных множеств // Математические заметки.— Т. 20, № 4.— С. 473—478.
- Марченков С. С., Матросов В. Л.
- (1979) Сложность алгоритмов и вычислений // Теория вероятностей. Математическая статистика. Теоретическая кибернетика.— М.: ВИНТИ.— Т. 16.— (Итоги науки и техники).— С. 103—149.
- Марчук Г. И.
- (1976) Статистических испытаний метод // БСЭ.— 3-е изд.— Т. 24, кн. 1.— Стлб. 1361—1362.
- Маслов С. Ю.
- (1964) Некоторые свойства аппарата канонических исчислений Э. Л. Поста // ПКНМ. 3.— М.— Л.: Наука.— (Труды МИАН. Т. 72.).— С. 5—56.
- (1967) Понятие строгой представимости в общей теории исчислений // ПКНМ. 4.— Л.: Наука.— (Труды МИАН. Т. 93.).— С. 3—42.
- (1978) Maslov S. Yu. Macroevolution as deduction process // Synthese.— V. 39.— P. 417—434.
- (1979) Исчисление // МЭ. Т. 2.— С. 685—686.
- (1979a) Теория поиска вывода и вопросы психологии творчества // Семиотика и информатика.— М.: ВИНТИ.— Вып. 13.— С. 17—46.
- (1986) Теория дедуктивных систем и ее применения.— М.: Радио и связь.— 133 с.
- Матиясевич Ю. В.
- (1967) Простые примеры неразрешимых ассоциативных исчислений // ДАН.— Т. 173, № 6.— С. 1264—1266.
- (1970) Диофантовость перечислимых множеств // ДАН.— Т. 191, № 2.— С. 279—282.
- (1971) Диофантово представление перечислимых предикатов // ИАН.— Т. 35, № 1.— С. 3—30.
- (1972) Диофантовы множества // УМН.— Т. 27, вып. 5 (167).— С. 185—222.
- (1973) Matijasevič Yu. V. On recursive unsolvability of Hilbert's tenth problem // [Саппес, 1973].— NH.— P. 89—110.

- (1974) Эффективные и неэффективные методы в теории чисел // ВКМЛ-3.— С. 141—142.
- (1974a) Существование неэффективизируемых оценок в теории экспоненциально диофантовых уравнений // ИКММЛ. VI. — Л.: Наука.— (Записки НС ЛОМИ. Т. 40).— С. 77—93.
- (1977) Matijasevič Yu. V. Some purely mathematical results inspired by mathematical logic // [Батс, Хинтика, 1977].— P. 121—127.
- (1977a) Простые числа перечисляются полиномом от 10 переменных // ТПММЛ. П.— Л.: Наука.— (Записки НС ЛОМИ. Т. 68).— С. 62—89.
- (1979) Диофантов предикат // МЭ. Т. 2.— С. 157.
- (1979a) Диофантово множество // МЭ. Т. 2.— С. 161—162.
- (1979b) Диофантовых уравнений проблема разрешимости // МЭ. Т. 2.— С. 174—175.
- (1984) Об исследованиях по некоторым алгоритмическим проблемам алгебры и теории чисел. // Алгебра, математическая логика, теория чисел, топология.— М.: Наука (Труды МИАН; Т. 168).— С. 218—235.
- Мацти М., Винкльман К., Янг П. (Machtey M., Winklmann K., Young P.)
- (1978) Simple Gödel numberings, isomorphisms and programming properties // SIAM Journal on computing.— № 1.— P. 39—60.
- Медведев Ф. А.
- (1976) Французская школа теории функций и множеств на рубеже XIX—XX вв.— М.: Наука.— 231 с.
- Медведев Ю. Т.
- (1955) Степени трудности массовых проблем // ДАН.— Т. 104, № 4.— С. 501—504.
- (1956) О понятии массовой проблемы // УМН.— Т. 11, вып. 5 (71).— С. 231—232.
- (1962) Фinitные задачи // ДАН.— Т. 142, № 5.— С. 1015—1018.
- (1969) Об одном способе доказательства неразрешимости алгоритмических проблем // ДАН.— Т. 185, № 6.— С. 1232—1235.
- Мейер А. Р. (Meyer A. R.)
- (1975) Weak monadic second order theory of successor is not elementary-recursive // Logic colloquium, Boston, 1972—1973 / Ed. R. Parikh.— Springer.— (LN in mathematics. V. 453).— P. 132—153.
- Мизес Р., фон (von Mises R.)
- (1919) Grundlagen der Wahrscheinlichkeitsrechnung // Mathematische Zeitschrift.— Bd. 5.— S. 52—99.
- (1928) Wahrscheinlichkeit, Statistik und Wahrheit.— Wien: J. Springer, 1928.— Русский перевод: Мизес Р. Вероятность и статистика.— М.— Л.: Государственное издательство, 1930.— 250 с.
- Миллар Т. С. (Millar T. S.)
- (1979) A complete, decidable theory with two decidable models // JSL.— V. 44, № 3.— P. 307—312.
- Минский М. Л. (Minsky M. L.)
- (1967) Computation: finite and infinite machines.— Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall.— 317 p.— Русский перевод: Минский М. Вычисления и автоматы.— М.: Мир, 1971.— 364 с.
- Московакис Я. Н. (Moschovakis Y. N.)
- (1964) Recursive metric spaces // Fundamenta mathematicae.— V. 55, № 3.— P. 215—238.

Мостовский А. (Mostowski A.)

- (1953) On a system of axioms which has no recursively enumerable model // *Fundamenta mathematicae.*— V. 40, № 1.— P. 56—61.
 (1955) A formula with no recursively enumerable model // *Fundamenta mathematicae.*— V. 42, № 1.— P. 125—140.
 (1966) *Thirty years of foundational studies.*— Oxford: Basil Blackwell.— (Acta philosophica fennica. Fasc. 17).— 180 p.

Мучник А. А.

- (1956) Неразрешимость проблемы сводимости теории алгоритмов // *ДАН.*— Т. 108, № 2.— С. 194—197.— (Исправление формулировки теоремы 4 указано в [Мучник, 1965], с. 717.)
 (1958) Решение проблемы сводимости Поста и некоторых других проблем теории алгоритмов. I // *Труды ММО.*— М.: Физматгиз.— Т. 7.— С. 391—405.
 (1963) О сильной и слабой сводимости алгоритмических проблем // *Сибирский математический журнал.*— Т. 4, № 6.— С. 1328—1341.
 (1965) О сводимости проблем разрешения перечислимых множеств к проблемам отделимости // *ИАН.*— Т. 29, вып. 3.— С. 717—724.
 (1970) О двух подходах к классификации рекурсивных функций // [Козмидиани, Мучник, 1970].— С. 123—138.

Мучник А. А.

- (1985) Об основных структурах дескриптивной теории алгоритмов // *ДАН.*— Т. 285, № 2.— С. 280—281.

Мюллер Г. (Müller H.)

- (1983) On Kosaraju's proof of the decidability of the reachability problem for vector addition systems. // *Grundlagen der Theoretischen Informatik, 1. Internationaler Workshop (Paderborn, 10—16 Okt. 1982).* — Universität Paderborn.— Bericht N 13: Reihe Theoretische Informatik.— P. 174—183.
 (1985) On Kosaraju's decision procedure for reachability. // *Elektronische Informationsverarbeitung und Kybernetik — Journal of information processing and Cybernetics.*— V. 21, № 4—5.— P. 234—235.

Нагорный Н. М.

- (1977) Алгоритмов сочетание // *МЭ.* Т. 1.— С. 225—226.
 (1977а) Ассоциативное исчисление // *МЭ.* Т. 1.— С. 338—340.
 (1977б) Алгоритма изображение // *МЭ.* Т. 1.— С. 210.
 (1977в) Групповое исчисление // *МЭ.* Т. 1.— С. 1147—1149.
 (1977г) Абстракция актуальной бесконечности // *МЭ.* Т. 1.— С. 43.
 (1979) Конструктивный объект // *МЭ.* Т. 2.— С. 1057—1058.

Нейман Дж., фон (von Neumann J.)

- (1963) *The computer and the brain.*— New Haven: Yale University Press.— XIII + 82 p.— Русский перевод: Нейман Дж. Вычислительная машина и мозг // *Кибернетический сборник: Сб. переводов / Под ред. А. А. Ляпунова, О. Б. Лупанова.*— М.: ИЛ, 1960.— № 1.— С. 11—60.

Непомнящий В. А.

- (1972) Neromijaščii V. A. Conditions for the algorithmic completeness of system of operations // [Фрейман, Гриффит, Розенфельд, 1972].— Т. 1.— С. 52—55.
 (1972а) Критерий алгоритмической полноты систем операций // *Теория программирования: Труды симпозиума (Новосибирск, 7—11 августа 1972 г.) Ч. 1 / Под ред. В. А. Непомнящего.*— Новосибирск: ВЦ СО АН СССР.— С. 267—279.

- (1974) О емкостной сложности распознавания рудиментарных предикатов и формальных языков // ВКМЛ-3.— С. 153—155.
 (1979) Практические методы проверки правильности программ // Семиотика и информатика.— М.: ВИНТИ.— Вып. 12.— С. 86—87.

Новиков П. С.

- (1952) Об алгоритмической неразрешимости проблемы тождества // ДАН.— Т. 85, № 4.— С. 709—712.— (Перепечатано в [Новиков, 1979].— С. 205—209.)
 (1955) Об алгоритмической неразрешимости проблемы тождества слов в теории групп.— М.: Изд-во АН СССР.— 143 с.— (Труды МИАН. Т. 44).— (Перепечатано в [Новиков, 1979].— С. 210—323.)
 (1958) Novikow P. S. Über einige algorithmische Probleme der Gruppentheorie // Jahresbericht der Deutschen Mathematiker Vereinigung.— Bd. 61, H. 2.— S. 88—92.— Русский перевод: Новиков П. С. О некоторых алгоритмических проблемах теории групп // [Новиков, 1979].— С. 390—392.
 (1977) Конструктивная математическая логика с точки зрения классической.— М.: Наука, 1977.— 328 с.
 (1979) Избранные труды: Теория множеств и функций. Математическая логика и алгебра.— М.: Наука.— 396 с.

Ногина Е. Ю.

- (1966) Об эффективно топологических пространствах // ДАН.— Т. 169, № 1.— С. 28—31.
 (1969) Соотношения между некоторыми классами эффективно топологических пространств // Математические заметки.— Т. 5, № 4.— С. 483—495.
 (1978) Нумерованные топологические пространства // ZmLGM.— Bd. 24, H. 2.— S. 141—176.

Нуртазин А. Т.

- (1974) Сильные и слабые конструктивизации сильно конструктивизируемой модели. // ВКМЛ-3.— С. 156—158.
 (1974а) Вычислимые классы и алгебраические критерии автоустойчивости: Автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук.— Новосибирск.— 15 с.

Патерсон М. С. (Paterson M. S.)

- (1970) Unsolvability in 3×3 matrices // Studies in applied mathematics.— V. 49, № 1.— P. 105—107.

Патерсон М. С., Фишер М. Дж., Мейер А. Р. (Paterson M. S., Fischer M. J., Meyer A. R.)

- (1974) An improved overlap argument for online multiplication // Complexity of computation.— Providence: AMS.— (SIAM — AMS proceedings. V. 7).— P. 97—111.— Русский перевод: Патерсон М. С., Фишер М. Дж., Мейер А. Р. Улучшенный метод частичного перекрытия для умножения, выполняемого в темпе поступления информации // КС, 1977.— Вып. 14.— С. 77—94.

Пауль В. Дж., Сейферас Дж. И., Симон Дж. (Paul W. J., Seiferas J. I., Simon J.)

- (1980) An information-theoretic approach to time bounds for on-line computation (preliminary version) // Conference proceedings of the Twelfth annual ACM symposium on theory of computing. Papers presented at the symposium held in Los Angeles, Calif., April 18—30, 1980.— N. Y.: ACM.— P. 357—367.

Перетяжкин М. Г.

(1973) О полных теориях с конечным числом счетных моделей // *АиЛ.*— Т. 12, № 5.— С. 550—576.

Петров Б. Н., Уланов Г. М., Ульянов С. В.

(1979) Сложность конечных объектов и информационная теория управления // *Техническая кибернетика.*— М.: ВИНТИ.— (Итоги науки и техники).— Т. 11.— С. 77—147.

Плиско В. Е.

(1973) О реализуемых предикатных формулах // *ДАН.*— Т. 212, № 3.— С. 553—556.

(1976) Некоторые варианты понятия реализуемости для предикатных формул // *ДАН.*— Т. 226, № 1.— С. 61—64.

(1977) Неарифметичность класса реализуемых предикатных формул // — Т. 41, № 3.— С. 483—502.

(1978) Некоторые варианты понятия реализуемости для предикатных формул // *ИАН.*— Т. 42, № 3.— С. 636—653.

Поляков Е. А., Розина С. М. Г.

(1976) Теория алгоритмов: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов-математиков.— Иваново: Ивановский государственный университет.— 88 с.

Пост Э. Л. (Post E. L.)

(1936) Finite combinatorial processes — formulation I // *JSL.*— V. 1, № 3.— P. 103—105.— (Перепечатано в [Дейвис, 1965].— С. 289—291.)— Русский перевод: Пост. Э. Л. Фinitные комбинаторные процессы, формулировка I // [Успенский, 1979].— С. 89—95.

(1943) Formal reductions of the general combinatorial decision problem // *American journal of mathematics.*— V. 65, № 2.— P. 197—215.

(1944) Recursively enumerable sets of positive integers and their decision problems // *Bulletin of AMS.*— V. 50, № 5.— P. 284—316.— (Перепечатано в [Дейвис, 1965].— С. 305—337.)

(1946) A variant of a recursively unsolvable problem // *Bulletin of AMS.*— V. 52, № 4.— P. 264—268.

(1947) Recursive unsolvability of a problem of Thue // *JSL.*— V. 12, № 1.— P. 1—11.— (Перепечатано в [Дейвис, 1965].— С. 297—303.)

Прохоров Ю. В.

(1973) Кодирование // *БСЭ.*— 3-е изд.— Т. 12.— С. 373—374.

Пур-Эл М. Б. (Pour-El M. B.)

(1964) Gödel numberings versus Friedberg numberings // *Proceeding of AMS.*— V. 15, № 2.— P. 252—256.

Пур-Эл М. Б., Ричардс Я. (Pour-El M. B., Richards I.)

(1983) Computability and noncomputability in classical analysis. // *Transactions of AMS.* — V. 275, № 2.— P. 539—560.

(1984) *LP*-computability in recursive analysis. // *Proceedings of AMS.*— V. 92, № 1.— P. 93—97.

Рабин М. О. (Rabin M. O.)

(1958) On recursively enumerable and arithmetic models of set theory // *JSL.*— V. 23, № 4.— P. 408—416.

(1960) Computable algebra, general theory and theory of computable fields // *Transactions of AMS.*— V. 95, № 2.— P. 341—360.

(1963) Real time computation // *Israel journal of mathematics.*— V. 1, № 4.— P. 203—211.— Русский перевод: Рабин М. Вычисления в реальное время // [Козмидиади, Мучник, 1970].— С. 156—167.

- (1969) Decidability of second-order theories and automata on infinite trees // Transactions of AMS.— V. 141, № 7.— P. 1—35.— Русский перевод: Рабин М. О. Разрешимость теорий второго порядка и автоматы над бесконечными деревьями // КС.— Вып. 8.— С. 72—116.
- (1974) Theoretical impediments to artificial intelligence // Information processing 74. Proceedings of IFIP congress 1974, Stockholm, August 3—10, 1974 / Ed. J. L. Rosenfeld.— NH.— P. 615—619.
- Р а й с Х. (Rice H. G.)
- (1953) Classes of recursively enumerable sets and their decision problems // Transactions of AMS.— V. 74, № 2.— P. 358—366.
- (1954) Recursive real numbers // Proceedings of AMS.— V. 5, № 5.— P. 784—791.
- Р и ч а р д с о н Д. (Richardson D.)
- (1968) Some undecidable problems involving elementary functions of a real variable // JSL.— V. 33, № 4.— P. 514—520.
- Р о б и н с о н Дж. (Robinson J.)
- (1949) Definability and decision problems in arithmetic // JSL.— V. 14, № 2.— P. 98—114.
- (1952) Existential definability in arithmetic // Transactions of AMS.— V. 72, № 3.— P. 437—449.— Русский перевод: Робинсон Дж. Экзистенциальная выразимость в арифметике // Математика: Сб. переводов, 1964.— Т. 8, № 5.— С. 3—14.
- Р о д ж е р с Х., младший (Rogers H., Jr.)
- (1958) Gödel numberings of partial recursive functions // JSL.— V. 23, № 3.— P. 331—341.
- (1967) Theory of recursive functions and effective computability.— New York et al.: McGraw-Hill Book Company.— XIX + 482 p.— Русский перевод: Роджерс Х. Теория рекурсивных функций и эффективная вычислимость.— М.: Мир, 1972.— 624 с.
- Р о з е н б е р г А. Л. (Rosenberg A. L.)
- (1967) Real-time definable languages // Journal of ACM.— V. 14, № 4.— P. 645—662.— Русский перевод: Розенберг А. Языки, определяемые в реальное время // [Козмидиани, Мучник, 1970].— С. 168—193.
- Р о т К. Ф. (Roth K. F.)
- (1955) Rational approximations to algebraic numbers // Mathematica.— V. 2, № 1.— P. 1—20 (corrigendum p. 168).— Русский перевод: Рот К. Ф. Рациональные приближения алгебраических чисел // Математика: Сб. переводов.— Т. 1, № 1.— С. 3—18.
- С а к с Д. Е. (Sacks G. E.)
- (1961) A minimal degree less than \mathcal{O}' . // Bulletin of AMS.— V. 67, № 4 (673).— P. 416—419.
- (1963) Degrees of unsolvability.— Princeton, New Jersey: Princeton University Press.— 174 p.— (Annals of mathematics studies. № 55).
- С а л о м а а А., Соиттола М. (Salomaa A., Soittola M.)
- (1978) Automata-theoretic aspects of formal power series.— Springer.— X + 171 p.
- С а н к а п п а и а в а р Х. П. (Sankappanavar H. P.)
- (1978) Decision problems: History and methods // Mathematical logic. Proceedings of the first Brazilian conference / Eds. A. I. Arruda, C. A. Newton da Costa, R. Chuaqui.— New York and Basel: Marcel Dekker.— (Lecture notes in pure and applied mathematics. V. 39).— P. 241—291.

- Саппес П. (Suppes P.)
 (1973) Logic, Methodology and Philosophy of Science. IV/Eds. P. Suppes et al.— NH.
- Сейферас Дж. И. (Seiferas J. I.)
 (1977) Relating refined space complexity classes // JCSS.— V. 14, № 1.— P. 100—129.
- Сейферас Дж. И., Фишер М. Дж., Мейер А. Р. (Seiferas J. I., Fischer M. J., Meyer A. R.)
 (1978) Separating nondeterministic time complexity classes // Journal of ACM.— V. 25, № 1.— P. 146—167.
- Селиванов В. Л.
 (1976) Две теоремы о вычислимых нумерациях // АиЛ.— Т. 15, № 4.— С. 470—484.
- Семенов А. Л.
 (1978) Некоторые алгоритмические проблемы для систем алгоритмических алгебр // ДАН.— Т. 239, № 5.— С. 1063—1066.
 (1980) Интерпретация свободных алгебр в свободных группах // ДАН.— Т. 252, № 6.— С. 1326—1332.
 (1984) Semenov A. L. Decidability of monadic theories. // Mathematical foundations of computer sciences 1984: Proceedings, 11th Symposium (Prague, Czechoslovakia, September 3—7, 1984).— Springer.— (LN in computer science; V. 176).— P. 162—175.
 (1986) Разрешающие алгоритмы для логических теорий. // Кибернетика и вычислительная техника.— Вып. 2.— М.: Наука.— С. 134—146.
- Семенов А. Л., Семенова Е. Т.
 (1974) Программирование и математическое обеспечение // Радиоэлектроника в 1973 г.: Обзор по материалам иностранной печати.— Вып. 6: Вычислительная техника. Программирование.— М.: Научно-исследовательский институт экономики и информации по радиоэлектронике.— С. 76—91.
- Семенов А. Л., Успенский В. А.
 (1980) Международная встреча ученых в Хорезме // Международный форум по информации и документации.— Т. 5, № 1.— С. 36—37.— Английский перевод: Semenov A. L., Uspenskij V. A. International meeting of scientists at Khorasm // International forum on information and documentation, 1980.— V. 5, № 1.— P. 37—38.
 (1986) Математическая логика в вычислительных науках и вычислительной практике. // Вестник Академии наук СССР, № 7.— С. 93—103.
- Скотт Д. (Scott D.)
 (1961) On constructing models for arithmetic // Infinitistic methods. Proceeding of the Symposium on foundations of mathematics, Warsaw, 2—9 Sept. 1959.— Warszawa et al.— P. 235—255.
 (1970) Outline of a mathematical theory of a computation // Proceeding of the Fourth annual Princeton conference on information sciences and systems, 1970.— Princeton (New Jersey): Princeton University Press.— P. 169—176.— Русский перевод: Скотт Д. набросок математической теории вычислений // КС.— 1977.— Вып. 14.— С. 105—121.
- Слисенко А. О.
 (1977) Упрощенное доказательство распознаваемости симметричности слов в реальное время на машинах Тьюринга // ТПММЛ. II.— Л.: Наука.— (Записки ИС ЛОМИ. Т. 68.).— С. 123—139.

- (1977a) Распознавание предиката вхождения в реальное время.— Препринт/Ленинградское отделение МИАН.— Л., 1977.— № P7—77.— 24 с.
- (1978) S l i s e n k o A. O. String-matching in real time: some properties of the data structure // Mathematical foundations of computer science 1978/Ed. J. Winkowski.— Springer.— (LN in computer science. V. 64).— P. 493—496.
- (1981) Сложностные задачи теории вычислений // УМН.— Т. 36, вып. 6.— С. 21—103.
- С о а р Р. (Soare R. I.)
- (1978) Recursively enumerable sets and degrees // Bulletin of AMS.— V. 84, № 6.— P. 1149—1181.
- С о л о м о н о в Р. Дж. (Solomonoff R. J.)
- (1964) A formal theory of inductive inference. Part I // Information and control.— V. 7, № 1.— P. 1—22.
- С п е к т о р К. (Spector Cl.)
- (1956) On degrees of recursive unsolvability.— Annals of mathematics. Ser. 2.— V. 64, № 3.— P. 581—592.
- С т е п а н о в С. А.
- (1984) Диофантовы уравнения. // Алгебра, математическая логика, теория чисел, топология.— М.: Наука.— (Труды МИАН. Т. 168).— С. 31—45.
- С т и р н з Р. Е., Х а р т м а н и с Дж. (Ю.), Льюис П. М. II (Stearns R. E., Hartmanis J., Lewis P. M. II)
- (1970) Иерархии вычислений с ограниченной памятью. // [Козмидиади, Мучник, 1970].— С. 301—338.
- С т о к м е й е р Л. Дж., Ч а н д р а А. К. (Stockmeyer L. J., Chandra A. K.)
- (1979) Intrinsically difficult problems. // Scientific American.— V. 240, № 5.— P. 124—133.
- С т о ц к и й Э. Д.
- (1980) Элементы теории формальных грамматик.— Препринт / ВИНТИ.— М., 1980.— 67 с.
- С э в и ч В. Дж. (Savitch W. J.)
- (1970) Relationships between non-deterministic and deterministic tape complexities // JCSS.— V. 4, № 2.— P. 177—192.
- С э с е р д о у т С., Т е н н и Р. Л. (Sacerdote G. S., Tenney R. L.)
- (1977) The decidability of the reachability problem for vector addition systems // Conference record of the Ninth annual ACM symposium on theory of computing. Papers presented at the symposium held in Boulder, Colo., May 2—4, 1977.— N. Y.: ACM.— P. 61—76.
- Т а р с к и й А., М о с т о в с к и й А., Р о б и н с о н Р. М. (Tarski A., Mostowski A., Robinson R. M.)
- (1953) Undecidable theories.— NH.— XI + 98 p.
- Т в е р с к о й А. А.
- (1982) Исследование рекурсивности и арифметичности сигнатурных функций в нестандартных моделях арифметики // ДАН.— Т. 262, № 6.— С. 1325—1328.
- Т р а х т е н б р о т Б. А.
- (1953) О рекурсивной отделимости // ДАН.— Т. 88, № 6.— С. 953—956.
- (1956) Сигнализирующие функции и табличные операторы // Ученые записки Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского.— Пенза.— Т. 4.— С. 75—87.
- (1967) Сложность алгоритмов и вычислений: Спецкурс для студентов НГУ.— Новосибирск: Изд-во НГУ.— 258 с.

- (1974) Замечания о сложности вычислений на вероятностных машинах // Теория алгоритмов и математическая логика.— М.: ВЦ АН СССР.— С. 159—176.
- Т у э А. (Thue A.)
- (1910) Die Lösung eines Spezialfalles eines generalen logischen Problems // Skrifter utgit av Videnskapselskapet i Kristiania, I.— Matematisk-naturvidenskabelig klasse.— № 8—40 P.— (Перепечатано в [Туэ, 1977], с. 273—310.).
- (1914) Probleme über Veränderungen von Zeichenreihen nach gegebenen Regeln // Skrifter utgit av Videnskapselskapet i Kristiania, I.— Matematisk-naturvidenskabelig klasse.— № 10.— 34 p. (Перепечатано в [Туэ, 1977], с. 493—524.).
- (1977) Selected mathematical papers/ Eds. T. Nagell et al. An introduction by Siegel K. L.— Oslo et al.: Universitetsforlaget.— 592 p.
- Т ь ю р и н г А. М. (Turing A. M.)
- (1936) On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem // Proceedings of LMS. Ser. 2.— V. 42, № 3, 4.— P. 230—265.— (Перепечатано в [Дейвис, 1965], С. 116—151.).
- (1937) On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem. A correction // Proceedings of LMS, Ser. 2.— V. 43, № 7.— P. 544—546.— (Перепечатано в [Дейвис, 1965], с. 152—154.).
- (1937a) Computability and λ -definability // JSL.— V. 2, № 4.— P. 153—163.
- (1939) Systems of logic based on ordinals // Proceedings of LMS. Ser. 2.— V. 45, № 3.— P. 161—228.— (Перепечатано в [Дейвис, 1965], с. 155—222.).
- Т ы у г у Э. Х.
- (1984) Концептуальное программирование.— М.: Наука.— 255 с.
- У а н г П. (Wang P.)
- (1974) The undecidability of the existence of zeros of real elementary functions // Journal of ACM.— V. 21, № 4.— P. 586—589.
- У с п е н с к и й В. А.
- (1953) Теорема Гёделя и теория алгоритмов // УМН.— Т. 8, № 4 (56).— С. 176—178.
- (1953a) Теорема Гёделя и теория алгоритмов // ДАН.— Т. 91, № 4.— С. 737—740.
- (1955) О вычислимых операциях // ДАН.— Т. 103, № 5.— С. 773—776.
- (1955a) Системы перечислимых множеств и их нумерации // ДАН.— Т. 105, № 6.— С. 1155—1158.
- (1956) Вычислимые операции и понятие программы // УМН.— Т. 11, вып. 4(70).— С. 172—176.
- (1956a) Понятие программы и вычислимые операторы // ТТВМС. Т. 1.— С. 186.
- (1957) К теореме о равномерной непрерывности // УМН.— Т. 12, вып. 1(73).— С. 99—142.
- (1960) Лекции о вычислимых функциях.— М.: Физматгиз.— 492 с.— Французский перевод: Ouspenski V. A. Leçons sur les fonctions calculables.— Paris: Hermann, 1966.— 412 p.
- (1970) Алгоритм // БСЭ.— 3-е изд.— Т. 1.— С. 400—401.
- (1974) Теорема Гёделя о неполноте в элементарном изложении // УМН.— Т. 29, вып. 1(175).— С. 3—47.
- (1977) Алгоритм // МЭ. Т. 1.— С. 202—206.
- (1979) Машина Поста.— М.: Наука.— 95 с.
- (1982) Теорема Гёделя о неполноте.— М.: Наука.— 111 с.

- (1985) Вклад Н. Н. Лузина в дескриптивную теорию множеств и функций: понятия, проблемы, предсказания. // УМН.— Т. 40, вып. 3 (243).— С. 85—116.
- Успенский В. А., Семенов А. Л.
- (1981) Usrenskiy V. A., Semenov A. L. What are the gains of the theory of algorithms: basic developments connected with the concept of algorithm and with its application in mathematics // [Ершов А., Кнут, 1981].— С. 100—234.
- (1982) Теория алгоритмов: ее основные открытия и приложения. // [Ершов, Кнут 1982] — Ч. 1.— С. 99—342.
- (1985) Решимые и нерешимые алгоритмические проблемы. // Квант.— № 7.— С. 9—15.
- Уэзерелл Ч. (Wetherell Ch.)
- (1978) Etudes for programmers.— Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall.— Русский перевод: Уэзерелл Ч. Этюды для программистов.— М.: Мир, 1982.— 287 с.
- Ферранте Дж., Ракков Ч. (Ferrante J., Rackoff C. W.)
- (1979) The computational complexity of logical theories.— Springer.— 243 p. (LN in mathematics. V. 718).
- Фишер П. (Fischer P. C.)
- (1974) Further schemes for combining matrix algorithms // Automata, languages and programming: 2nd colloquium (Saarbrücken, July 29 — August 2, 1974).— Springer.— P. 428—436.— (LN in computer science. V. 14.)
- Фреге Г. (Frege G.)
- (1879) Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens.— Halle.— X + 88 S.— Английский перевод: Frege G. Begriffsschrift, a formula language, modeled upon that of arithmetic, for pure thought // [Хейенорт, 1967].— С. 1—82.
- Фрейвалд Р. В.
- (1975) Быстрые вычисления на вероятностных машинах Тьюринга // Ученые записки Латвийского государственного университета.— Т. 233.— С. 201—205.
- (1979) Ускорение распознавания некоторых множеств применением датчика случайных чисел. // ПК.— Вып. 36.— С. 209—224.
- (1979а) О времени работы детерминированных и недетерминированных машин Тьюринга. // Латвийский математический ежегодник.— Вып. 23.— Рига: Зинатне.— С. 158—165.
- (1981) Двусторонние конечные вероятностные автоматы и машины Тьюринга с ограниченной ленточной сложностью. // ДАН.— Т. 256, № 6.— С. 1326—1329.
- (1981а) Возможности различных моделей односторонних вероятностных автоматов. // Известия высших учебных заведений. Математика.— № 5 (228).— С. 26—34.
- (1983) Freivalds R. Space and reversal complexity of probabilistic one-way Turing machines // LN in computer science. — V. 158.— P. 159—170.
- (1986) Сложность вычислений на вероятностных и детерминированных односторонних машинах Тьюринга // Кибернетика и вычислительная техника.— Вып. 2.— М.: Наука.— С. 147—179.
- Фреиман К. В., Гриффит Дж. Е., Розенфельд Дж. Л. (Freiman C. V., Griffith J. E., Rosenfeld J. L.)
- (1972) Information processing 71: Proceedings of IFIP congress 71, Ljubljana, August 23—28, 1971/Eds. C. V. Freiman, J. E. Griffith, J. L. Rosenfeld.— 1622 p.

- Ф р и д б е р г Р. М. (Friedberg R. M.)
 (1957) Two recursively enumerable sets of incomparable degrees of unsolvability (solution of Post's problem, 1944) // Proceedings of the National Academy of Sciences.— V. 43, № 2.— P. 236—238.
- (1958) Three theorems on recursive enumeration. I: Decomposition; II: Maximal set; III: Enumeration without repetition // JSL.— V. 23, № 3.— P. 309—316.
- Х а к е н В. (Haken W.)
 (1973) Connections between topological and group theoretical decision problems // [Бун, Канонито, Лондон, 1973].— P. 427—441.
- Х а р т м а н и с Дж. (Hartmanis J.)
 (1982) A note on natural complete sets and Gödel numberings // Theoretical computer science.— V. 17, № 1.— P. 75—89.
- Х а р т м а н и с Дж., Б е й к е р Т. П. (Hartmanis J., Baker T. P.)
 (1975) On simple Goedel numberings and translations // SIAM Journal on computing.— V. 4, № 1.— P. 1—11.
- Х а р т м а н и с Дж., Х о п к р о ф т Дж. (Hartmanis J., Hopcroft J.)
 (1971) An overview of the theory of computational complexity // Journal of ACM.— V. 18, № 3.— P. 444—475.— Русский перевод: Хартманис Дж., Хопкрофт Дж. Э. Обзор теории сложности вычислений // КС.— 1974.— Вып. 11.— С. 134—176.
- Х а ч и я н Л. Г.
 (1979) Полиномиальный алгоритм в линейном программировании // ДАН.— Т. 244, № 5.— С. 1093—1096.
- Х е й е н о р т Я., ван (van Heijenoort J.)
 (1967) From Frege to Gödel: A source book in mathematical logic, 1879—1931.— Cambridge, Mass.: Harvard University Press.— XII + 660 p.
- Х е р м е с Х. (Hermes H.)
 (1965) Enumerability. Decidability. Computability: An introduction to the theory of recursive functions.— Springer.— IX + 245 p.
- Х о о р К. А. Р. (Hoare C. A. R.)
 (1969) An axiomatic basis for computer programming // Communications of ACM.— V. 12, № 10.— P. 576—580, 583.
- Х о п к р о ф т Дж.
 (1984) Машины Тьюринга // В мире науки.— № 7 (июль).— С. 36—47.
- Х о п к р о ф т Дж., П а н с ь о Ж.-Ж. (Hopcroft J., Pansiot J.-J.)
 (1979) On the reachability problem for 5-dimensional vector addition systems // Theoretical computer science.— V. 8, № 2 — P. 135—159.
- Х о п к р о ф т Дж. Е., П а у л ь В. Дж., В э л и а н т Л. (Hopcroft J. E., Paul W. J., Valiant L. G.)
 (1977) On time versus space // Journal of ACM.— V. 24, № 2.— P. 332—337.
- Х о п к р о ф т Дж. Е., У л ь м а н Дж. Д. (Hopcroft J. E., Ullman J. D.)
 (1969) Formal languages and their relation to automata.— AW.— X + + 242 p.
- Х о р е з м и
 (1964) М у х а м м а д а л ь - Х о р е з м и. Математические трактаты/ Пер. Ю. Х. Копелевич и Б. А. Розенфельда; комментарии Б. А. Розенфельда.— Ташкент: Наука.— 131 с.
- (1983) М у х а м м а д и б н М у с а а л - Х о р е з м и. Математические трактаты. / Отв. ред. ак. АН УзССР С. Х. Сираждинов.— Ташкент: Фан.— 306 с.

Х у т о р е ц к и й А. Б.

(1969) О сводимости вычислимых нумераций // *АиЛ.*— Т. 8, № 2.— С. 251—264.

(1971) О мощности верхней полурешетки вычислимых нумераций // *АиЛ.*— Т. 10, № 5.— С. 561—569.

Ц е й т и н Г. С.

(1958) Ассоциативное исчисление с неразрешимой проблемой эквивалентности // *ПКНМ.* 1.— М.— Л.: Изд-во АН СССР.— (Труды МИАН. Т. 52).— С. 172—189.

(1959) Алгоритмические операторы в конструктивных полных сепарабельных метрических пространствах // *ДАН.*— Т. 128, № 1.— С. 49—52.

(1962) Алгоритмические операторы в конструктивных метрических пространствах // *ПКНМ.* 2.— М.— Л.: Изд-во АН СССР.— (Труды МИАН. Т. 67).— С. 295—361.

(1962а) Теоремы о среднем значении в конструктивном анализе // *ПКНМ.* 2.— М.— Л.: Изд-во АН СССР.— (Труды МИАН. Т. 67).— С. 362—384.

(1964) Один способ изложения теории алгоритмов и перечислимых множеств // *ПКНМ.* 3.— М.— Л.: Наука.— (Труды МИАН. Т. 72).— С. 69—98.

(1971) Приведенная форма нормальных алгоритмов и теорема о линейном ускорении // *ИКММЛ.* IV.— Л.: Наука.— (Записки ИС ЛОМИ. Т. 20).— С. 234—242.

Ч а н д л е р Б., Ма г н у с В. (Chandler B., Magnus W.)

(1982) *The history of combinatorial group theory: a case study in the history of ideas.*— Springer.— 234 p.— Русский перевод: Чандлер Б., Магнус В. Развитие комбинаторной теории групп.— М.: Мир, 1985.— 253 с.

Ч е н ц о в Н. Н.

(1976) Статистическое моделирование. // *БСЭ.*— 3-е изд.— Т. 24, кн. 1.— Стлб. 1363—1364.

Ч ё р ч А. (Church A.)

(1936) An unsolvable problem of elementary number theory // *American journal of mathematics.*— V. 58, № 2.— P. 345—363.— (Перепечатано в [Дейвис, 1965].— С. 89—107.)

(1936а) A note on the Entscheidungsproblem // *JSL.*— V. 1, № 1.— P. 40—41.— (Перепечатано с учетом исправлений, указанных в [Чёрч, 1936б], в [Дейвис, 1965].— С. 110—115.)

(1936б) Correction to a note on the Entscheidungsproblem // *JSL.*— V. 1, № 3.— P. 101—102.

(1940) On the concept of a random sequence // *Bulletin of AMS.*— V. 46, № 2.— P. 130—135.

(1941) *The calculi of lambda-conversion.*— Princeton, N. J.: Princeton University Press.— 77 p.— (Annals of mathematics studies. № 6).

(1956) *Introduction to mathematical logic.* V. 1.— Princeton, N. J.: Princeton University Press.— IX + 376 p.— (Русский перевод: Чёрч А. Введение в математическую логику.— Т. I.— М.: ИЛ, 1960.— 485 с.)

Ш а н и н Н. А.

(1955) О некоторых логических проблемах арифметики.— М.: Изд-во АН СССР.— 112 с.— (Труды МИАН. Т. 43).

(1956) Некоторые вопросы математического анализа в свете конструктивной логики // *ZmLGM.*— Bd. 2, H. 1.— S. 27—36.

- (1958) О конструктивном понимании математических суждений // ПКНМ. 1.— М.— Л.: Изд-во АН СССР.— (Труды МИАН. Т. 52.).— С. 226—311.
- (1958а) Об алгоритме конструктивной расшифровки математических суждений // ZmLGM.— Bd. 4, N. 4.— S. 293—303.
- (1962) Конструктивные вещественные числа и конструктивные функциональные пространства // ПКНМ. 2.— М.— Л.: Изд-во АН СССР.— (Труды МИАН. Т. 67.).— С. 15—294.
- (1970) О рекурсивном математическом анализе и исчислении арифметических равенств Р. Л. Гудстейна // Гудстейн Р. Л. Рекурсивный математический анализ / Пер. с англ.— М.: Наука.— С. 7—76.
- (1973) Об иерархии способов понимания суждений в конструктивной математике // ПКНМ. 6.— Л.: Наука.— (Труды МИАН. Т. 129).— С. 203—266.
- Шахматный кодекс СССР**
- (1969) Шахматный кодекс СССР.— 9-е изд.— М.: Центральный шахматный клуб.— 48 с.
- (1981) Шахматный кодекс СССР.— 11-е изд., испр. и доп.— М.: Физкультура и спорт.— 64 с.
- Шеннон К. (Shannon C.)**
- (1948) A mathematical theory of communication // Bell system technical journal.— V. 27, № 3.— P. 379—423; № 4.— P. 623—656.— Русский перевод: Математическая теория связи // Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / Пер. с англ.; Под ред. Р. Л. Добрушина, О. Б. Лупанова.— М.: ИЛ.— С. 243—332.
- Шень А. Х.**
- (1979) Метод приоритета и проблемы отделения // ДАН.— Т. 248, № 6.— С. 1309—1313.
- (1980) Аксиоматический подход к теории алгоритмов и относительная вычислимость // Вестник Московского университета. Сер. 1: Математика, механика.— № 2.— С. 27—29.
- (1981) Несколько замечаний о нумерациях, не являющихся натуральными // Математическая логика и математическая лингвистика.— Калинин: Калининский государственный университет.— С. 162—165.
- (1982) Частотный подход к определению понятия случайной последовательности // Семиотика и информатика.— М.: ВИНТИ.— Вып. 18.— (Второй выпуск за 1981 г.) — С. 14—42.
- Шёнфилд Дж. Р. (Shoenfield J. R.)**
- (1971) Degrees of unsolvability.— NH.— VIII + 111 p.— Русский перевод: Степени неразрешимости // Шёнфилд Дж. Степени неразрешимости.— М.: Наука, 1977.— С. 7—94.
- Шёнхаге А. (Schönhage A.)**
- (1970) Universelle Turing Speicherung // Automatentheorie und formale Sprachen/Eds. J. Dörr, G. Hotz.— Mannheim.— S. 369—383.
- (1980) Storage modification machines // SIAM Journal on computing.— V. 9, № 3.— P. 490—508.
- Шмутьян Р. М. (Smullyan R. M.)**
- (1958) Theories with effectively inseparable nuclei // JSL.— V. 23, № 4.— P. 458.
- (1960) Theories with effectively inseparable nuclei // ZmLGM.— Bd. 6, N. 3—4.— S. 219—222.

- (1961) Theory of formal systems.— Princeton (New Jersey): Princeton University Press.— XIV + 142 p. (Annals of mathematics studies. № 47).— Русский перевод с исправленного издания 1962 г.: Смальян Р. Теория формальных систем.— М.: Наука.— 207 с.
- Шнорр К. П.** (Schnorr C. P.)
- (1971) Zufälligkeit und Wahrscheinlichkeit. Eine algorithmische Begründung der Wahrscheinlichkeitstheorie.— Springer.— IV + 212 S.— (LN in mathematics. V. 218).
- (1972) Optimal Gödel numberings // Information processing 71. Proceedings of IFIP congress 71, Lubljana, August 23—28, 1971.— V. 1: Foundations and systems/Eds. C. V. Freiman et al.— NH.— P. 56—58.
- (1973) Process complexity and effective random tests // JCSS.— V. 7, № 4.— P. 376—388.
- (1975) Optimal enumerations and optimal Gödel numberings // Mathematical systems theory.— V. 8, № 2.— P. 182—191.
- (1977) A survey of the theory of random sequences // [Батс, Хинтикка, 1977a].— P. 193—211.
- Шор Р. А.** (Shore R. A.)
- (1981) The degrees of unsolvability: global results // Logic year 1979—80/ Eds. M. Lerman, J. Schmerl, R. Soare.— Springer.— (LN in mathematics. V. 859.).— P. 283—301.
- (1981a) The theory of the degrees below $0'$. // The Journal of LMS. Ser. 2.— V. 24, part 2 (№ 82) — P. 1—14.
- Шпекер Э.** (Specker E.)
- (1949) Nicht Konstruktiv beweisbare Sätze der Analysis // JSL.— V. 14, № 3.— P. 145—158.
- Шрёдер Э.** (Schröder E.)
- (1887) Über Algorithmen und Kalkül // Archiv für Mathematik und Physik.— 2. Reihe, Teil 5.— Русский перевод: Шрёдер Э. Об алгорифмах и исчислениях // Физико-математические науки в их настоящем и прошедшем: Журнал чистой и прикладной математики, астрономии и физики, издаваемый В. В. Бобыниным.— 1888.— Т. 7, № 1.— С. 76—85; № 2.— С. 163—168; № 3.— С. 229—242; № 4.— С. 345—374.
- Эббинхауз Г. Д.** (Ebbinghaus H. D.)
- (1970) Aufzählbarkeit // [Якобс, 1970a]. P. 64—113.— Русский перевод: Эббинхауз Г. Д. Перечислимость // [Якобс, 1970a], русский перевод.— С. 86—149.
- Юшкевич А. П.**
- (1976) Хрестоматия по истории математики. Арифметика и алгебра, теория чисел. Геометрия. / Под ред. А. П. Юшкевича.— М.: Просвещение.— 319 с.
- Яблонский С. В., Лупанов О. Б.**
- (1974) Дискретная математика и математические вопросы кибернетики. Т. 1 / Под ред. С. В. Яблонского, О. Б. Лупанова.— М.: Наука.— 312 с.
- Якобс К.** (Jacobs K.)
- (1970) Turing-Maschinen und zufällige 0-1-Folgen // [Якобс, 1970a].— P. 141—167.— Русский перевод: Якобс К. Машины Тьюринга и случайные 0-1-последовательности // [Якобс, 1970a], русский перевод.— С. 183—215.
- (1970a) Selecta mathematica. V. 2/Ed. K. Jacobs.— Springer.— Русский перевод: Машины Тьюринга и рекурсивные функции / Под ред. К. Якобса — М.: Мир.— 264 с.

Я н г е р Д. Х. (Younger D. H.)

(1967) Recognition and parsing of context-free languages in time n^3 // Information and control.— V. 10, № 2.— P. 189—208.— Русский перевод: Янгер Д. Х. Распознавание и анализ контекстно-свободных языков // [Козмидиади, Мучник, 1970].— С. 344—362.

Я н о в Ю. И.

(1958) О логических схемах алгоритмов // ПК.— Вып. 1.— С. 75—127.

Я н о в с к а я С. А.

(1959) Математическая логика и основания математики // Математика в СССР за сорок лет. Т. I. / Под ред. А. С. Куроша и др.— М.: Физматгиз.— С. 13—120.

(1962) Исчисление // Философская энциклопедия. Т. 2.— С. 387—390.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агафонов В. Н. 118, 210, 220, 245
Адлер А. 161, 245
Адян С. И. 146, 150, 152, 153, 159, 160, 245
Аккерман В. 170, 248
Арнольд В. И. 161, 246
Арсланов М. М. 97, 98, 121, 246
Ахмедов А. А. 6, 7, 247
Ахо А. В. 32, 37, 67, 68, 70, 82, 85, 86, 93, 101, 222, 246
- Барздинь Я. М. 73, 76, 216, 219, 220, 224, 236, 246, 253
Батс Р. Е. 246, 254, 258, 270
Баур В. 196, 246
Бахвалов Н. С. 17, 246
Бейкер А. 149, 246
Бейкер Т. П. 114, 129, 267
Беккер Дж., де 104
Бетелии В. Б. 229, 246
Блюм М. 134, 135, 246
Борель Э. 30, 173—177, 179, 246, 247
Браудер Ф. Е. 246, 247, 249
Брукс Ф. П. мл. 224, 247, 250
Булгаков П. Г. 6, 7, 247
Бун В. В. 161, 247, 252, 267
Бурбаки Н. 184, 198
Бэр Р. 182
- Вайнберг Ю. Р. 181, 247
Валиев М. К. 104, 247
Вейль Г. 30, 247
Вейнгаарден А., ван 42, 226
Верещагин Н. К. 161, 247
Вилль Ж. 203
Винкльмай К. 114, 129, 130, 258
Вьюгин В. В. 131, 209, 211, 247
Вэлиант Л. 69, 86, 247, 267
- Гарднер М. 163, 247
Гаттердам Р. В. 223, 252
- Гёдель К. 29, 51, 53, 59, 79, 81, 89, 171, 224, 226, 248
Гжегорчик А. 182, 248
Гилл Дж. Т. 232, 237, 238, 248
Гильберт Д. 154, 170, 248
Гладкий А. В. 50, 55, 62, 76, 92, 145, 248
Глушков В. М. 36, 104, 171, 224, 229, 248
Гольдбах Х. 146
Гончаров С. С. 131, 187, 190, 193—195, 248
Григорьев Д. Ю. 71, 249
Гриффит Дж. 250, 266
- Дедекиндр Р. 177
Дейвис М. 89—91, 146, 149, 248, 249, 252, 261, 265, 268, 269
Дейкстра Э. В. 230, 249
Ден М. 153, 159, 249
Денисов С. Д. 132, 249
Дёгтев А. Н. 96, 98, 249, 250
Добрушин Р. Л. 216, 250
Душский В. А. 114, 165; 250
- Евклид 29, 232
Эйтс К. Е. М. 96, 250
Ермаков С. М. 232, 250
Ершов А. П. 8, 9, 18, 42, 80, 88, 104, 112, 186, 226, 227, 229, 230, 250, 251, 266
Ершов Ю. Л. 93, 123, 125, 126, 128, 131, 132, 155, 187, 189, 196, 251
- Заславский И. Д. 183, 251
Захаров Д. А. 250
Звенигородский Г. А. 229, 230, 250, 251
Звоики А. К. 137, 139, 209, 220, 251
Земляченко В. Н. 86, 252

- Каннан Р. 162, 252
 Каннонито Ф. Б. 223, 247, 252, 267
 Карп Р. М. 162, 252
 Клауа Д. 181, 252
 Клини С. К. 8, 32, 41, 50, 67, 79, 81, 87, 89, 97, 100, 103, 104, 120, 166—168, 172, 184, 252
 Кнут Д. Э. 7—9, 31, 202—205, 207, 211, 212, 224, 250, 253, 256, 266
 Козмидиади В. А. 246, 253, 259, 261, 264, 271
 Колмогоров А. Н. 17, 21—23, 29, 31, 32, 35—37, 71, 73, 76, 92, 95, 98, 113, 118, 125, 135, 137, 139, 166, 167, 172, 183, 185, 191—193, 199, 203—205, 207—214, 216—218, 220, 221, 253
 Конвей Дж. 163
 Корнеенко Н. М. 86, 252
 Корпелевич Г. М. 93, 253
 Косараю С. 162
 Косовский Н. К. 253
 Котов В. Е. 104, 225, 254
 Коэн П. Дж. 197, 254
 Крайзель Г. 196, 254
 Криницкий Н. А. 21, 38, 254
 Кубинец М. В. 37, 254
 Кузицов А. В. 182, 187, 188, 254
 Купер С. Б. 98, 254
 Кучера А. 94
 Кушиер Б. А. 165, 166, 174—176, 178—180, 254
 Кушниренко А. Г. 229, 254

 Лавлэнд Д. 203—205, 207, 210, 211, 254
 Лавров И. А. 122, 126, 131, 155, 251, 254
 Лавров С. С. 229, 255
 Лакомб Д. 182, 255
 Лакхэм Д. 104, 255
 Левенштейн В. И. 219, 255
 Левин Л. А. 138—139, 141, 209, 211, 213, 219, 220, 251, 255
 Леу К., де 232, 235, 255
 Линдон Р. К. 247, 252, 267
 Липтон Р. Дж. 162, 252
 Лупанов О. Б. 93, 255, 270
 Льюис П. М. II 238, 264
 Ляпунов А. А. 88, 251

 Магнус В. 160, 268
 Майр Э. В. 162, 255

 Майхилл Дж. 96, 121, 255
 Маканин Г. С. 150, 160, 245
 Маккарти Дж. 42, 104, 230
 Мальцев А. И. 13, 32, 60, 67, 88, 122—125, 129, 131, 132, 155, 186, 187, 190, 191, 193—195, 255, 256
 Манин Ю. И. 21, 90, 145, 217, 256
 Маниа З. 104, 256
 Марков А. А. 16, 18, 21, 29—32, 35, 38, 41, 137, 150—153, 159, 161, 163, 165, 166, 176, 178, 229, 256, 257
 Мартин-Лёф П. 87, 179, 181, 183, 199, 202, 203, 208—212, 220, 257
 Марченков С. С. 96, 131, 257
 Марчук Г. И. 232, 257
 Маслов С. Ю. 44, 45, 50, 62, 145, 257
 Матиясевич Ю. В. 89—91, 145, 149, 150, 152, 154, 160, 249, 257
 Матросов В. Л. 257
 Мачти М. 114, 129, 130, 258
 Медведев Ф. А. 30, 258
 Медведев Ю. Т. 105, 106, 163, 164, 167—169, 258
 Мейер А. Р. 84, 223, 224, 258, 260, 263
 Мизес Р., фон 199, 200, 202—207, 210—212, 258
 Миллар Т. С. 197, 258
 Миллер Р. Е. 162, 252
 Минский М. Л. 62, 173, 258
 Московакис Я. Н. 179—181, 258
 Мостовский А. 155, 196, 197, 259, 264
 Мучник А. А. 88, 94, 97, 105, 106, 147, 165, 167, 168, 246, 253, 259, 261, 264, 271
 Мучник Ая. А. 38, 114—117, 259
 Мюллер Г. 162, 259

 Нагорный Н. М. 20, 21, 38, 54, 106, 152, 153, 229, 257, 259
 Нейман Дж., фон 227, 232, 259
 Непомнящий В. А. 88, 93, 227, 259
 Новиков П. С. 42, 69, 150, 153, 159, 166, 167, 260
 Ногина Е. Ю. 179—181, 247, 260
 Нуртазин А. Т. 194, 260

 Оганесян Г. У. 153, 245

- Пансьо Ж.-Ж. 162, 267
 Парк Д. М. Р. 104, 255
 Патерсон М. С. 104, 153, 224, 255, 260
 Пауль В. Дж. 69, 142, 260, 267
 Перетягькин М. Г. 196, 261
 Петров Б. Н. 145, 261
 Плиско В. Е. 167, 171, 261
 Поляков Е. А. 261
 Пост Э. Л. 15, 29, 32, 35, 40, 41, 55, 62, 63, 65—67, 78, 81, 94—97, 101, 151, 152, 252, 261
 Поэнару В. 161, 247
 Прелов В. В. 216, 250
 Прохоров Ю. В. 219, 261
 Пур-Эл М. Б. 130, 182, 261
 Путнам Х. 90, 249

 Рабин М. О. 155, 189, 196, 221, 226, 261
 Райс Х. 121, 179, 262
 Раков Ч. 223, 266
 Риман Б. 146
 Ричардс Я. 182, 261
 Ричардсон Д. 154, 262
 Робинсон Дж. 90, 91, 145, 149, 155, 249, 262
 Робинсон Р. М. 264
 Роджерс Х. младший 31, 38, 39, 41, 79, 94—105, 112, 114, 118, 120, 123, 129, 168, 181, 184, 185, 262
 Розенберг А. Л. 221, 262
 Розенфельд Б. А. 6, 7, 247, 267
 Розенфельд Дж. Л. 250
 Розинас М. Г. 261
 Рот К. Ф. 149, 262

 Сакс Д. Е. 97, 98, 262
 Саломаа А. 161, 262
 Санкаппанавар Х. П. 155, 262
 Саппес П. 257, 263
 Сейферас Дж. И. 83, 84, 134, 142, 260, 263
 Селиванов В. Л. 131, 263
 Семенов А. Л. 6, 8—10, 25, 86, 104, 114, 150, 154, 156, 192, 204, 223, 226, 230, 263, 266
 Семенова Е. Т. 226, 263
 Симон Дж. 142, 260
 Скотт Д. 104, 197, 225, 263
 Слисенко А. О. 17, 32, 36, 71, 82, 221, 223, 225, 263
 Соар Р. 97, 264
 Соиттола М. 161, 262

 Соломонов Р. Дж. 135, 264
 Спектор К. 97, 264
 Степанов С. А. 146, 264
 Стирнз Р. Е. 238, 264
 Стокмейер Л. Дж. 224, 264
 Стоцкий Э. Д. 50, 55, 62, 264
 Сэвич В. Дж. 93, 264
 Сэсердоут С. 162, 264

 Тайманов А. Д. 155, 251
 Тайцлин М. А. 155, 251
 Тарский А. 155, 170, 264
 Тверской А. А. 188, 198, 264
 Тенненбаум П. 91, 188, 197, 198
 Тенни Р. Л. 162, 264
 Трахтенброт Б. А. 73, 83, 172, 182, 232, 254, 264
 Туэ А. 18, 19, 53—55, 149, 151, 152, 265
 Тьюринг А. 29, 30, 32, 35, 40, 41, 66, 67, 81, 95, 101, 104, 106, 151, 171, 173, 175—177, 265
 Тыугу Э. Х. 229, 265
 Тышкевич Р. И. 86, 252

 Уанг П. 154, 265
 Улам С. 232
 Уланов Г. М. 145, 261
 Ульман Дж. Д. 32, 37, 67, 68, 70, 82—86, 93, 101, 222, 246, 268
 Ульянов С. В. 145, 261
 Успенский В. А. 6, 8—10, 22, 23, 25, 31, 32, 36, 66, 67, 86, 88, 99, 102, 103, 113, 114, 121—123, 125—127, 132, 150, 154, 168—173, 178, 179, 181, 182, 192, 204, 230, 251, 253, 261, 263, 265, 266
 Уэзерелл Ч. 163, 266

 Ферма П. 146
 Ферранте Дж. 223, 266
 Фишер М. Дж. 84, 224, 260, 263
 Фишер П. 222, 266
 Фомин С. В. 183, 253
 Фреге Г. 45, 266
 Фрейвалд Р. В. 232, 233, 235—238, 266
 Фрейман К. В. 250, 266
 Фридберг Р. М. 94, 96, 97, 130, 267

 Хакен В. 161, 247, 266
 Хартманис Дж. 114, 129, 130, 135, 238, 264, 267
 Хаусдорф Ф. 181

- Хачиян Л. Г. 86, 267
Хейенорт Я., ван 248, 266, 267
Хермес Х. 87, 88, 267
Хинтикка Я. 246, 254, 258, 270
Хомский Н. 86
Хоор К. А. Р. 227, 267
Хопкрофт Дж. Е. 16, 32, 37, 67—
70, 82—86, 93, 101, 135, 162,
222, 246, 267, 268
Хорезми, Мухаммад ибн Муса
ал-Хорезми 6—8, 29, 232,
267
Хуторецкий А. Б. 130, 131, 268
- Цейгин Г. С. 48, 52, 63, 69, 83, 84,
93, 104, 122, 152, 175, 178—
181, 183, 248, 251, 268
Цейтлин Г. Е. 104, 248
- Чаидлер Б. 160, 268
Чандра А. К. 224, 264
Ченцов Н. Н. 233, 268
Чёрч А. 30, 41, 63, 65, 79, 81, 98,
100, 111, 123, 150, 151, 169—
171, 173, 202—205, 207, 210,
211, 268
- Шаини Н. А. 21, 45, 46, 50, 165,
167, 177, 179, 180, 268
- Шенион К. 216—218, 232, 269
Шень А. Х. 94, 100, 126, 204, 205,
207, 208, 210, 212, 269
Шепердсон Дж. 121, 255
Шёнфилд Дж. Р. 21, 25, 97, 250,
269
Шёнхаге А. 25, 36, 37, 42, 68, 71,
77, 269
Шмультян Р. М. 172, 269
Шнорр К. П. 118, 129, 139, 208,
211, 270
Шор Р. А. 97, 98, 270
Шпекер Э. 176—178, 181, 182, 270
Шрёдер Э. 14, 270
Штрассен Ф. 222
- Эббинхауз Г. Д. 45, 270
Эрбран Ж. 79, 226
- Юшкевич А. П. 6, 270
Ющенко Е. Л. 104, 248
- Яблонский С. В. 255, 270
Якобс К. 203, 209, 270
Янг П. 114, 129, 130, 258
Янгер Д. Х. 86, 271
Янов Ю. И. 104, 271
Яновская С. А. 42, 45, 69, 70, 83,
84, 187, 188, 271

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абсолютная проблема распознавания равенства 157
Авторазмер 194
Автосводимость 192
Автоустойчивая алгебраическая система 195
Автоэквивалентность 193
АКАМП см. Алгебраически корректная алгоритмическая массовая проблема
Аксиома операторных констант 99
— протокола 99
— универсальной функции 100
— функциональных констант 99
Аксиомы Блюма 134
Активная часть 21
Алгебра 56
— порожденная сигнатурой $\rho \cup \{a_1, \dots, a_l\}$ и заданная совокупностью определяющих соотношений S 58
— сигнатуры ρ с образующими a_1, \dots, a_l и совокупностью определяющих соотношений S 58
Алгебраическая система 56
— — автоустойчивая 195
— — жесткая 194
— — конечнозаданная 61
— — конечноопределенная 58
— — конструктивизируемая 187
— — конструктивная 187
— — нумерованная 187
— — операционная 56
— — порожденная сигнатурой σ 57
— — — — и заданная совокупностью равенств S 58
— — рекурсивная 187
— — реляционная 56
— — свободная, порожденная сигнатурой σ 57
— — сигнатуры σ 56
Алгебраическая система сильно конструктивизируемая 187
— — — конструктивная 187
Алгебраически корректная алгоритмическая массовая проблема 189
Алгоритм 29
— вероятностный 231
— Колмогорова — Успенского 36
— Колмогорова — Шёнхаге 36
— недетерминированный 64
— относительный 98
— разрешающий 78
— с оракулом 98
— с полулокальным преобразованием информации 36
— стохастический 231
— универсальный 110
— эффективный 76
Алгоритмическая массовая проблема 148
— — — алгебраически корректная 189
— — — проблема 146
— теория информации 216
Алгоритмический процесс 46
— размер 194
— — колмогоровский 194
— — мальцевский 194
— — проблемный 194
— — программный 194
— — равномерный 194
Алгоритмы эквивалентные 34
Алгоритм 16
Алфавит внутренних состояний 239, 240
— входной 239, 240
— выходной 239
— рабочий 239, 240
Анализ вычислимый 173
— конструктивный 175

- Анализ отчасти вычислимый 181
 Ансамблей изоморфизм 26
 Ансамбль 25, 136
 — Б-слов 25
 — — расширенный 26
 — (Б, k)-деревьев 26
 — (Б, k)-комплексов 26
 — входов 34
 — выходов 34, 48
 — колмогоровских Б-комплексов 26
 — нормированный 75
 — программный 108
 — словарный 25
 Арифметический терм 89
 Арифметическое множество 89
 — отношение 89
 Ассоциативное исчисление 50, 54
 Атомная формула 60
- Бернуллева мера 200
 Б-комплекс 23
 — колмогоровский 23
 Бореля — Цейтина теорема 179
 Б-слов ансамбль 25
 Б-слово 18
 (Б, k)-ансамбль 26
 (Б, k)-дерево 19
 — корневое 19
 (Б, k)-деревьев ансамбль 26
 (Б, k)-комплекс 24
 (Б, k)-комплексов ансамбль 26
- Валентность 19, 187
 Вероятностный алгоритм 231
 Верхняя оценка 220
 Вещественный дуплекс 177
 «Внешнее» свойство 158
 «Внутреннее» свойство 158
 Внутреннее состояние 32, 239, 240
 Внутренних состояний алфавит 239, 240
 Вполне перечислимая совокупность 121
 Время 66, 68
 — линейное 241
 — реальное 242
 Вспомогательный элемент 48
 Вторая теорема о рекурсии 120
 Входная процедура 39
 Входной алфавит 239, 240
- Входов ансамбль 34
 Вывод 47
 Выдержать тест (о последовательности) 210
 Выход 48
 Выходная процедура 39, 48
 Выходной алфавит 239
 Выходов ансамбль 34, 48
 Вычисление в реальное время 221
 — смешанное 227
 Вычислимая за линейное время функция 84
 — мера 200
 — непрерывность 179
 — нумерация 126, 127, 128
 — операция 102
 — относительно нумерации функция 132
 — функция 78
 — — вычислимого действительного переменного 178
 — — отчасти вычислимого анализа 182
 Вычислимо сходящаяся последовательность 176
 — фундаментальная последовательность 176
 Вычисляемое действительное число 176
 — распределение вероятностей 200
 Вычислимость относительно нумерации 132
 Вычислимый анализ 173
 — континуум 177
 — оператор 103
 Вычислительная модель 17
 — структура 115
 — функция 109
 Вычислительный процесс 46
 Вычисляться (о функции) 34
- Гёделева нумерация 127, 128
 — функция 112
 Гёделя теорема о неполноте 51, 171
 — — о полноте 51, 171
 Главная нумерация 127, 128
 — функция 112
 — — для X, Y с индексным множеством E 112
 Головка машины Тьюринга 239, 240, 241
 Грамматика 50

- Двусторонняя машина Тьюринга 234
 Дедуктивная система 44
 Дедуктика 173
 Действие локальное 22, 27
 Дескриптивная теория алгоритмов 15
 Десятая проблема Гильберта 154
 Детерминированная двусторонняя машина Тьюринга 240
 — одиоголовочная, одноленточная машина Тьюринга без входа и выхода 239
 — — — — — со входом и выходом 239
 — односторонняя машина Тьюринга 234
 Диофантово множество 89
 — отношение 89
 Доказуемое слово 173
 Допустимое правило выбора 201
 Допустимый объект 47
 Достижимости проблема 162
 Дуплекс 177
 — вещественный 177
- Емкость 66, 68, 71
 Ершова теорема о ядре 189
- Жесткая алгебраическая система 194
 «Жизнь» (игра) 163
- Задаваться (об алгебраической системе) 60
 Задание формальное 37, 63
 Замкнутая атомная формула 57
 Замкнутый терм 56
 Занумерованное множество 132
- Игра «Жизнь» 163
 Иерархия вычислимых функций 88
 Изоморфизм ансамблей 26
 — нормированных ансамблей 75
 Имя предикатное 56
 — предметное 56
- Имя функциональное 56
 — n -местное 56
 Инвариантная теория сложности 133
 Инвариантное свойство 159
 Инвариантов метод 236
 Инверсивное исчисление 153
 Инициальное состояние 239, 240, 241
 Инструкция 239, 240, 241
 Интерпретатор 110
 Информации теория 216
 Информационное устройство 141
 Исчисление 44
 — ассоциативное 50, 54
 — инверсивное 153
 — каноническое 62
 — колмогоровского типа 50
 — нормальное 62
 — однопосылочное 46
 — с локальным преобразованием информации 50
 — со входом 52
 — универсальное 119
 — k -посылочное 46
 Исчислительная операция 52
 Исчислительный процесс 46
- Каноническая система 62
 Каноническое исчисление 62
 Категория нумерованных множеств 132
 Квазистандартная нумерация 186
 Квазитождество 60
 Количество информации 215
 Колмогорова машина 33, 35
 Колмогорова — Успенского алгоритм 36
 Колмогорова — Шёнхаге алгоритм 36
 Колмогоровский Б-ансамбль 26
 — Б-комплекс 23
 — комплекс 22
 — — над алфавитом Б 23
 — размер 194
 Колмогоровских Б-комплексов ансамбль 26
 Колмогоровского типа вычислительная модель 32
 — — исчисление 50
 Колмогоровское r -локальное Б-действие 28
 Команда 239, 240, 241

- Комплекс колмогоровский 22
 Конечноавтоматная породимость 93
 — разрешимость 93
 Конечнозаданная алгебраическая система 61
 Конечноопределенная алгебраическая система 58
 Конечный объект 20
 Конструируемая по времени функция 82
 — по емкости функция 82
 Конструктивизация 187
 — сильная 187
 Конструктивизируемая алгебраическая система 187
 — модель 196
 Конструктивизируемость' сильная 187
 Конструктивная алгебраическая система 187
 — модель 196
 — нумерация 187
 — семантика 165
 Конструктивное метрическое пространство 179
 — направление в математике 165
 — определение 169
 Конструктивный анализ 175
 — континуум 178
 — носитель меры 183
 — объект 20
 — ординал 184
 Континуум вычислимый 177
 — конструктивный 178
 Конфигурация 32
 — полная 32
 Корень (о дереве) 19
 Корневое дерево 19
 Кортёж 26
 Кортёжное распространение нумерации 133
 Креативное множество 96
- Лента 67, 239
 — входная 240, 241
 — рабочая 234, 239, 240, 241
 Линейное время 84, 241
 Логика задач 166
 — математическая 169
 — символическая 169
 Логистика 169
 Логистическая система 45
- Локальная операция 35
 Локальное действие 22, 27
 — свойство 21, 27
 Локальности показатель 22
- Майхилла теорема 96
 Мальцевский размер 194
 Марковское инвариантное свойство 159
 Мартин-Лёфа теорема 183
 Массовая проблема 146
 — — алгебраически корректная 190
 — — алгоритмическая 148
 — — в смысле Медведева 163
 — — отделимости 147
 — — разрешимости 147
 Математическая логика 169
 Машина вероятностная 233
 — — «точная» 237
 — Колмогорова 33, 35
 — — ориентированная 36
 — недетерминированная 242
 — с модифицируемой памятью 36
 — Тьюринга 66, 233
 — — без входа и выхода 234
 — — двусторонняя 234
 — — детерминированная двусторонняя 240
 — — — односторонняя, одноленточная, без входа и выхода 239
 — — — — со входом и выходом 239
 — — — — односторонняя 240
 — — — — многоленточная 67
 — — — — одноленточная 67
 — — — — односторонняя 234
 — — со входом и выходом 234
 — Шёнхаге 36, 42
 Машинно-независимая теория сложности 133
 Медведева решетка 105
 Мера бернуллиева 200
 — вычислимая 200
 — равномерная бернуллиева 200
 — сложности 134
 Метод инвариантов 236
 — Монте-Карло 214, 232
 — приоритета 94
 — программирования 113
 — статистических испытаний 232
 Метрическая теория алгоритмов 15

- Многоленточная машина Тьюринга 67
 Множества неотделимые 172
 Множество арифметическое 89
 — диофантово 89
 — занумерованное 132
 — креативное 96
 — натурально (за)нумерованное 132
 — неразрешимое породимое 91
 — номерное 122
 — нумерованное 132
 — перечислимое 81
 — полиномиальное 89
 — полное 95
 — породимое 78
 — простое 96
 — разрешимое 78
 — распознаваемое 65, 78
 — результатное 119
 — словарное 12
 — числовое 12, 80
 — эффективно открытое 181
 — — пренебрежимое 182
 Модели арифметики 197
 Моделирование в реальное время 77
 Модель вычислительная 17
 — — колмогоровского типа 32
 — — представительная 34, 39
 — — с локальным преобразованием информации 32
 — — удобная 141
 — — X — Y -представительная 40
 — порождающая представительная 62
 — — Y -представительная 62
 — (для множества формул) конструктивизируемая 196
 — конструктивная 196
 — сильно конструктивизируемая 196
 — — конструктивная 196
 Монотонная энтропия 137
 Монте-Карло метод 214, 232
 Морфизм 132
 Мучника решетка 105
 — теорема 115

 Натуральная нумерация 122
 Натурально (за)нумерованное множество 132
 Натуральный ряд 11
 Недетерминированная машина 242
 Недетерминированный алгоритм 64
 Неопровержимая формула 167
 Неотделимые множества 172
 Непосредственной переработки оператор 35
 Неразрешимое породимое множество 91
 Нерелятивизируемое свойство 116
 Нижняя оценка 223
 Номер 122
 Номерное множество 122
 Норма 74
 Нормальная система 62
 Нормальное исчисление 62
 Нормированный ансамбль 75
 Нормированных ансамблей изоморфизм 75
 Носитель меры конструктивный 183
 Нульпосылочное правило 47
 Нумерации автоэквивалентные 193
 — изоморфные 123
 — проблемно эквивалентные 191
 — программно эквивалентные 193
 — равномерно эквивалентные 193
 — эквивалентные по Колмогорову 125, 193
 — — по Мальцеву 193
 Нумераций сводимость 125
 — теория 122
 Нумерация 122, 123
 — без повторений 122
 — вычислимая 126, 127, 128
 — гёделева 127, 128
 — главная 127, 128
 — квазистандартная 186
 — конструктивная 187
 — натуральная 122
 — однозначная 122
 — оптимальная 127, 128
 — позитивная 124
 — полиномиально гёделева 129
 — — главная 129
 — программного типа 185
 — простая 122
 — разрешимая 122
 — стандартная 124
 — тотальная 123
 — числовая 122
 — шноррова 127, 128

- Нумерация экономная по объему номеров 127, 128
 Нумерованная алгебраическая система 187
 — структура 184
 Нумерованное множество 132
- О** линейном ускорении теорема 84
 О неподвижной точке теорема 104
 Об иерархии теорема 83
 Об ускорении теорема 135
 Область определения 34
 — применимости 34
 Общая проблема гомеоморфии 161
 — формулировка теоремы Мартин-Лёфа 183
 Общезначимость 170
 Объект допустимый 47
 — конечный 20
 — конструктивный 20
 Объем 137
 Ограниченно-искажающее отображение 75
 Однозначная нумерация 122
 Одноленточная машина Тьюринга 67
 Однопосылочное исчисление 46
 Односторонняя машина Тьюринга 234
 Оператор вычислимый 103
 — непосредственной переработки 35
 — перечисления 102
 — рекурсивный 103
 — частичнорекурсивный 103
 Операционная алгебраическая система 56
 Операция вычислимая 102
 — исчислительная 52
 — локальная 35
 Описание 136
 Определение конструктивное 169
 — случайной последовательности 198
 — случайности по Колмогорову 208
 — — по Мартин-Лёфу 210
 — — по Мизесу — Кнуту 205
 — — по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду 205
 — — по Мизесу — Чёрчу 204
 Оптимальная нумерация 127, 128
- Оптимальная функция 118
 Оптимальный способ описания 137
 Ординал конструктивный 184
 Ориентированная машина Колмогорова 36
 Основание нумерации 122
 Основной элемент 48
 Отвергаться (о слове) 239, 240, 241
 Отвергающее состояние 240, 241
 Отделения проблема 147
 Отделимости проблема 147
 Отделяющая функция 147
 Относительная проблема распознавания равенства 157
 Относительный алгоритм 98
 Отношение арифметическое 89
 — диофантово 89
 — полиномиальное 89
 — согласованности 136
 Отображение ограничено-искажающее 75
 Отчасти вычислимый анализ 181
 Оценка верхняя 220
 — нижняя 223
- Параметрическая проблема 169
 Первая теорема о рекурсии 104
 Перечисления оператор 102
 — проблема 164
 Перечислимая степень 97
 Перечислимое множество 81
 Позитивная нумерация 124
 Показатель локальности 22
 Полиномиально гёделева нумерация 129
 — главная нумерация 129
 Полиномиальное множество 89
 — отношение 89
 Полиномиальный терм 89
 Полная конфигурация 32
 Полное множество 95
 — состояние 32
 Полусистема Туэ 55
 Породимое множество 78
 Породность конечноавтоматная 93
 Порождаться исчислением (об объекте, множестве) 48
 Порождающее правило 45
 Порождающий процесс 46
 Порожденная сигнатурой σ алгебраическая система 57

- Порожденная сигнатурой и заданная совокупностью равенств S алгебраическая система 58
 Порядок роста функции 236
 Последовательность вычислимо сходящаяся 176
 — — фундаментальная 176
 — регулярно сходящаяся 176
 — случайная 198
 — — по Колмогорову 208
 — — по Мартин-Лёфу 210
 — — по Мизесу — Киуту 205
 — — по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду 205
 — — по Мизесу — Чёрчу 204
 Поста тезис 63
 Посылка 46
 Правнло выбора 201
 — — допустимое 201
 — вывода 45
 — выделения основных состояний 48
 — извлечения результата 40, 48
 — начала 39
 — нульпосылочное 47
 — порождающее 45
 — разрешительное 45
 Предикатное имя 56
 Предметное имя 56
 Представимости матриц проблема 153
 Представительная вычислительная модель 34, 39
 — порождающая модель 62
 Представительный класс алгоритмов 34
 — — исчислений 62
 Префиксная энтропия 138
 Приведенный терм 157
 Пример Шпекера 178
 Принимать (язык) 243
 — за время 243
 Приниматься (о слове) 241, 243
 Принимающее состояние 240, 241
 Проблема алгебраически корректная 190
 — алгоритмическая 146
 — Гильберта, десятая 154
 — гомеоморфии общая 161
 — — частная 161
 — достижимости 162
 — массовая см. Массовая проблема
 — отделения 147
 Проблема отделимости 147
 — параметрическая 169
 — — эффективно опровержимая 169
 — перечисления 164
 — представимости матриц 153
 — продолжения 147
 — разрешения 147
 — — семантическая 170
 — разрешимости 147
 — распознавания истинности формул 151
 — — равенства абсолютная 157
 — — — относительная 157
 — решимая 12, 146
 — сводимости Поста 94
 — сочетаемости Поста 151
 — тождества элементарных функций 154
 — эквивалентности слов 151
 Проблемная сводимость 192
 — эквивалентность 193
 Проблемное различие 191
 Проблемный размер 194
 Программа 108
 — вычислимого действительного числа 177
 — функции 113
 Программирование исчислений 119
 Программирования метод 113
 Программная сводимость 192
 — эквивалентность 193
 Программного типа нумерация 185
 Программное устройство 142
 Программный ансамбль 108
 — размер 194
 Продолжения проблема 147
 Простая колмогоровская энтропия 137
 — нумерация 122
 Простое множество 96
 Пространство метрическое конструктивное 179
 — — рекурсивное 180
 — эффективно метризуемое 181
 — — метрическое 179
 — — топологическое 180
 Процедура приведения 157
 Прямое произведение нумераций 133
 Рабочая среда 47
 Рабочий алфавит 239, 240

- Равенство сигнатуры 57
 Равномерная бернуллиева мера 200
 — сводимость 192
 — эквивалентность 193
 Равномерный размер 194
 Радиус активной части 22
 Различие проблемное 191
 Размер алгоритмический см. Алгоритмический размер
 Разрешающий алгоритм 78
 Разрешения проблема 147
 Разрешимая нумерация 122
 Разрешимое множество 78
 — — относительно нумерации 132
 Разрешимости проблема 147
 Разрешимость конечноавтоматная 93
 Разрешительное правило 45
 Распознаваемое множество 65, 78
 Распознавания истинности формул проблема 151
 Распознавать (язык) 239, 241
 — за время с вероятностью 242
 — — — с изолированной точкой сечения 242
 — с вероятностью 242
 — с изолированной точкой сечения 242
 — с ленточной сложностью с вероятностью 242
 — — — с изолированной точкой сечения 242
 Распределение вероятностей вычислимое 200
 Расширенный ансамбль Б-слов 26
 Реализация 242, 243
 Реализуемая формула 167
 Реализуемость по Клини 166
 Реальное время 242
 Регулярно сходящаяся последовательность 176
 Регулятор непрерывности 179
 — сходимости в себе 176
 — фундаментальности 176
 Результат 48
 Результатная функция 110
 Результатное множество 119
 Рекурсивная алгебраическая система 187
 — сепарабельность 180
 Рекурсивное метрическое пространство 180
 Рекурсивный оператор 103
 Релятивизация 100
 Релятивизуемо истинное свойство 116
 — ложное свойство 116
 Реляционная алгебраическая система 56
 Решение проблемы 146
 Решетка Медведева 105
 — Мучника 105
 Решимая проблема 12, 146
 Роджерса теорема 129

 Свободная алгебраическая система, порожденная сигнатурой σ 57
 Сводимости проблема Поста 94
 Сводимость массовых проблем в смысле Медведева 164
 — множеств за полиномиальное время 101
 — — по разрешимости 95, 101
 — — по Тьюрингу 95, 101
 — нумераций 125
 — — по Колмогорову 125, 192
 — — проблемная 192
 — — программная 192
 — — равномерная 192
 — проблем разрешения 95
 — совокупностей множеств по Медведеву 105
 — — — по Мучнику 105
 — — — сильная 105
 — — — слабая 105
 Свойство «внешнее» 158
 — «внутреннее» 158
 — инвариантное 159
 — локальное 21, 27
 — марковское 159
 — нерелятивизуемое 116
 — релятивизуемо истинное 116
 — — ложное 116
 — «эффективной гёделевости» 171
 — r -локальное 27
 Семантика конструктивная 165
 Семантическая проблема разрешения 170
 Семантическое следствие 57, 60
 Сепарабельность 180
 — рекурсивная 180
 — эффективная 180
 Сигнатура 19, 56
 Сильная конструктивизация 187
 — конструктивизируемость 187

- Сильная сводимость 105
 — степень трудности 105
 Сильно конструктивизируемая модель 196
 — конструктивная алгебраическая система 187
 Символическая логика 169
 Система алгебраическая см. Алгебраическая система
 — дедуктивная 44
 — каноническая 62
 — логистическая 45
 — нормальная 62
 — обозначений для ординалов 184
 Ситуация 32
 Слабая полнота 180
 — сводимость 105
 — степень трудности 105
 Следствие семантическое 57, 60
 Слов эквивалентность 54
 Словарная функция 12
 Словарное множество 12
 Словарный ансамбль 25
 Слово в Б 18
 — двоичное 11
 Сложностной класс 134
 Сложность вычислений 65
 — — временная 234
 — — ленточная 234, 242
 — конструктивного объекта 137
 — — — условная 139
 — порождения 76
 Случайная последовательность 198
 — — количественный подход 199, 209
 — — сложностной подход 199, 208
 — — теоретико-мерный подход 199, 209
 — — частотный подход 199, 200
 Случайность по Колмогорову 208
 — по Мартин-Лёфу 210
 — по Мизесу — Кнуту 205
 — по Мизесу — Колмогорову — Лавлэнду 205
 — по Мизесу — Чёрчу 204
 Смешанное вычисление 227
 Состояние 32
 — внутреннее 32, 239, 240, 241
 — инициальное 239, 240, 241
 — отвергающее 240, 241
 — полное 32
 — принимающее 240, 241
 Способ описания 136
 Способ описания оптимальный 137
 — программирования 106, 113
 — — вычисляемых функций 113
 Стандартная нумерация 124
 Статистических испытаний метод 232
 Степень неразрешимости 97
 — — перечислимая 97
 — — Тьюрингова 97
 — трудности 105
 — — сильная 105
 — — слабая 105
 Стоп-состояние 239
 Стохастический алгоритм 231
 Структура вычислительная 115
 — нумерованная 184
 Сужение нумерации 133
 Схема программ 104
 — Янова 104

 Тезис Поста 63
 — Чёрча 41
 Теиненбаума теорема 197
 Теорема Бореля — Цейтина 179
 — Гёделя о неполноте 51, 171
 — — о полноте 51, 171
 — Ершова о ядре 189
 — Майхилла 96
 — Мартин-Лёфа 183
 — — общая формулировка 183
 — Мучника 115
 — о линейном ускорении 84
 — о неподвижной точке 104
 — о рекурсивной связи различных мер сложности 134
 — о рекурсии, вторая 120
 — — — первая 104
 — об иерархии 83
 — об ускорении 135
 — Роджерса 129
 — Теиненбаума 197
 — Цейтина — Московакиса 179
 — Шнорра 129
 — $s - m - n$ 112
 Теория алгоритмов дескриптивная 15
 — — метрическая 15
 — информации 216
 — — алгоритмическая 215
 — нумераций 122
 — сложности инвариантная 133
 — — машинно-независимая 133
 Терм 60

- Терм арифметический 89
 — замкнутый 56
 — полиномиальный 89
 — приведенный 157
 Тест 210
 Тождества элементарных функций проблема 154
 Тождество 59
 Тотальная нумерация 123
 «Точная» вероятностная машина 237
 Транслятор 111
 Трансляция 111
 Трансформация 201
 — допустимая 208
 Тьюринга машина 66, 233
 Тьюрингова сводимость 95
 — степень 97
 — — неразрешимости 97
- Удобная вычислительная модель 141
 Универсальная функция 112
 — — для X, Y с индексным множеством E 112
 Универсальный алгоритм 110
 Управляющее устройство 141
 Условная сложность конструктивного объекта 139
 — энтропия 139, 217
 Устойчивое подмножество 190
 Устройство информационное 141
 — программное 142
 — управляющее 141
- Факторизация нумераций 133
 Фактор-нумерация 133
 Формальное задание 37, 63
 Формула атомная 60
 — замкнутая атомная 57
 — неопровержимая 167
 — реализуемая 167
 Функционал частичнорекурсивный 103
 Функциональное имя 56
 Функция вычислимая 78
 — — за линейное время 84
 — — относительно нумерации 132
 — — отчасти вычислимого анализа 182
 — вычислительная 109
- Функция гёделева 112
 — главная 112
 — — для X, Y с индексным множеством E 112
 — конструируемая по времени 82
 — — по емкости 82
 — оптимальная 118
 — отделяющая 147
 — результатная 110
 — словарная 12
 — универсальная 112
 — — для X, Y с индексным множеством E 112
 — числовая 12, 80
 — экономная по норме 118
 — μ -рекурсивная 87
- Цейтина — Московакиса теорема 179
- Частичнорекурсивный оператор 103
 — функционал 103
 Частная проблема гомеоморфии 161
 Чёрча тезис 41
 Числовая нумерация 122
 — функция 12, 80
 Числовое множество 12, 80
- Шенноновская сложность слова 219
 — удельная энтропия 219
 Шёнхаге машина 36, 42
 Шнорра теорема 129
 Шноррова нумерация 127, 128
 Шпекера пример 178
- Эквивалентности слов проблема 151
 Эквивалентность алгоритмов 34
 — нумераций 125
 — — относительно колмогоровской сводимости 125
 — — по Колмогорову 125, 193
 — — по Мальцеву 193
 — — проблемная 191

- Эквивалентность нумераций программная 193
 — — равномерная 193
 — слов 54
 Экономная по норме функция 118
 — по объему номеров нумерация 127, 128
 Элемент вспомогательный 48
 — основной 48
 Энтропия 137
 — монотонная 138
 — префиксная 138
 — простая колмогоровская 137
 — разрешения 137
 — с ограничениями на сложность вычислений 139
 — условная 139, 217
 — шейноновская удельная 219
 Эффективная почти полнота 180
 — сепарабельность 180
 Эффективно метризуемое пространство 181
 — метрическое пространство 179
 — опровержимая параметрическая проблема 169
 — открытое множество 181
 — пренебрежимое множество 182
 Эффективно топологическое пространство 180
 «Эффективной гёделевости» свойство 171
 Язык 238
 — арифметики 170
 — предикатный 169
 — теории множеств 170
 Языки программирования 41
 Янова схема 104
 k -посылочное исчисление 46
 n -местное имя 56
 r -локальное действие 27
 — свойство 27
 r -окрестность 27
 $s - m - n$ -теорема 112
 T -степень 97
 $X - Y$ -алгоритм 34
 $X - Y$ -представительная модель 40
 Y -представительная модель 62
 Δ -структура 42
 μ -рекурсивная функция 87

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕЧКА ПРОГРАММИСТА»

1. А. Л. Б р у д н о. Алгол.— 1968.
2. Ж. Б е р т э н, М. Р и т у, Ж. Р у ж и ё. Работа ЭВМ с разделением времени/Пер. с франц.; Под ред. С. С. Лаврова.— 1970.
3. С. С. Л а в р о в, Л. И. Г о н ч а р о в. Автоматическая обработка данных (хранение информации в памяти ЭВМ).— 1971.
4. А. Л. Б р у д н о. Алгол.— Изд. 2-е.— 1971.
5. В. А. В а с и л ь е в. Язык алгол-68. Основные понятия/Под ред. С. С. Лаврова.— 1972.
6. Ю. А. П е р в и и. Основы фортрана.— 1972.
7. Ж. Б е р т э н, М. Р и т у, Ж. Р у ж и ё. Работа ЭВМ с разделением времени.— Изд. 2-е.— 1972.
8. И. Л. Б р а т ч и к о в. Синтаксис языков программирования/Под ред. С. С. Лаврова.— 1975.
9. Л. Дж. К о э и. Анализ и разработка операционных систем/Пер с англ.; Под ред. В. Ф. Тюрина.— 1975.
10. Д. У о л ш. Руководство по созданию документации для математического обеспечения/Пер. с англ.; Под ред. Н. И. Козлова.— 1975.
11. Б. М. П а в л о в, И. Н. П о с о х о в. Математическое обеспечение ЭВМ типа М-20.— 1975.
12. В. Я. К а р п о в. Алгоритмический язык фортран. Фортран-Дубна/Под ред. Н. Н. Говоруна.— 1976.
13. А. И. С а л т ы к о в, Г. И. М а к а р е н к о. Программирование на языке фортран/Под ред. Н. Н. Говоруна.— 1976.
14. В. Н. Б у с л е н к о. Автоматизация имитационного моделирования сложных систем/Под ред. и с послесловием Н. П. Бусленко.— 1977.
15. В. Ф. Д ё м и н, Л. В. Д о б р о л ю б о в, В. А. С т е п а н о в. Системы программирования на алголе/Под ред. Е. А. Гребеникова.— 1977.
16. Г. М. А д е л ь с о н - В е л ь с к н й, В. Л. А р л а з а р о в, М. В. Д о н с к о й. Программирование игр.— 1978.
17. В. В. К о б е л е в. Машинная графика для системы БЭСМ-алгол/Под ред. Г. Г. Рябова.— 1978.
18. С. С. Л а в р о в, Г. С. С и л а г а д з е. Автоматическая обработка данных. Язык лисп и его реализация.— 1978.
19. Г. Л. М а з н ы й. Программирование на БЭСМ-6 в системе «Дубна»/Под ред. Н. Н. Говоруна.— 1978.
20. Г. Г. Б е л о н о г о в, А. П. Н о в о с е л о в. Автоматизация процессов накопления, поиска и обобщения информации.— 1979.
21. Ф. П. Б р у к с м л. Как проектируются и создаются программные комплексы. Мифический человеко-месяц. Очерк по системному программированию/Пер с англ.; Под ред. А. П. Ершова.— 1979.
22. Н. П. Б р у с е н ц о в. Миникомпьютеры/Под ред. Л. Н. Королева.— 1979.
23. В. Ф. Ж и р о в. Математическое обеспечение и проектирование структур ЭВМ/Под ред. Л. Н. Королева.— 1979.

24. Транслятор альфа-6 в системе «Дубна»/Под ред. А. П. Ершова.— 1979.
25. С. А. Усов. Диалоговый монитор Димон/Под ред. В. М. Брябрина.— 1970.
26. Ю. М. Безбородов. Сравнительный курс языка PL/1 (на основе алгола-60).— 1980.
27. В. Р. Хисамутдинов, В. С. Авраменко, В. И. Легоньков. Автоматизированная система информационного обеспечения разработок.— 1980.
28. Н. И. Козлов. Организация вычислительных работ.— 1981.
29. М. Крейн, О. Лемуаи. Введение в регенеративный метод анализа моделей/Пер. с англ.; Под ред. В. В. Калашникова.— 1982.
30. Ю. М. Безбородов. Индивидуальная отладка программ.— 1982.
31. Л. А. Осипов. Язык аналитик и его сравнение с языками алгол и фортран.— 1982.
32. В. М. Пентковский. Автокод эльбрус/Под ред. А. П. Ершова.— 1982.
33. С. Н. Бушев, М. С. Бесфамильный. Программно-аппаратные методы управления данными/Под ред. С. В. Емельянова.— 1982.
34. К. Жаблон, Ж. К. Симои. Применение ЭВМ для численного моделирования в физике/Пер. с франц.; Под ред. В. В. Алексаидрова и Ю. С. Вишнякова.— 1983.
35. З. Д. Усманов, Т. И. Хайтов. Программирование состояний коллекций.— 1983.
36. Г. Г. Белоногов, Б. А. Кузнецов. Языковые средства автоматизированных информационных систем.— 1983.
37. В. Н. Пильщиков. Язык плэнер.— 1983.
38. Ю. М. Безбородов. От фортрана к PL/1.— 1984.
39. А. И. Салтыков, Г. И. Макаренко. Программирование на языке фортран.— Изд. 2-е.— 1984.
40. А. В. Гуляев, Н. В. Макаров-Землянский, И. В. Машечкин. Диалоговый комплекс программ Краб/Под ред. Л. Н. Королева.— 1985.
41. В. А. Евстигнеев. Применение теории графов в программировании/Под ред. А. П. Ершова.— 1985.
42. В. Ф. Тюрин. Операционная система Диспак.— 1985.
43. А. Н. Андрианов, С. П. Бычков, А. И. Хорошилов. Программирование на языке симула-67.— 1985.
44. Ю. М. Баяковский, В. А. Галактионов, Т. Н. Михайлова. Графор. Графическое расширение фортрана.— 1985.
45. С. А. Абрамов. Элементы анализа программ.— 1986.
46. В. И. Зуев, В. М. Крюков, В. И. Легоньков. Управление данными в вычислительном эксперименте.— 1986.
47. Е. Г. Ойхман, Ю. В. Зюзин, Ю. В. Новоженков. Графические системы для СМ ЭВМ.— 1986.
48. В. И. Зверев, Ю. Л. Кетков, В. С. Максимов. Алфавитно-цифровые дисплеи ЕС-7920 в диалоговых системах.— 1986.